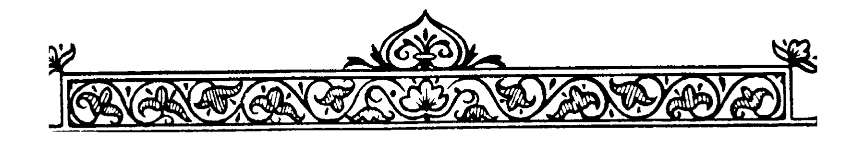
Н. М. ЕЛКИНА

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК



Н. М. ЕЛКИНА

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
И УНИВЕРСИТЕТОВ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва — 1960

Данную книгу автор посвящает памяти безвременно скончавшегося доцента Московского университета Василия Константиновича Чичагова — прекрасного педагога, читавшего в течение целого ряда лет в стенах Московского университета курс старославянского языка.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс старославянского языка открывает собой чтение ряда исторических лингвистических дисциплин, необходимых для подготовки филологов-славистов.

Изучение студентами старославянского языка вызывает всегда большие трудности. Особенно труден этот курс для студентов-заочников. Эти трудности усугубляются еще тем, что учебника, отвечающего установкам «Программы по курсу старославянского языка (для студентов филологических факультетов госуниверситетов)», пока еще нет.

Поэтому данная книга является попыткой в какой-то степени помочь студентам овладеть материалом старославянского языка в соответствии с имеющейся программой.

В основу ее положены лекции, читавшиеся автором в течение ряда лет в Московском университете. Однако в ней отсутствует изложение синтаксиса старославянского языка. Также опущены разделы о наречиях, союзах и предлогах. Над этими материалами автор только еще работает и надеется со временем опубликовать их.

При изложении материала автор не останавливается на истории решения того или иного вопроса, а дает в основном изучаемым фактам такие объяснения, какие считает наиболее соответствующими истине

Чтобы облегчить усвоение материала, при объяснении происхождения форм не выдерживается хронология в объяснении фонетических изменений.

Несмотря на все это, автор решается выпустить в свет эту книгу, так как полагает, что она в известной степени будет полезна студентам.

Автор выражает глубокую благодарность члену-корреспонденту Академии наук СССР профессору Московского университета Р. И. Аванесову за оказанную им помощь и за критические замечания, сделанные им в процессе работы над этой книгой.

Все критические замечания просьба направлять по адресу: Москва, И-18, 3-й проезд Марьиной рощи, 41, Учпедгиз, редакция русского языка.

ВВЕДЕНИЕ

НАУКА О СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ЗАДАЧИ

§ 1. Курс старославянского языка является первой лингвистической дисциплиной в ряду тех исторических лингвистических дисциплин, которые необходимы для подготовки студентов-филологов, будущих преподавателей русского языка.

Старославянский язык представляет собой древнейшую дошедшую до нас письменную обработку, письменное закрепление славянской речи. В нем зафиксированы фонетическая система, грамматический строй и словарный состав одной из разновидностей славянской речи середины IX в., дошедшей до нас непосредственно в письменных памятниках XI и отчасти X вв. Сами эти письменные памятники являются переводами с греческих богослужебных книг на славянский язык. Все другие славянские языки были закреплены письменностью значительно позже (древнейшие сохранившиеся русские памятники письменности относятся ко второй половине XI в. и являются списками с более древних старославянских текстов; древнесербские памятники относятся к XII в.; древнечешские — к XIII в.; среди сохранившихся польских памятников самые древние относятся к XIV в.). Таким образом, старославянский язык в ряде случаев дает возможность представить славянские звуки и формы на их древнейшей ступени развития.

Старославянский язык, далее, являясь первым литературным языком славян, имел важное культурное значение для многих славянских народов.

Все славянские языки, чрезвычайно близкие между собой и теперь, были еще ближе друг к другу в эпоху создания славянской письменности. Поэтому старославянский язык, т. е. язык переводов, сделанных создателями славянской письменности, во многих своих элементах был понятен всем славянам. Правда, вначале он обслуживал только церковь, на нем писали только религиозные книги, но позже он стал обслуживать и другие области письменности. У болгар, например, начиная с X в. старославянский язык способствовал созданию оригинальных произведений не только ду-

ховной, но и светской литературы (лишь со второй половины XII в. болгары стали пользоваться для этой цели так называемым среднеболгарским языком). Старославянский язык долгое время был в употреблении у сербов (до XV в.). Русские стали пользоваться им после принятия христианства, причем вначале и у них этот язык обслуживал церковь, но затем его стали использовать также для светских целей. При употреблении старославянского языка различными славянскими народами он изменялся, проникаясь элементами языка того народа, который пользовался им. В результате возникал ц е р к о в н о с л а в я н с к и й язык, представлявший собой результат скрещивания старославянского языка с языком того или иного славянского народа. При этом каждый славянский народ имел свой церковнославянский язык. Даже в памятниках старославянского языка, которые позднее переписывались сербскими, русскими или болгарскими писцами, много новых языковых элементов, внесенных переписчиками. Это объясняется тем, что, несмотря на хорошую выучку, писец при переписке старославянского текста не мог не отразить в переписываемом им памятнике черт своего разговорного языка. Эти старославянские памятники с чертами того или иного славянского языка получили название и з в о д о в старославянского языка.

Став церковно-литературным языком для большинства славян, старославянский язык способствовал распространению среди них христианства и культуры. Восприняв этот язык, славяне старались писать языком кирилло-мефодиевских переводов, что привело к превращению последнего в общеславянский литературный язык.

§ 2. Старославянский язык сыграл известную роль в развитии русского литературного языка. Официальное принятие Киевской Русью христианства (988 г.) повлекло за собой признание кирилловского алфавита как единственного, одобренного светской и церковной властью[1]. Поэтому русские люди учились читать и писать по книгам, написанным на старославянском языке. На этом же языке, с прибавлением некоторых древнерусских элементов, они стали писать церковно-литературные произведения. В дальнейшем старославянские элементы проникают в художественную литературу, в публицистику и даже в государственные акты.

Церковнославянский язык до XVII в. употреблялся у русских в качестве одной из разновидностей русского литературного языка. С XVIII же века, когда русский литературный язык в основном стал строиться на основе живой речи, старославянские элементы стали использоваться в качестве стилистического средства в поэзии и публицистике.

Современный русский литературный язык содержит в себе значительное количество различных элементов старославянского языка,

[1] Есть свидетельства (например, в „Житии Константина“) о существовании каких-то русских букв („роусьскъіхъ писмєнъ“) еще до принятия Киевской Русью христианства.

подвергшихся в той или иной мере определенным изменениям в истории развития русского языка.

Старославянские слова в составе русского языка можно отличить по фонетическим, морфологическим и смысловым признакам. Так, среди слов, имеющих фонетические признаки старославянизмов, следует в первую очередь отметить:

1. Слова с отсутствием полногласия: *град — город, глава — голова, среда — середа, привратник, вратарь* (ср. *ворота*), *безбрежный* (ср. *берег*), *прохладный* (ср. *холод*) и т. д.

2. Слова с сочетанием *жд*, чередующимся с корневым *д*, причем этому *жд* в русском языке соответствует *ж: вождь* (ср. *водить — вожу*), *утверждать — утверждение* (ср. *утвердить — утвержу*), *награждать — награждение* (ср. *наградить — награжу*), *суждение, осужденный* (ср. *судить — сужу*), *рождество, рождение* (ср. *родить — рожу*) и т. д.

3. Слова со звуком *щ* ($\bar{s}$'), чередующимся с корневым *т*, причем этому *щ* в русском языке соответствует *ч: освещение* (ср. *осветить — освечу, свеча*), *возвращаться* (ср. *возвратиться — возврачусь*, диалектн.) и т. д.

В русском литературном языке много старославянизмов, легко выделяемых по наличию старославянского суффикса:

-тель: предатель, властитель, распорядитель, хранитель и т. д.

-тельн-: страдательный, мучительный, растительный, поразительный, омерзительный и т. д.

-ствие: царствие, бедствие, содействие, лицедействие, странствие, бесчувствие, сочувствие и т. д.

Для смыслового признака старославянских слов характерна их книжность, абстрактность, принадлежность к высокому торжественному стилю, часто используемому в области поэзии. Русские параллели к старославянским словам отличаются простотой смысла. Ср., например, *истина — правда, чело — лоб, уста — губы, втуне — напрасно, мзда — плата, сонм — сборище, одр — постель, зижду — строю, вспять — назад* и т. д.

Из старославянского языка вошло в русский язык так много слов и употребляются они настолько часто, что некоторые из них, утратив свой книжный оттенок, проникли в разговорный язык, а параллельные им слова исконно русского происхождения вышли из употребления. Например: *сладкий, прохладный, время, плен, прозрачный* и т. д.

Все это показывает, насколько органически вросли в русский язык старославянские элементы. Вот почему нельзя основательно изучить современный русский язык, не зная старославянского языка, и вот почему многие явления современной грамматики становятся понятными лишь в свете истории языка. А для изучения истории языка необходимо привлекать факты родственных языков. Об этом

писал еще Ф. Энгельс: „Но ведь «материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки“ [1]. Следовательно, изучение старославянского языка необходимо для того, чтобы лучше понять и исторически объяснить грамматические явления современного русского языка. Так, например, без исторического объяснения нельзя понять, почему в род. пад. ед. ч. у существительных мужского рода с основой на твердый согласный встречается два окончания (например, *сахара, дома, воза,* но *кусок сахару, из дому, с возу упало* и т. д.). Это отчетливо разъясняется при знакомстве с системой склонения существительных в старославянскоми древнерусском языках.

Нельзя объяснить выпадение гласных звуков (появление так называемых „беглых гласных“): *сучок — сучка, сон — сна, день — дня, весь — всего* и т. д., не познакомившись с историей изменения так называемых редуцированных гласных звуков [ъ] и [ь], что особенно хорошо засвидетельствовано древнейшими памятниками старославянского языка.

Без знания старославянского языка нельзя объяснить процесса появления полных прилагательных; нельзя понять, почему, например, в русском языке глагол в прошедшем времени имеет родовые окончания; нельзя объяснить наличия различного вида основ в словах среднего рода на *-мя* (например, *семя — семени, время — времени*) и т. д.

Знакомство со старославянским языком дает возможность увидеть, как в языковых фактах отражается развитие мышления, движение от конкретного к абстрактному, т. е. к отражению связей и закономерностей окружающего мира. Так, в древних старославянских памятниках многие слова имеют конкретное значение по сравнению с тем, какое они приобрели позднее. Например, современное слово *понятие* восходит к конкретному действию „брать“ (ср. ст.-слав. ѩти), слово *соперник* легко расшифровывается ст.-слав. словом сѫпрь — „противоположный“ и т. д.

Таким образом, сравнение старославянского и русского языков помогает выяснить историю значения слов, помогает глубже, полнее понять наш родной язык.

§ 3. Необходимо отметить, что по отношению к языку кирилло-мефодиевских переводов в науке о языке нет единого названия. Одни лингвисты называют этот язык древнецерковнославянским, другие — древнеболгарским, третьи — старославянским.

Однако термин „древнецерковнославянский язык“ не является достаточно определенным, т. к. церковнославянская письменность велась у разных славянских народов и в более позднее время.

Термин „древнеболгарский язык“ имеет своей задачей обозна-

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 303

чить происхождение языка. Этот термин ближе определяет элементы языка кирилло-мефодиевских переводов, указывая на их связь с языком славян, которые стали известны под именем „болгары“. Однако сам по себе термин „древнеболгарский язык“ недостаточно удовлетворителен. Первоначально слово „болгары“ обозначало принадлежность к народу тюркского племени, который пришел в VII в. на восток Балканского полуострова и покорил жившие там славянские племена. Следовательно, в IX в. на востоке Балканского полуострова болгарами назывались не славяне, а тюрки. И лишь позднее за славянами болгарского государства утвердилось имя „болгары“. Но и тогда, как и в IX в., это славянское население все еще называлось „словенами“. Такое название держалось за ними как в Болгарии, так и за ее пределами — в Греции и Албании. Язык кирилло-мефодиевских переводов в исторических источниках называют „словенским“.

Более удовлетворительным является термин „старославянский язык“, включающий в себя понятие первого литературного языка славян и указывающий на лингвистическое значение этого языка для изучения истории славянских языков. Однако и он не вполне удачен, т. к. не определяет, к какой именно славянской группе относился этот славянский язык в своей основе.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ[1]

§ 4. В 862 или 863 г. моравский князь Ростислав отправил к византийскому императору Михаилу III посольство с просьбой прислать в Моравию[2] проповедников, которые научили бы мораван христианской вере на их родном языке. По-видимому, эта просьба моравского князя Ростислава была вызвана тем, что он, борясь против латино-немецкого духовенства, являвшегося проводником влияния немецкого императора, хотел получить от Византии политическую и церковную поддержку своей власти. В Византии благосклонно отнеслись к этой просьбе, т. к. это открывало перспективу для распространения и укрепления влияния Византии на западе, в областях Моравского княжества. Было решено отправить в Моравию миссию, во главе которой были поставлены два брата-грека Константин и Мефодий. Первый из них, посвятивший себя церковной деятельности, был известен своей ученостью и миссионерской деятельностью. Его имя в источниках обычно употребляется с эпитетом „философ“. Мефодий был некоторое время правителем одной из славянских областей. Оба они были уроженцы гор. Солуня (Фессалоники), который в то время являлся греческой колонией на славянской территории и был окружен славянскими поселениями.

[1] См. П. А. Лавров, Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, изд. АН СССР, Л., 1930.

[2] В пределы моравского княжества входили области нынешней Словакии.

Константин и Мефодий хорошо знали язык славян, живших как в самом городе, так и в его окрестностях. Именно об этом, по свидетельству „Жития Мефодия“, сказал византийский император, обращаясь к братьям: „Вы оба — солуняне, а солуняне все хорошо говорят по-славянски“ (вы бо ѥста селоунѧнина да селоунѧнє вьси чисто словѣньскы бесѣдоують).

По сообщению „Житий“ Константина и Мефодия, Константин еще до отъезда в Моравию составил славянскую азбуку и начал переводить евангелие на славянский язык: „сложи писмєна и начѧтъ бесѣдоу писати єуаггельскоую“ („Житие Константина“), „и абиє оустроивъ писмєна и бесѣдоу съставль поути сѧ ꙗтъ моравъскааго“ („Житие Мефодия“).

Более трех лет провели братья в Моравии, где готовили кадры славянских „книжных людей“, будущих служителей церкви, и переводили на славянский язык греческие богослужебные книги. С первых же дней славянский язык в письменности и церковном ритуале был встречен враждебно со стороны немецкого духовенства, видевшего в деятельности Константина и Мефодия большую опасность для себя. Чтобы получить поддержку в своей деятельности, Константин и Мефодий с группой своих учеников отправились в Рим к папе. По пути из Моравии в Рим они остановились в Паннонии[1], славянском княжестве, населенном предками нынешних словенцев. Там они были радушно встречены князем Коцелом, который дал им для обучения славянской письменности около 50 учеников.

В Риме Константина и Мефодия принял папа Адриан II, который, стремясь укрепить свое влияние в Моравии и Паннонии, признал славянский язык в письменности и литургии. Там Константин заболел и умер в 869 г., постригшись незадолго до смерти в монахи под именем Кирилла. После смерти Константина Мефодий с учениками возвратился вначале в Паннонию. В Моравии в это время на престол вступил Святополк, племянник Ростислава, изменивший политическую ориентацию на латино-немецкую. С целью утверждения своего влияния в Моравии и Паннонии папа Адриан II основал для этих областей особую славянскую епископию, и Мефодий был назначен епископом Паннонии. Но вскоре он попал в руки немецких епископов, которые заключили его в тюрьму в Баварии, где он находился более двух лет. В Моравии за это время произошли изменения. После восстания против франков Святополк стал независимым правителем Моравии. Мефодий вернулся в Моравию. Но Святополк, все больше подчиняясь немецкому влиянию, не был сторонником славянской письменности. Поэтому деятельность Мефодия и его учеников проходила в крайне тяжелых условиях.

В 885 г. Мефодий умер. После его смерти противники славянской письменности добились у папы Стефана V запрещения

---

[1] Территория Паннонии находилась между верхним Дунаем, Дравой и Муром.

славянского языка в церковной литургии. Ученики Мефодия были изгнаны из Моравии. Покинув ее пределы, одни из них направились на юг, к хорватам, а другие — на юго-восток, в Болгарию, где они и продолжали дело славянской письменности.

Особенно благоприятные условия для славянской письменности создавались в Болгарии. Наиболее талантливым учеником Мефодия был Климент, деятельность которого протекала в Македонии и юго-восточной Албании. В Македонии он и его ученики переписывают кирилло-мефодиевские оригиналы богослужебных книг и делают новые переводы с греческого языка.

Расцвет старославянской письменности падает на время правления царя Симеона (893—927), когда центр Болгарии Преслав становится не только государственным центром, но и центром славянской письменности на востоке Болгарии. Преславские книжники пользовались тем же языком, каким писали и в Македонии, но в их рукописях отступления от прежних языковых книжных норм отражались более значительно, чем на западе, в Македонии.

В Моравии и Чехии после изгнания учеников Мефодия славянская письменность продолжалась до конца XI в., когда в чешском Сазавском монастыре, где она еще сохранялась, славянские книги были или уничтожены сторонниками латинского письма, или так испорчены, что по ним больше нельзя было читать.

О НАРОДНО-ЯЗЫКОВОЙ ОСНОВЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 5. Старославянский язык — язык литературный и поэтому в известной степени язык искусственный. Однако это не освобождает нас от необходимости разрешения вопроса о том, какой язык лег в основу старославянского языка, в основу кирилло-мефодиевских переводов богослужебных книг.

Этот вопрос интересовал ученых-славистов уже в самую раннюю пору разработки славяноведения.

Во второй половине IX в., т. е. когда Константин работал над составлением славянской азбуки и вместе с Мефодием занимался переводами греческих богослужебных книг на славянский язык, славянские языки хотя и были ближе друг к другу, нежели теперь, тем не менее были уже дифференцированными языками с достаточно отчетливо выраженными, присущими отдельным из них, признаками.

Славянские языки являются одной из ветвей так называемой индоевропейской семьи языков. Все они делятся на три группы: южную, западную и восточную.

В южнославянскую группу входят болгарский, сербохорватский, словенский языки и недавно выделившийся как самостоятельный македонский язык. В западнославянскую группу — чешский, словацкий, польский, кашубский, лужицкий (серболужицкий) и полабский языки. В восточнославянскую — русский, белорусский и украинский языки.

Данная группировка славянских языков имеет под собой лингвистические основания. Так, при сопоставлении славянских языков друг с другом в их настоящем состоянии, а также в их истории, можно заметить, что в отношении ряда черт некоторые славянские языки будут объединяться друг с другом, отличаясь в то же время от других. Это и позволяет выделить (объединить) их в отдельные группы.

Какое же место занимает старославянский язык среди перечисленных выше славянских языков? Сопоставление старославянского языка с другими языками показывает, что он в отношении ряда языковых черт объединяется с языками южно- и восточнославянской групп, в отношении других — с южно- и западнославянскими языками, в отношении третьих — с южнославянскими языками.

1. В старославянском языке представлены сочетания [cv] цв и [zv] < [d͡z'v] ѕв перед [ě[< [oi̯] ѣ (например, цвѣтъ, ѕвѣзда).

Подобные сочетания перед [ě] или его заменителями представлены в южно- и восточнославянской группах: словен. cvetje, zvezda; сербохорв. cveće, zvezda; болгар. *цвят, звезда;* рус. *цвет, звезда.*

В языках западнославянской группы в данном случае будут представлены группы [kv] и [gv]: пол. kwiat, gwiazda; чеш. květ, hvězda; словац. kvet, hviezda.

2. В старославянском языке, так же как и в языках южных и восточных славян, в определенных категориях слов представлен согласный [l] л, в то время как в языках западнославянской группы употребляют сочетания [tl] и [dl]: ст.-слав. молитва, рало; сербохорв. molitva, ralo; словен. molitev, ralo; рус. *молитва, рало;* болг. *молитва, рало.*

Ср. пол. modlitwa, radlo; чеш. modlitva, rádlo; словац. modlitva, radlo.

3. Старославянский язык объединяется с языками южно- и восточнославянской групп в отношении употребления в середине слова сочетания губного согласного с последующим [l]: ст.-слав. землꙗ, ловлꙗ; сербохорв. zemlja; словен. zemlja, lovljenje, kupljen; рус. *земля, ловля, купленный.*

Ср. пол. ziemia; чеш. země, koupě; словац. zem, lovenie, kúpa.

4. В отношении одной черты старославянский язык объединяется только с южно- и западнославянскими языками: употребление начального сочетания [je] в соответствии с гласным [o], характерным для восточнославянских языков: ст.-слав. ѥдинъ, ѥзеро; серб. jedan, jezero, jelen, jesen; словен. eden, jezero, jelen, jesén; бол. *един, езеро, елен, есен;* пол. jeden, jezioro, jeleń, jesień; чеш. jeden, jezero, jelen; словац. jeden, jeleň, jeseň.

Ср. рус. *один, озеро, олень, осень.*

5. В старославянском языке, так же как и в языках южнославянской группы, в начале слова всегда будет представлено сочетание [ra-] ра- и [la-] ла-. Например: растъ, рало, равьнъ, лакътъ, ладии, лакомъ.

Ср. серб. rast (uzrast), ralo, ravan, lakat, ladja, lakomac; словен. rast, ralo, raven, laket, ladja, lakom(en); болгар. *растеж (възраст), рало, равен, лакът, лаком.*

Что касается западно- и восточнославянских языков, то в соответствии со старославянским [ra-] и [la-] в начале слова там употребляются или те же сочетания, или сочетания [ro-], [lo-]. Например: пол. wzrost, radło, równy, łokieć, łódź, łakomy; чеш. rádlo, rovný, loket, lod'ka, lakomý; словац. vzrast, radlo, rovný, laket', lod'ka, lakomý; рус. *рало, ровный, локоть, лакомый.*

6. Как и в южнославянских языках, в старославянском языке употреблялись неполногласные сочетания между согласными: [-ra-]-ра-, [-rě-]-рѣ-, [-la-]-ла-, [-lě-]-лѣ-. Например: ст.-слав. градъ, брѣгъ, глава, млѣко; сербохорв. grad, brežuljak („холм"), glava, mleko; словен. grad („замок"), breg, glava, mleko; болг. *град, бряг, глава, мляко.*

Ср. с восточно- и западнославянскими языками (кроме чешского и словацкого): рус. *город, берег, голова, молоко;* пол. gród, brzeg, głowa, mleko.

7. В старославянском языке на положении слоговых элементов могли выступать плавные [r̥] и [l̥]: плънъ [pl̥nъ], прьвъ [pr̥vъ], тръгъ [tr̥gъ].

Ср. сербохорв. pun, prvi, trg; словен. poln, prvi, trg; рус. *полный, первый, торг;* пол. pełny, pierwszy, targ; чеш. plný, prvý, trh; словац. plný, prvý, trh.

На основании указанного выше видно, что старославянский язык ближе всего к языкам южнославянской группы. Какой же из языков южнославянской группы лег в основу старославянского языка?

Одной из особенностей старославянского языка является наличие в нем сложных согласных [ŝt'] и [ẑd'] шт и жд. Например: свѣшта, межда.

Ср. болг. *свещ, межда;* сербохорв. sveća, medja; словен. sveča, meja.

Сравнение показывает, что в отношении этой черты старославянский язык объединяется с болгарским языком. Он объединяется с ним и в отношении ряда других черт. Так, в старославянском языке был звук [ě], который обозначался буквой ѣ и произносился как широкое открытое [e], т. е. [ä]. Обследование македонских говоров болгарского языка (в районе г. Фессалоники) показало, что там в конце XIX в. звук [ě] произносился как широкое открытое [e].

В старославянском языке употреблялась аффриката [d͡z']. Для ее обозначения в азбуке существовала особая буква — ѕ „зѣло". В македонских говорах болгарского языка в конце XIX в. эта аффриката также существовала. Таким образом, все это говорит о том, что старославянский язык был ближе всего к болгарскому языку.

В настоящее время вопрос о народно-языковой основе старославянского языка решается следующим образом: языковой осно-

вой старославянского языка являются македонские говоры болгарского языка, т. е. говоры тех славян, которые во второй половине IX в. жили вокруг г. Солуня.

Не расходится ли этот вывод с историческими фактами?

§ 6. Исторические источники говорят, что Константин составил азбуку и вместе с Мефодием приступил к переводу богослужебных книг еще до того, как они отправились в Моравию. Константин и Мефодий были уроженцы г. Фессалоники (Солуня), который в то время представлял собой греческую колонию, населенную и окруженную славянским населением, говорившим на македонском наречии. Как уроженцы этого города, Константин и Мефодий хорошо знали язык славян, живших как в самом городе, так и в его окрестностях. Поэтому при составлении славянской азбуки Константин и взял за основу македонские говоры. В ту пору различие между отдельными славянскими языками не ощущалось так сильно, как в настоящее время. Язык жителей Моравии мог отличаться от языка жителей г. Фессалоники только некоторыми чертами, которые не имели существенного значения.

То, что в основу старославянского языка легли македонские говоры болгарского языка, подтверждается также следующим: в старославянских памятниках встречается слово сѫбота (ср. рус. *суббота*). Это слово было заимствовано из греческого языка. Однако в литературном греческом языке это слово звучало как sabbaton (σαββατον). В греческих говорах оно произносилось как sambaton (σαμβατον). Следовательно, в старославянский язык это слово попало из живой народной речи. А это могло быть только там, где происходило непосредственное общение славян с греками, что вновь указывает на район г. Фессалоники.

Таким образом, в основу старославянского языка положены македонские говоры болгарского языка второй половины IX века.

Однако к этой точке зрения по вопросу о народно-языковой основе старославянского языка ученые пришли не сразу.

§ 7. Крупнейший славянский ученый (чех) И. Добровский, выступив против положения о том, что старославянский язык был родоначальником всех славянских языков, считал, что в основу этого языка лег древнесербский язык. Русский филолог А. Х. Востоков разделял взгляд И. Добровского на то, что старославянский язык не является родоначальником всех остальных славянских языков, а что он, напротив, был наречием только одного какого-то племени. А. Х. Востоков высказывал предположение, что старославянский язык тождествен древнеболгарскому. К такому выводу привело его внимательное изучение Фрейзингенских отрывков.

Против взгляда И. Добровского о древнесербской основе старославянского языка выступил словенец В. Копитар, который стал оспаривать у сербского языка его права на ближайшее родство со старославянским языком в пользу своего родного словенского языка. В. Копитар явился основателем так называемой паннонской теории, согласно которой в основе старославянского языка лежат

не македонские говоры болгарского языка, а язык жителей Паннонии второй половины IX в., т. е. словенский язык.

При доказательстве своей теории В. Копитар исходил из следующего:

1. Из соображений исторического характера. Братья Константин и Мефодий находились какой-то период времени в Паннонии, и, следовательно, Паннония представляет собой область, на которую распространилась деятельность Константина и Мефодия.

2. Из лингвистических соображений. Изучая язык старославянских памятников, В. Копитар установил, что в старославянских памятниках есть много слов, относящихся к церковной терминологии, которая по своему происхождению представляет заимствования либо из латинского, либо из немецкого языка. Например: **оцьтъ** — лат. acetum, **олътарь**, — лат. altare, **постъ** — др.-нем. fasta, **попъ** — др.-нем. pfaffe, **цѣсарь** — др.-нем. kaizar и т. д. Указывая на слова подобного рода, В. Копитар считал, что они могли принадлежать такому славянскому языку, носители которого жили поблизости от областей с латино-немецкой культурой. А ближе всего территориально к областям с латино-немецкой культурой находилась Паннония. Сторонником паннонской теории был и ученик В. Копитара Ф. Миклошич, который прежде всего старался доказать, что язык древнеславянских памятников не являлся языком болгарским. Понятно, почему так поступал Ф. Миклошич: если удалось бы доказать, что старославянский язык не является болгарским, то, следовательно, в его основу положен словенский язык, ибо чешское происхождение старославянскому языку никогда не приписывалось. В пользу паннонской теории Ф. Миклошич выдвинул следующие аргументы:

1. В старославянском языке наметился в ряде случаев переход редуцированных звуков [ъ] и [ь] в гласные полного образования: [ъ] > [о], [ь] > [е], тогда как в болгарском языке [ь] и [ъ] слились в один глухой звук [ъ].

2. В старославянском языке были носовые гласные звуки [ǫ] и [ę] (которые обозначались как **ѫ** и **ѧ**), а в болгарском языке этих звуков нет.

3. Одной из характерных особенностей старославянского языка является наличие в нем сложных согласных [št] и [žd'], тогда как в македонских говорах болгарского языка эти сложные согласные отсутствуют и вместо них представлены [k'] или [č] и [g'] или [d].

Одновременно с этим Ф. Миклошич приписывал наличие носовых звуков и сложных согласных [št'] и [žd'] словенскому языку времен Константина и Мефодия. Это свое мнение он основывал на том, что в венгерском языке эти звуки имеются лишь в заимствованных из славянского языка словах: galamb (ст.-слав. **голѫбь**), rend (ст.-слав. **рѧдъ**), pentek (ст.-слав. **пѧтъкъ**), Pest (произносится pešt в названии „Будапешт", ст.-слав. **пешть**), rozsda (произносится rožda, ст.-слав. **рождье**) и т. д. Эти слова, по мнению Ф. Миклo-

шича, могли попасть в венгерский язык только из такого славянского языка, который могли слышать венгры, общаясь с населением, говорившим на этом языке. А соседствующими с венграми славянами были словенцы.

К точке зрения В. Копитара и Ф. Миклошича присоединился П. И. Шафарик, который первоначально придерживался болгаро-македонской теории. П. И. Шафарик, став сторонником паннонской теории, присоединил в ее пользу следующие положения: в наиболее древних старославянских памятниках (следовательно, отражавших, по его мнению, наиболее близко паннонское наречие) имеется ряд слов, которые в настоящее время встречаются только в словенском языке, а также в чешском и хорватском языках, заимствовавших эти слова из языка потомков словенцев, бежавших от венгров при их нашествии. К числу таких слов он относит, например, локка (дождь), рѣснота (истина), ашоуть (напрасно), балии (врач), братръ (брат), ближика (родственник), отокъ (остров), отълѣкъ (остаток), натроути (наполнить) и т. д. По мнению П. И. Шафарика, язык, в состав которого входили перечисленные и подобные им слова, мог принадлежать населению, жившему на западе славянской языковой территории. А таким населением являлось население Паннонии.

Все эти положения сторонников паннонской теории могли бы иметь решающее значение, если бы им удалось ответить еще на один вопрос чисто исторического характера, а именно: как было возможно Константину и Мефодию, начавшим переводы с греческого еще в Византии и затем жившим около трех лет среди моравам, воспользоваться для перевода с греческого языка языком словенцев, среди которых они оказались значительно позднее? Это возражение было снято немецким историком Дюммлером, по мнению которого во времена Константина и Мефодия не только Паннония, но и весь левый берег Дуная были заселены словенцами, а нынешнее чехо-моравское население пришло сюда значительно позднее. Оказывалось, таким образом, что братья переводили богослужебные книги не для мораван, а для словенцев. Ф. Миклошич, ссылаясь на авторитет Дюммлера, заявлял, что в IX в. словенцы жили не только на правом, но и на левом берегу Дуная.

Однако со временем паннонская теория начала подвергаться критике, и дальнейшие исследования показали ее несостоятельность. Особенно большое значение в этом отношении имела работа словенца В. Облака, вышедшая в 1896 г. и посвященная исследованию македонских диалектов, в которой он установил:

1. В современных болгарских диалектах, расположенных территориально в Македонии вокруг г. Фессалоники, и поныне наблюдается переход сильных [ъ] в [о], [ь] в [е], как это свойственно было и старославянскому языку, тогда как в словенском языке [ъ] и [ь] совпали или в [е] или в [а]. Например, болг.-македон.: *сон, ден*, в словенском языке в одних говорах sen, den, в других san, dan.

2. Наличие говора (около местечка Сухо), где сохраняются следы носовых звуков gm̥b (ст.-слав. гѫба), zm̥p (ст.-слав. зѫбъ).

3. Наличие говора, где произносится [št] и [žd] в соответствии со старославянскими [ŝt] шт и [ẑd] жд.

Таким образом, на основании материала, данного в исследовании Облака, аргументы, выдвинутые Миклошичем, оказались несостоятельными.

Несостоятельными оказались и утверждения немецкого историка Дюммлера.

С другой стороны, тот факт, что в старославянском языке были слова латино-немецкого происхождения, отнюдь не исключает того, что в его основе лежат македонские говоры болгарского языка. Старославянский язык — это язык литературный, а в любом литературном языке всегда есть заимствования из других языков.

В настоящее время общепризнанным является положение о том, что в основу старославянского языка легли македонские говоры болгарского языка.

Согласно данным „Жития Константина“ известно, что перед отъездом в Моравию он уже сделал перевод евангельских чтений. Это говорит о том, что язык перевода мог быть лишь языком солунских славян, живших около г. Фессалоники, но никак не языком моравских или паннонских славян, на территории которых Константин и Мефодий оказались значительно позднее.

СЛАВЯНСКИЕ АЗБУКИ

§ 8. Древнейшие дошедшие до нас старославянские памятники написаны двумя азбуками — глаголицей и кириллицей.

Кириллица в дальнейшем легла в основу русской, украинской, белорусской, македонской, болгарской и сербской азбук. Глаголица вышла из употребления и сохранилась только в Хорватии в церковном обиходе (до XVII в. она употреблялась там и для светских целей).

Каждая буква в обеих азбуках имела свое название. Некоторые буквы употреблялись также в числовом значении. Сопоставление обеих азбук показывает, что, за незначительным исключением, буквы их непохожи друг на друга (см. азбуку на стр. 18—19).

§ 9. Вопрос о возникновении этих двух азбук и о их взаимном отношении с давних пор занимал ученых.

Старославянские памятники свидетельствуют о том, что две сильно отличавшиеся друг от друга азбуки существовали уже в глубокой древности.

В „Житии Константина“ говорится о том, что он изобрел лишь одну азбуку, с которой якобы и повелась славянская письменность.

Изобретателем какой же из двух азбук явился Константин?

Выдающийся чешский славяновед И. Добровский считал, что более древней азбукой является кириллица и что именно она была

Глаголическая буква	Цифровое значение	Кириллическая буква	Цифровое значение	Название буквы	Звуковое значение
Ⰰ	1	а	1	азъ	a
Ⰱ	2	б	—	боукы	b
Ⰲ	3	в	2	вѣдѣ	v
Ⰳ	4	г	3	глаголи	g
Ⰴ	5	д	4	добро	d
Ⰵ	6	є	5	ѥсть	e
Ⰶ	7	ж	—	живѣте	ž
Ⰷ	8	ꙃ, ѕ	6	ѕѣло	d͡z
Ⰸ	9	ꙁ	7	землꙗ	z
Ⰹ, Ⰺ	10	і	10	ижеи	i
Ⰻ	20	и[1]	8	иже	i
Ⰼ	30	(ћ)	—	г'ервь	g'
Ⰽ	40	к	20	како	k
Ⰾ	50	л	30	людиѥ	
Ⰿ	60	м	40	мыслите	m
Ⱀ	70	н	50	нашь	n
Ⱁ	80	о	70	онъ	o
Ⱂ	90	п	80	покои	p
Ⱃ	100	р	100	рьци	r
Ⱄ	200	с	200	слово	s
Ⱅ	300	т	300	твьрдо	t
Ⱆ	400	ѹ	400	оукъ	u
Ⱇ	500	ф	500	фрьть	f
Ⱈ	600	х	600	хѣръ	ch
Ⱉ	700	ѡ	800	отъ	o
Ⱋ	800	щ	—	ща (шта)	š͡t
Ⱌ	900	ц	900	ци	c
Ⱍ	1000	ч	90	чрьвь	č
Ⱎ	—	ш	—	ша	š
Ⱏ	—	ъ	—	ѥръ	ъ
Ⱐ	—	ь	—	ѥрь	ь
ⰟⰊ, ⰟⰋ, ⰟⰉ		ъі, ъи (ъі)	—	ѥры	y
Ⱑ		ѣ		ѣть (ꙗть)	ě
Ⱓ	—	ю	—	ю	ju
Ⱔ	—	ꙗ	—	—	ja
—		ѥ	—	—	je

[1] По техническим причинам буква „иже“ передается знаком и.

Продолжение

Глаголическая буква	Цифровое значение	Кириллическая буква	Цифровое значение	Название буквы	Звуковое значение
Ⱔ	—	ѧ, ѧ, ѧ	900	юс малый	ę
Ⱘ	—	ѫ	—	юс большой	ǫ
Ⱗ	—	ѩ	—	юс малый йотованный	ję
Ⱙ	—	ѭ	—	юс большой йотованный	jǫ
—	—	ѯ	60	кси	ks
—	—	ѱ	700	пси	ps
Ⱚ	800	ѳ, Ѳ	9	фита	f
Ⱛ	—	ѵ, Ѵ	400	ижица	i, v

составлена Константином. Что касается глаголицы, то, по его мнению, она возникла около XIV в. в Хорватии (Далмации). Ее возникновение он объяснял так: римская церковь в областях, которые входили в ее подчинение, преследовала все, что свидетельствовало о связи с Византией, т. е. с греческой церковью. А так как кириллица, основанная на греческом письме, явно говорила об этой связи с Византией, то она была заменена глаголицей с целью сохранить богослужение на славянском языке. Такая точка зрения вполне соответствовала материалам, которыми располагала в то время наука для суждения по этому вопросу: глаголические рукописи были известны только хорватского происхождения, и они были не древнее XIV века.

В 1836 г. видный славянский филолог В. Копитар открыл в библиотеке графа Клоца древнюю рукопись, писанную глаголицей. По палеографическим данным она была гораздо древнее тех рукописей, которые были известны И. Добровскому. Это открытие привело к пересмотру прежней точки зрения на происхождение славянских азбук. В. Копитар выдвинул положение о сравнительной древности глаголицы по сравнению с кириллицей.

Дальнейшие открытия в этой области подтвердили точку зрения, выдвинутую В. Копитаром.

Русский ученый В. И. Григорович совершил в 40-х годах XIX в. поездку в ряд монастырей Балканского полуострова. Во время этой поездки им было открыто несколько древних славянских памятников, писанных глаголицей и ранее неизвестных. Это поновому осветило вопрос о происхождении славянских азбук. По мере этих открытий возрастал интерес к глаголическому письму.

Выдающаяся роль здесь принадлежит трудам П. И. Шафарика, посвященным глаголице, где он, пересмотрев свои прежние взгляды на ее происхождение, пришел к выводам о том, что, во-первых,

глаголица древнее кириллицы, во-вторых, именно глаголица была изобретена Константином, в-третьих, кириллица была изобретена учениками Константина и Мефодия.

О большей древности глаголицы говорит следующее:

1. Глаголица беднее по количеству букв, и, следовательно, кириллица является более совершенной азбукой.

2. Древнейшие в языковом отношении памятники написаны глаголицей (например, Киевские листки, Зографское и Мариинское евангелия).

3. Имеется много рукописей, написанных кириллицей на пергаменте со смытой глаголицей, но нет рукописей, написанных глаголицей по смытой кириллице.

Само название „кириллица" не может еще указывать на принадлежность этой азбуки Константину-Кириллу. Первоначально это название, по-видимому, применялось по отношению к другой азбуке, к глаголице. Так, в списке „Книги пророков", скопированном в 1499 г. в Новгороде, повторена запись оригинала 1047 г., сделанная переписчиком рукописи попом Упырем Лихим. В этой записи указано, что рукопись была списана „ис коуриловицѣ", иначе говоря, с письма, имевшего иной вид и называвшегося „куриловица" (т. е. кириллица). Это дает основание предполагать, что оригинал, с которого переписывал поп Упырь Лихой, по-видимому, был написан глаголицей, которая первоначально называлась кириллицей. Позднее же название „кириллица" было перенесено на другую азбуку. Это подтверждается также и тем, что в списке попа Упыря, написанном кириллицей, кое-где попадаются глаголические буквы.

На списывание многих кириллических рукописей с глаголического текста указывает и то, что в кириллический текст нередко вносились отдельные слова, а иногда и целые строчки из глаголического оригинала. Правда, в глаголических рукописях также можно встретить слова, написанные кириллицей, но они не одновременны с глаголическим написанием, а позднейшего происхождения и представляют собой различные пометки практического содержания. В настоящее время почти всеми учеными принята та точка зрения, что глаголица древнее кириллицы, и именно она была составлена Константином, кириллица же появилась позднее.

Палеографический анализ кириллицы также указывает на то, что эта азбука не была составлена Константином в IX в.: греческий унциал, который положен в основу кириллицы, относится к X в. На это указывают полуовалы, заостренность и вертикальность букв кириллицы.

В пользу старшинства глаголицы свидетельствуют и языковые черты глаголических памятников: в глаголице не было букв, которые бы соответствовали греческим ξ, ψ. В них не было надобности, так как в славянской фонетической системе IX в. отсутствовали сочетания [ks] и [ps]. Наличие в кириллице букв ѯ и ѱ и передача ими сочетаний [ks] и [ps] говорит о том, что кириллическая азбука

составлялась уже тогда, когда эти сочетания были не совсем чужды славянской фонетической системе, что свидетельствует о более позднем состоянии этой системы сравнительно с той, для которой составлялась глаголица.

Области распространения глаголицы также подтверждают ее старшинство. Киевские листки и Пражские отрывки свидетельствуют о том, что в Моравии применялась глаголица, а не кириллица. В западных областях Болгарии (в Македонии), где протекала деятельность учеников Константина и Мефодия, письменность была также глаголическая.

Когда и где возникла кириллица? Она возникла в восточной Болгарии в период правления царя Симеона (893—927), т. е. тогда, когда там уже давно была принята христианская религия, но богослужение совершалось греческими священниками на греческом языке. Царь Симеон хотел противопоставить Византии не только мощь государственную, но и мощь культурную. Поэтому для ограждения самостоятельности болгарской культуры от излишних посягательств Византии необходимо было ввести богослужение на славянском языке. Но греческие священники с трудом усваивали глаголическую азбуку. Поэтому нужно было пойти на компромиссное решение: заменить глаголицу другой азбукой, сходной с греческой. Предполагают, что по образцу греческого алфавита эту новую славянскую азбуку сложил ученик Мефодия пресвитер Константин. Позднее славянские книжники стали отождествлять пресвитера Константина с первоучителем Константином-Кириллом, а изобретенная им азбука стала называться по имени второго — кириллицей.

Что же послужило прототипом для глаголицы и кириллицы?

§ 10. Мнения ученых по вопросу о происхождении глаголицы весьма противоречивы. Форма ее букв настолько своеобразна, что сближение ее со всеми известными алфавитами терпело неудачу и не всегда могло быть признано удовлетворительным.

Так, некоторые ученые считали ее полностью самостоятельным изобретением Константина-Кирилла. П. И. Шафарик указывал на сходство некоторых букв глаголицы с сирийскими буквами восточных алфавитов. Русский языковед В. И. Григорович выводил глаголицу из арабских письмен. Чешский лингвист Л. Гейтлер пытался доказать, что глаголица возникла на основе албанского письма. Некоторые ученые сближали глаголицу с готским руническим письмом и т. д.

В 80-х годах XIX в. английский палеограф И. Тейлор попытался объяснить происхождение всех букв глаголической азбуки из греческого минускульного письма. Эта мысль И. Тейлора о происхождении глаголицы была поддержана профессором Казанского университета Д. Ф. Беляевым и академиком И. В. Ягичем, которые во всех буквах глаголицы видели греческий источник — буквы минускульного письма или их комбинацию.

Несомненно, между отдельными буквами глаголицы и греческими минускулами существует большое сходство. Например:

глаголическая буква	греческий минускул	кириллическая буква
Ⰳ	γ	г
Ⰴ	δ	д
Ⱚ	θ	ѳ
Ⱂ	π	п
Ⱅ	τ, τ	т
Ⱃ	ρ	р и т. д.

Как показывают приведенные примеры, буквы глаголицы в сравнении с греческими минускулами характеризует более петлеобразный рисунок. Учитывая эту стилевую черту глаголицы, становится ясным происхождение ряда глаголических букв. Так, почти все буквы глаголицы, обозначавшие такие же звуки в славянской фонетической системе, какие были в греческом языке, более или менее сходны с соответствующими буквами греческого минускульного письма.

В зависимости от греческой азбуки и в глаголице были две буквы для [i]: Ⰹ и Ⰺ. Третья буква для [i] в глаголице Ⰻ была введена в употребление позднее и представляет собой видоизменение Ⰺ. На то, что первоначально буква Ⰻ в глаголице отсутствовала, указывает и то, что она не имела цифрового значения.

В подражание греческой азбуке в глаголице употребляются две буквы для передачи звука [o]. По греческому образцу для передачи звука [u] в глаголице также употребляется соединение двух букв „о" и „у": Ⱆ, что представляет собой упрощение сочетания двух букв Ⱁ и Ⱛ, как это сочетание еще заметно в написаниях Киевских листков.

Но откуда были взяты буквы глаголицы, обозначавшие звуки, имевшиеся в славянской фонетической системе, но отсутствовавшие в греческом языке, например для передачи звуков: [š], [š͡t], [ě], [ǫ], [ę], [č], [c], [d͡z], [b], [ž], [ь], [ъ], [y], [ʼu]?

По вопросу о происхождении глаголических букв для данных славянских звуков нет единого мнения.

Некоторые ученые пытались объяснить происхождение некоторых из них как результат заимствования их из других алфавитов (еврейско-самаритянского письма, коптского письма и других восточных алфавитов). Так, например, Ф. Ф. Фортунатов[1] предполагал, что глаголица в основном была связана с греческими минускулами, но некоторые ее буквы были составлены по образцу коптского письма: Ⱎ из коптской Ϣ („шеи"); Ⰶ из коптской ϫ

[1] См. Ф. Ф. Фортунатов, О происхождении глаголицы, ИРЯС, 1913, кн. 4, стр. 221—256, XVIII, а также „Отчет отделения русского языка и словесности Академии наук", 1913.

(„джанджа“); ⰿ (ҳ) из коптской буквы „хеи“; в первой части букв ⰴ (ѣ) и ⰵ (ѭ), по его мнению, отражается нижнеегипетский курсивный і.

И. Тейлор указал на возможность происхождения глаголических букв для славянских звуков из греческого источника, а именно, как на комбинацию (лигатуры) букв минускульного письма.

С мнением И. Тейлора были согласны Д. Ф. Беляев и И. В. Ягич, но все же оно не было общепризнанным. В последнее время некоторые исследователи, подкрепляя свои выводы археологическими открытиями, пытаются отвергнуть изложенные выше гипотезы о самостоятельном изобретении глаголицы Константином-Кириллом и о заимствовании отдельных глаголических букв из других, главным образом восточных алфавитов. Дело в том, что, по свидетельству историков, у славян еще до принятия христианства была уже письменность. Как можно судить по дошедшим до нас свидетельствам, самобытная славянская письменность имела культовое значение. Однако дохристианская славянская письменность не дошла до нас, т. к. после принятия славянами христианства беспощадно уничтожалось все то, что имело какое-либо отношение к языческому культу.

Кроме того, в житии Константина-Кирилла указывается, что Константин-философ по пути к хозарам, жившим в Приазовье, куда он был отправлен византийским императором как глава посольства, нашел в Херсонесе евангелие и псалтырь, писанные роушькыими (росьскы) писмены, т. е. русскими буквами, а также встретил там человека, знающего этот язык, и быстро научился читать и говорить на этом языке. Следовательно, Константин и Мефодий в переводах с греческого языка на славянский язык богослужебной литературы не были новаторами. Поэтому не исключена возможность, как думают некоторые исследователи, что частичным источником глаголицы могла быть и самобытная славянская письменность.

Представляет интерес статья черноризца Храбра „О письменехъ“, написанная не позднее начала X в., в которой имеется указание на то, что славяне, будучи язычниками, „чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ погани сѫще“. По принятии христианства славяне, бывшие в сфере воздействия римской культуры, пользовались латинскими буквами, а славяне юго-восточных областей, находившихся в сфере влияния Византии, — греческими. Но такое применение латинского и греческого письма было лишено системы. Кроме того, латинскими или греческими буквами нельзя было передать многих славянских звуков. Только Константин-философ составил славянам полную азбуку из 38 букв, из которых одни соответствовали греческой азбуке, а другие передавали только славянские звуки: „сътвори имъ ·л҃· писмена и осмь, ова оубо по чиноу грьчьскыхь писменъ, ова же по словѣн'стѣи рѣчи“.

§ 11. Происхождение кириллицы не вызывает сомнения: ее источником явилось греческое унциальное письмо торжественных

книг. Что касается передачи славянских звуков, то кириллица следует здесь за глаголицей, изменяя ее буквы для славянских звуков так, чтобы придать им геометрические формы в стиле прочих букв. Так, например, кириллические ж и ѧ представляют собой угловатую перелицовку глаголических букв Ⰶ, Ⱔ, повернутых вправо на 90°.

На связь кириллицы с греческим алфавитом указывает также и то, что в кириллице в цифровом значении выступают только те буквы, которые взяты из греческого алфавита, при этом кириллическая буква обозначает ту же самую цифру, что и соответствующая греческая буква.

Необходимо отметить, что кириллическая азбука в том виде, как она приведена выше (см. стр. 18—19), представляет собой результат более позднего усовершенствования. Так, например, в нее введены многие йотованные буквы, которых не было первоначально.

Алфавитно-буквенный состав кириллицы довольно точно соответствует звуковому составу старославянского языка, передавая своеобразие славянской звуковой системы.

Именно это явилось причиной того, что она до сих пор лежит в основе многих алфавитов славянских народов, и именно это позволило известному французскому языковеду А. Мейе назвать кириллицу шедевром среди других известных алфавитов.

§ 12. Как указывалось выше, буквы глаголицы и кириллицы могли иметь числовое значение, т. е. употреблялись в значении цифр. Над буквой, употреблявшейся в значении цифры, ставился знак ҃, а по бокам писались точки: ·а҃·, ·в҃·, ·г҃· и т. д.

Сопоставление глаголицы и кириллицы (см. стр. 16—17) показывает, что в этих азбуках имеет место расхождение в числовом значении букв. Это объясняется тем, что в глаголической азбуке в значении цифры могли выступать и те буквы, которым не было соответствия в греческом алфавите, а в кириллической азбуке в значении цифры выступали только те буквы, которые соответствовали греческому алфавиту.

Для передачи чисел от 11 до 19 включительно употреблялись сочетания показателей единицы с последующим і-десятеричным, при этом единицы писались обычно впереди десятка:

·ⰲ ⰹ҃· — ·в҃і· = 12.

Цифры сверх 20 передавались так: вначале ставились десятки, а потом единицы: ·ⰽ҃ⰶ· — ·м҃з· = 47; ·ⰼ҃ⰲ· — ·л҃г· = 33. Тысячи обозначались буквами, передающими единицы, но только перед ними ставился значок ҂: ·а҃· = 1, а ҂а҃ = 1000; в҃ = 2, а ҂в҃ = 2000 и т. д.

§ 13. В обеих азбуках употреблялись надстрочные знаки, так называемые диакритические знаки и титла. Для правильного понимания старославянских текстов необходимо знать их значение. Важнейшими из них являлись следующие:

1. Над начальным гласным, а иногда и над другими гласными ставились значки ’ и ‘: и҆ принєсє главѫ є҆го на блюдѣ; ѣко нє ї҆мѣшѧ землѧ҆ мнogы ї авиє прозѧбошѧ. Однако эти значки в старославянском языке значения не имели и ставились в подражание греческому тексту, где они обозначали придыхание разного вида.

2. Для обозначения мягкости согласных употреблялись значки ’ и ⌒: зан’є, зємл’ѣ, глагол͡ѧ, къ н͡ємоу. Мягкость согласных могла передаваться также с помощью употребления йотованной буквы после мягкого согласного: зємлıа, колıа, глаголıѫ и т. д.

3. При пропуске редуцированных гласных ъ или ь писцы также иногда употребляют значок ’, ˀ, который называют паерком: к’то, кˀсєго, чˀто, д’ва (вместо къто, късєго, чьто, дъва).

4. Если слова передавались на письме в сокращенном виде, то по греческому образцу над ними писали титла, вид которых не был одинаковым: ҃, ⁻, –, ~, ⌒. Под титлами писались обычно часто встречающиеся в речи слова: о҃ца (отьца), б҃ъ (богъ), г҃ь (господь), гл҃ѭштє (глаголѭштє), ц҃рь (цѣсарь), б҃жє (божє), ч҃лчє б҃жии (чловѣчє божии), с҃тыихъ (свѧтыихъ) и т. д.

Во избежание ошибки при чтении некоторых сокращенных слов писцы ставили над сокращенным словом одну из пропущенных букв: бы͡с (бысть), въ оно͡в (въ оно врѣмѧ), мц͡ь (мѣсѧць), гл͡а (глава).

Кроме того, как указывалось выше, титла ставились над буквой, употребленной в значении цифры.

Старославянское письмо является слитным, без отделения слов друг от друга, с довольно редким употреблением знаков препинания и заглавных букв.

Из знаков препинания чаще всего употребляется точка, которая обычно делит предложения на части и ставится не внизу строчки, а выше, над строчкой: рєчє ємоу и҃с ‘аминь гл҃ѭ тєбѣ ·ѣко въ сиѭ ношть прѣждє· дажє коуръ нє възглаcитъ · три краты отъвръжєши сѧ мєнє (Зогр. ев., Мф. XXVI, 34).

Для указания на конец предложения или главы употребляли комбинацию точек и черточек: :, :·, ·⁝·, ·⁞·, ·⁜·, ⸗, :—, ҃ и т. д.

§ 14. Сопоставление двух старославянских азбук помогает выявить черты сходства и различия между глаголицей и кириллицей.

Так, основными чертами сходства в общей системе глаголицы и кириллицы являлись следующие:

1. В обеих азбуках существовало две буквы для передачи звука [i] (третья глаголическая буква ⰹ представляла собой модификацию буквы ⰺ). Наличие двух букв для передачи одного славянского звука [i] было вызвано влиянием греческого письма.

2. Две буквы для передачи славянского звука [o], что также объясняется влиянием греческого алфавита, в котором наличие

двух букв „о“ было вызвано существованием разных по количеству гласных: долгого гласного [ō] (передававшегося буквой ω) и краткого гласного [ŏ] (передававшегося буквой о).

3. В обеих азбуках для передачи звука [u] в подражание греческому письму буква „u“ состояла из двух частей: ⱆ — оу.

4. Одинаковый способ для передачи гласного [у]: сочетание буквы ъ (ⱏ) с буквой для [i]: ъı, ъи — ⱏⰺ, ⱏⰻ, ⱏⰹ.

5. Одинаковый принцип в передаче [ъ] и [ь]: ъ — ь и ⱏ — ⱐ (варьирование одного и того же значка).

6. Одинаковый способ передачи [št]: щ — Ⱋ.

7. Общие элементы в передаче букв, обозначавших славянские звуки [ž], [š], [č], [c], [ě].

8. Одинаковость в написаниях диакритических знаков и титл.

Некоторые общие черты глаголицы и кириллицы могут объясняться тем, что в основе обеих азбук лежит греческое письмо: скорописное, минускульное — в основе глаголицы; уставное, унциальное — в основе кириллицы. Но особенно показательна общность букв даже во внешнем виде при передаче звуков, характерных только для славянской фонетической системы.

Однако, наряду с этим, между обеими азбуками имеются некоторые различия в системе.

1. В глаголице была одна буква Ⰵ, которой в кириллице соответствовали є и ѥ.

2. Первоначально в глаголице для передачи [ę] употреблялась только одна буква Ⱔ. Позднее эта буква стала употребляться в соответствии кириллическому ѩ, а вторая часть его Ⰵ стала выступать в значении кириллического ѧ.

3. В глаголице употреблялась только одна буква Ⱑ, в соответствии которой в кириллице употребляются ѣ, ꙗ (или а после мягкого согласного).

4. В глаголице употреблялись разные буквы для передачи аффрикаты [d͡z] и звука [z]: Ⰷ (=dz) и Ⰸ (=z). В кириллице для аффрикаты [dz] представлена модификация буквы з — ꙃ; там же употреблялась еще буква ѕ, но она выступала в основном в значении цифры 6.

5. В глаголице для передачи мягкого [g’] в заимствованных словах употреблялась особая буква Ⰼ. В кириллице же в этих случаях мягкий звук [g] передавался с помощью буквы г и значка мягкости: г’.

6. В кириллице в соответствии с греческими ξ и ψ для передачи сочетаний [ks] и [ps] употреблялись буквы ѯ, ѱ. В глаголице эти буквы отсутствовали.

7. В кириллице в значении цифр могли выступать только те буквы, которые соответствовали греческому письму. В глаголице же такое соответствие не принималось во внимание; там цифры следуют в порядке алфавита.

Не все указанные выше черты различия между глаголицей и кириллицей восходят к первоначальному составу кириллицы. Так, например, в кириллице в ее раннем виде не было йотованных букв ѥ, ꙗ, ѩ, как это показывает исследование архаических элементов в написании кириллических памятников.

ПАМЯТНИКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 15. Все сохранившиеся и дошедшие до нашего времени старославянские памятники в зависимости от того, какой азбукой они написаны, подразделяются на две группы: глаголические памятники, более древние, и кириллические памятники, как мы себе представляем, менее древние.

Однако до нас не дошли старославянские памятники непосредственно от времени деятельности Константина и Мефодия. Большинство старославянских памятников относится к XI в., и, следовательно, они отделены от времени кирилло-мефодиевских переводов периодом в 150—200 лет. Это не могло не отразиться на их языке. Но все отступления от языка кирилло-мефодиевских переводов в поздних памятниках легко выделяются, и за ними обнаруживается основа более ранних оригиналов, восходящих к кирилло-мефодиевским переводам.

Все глаголические памятники идут из западных областей Болгарии. Написаны они большей частью в Македонии. Большинство из них представляет сравнительно точный перевод с соответствующего греческого оригинала.

В глаголических памятниках по сравнению с кириллическими отражен более древний языковой строй. Это касается не только звуковой системы языка, но и его грамматического строя, что особенно наглядно видно на употреблении глагольных форм (главным образом имперфекта и аориста).

В лексическом отношении глаголические памятники характеризует, с одной стороны, наличие значительного количества непереведенных греческих слов, а с другой — они совершенно свободны от тюркизмов.

1. Самым древним глаголическим памятником являются Киевские листки („Киевский миссал"). Этот памятник относится к X в. и представляет собой отрывок католической обедни по славянскому образцу. От него сохранилось всего 7 листов. Так как этот памятник является наиболее древним из глаголических, то из него берутся обычно образцы глаголического письма. Для глаголических букв в Киевских листках характерна округлость форм.

Некогда этот памятник был вывезен из Иерусалима и находился в библиотеке Киевской духовной академии, где он в 1874 г. был открыт И. И. Срезневским. Лучшее издание данного памятника сделано И. В. Ягичем в Вене в 1900 г. В языковом отношении памятник характеризует одна западнославянская черта:

вместо [ŝt] и [ẑd'], восходящих к [tj] и [dj], в памятнике употреблены [c'] — ч и [z'] — ѕ. Это является языковой чертой славян западной части прежнего Моравского государства. На западное происхождение памятника указывает и его содержание.

Памятник характеризуется правильным употреблением ъ и ь. Лишь в двух случаях написана форма въсѣхъ вместо вьсѣхъ, что А. М. Селищев считает опиской писца.

Кроме того, для памятника характерно употребление ѥ еще в значении нейотованного юса малого.

2. Зографское евангелие. Относится к XI в. и состоит из 304 листов. Однако не все листы одинаково древни. Так, 17 листов (с 41 по 57) вставлены позднее.

Зографское евангелие хранилось в Зографском монастыре на Афоне. В 1860 г. оно было подарено императору Александру II, который передал его в Публичную библиотеку (в настоящее время оно находится в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде).

В Зографском евангелии имеются вставки и надписи, сделанные кириллицей. Это лишний раз говорит о том, что кириллица появилась позднее глаголицы. В нем еще продолжается употребление округлой глаголицы.

Памятник не датирован. Ученые долгое время колебались, к какому веку отнести его: к X или XI в. Так как для Зографского евангелия характерно уже смешение и пропуск в употреблении ъ и ь, то отнести его к X в. нельзя. Наиболее отличительной языковой чертой является то, что здесь имеются случаи прояснения редуцированных ь и ъ: вместо ъ можно встретить употребление о, а вместо ь — є.

В ряде случаев перед гласными и и ь наблюдается пропуск согласного л после губного.

По грамматическому строю Зографское евангелие продолжает традиции Киевских листков.

Памятник издан в 1879 г. в Берлине акад. И. В. Ягичем.

3. Мариинское евангелие. Относится к XI в. и содержит 173 листа. Хранился этот памятник на Афоне в монастыре св. богородицы (Марии). В 1842 г. он был там найден В. И. Григоровичем. В настоящее время этот памятник находится в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

Так же, как и в Зографском евангелии, в Мариинском евангелии наблюдается смешение и иногда пропуск в употреблении букв ъ и ь. Возможны случаи употребления о и є вместо ъ и ь.

В ряде случаев перед гласными и, ь, а иногда и перед є не употребляется после губного согласный л.

Однако наиболее характерными грамматическими особенностями данного памятника являются следующие:

1. Смешение в употреблении [ǫ] и [u], что отражается в смешенном употреблении букв ѫ и оу (ѭ и ю):

мѫжѫ мѫдроу (вм. мѫжоу мѫдроу) — Мф. VII, 24; вѣрѫѭште (вм. вѣроуѭште) — Ио. XX, 31; лѭбъве (вм. любъве) — Ио. V, 42; възлюблю (вм. възлюблѭ) — Ио. XIV. 21; въ нюже (вм. въ нѭже) — Мр. IV, 24; Ио. IV, 53; V, 28 и т. д.

2. Употребление в начале слова оу вместо въ: оуселенѫѭ (вм. въселенѫѭ) — Лук. II, 1; оуорѫжь сѧ (въорѫжь сѧ — в Зогр. ев.) — Лук. XI, 21.

3. Форма сега вместо сего (сега ради — Мр. VI, 14).

В отражении этих грамматических особенностей в Мариинском евангелии видят отражение некоторых языковых черт писца из сербской языковой области.

Мариинское евангелие было издано И. В. Ягичем в Петербурге в 1883 г. со статьей о языке и полным словарем. Есть два вида евангелия: четвероевангелие и евангелие-апракос. Четвероевангелие включает в себя сочинения 4-х евангелистов: Матвея, Марка, Луки и Иоанна. Евангелие-апракос — это недельное евангелие.

Упомянутые выше Зографское и Мариинское евангелия по содержанию представляют собой четвероевангелия.

4. Ассеманиево евангелие. Относится к XI в. По содержанию представляет собой евангелие-апракос. Состоит из 158 листов. Свое название это евангелие получило в честь востоковеда Ассемани, который в конце XVIII в. вывез эту рукопись из Иерусалима. Хранится оно в библиотеке Ватикана. Отсюда его другое название — Ватиканское евангелие. В данном памятнике отражен новый этап в утрате редуцированных ъ и ь: писец довольно часто не пишет знака редуцированных в конце слова.

Грамматические формы и лексика его имеют много архаизмов.

Первое издание памятника (глаголическим шрифтом) сделал Ф. Рачки в Загребе в 1865 г. Однако это издание малоудовлетворительно. Лучшее издание памятника (глаголическим шрифтом) сделано И. Вайсом и И. Курцем в Праге в 1929 г. В 1955 г. в Праге вышло издание этого памятника (кириллическим шрифтом), сделанное И. Курцем.

5. Сборник Клоца. Относится к XI в. и представляет собой отрывок из сборника поучений. Состоит из 14 листов, из которых 12 были найдены В. Копитаром в библиотеке графа Клоца в Триенте и изданы им в 1836 г. Позднее были открыты в музее в Иннсбруке еще 2 листа, изданные Ф. Миклошичем в 1860 г. Полное издание памятника с палеографическим введением и словарем было сделано В. Вондраком в Праге в 1893 г. В лексике его встречаются новые варианты по сравнению с более древними.

6. Синайская псалтырь. Относится к XI в. На горе Синай (Синайский полуостров) есть монастырь св. Екатерины, где до сих пор хранится этот памятник. Лучшее издание памятника сделано С. Северьяновым в Петрограде в 1922 г.

По содержанию и языку данный памятник связан с кирилло-мефодиевской эпохой. Об этом свидетельствуют такие архаизмы,

как употребление форм простого аориста; в области лексики — непереведенные греческие слова, характерные для древнейших евангельских текстов.

7. Синайский требник, или Синайский эвхологий. Хранится в монастыре св. Екатерины на Синае.

Словом „требник“, или „эвхологий“, называется сборник молитв или служб на разные случаи жизни, касающихся выполнения различных ритуалов религиозного значения.

Лучшее издание памятника (глаголическим и кириллическим шрифтом) сделано Р. Нахтигалом в 1941—1942 гг. в Любляне.

Оригинал переводов требника был сделан в моравско-паннонский период старославянской письменности, на что указывает наличие в составе памятника переводов с немецкого и латинского языков (наряду с основными переводами с греческого языка).

По мнению акад. Н. С. Державина, данный памятник относится к X в. (См. по этому вопросу его статьи в „Сборнике статей и исследований в области славянской филологии“, М.—Л., 1941 г.)

8. Охридские листки. Найдены В. И. Григоровичем в Охриде. Хранятся в рукописном фонде Одесского университета. Состоят из одного полного листа и из половины другого листа.

Лучшее издание этого памятника сделано в Петрограде в 1915 г. в „Памятниках старославянского языка“, т. III, вып. 2.

9. Македонский глаголический листок. Найден В. И. Григоровичем и хранится в библиотеке Академии наук (в фонде И. И. Срезневского).

Издан в Петербурге в 1909 г. в „Памятниках старославянского языка“, т. I, вып. 6.

Глаголические памятники, дошедшие до нас, не датированы. Время их написания определяется приблизительно по палеографическим, языковым и отчасти историческим данным.

Древнейшими из перечисленных выше старославянских памятников считаются Киевские листки, относящиеся к X в.

§ 16. Кириллические памятники характеризуются более поздним этапом возникновения по сравнению с глаголическими. В них представлено более низкое качество перевода с греческого языка, в лексике памятников встречаются тюркизмы. Отсюда делают вывод, что они были написаны в восточных областях Болгарии, т. к. там тюркское воздействие на славянскую среду было значительнее, чем на юге и на западе страны.

Все кириллические памятники, за исключением одного, не датированы.

В кириллических памятниках довольно своеобразно представлено падение редуцированных [ъ] и [ь] (см. об этом ниже, §§ 31—32).

1. Древнейшим кириллическим памятником является надпись царя Самуила, относящаяся к 993 г.

Надпись была сделана на каменной плите по распоряжению царя Самуила на могиле его родственников. Найдена она была в 1894 г. в юго-западной Македонии в селе Герман, недалеко от

озера Преспа. Содержание надписи состоит из 11 строчек. Правый угол каменной плиты отбит.

В языковом отношении эта надпись дает мало. Значение ее главным образом палеографическое. Надпись датирована, а это для палеографа является исходным пунктом в определении сравнительной древности недатированных кириллических памятников старославянского языка, так как дает возможность судить о способах начертания кириллических букв в определенный исторический период.

Имеется несколько изданий этой надписи. У нас эта надпись была издана в 1899 г. в „Известиях Русского археологического института в Константинополе“, т. IV, кн. 1.

2. Саввина книга. Относится к XI в. Написана на маленьких листочках пергамента. Свое название данный кириллический памятник получил по двум припискам с упоминанием попа Саввы. По содержанию он представляет собою евангельские чтения. Хранится в Московском главном архиве, в фонде Типографской библиотеки.

Издан этот памятник В. Н. Щепкиным в Петербурге в 1903 г. в „Памятниках старославянского языка“, т. I, вып. 2. Немного раньше, в 1899 г., вышло исследование В. Н. Щепкина о языке данного памятника под названием „Рассуждение о языке Саввиной книги“. До сих пор это исследование В. Н. Щепкина наряду с его другими исследованиями считается образцом работ подобного рода.

Данный памятник создает впечатление одного из наиболее ранних кириллических памятников. В нем не употребляются йотованные буквы ꙗ и ѥ, а вместо ꙗ чаще употребляется ѣ.

Памятник интересен в языковом отношении: в нем не отражен переход сильных [ъ] и [ь] в гласные полного образования [о] и [е].

В морфологии и лексике здесь меньше сохраняется старины, чем в Зографском и Мариинском евангелиях.

3. Супрасльская рукопись. Относится к XI в. и отличается от названных выше памятников по содержанию. Если большинство из последних представляло собой евангельские чтения, то Супрасльская рукопись содержит мартовскую минею (книгу церковных чтений на все дни марта — жития святых, легенды, беседы Иоанна Златоуста и др.).

Рукопись найдена в монастыре в Супрасле около Белостока. Она включает в себя около 260 листов и состоит из трех частей. Первая часть хранится в Любляне, в бывшей Лицейской библиотеке, вторая часть (151 л.) находилась в Варшаве, в библиотеке Замойских, третья часть (16 л.) принадлежала И. А. Бычкову в Ленинграде и хранится в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Памятник отличается от указанных выше по морфологии и лексике. В нем есть отражение изменения сильного [ь] в [е], но нет перехода сильного [ъ] в [о].

Наряду с начальным сочетанием [ra-] (из *ort-) встречается сочетание [ro-] (т. е. наряду с ра- пишется ро-). В лексике памятника отражены некоторые слова тюркско-болгарского происхождения, отсутствующие в других старославянских памятниках.

Полное издание памятника сделано С. Северьяновым в Петербурге в 1904 г. в „Памятниках старославянского языка", т. II, вып. 1.

4. Хиландарские листки. Они содержат отрывок поучения Кирилла Иерусалимского. Найдены В. И. Григоровичем в Хиландарском монастыре на Афоне. Хранятся в рукописном фонде Одесского университета.

Изданы в „Памятниках старославянского языка", т. I, вып. 1, СПБ, 1900.

5. Зографские листки. Содержат отрывок из „Правил" св. Василия и хранятся в библиотеке Зографского монастыря.

Открыты они были П. А. Лавровым, им же описаны и изданы в журнале „Revue des études slaves", VI (и отдельно).

6. Листки Ундольского. Представляют собой отрывки из евангельского текста. Принадлежали библиофилу В. М. Уидольскому.

Изданы в „Памятниках старославянского языка", т. I, вып. 3, СПБ, 1904.

7. Македонский листок. Содержит отрывок текста, напоминающего одно из произведений Иоанна экзарха болгарского. Хранится в библиотеке Академии наук СССР.

Издан в „Памятниках старославянского языка", т. I, вып. 5, СПБ, 1906.

§ 17. Старославянским языком пользовались книжники в областях чехо-моравских, сербо-хорватских и русских. Книги, написанные там, отражали в той или иной мере черты языка самого писца.

Ценный материал по изучению старославянского языка дают ранние памятники чешские, сербские, среднеболгарские и восточнославянские, созданные на старославянской основе. При изучении этих памятников необходимо четко различать черты старославянских оригиналов, с которых они переписывались, и те языковые наслоения, которые отразились в них при переписке.

Восточнославянские памятники XI—XII вв. многочисленны. Среди них отметим Остромирово евангелие. Этот памятник датирован 1056—1057 г. и написан в Новгороде для новгородского посадника Остромира (отсюда и его название). Памятник писан двумя писцами. Остромирово евангелие — монументальный, роскошно оформленный и прекрасно сохранившийся памятник, состоящий из 294 листов. Он хранится в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В Остромировом евангелии сочетаются две языковых стихии: старославянская и древнерусская.

Так, памятник отличается тем, что в нем редуцированные ъ и ь употребляются правильно, тогда как в старославянских памятниках XI в. они уже смешиваются.

Среди других древнерусских черт следует отметить:

1. Замену носовых гласных [ǫ] и [ę] неносовыми [u] и ['a], что в памятнике представлено как смешение в употреблении букв ѫ с оу, ѭ с ю, ѧ с ꙗ, и наоборот. Например, землю (вм. землѭ), сѫштѫ (вм. сѫштю, дат. п. ед. ч.), морѧ (вм. морꙗ, род. п. ед. ч.).

2. Написание ьр, ър, ъл между согласными корня вместо старославянских рь, ръ, ль, лъ. Например, скърбь (вм. скръбь), зьрно (вм. зрьно), напълниша (вм. наплъниша).

3. Частое употребление глагольного окончания в 3 л. ед. и мн. ч. в формах настоящего и простого будущего времени в виде [-tь] -ть вместо [-tъ] -тъ, характерного для старославянского языка.

4. В творит. п. ед. ч. у существительных муж. рода вместо окончания [-omь] -омь, характерного для старославянского языка, встречается древнерусское окончание [-ъmь] -ъмь. Например, гладъмь вместо гладомь и др.

Данный памятник был издан три раза: первое издание сделано А. Х. Востоковым в 1843 г., второе и третье издания — фотолитографические, сделаны купцом Савинковым в 1883 и 1889 гг. Лучшим изданием памятника является третье.

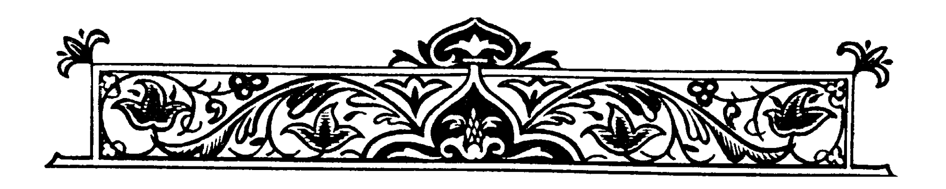
О языке и письме этого памятника имеется много работ. Правда, многие из исследований уже устарели.

Кроме Остромирова евангелия, из памятников старославянского языка русской редакции следует назвать Чудовскую псалтырь XI в., Изборник Святославов 1073 г., Изборник Святославов 1076 г. и др.

Из памятников старославянского языка сербской редакции следует отметить Мирославово евангелие XII в. и Вуканово (или Волканово) евангелие XIII в.

Из памятников старославянского языка среднеболгарской редакции заслуживают внимания Добромирово евангелие XII в., Добрейшево евангелие XIII в. и Болонская псалтырь XIII в.

Из памятников старославянского языка чешской редакции следует назвать Пражские глаголические отрывки XI—XII вв.



ФОНЕТИКА

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX ВЕКА

§ 18. Памятники старославянского языка позволяют проследить совершенно сложившуюся звуковую систему, характерную для этого языка. Эта звуковая система сложилась в период, предшествовавший возникновению старославянской письменности, и представляет собой продукт многочисленных процессов, имевших место до возникновения письма. Звуковая система не была застывшей, но постоянно изменялась и развивалась.

О характере звуковой системы старославянского языка кирилло-мефодиевской поры можно судить на основании сравнения старославянских памятников между собой.

Для звуковой системы старославянского языка второй половины IX века были характерны следующие черты.

I. В старославянском языке в ту пору господствовал закон открытого слога. Это значит, что все слоги в словах были открытыми, т. е. каждый слог должен был оканчиваться слогообразующим звуком.' Например: пра-вь-да, сы-нъ, зна-мѧ, гла-го-лѭ и т. д.

II. В середине слова могли употребляться только такие группы согласных, с которых могло начинаться слово. Например: жи-знь, же-злъ и т. д. Ср. зна-ти, зла-тн-ца и т. д.

При этом расположение согласных в подобных группах шло по принципу восходящей звучности. Это значит, что каждый последующий согласный был более звучным, чем предшествовавший ему.

При передаче заимствованных слов сохранялось действие закона открытого слога. Если в заимствованных словах употреблялись группы согласных [mn], [dn (tn)], [pt], [ps], [ts], [kch], [tl (dl)] или группы согласных, начинавшихся с носового согласного [m] или [n], плавного [r] или [l] и с губного согласного [v], то они не были характерны для славянской фонетической системы. (Исключение составляют только группы [tl] и [dl], которые не подвергались никаким изменениям в языке предков западных славян.) Для того

чтобы избежать этих звуковых сочетаний, а следовательно, чтобы избежать закрытости слога, в славянской фонетической системе IX в., отраженной в старославянском языке, происходило образование редуцированного гласного [ъ], реже [ь], между согласными, группу которых было невозможно употребить в то время в старославянском языке. Например: каперънаоумъ (Ср. греч. [kapernaúm] — Καπερναούμ), сканъдѣлъ (ср. греч. [skándalon] — σκάνδαλον), егупьть (ср. греч. [aígüptos] — Αἴγυπτος), пъсалъмъ (ср. греч. [psalmós] — ψαλμός), ехидьна (ср. греч. [échidna] — ἔχιδνα), павьлъ (ср. греч. [paũlos] — Παῦλος).

Написание ъ, ь в этих случаях не представляло только графического явления: и в произношении этих слов между указанными согласными были редуцированные гласные [ъ] и [ь]. Так, наряду с указанными написаниями егупьтъ, пъсалъмъ, павьлъ и т. д. в памятниках XI в. встречаются написания егупет(ъ), псалом(ъ), Павел(ъ), что свидетельствует о том, что в фонетическом отношении редуцированные [ъ] и [ь] подвергались тем же изменениям, которые были вообще характерны в XI в. для редуцированных гласных [ъ] и [ь] в болгарской языковой области.

III. В старославянском языке на положении слогообразующих звуков могли выступать не только гласные, но в ряде случаев и плавные звуки [r] и [l]. Например: прьвъ, тръгъ, зрьно, плънъ и т. д. ([pr̥vъ], [tr̥gъ], [zr̥no], [pl̥nъ] и т. д.).

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ

§ 19. В старославянском языке были представлены следующие гласные фонемы: [a], [e], [ě], [i], [ę], [o], [u], [ǫ], [y], [ъ], [ь].

Все гласные в старославянском языке подразделялись на гласные полного образования и гласные неполного образования. В свою очередь среди гласных полного образования можно выделить гласные переднего ряда: [e], [i], [ě], [ę] и гласные непереднего ряда: [a], [u], [o], [ǫ], [y]. Среди гласных неполного образования гласным переднего ряда являлся [ь], а гласным непереднего ряда [ъ].

Гласные неполного образования принято называть редуцированными, или глухими, гласными. Редуцированные гласные отличались от гласных полного образования тем, что напряжение и вибрация голосовых связок при их произношении были неполными.

В звуковой системе старославянского языка второй половины IX в. можно предположить еще наличие редуцированных гласных [ĭ] и [y̆], возникавших на месте редуцированных [ь] и [ъ], когда последние оказывались в позиции перед следующим [j] ([i̯]) или [i].

Среди гласных полного образования гласные [ę] и [ǫ] являлись носовыми. При их произношении нёбная занавеска была опущена, так что звучащая струя воздуха попадала не только в полость рта, но и в полость носа.

Звук [ě] обозначался буквой „ять“. О качестве данного звука можно судить на основании его графического изображения. В гла-

голице употреблялся один значок Ꙙ, в соответствии с которым в кириллице писался или ѣ или ꙗ (или 'а). Основываясь на этом, можно предполагать, что звук, изображавшийся буквой „ять“, был близок к звуку [а] после мягкого согласного. Именно только этой близостью можно объяснить, что писец глаголицей воспринимал гласный [ě] и гласный [а] после мягкого согласного как один звук, то есть не различал их и передавал оба звука на письме одним значком. Предполагают, что буквой „ять“ передавался в старославянском языке широкий открытый [е], близкий к [а], т. е. [ä].

§ 20. В качестве слоговых звуков, как указывалось выше, в старославянском языке могли выступать плавные звуки [r] и [l]. Они становились слоговыми тогда, когда оказывались в позиции между двумя согласными. Однако в старославянских азбуках не было специальных значков для обозначения слоговых плавных [r] и [l]. Поэтому писцы для подчеркивания слоговости плавных обычно после букв р и л, обозначавших слоговые плавные [r̥] и [l̥], писали буквы ъ или ь. Например, прьвъ, плънъ, тръгъ, вльқъ — [pr̥vъ], [pl̥nъ], [tr̥gъ], [vl̥kъ].

Возможно, что буквы ъ и ь служили первоначально в этих случаях не только указанием на слоговость плавных [r̥], [l̥], но и передавали некоторый гласный элемент, похожий на [ъ] или [ь] и сопровождавший артикуляцию слоговых плавных. Однако позднее эти слабые неслоговые гласные были утрачены. Так, старославянские памятники XI в. указывают лишь на графическую традицию писать ъ или ь после плавного. Для употребления в этих случаях букв ъ или ь была характерна свободная мена их (зрьно и зръно, мрьтвъ и мрътвъ, дльгъ и длъгъ и т. д.), а иногда в некоторых памятниках и пропуск их. Например, в Зограф. ев.: къ црквє — Мф. XII, 5, 6, срдьцє — Мф. VI, 21; XIII, 15, срдьца — Лук. XVI, 15; в сб. Клоца: къ цркві — I, 670; в Синайской пс.: црквї 31⁶/₉ и т. д., что свидетельствовало о том, что в данном случае носителем слога являлся плавный. Сходное написание, „плавный + редуцированный“ между согласными, можно встретить в старославянских памятниках и в том случае, когда на положении слогового элемента выступал не плавный, а редуцированный. Например, кръвь, плъть, крьстъ, сльза [krъvь], [plъtь], [krьstъ], [slьza].

Однако в этом случае почти не наблюдается свободной мены и пропуска букв ъ и ь после плавного. Чтобы отличить сочетания первого типа от сочетаний второго типа, следует прибегать к сопоставлению с русским языком. Если в русском языке произносится в позиции между двумя согласными сочетание [ol], [or], [er] (например, *первый, полный, торг, волк*), то это значит, что в старославянском языке слогообразующим элементом являлся плавный [r̥], [l̥] и, наоборот, если в русском языке в позиции между двумя согласными произносится сочетание [ro], [lo], [re], [le] (например, *кровь, плоть, крест, слеза*), то, следовательно, в старославянском языке на положении слогового элемента выступал редуцированный [ъ] или [ь].

ПОЗИЦИОННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

§ 21. Гласные звуки старославянского языка отличались той особенностью, что они могли изменять свое звучание в зависимости от их положения (позиции) в слове.

Наиболее ярко это сказывалось при произношении редуцированных звуков.

В зависимости от положения в слове различают слабую и сильную позицию редуцированных. При этом позицию редуцированных следует определять с конца слова. В слабой позиции редуцированные [ъ] и [ь] оказывались:

1) в конце слова: домъ [domъ̑], сынъ [synъ̑], конь [kon'ь̑];

2) перед слогом с гласным полного образования (или перед слогом с редуцированным, находящимся в сильной позиции): правьда [pravь̑da], къто (kъ̑to].

В слабой позиции редуцированные гласные, являясь и без того гласными неполного образования, настолько ослабевали, что в дальнейшем переставали произноситься. Эта утрата редуцированных в слабой позиции в памятниках старославянской письменности XI в. передается или меной редуцированных, т. е. смешением в употреблении значков редуцированных, или пропуском их.

В сильной позиции редуцированные [ъ] и [ь] находились:

1) в начальном слоге под ударением: дъскѫ (вин. пад. ед. ч. от дъска) — [dъ̆skǫ];

2) перед слогом с редуцированным в слабой позиции: коньць [kon'ьс'ь̑], крѣпъкъ [kr'ěpъkъ̑], тельць [t'el'ьс'ь̑], жьньць [ž'ь̑n'ьс'ь̑].

В сильной позиции редуцированные [ъ] и [ь], наоборот, усиливались и позднее переходили в гласные полного образования: [ъ] > [о], [ь] > [е], что нашло свое отражение в старославянских памятниках XI в.

§ 22. Редуцированные [ъ] и [ь] легко подвергались воздействию соседних звуков. Особенно сильно влияли на них последующие [j] ([i̯]) и [i]. В положении перед данными звуками при произношении [ъ] и [ь] несколько повышался подъем спинки языка. Благодаря этому редуцированный [ъ] в своем звучании приближался к [у], а редуцированный [ь] — к [i]. Но этот переход не был полным, редуцированный характер этих звуков сохранялся. Следовательно, на месте редуцированных [ъ] и [ь] возникали редуцированные [y̆] и [ĭ]. Для передачи этих редуцированных гласных в старославянских памятниках не было специальных значков, и потому они передавались двояко: редуцированный [y̆] передавался с помощью буквы ы или ъ, а редуцированный [ĭ] — с помощью буквы и или ь. Например: добрыи и добръи, гостиѥ (им. пад. мн. ч. от гость) и гостьѥ.

Редуцированные [y̆] и [ĭ], подобно редуцированным [ъ] и [ь], могли находиться в слабой и сильной позиции. В слабой позиции они находились тогда, когда употреблялись перед следующим слогом с гласным полного образования (при этом данный слог всегда начинался с [j] ([i̯]), что на письме обычно передавалось

написанием йотованной буквы)[1]: пѧтиѥ (им. пад. мн. ч. от пѧть) [pǫtĭje], костьѭ (твор. пад. ед. ч.) [kostĭjǫ].

В сильной позиции редуцированные [y̆] и [ĭ] находились:

1) в начальном слоге под ударением: мыѭ [my̆jǫ], биѭ [bĭjǫ], выꙗ [vy̆ja];

2) перед конечным гласным [i], подвергшимся в дальнейшем сокращению: добрыи [dobry̆i], синии [sin'ĭi], костии [kostĭi].

Если во второй половине IX в. редуцированные [y̆] и [ĭ] в старославянском языке были живыми звуками, то в X—XI вв. они пережили изменения, состоявшие в том, что редуцированные [y̆] и [ĭ] в слабой позиции утрачивались, а в сильной прояснялись в гласные полного образования [y] и [i] (см. об этом ниже, § 34).

§ 23. В зависимости от смягченности предшествующего согласного гласные также могли подвергаться позиционным изменениям. Так, после мягкого согласного в старославянском языке не могли употребляться гласные [о], [ъ], [у], [ѐ] (<[ē]). В позиции после мягкого согласного [о] изменялось в [е], [ъ] в [ь], [у] в [i], [ě] (<[ē]) в [а]. Например: сынъ — конь [synъ] — [kon'ь], село — поле [selo] — [pol'e], селы — поли [sely] — [pol'i], жаръ (вм. жѣръ) [ž'arъ < <* gērъ)] и т. д.

Для некоторых гласных это изменение было менее чувствительным, но также несомненным. Так, гласные [а], [u], [ǫ] после мягких согласных не становились гласными переднего ряда, но, несомненно, их артикуляция немного продвигалась вперед, что в транскрипции обозначается постановкой точки над этими гласными: после [t'][2] [a]>[ȧ], [u]>[u̇], [ǫ]>[ǫ̇]. Например: рѫка — сѣча — строуꙗ [rǫka] — [s·ěč'ȧ] — [strujȧ], рѫкѫ — сѣчѫ — строуѭ (вин. пад. ед. ч.) [rǫkǫ] — [s·ěč'ǫ̇] — [strujǫ̇], рабоу — коню — краю (дат. пад. ед. ч.)[·rabu] — [kon'u̇] — [kraju̇].

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАСНЫХ В НАЧАЛЕ СЛОВА

§ 24. В старославянском языке слово не могло начинаться с любого из перечисленных выше гласных. Это было связано с особой фонетикой начала слова, восходящей еще к доисторическому времени.

Наиболее свободно в начале слова употреблялись гласные [о] (око, ось, оса, онъ) и [ǫ] (ѫгль, ѫзъı, ѫтроба, ѫдица). В отношении употребления гласных [а] и [u] в начале слова наблюдаются колебания на письме: в одних случаях писцы пишут слова с начальным [i̯] ([j]) перед [а], [u] — ꙗ ю, а в других нет: азъ — ꙗзъ, агньць — ꙗгньць, акити — ꙗкити, оутро — ютро, оуже — юже и т. д. Однако старосла-

[1] В глаголических памятниках не было специального значка для передачи йотованного „е" [je]. Поэтому при переводе глаголических памятников на кириллицу сохранена эта их особенность, и для передачи [е] и [je] использован только один значок є.

[2] [t'] = любой мягкий согласный.

вянский язык обнаруживал тенденцию к утрате [i̯] особенно перед начальным [а]. Это подтверждают заимствованные из греческого языка слова с начальным [а]: авва (греч. [abbā] — „отец“ — ἄββα), аеръ (греч. [áēr] — „воздух“ — ἀήρ),ароматъ (греч. [’árōma] — ἄρωμα), архитрикλинъ (греч. [árchitriklinos] — „главный стольник“ — ἀρχιτρίκλινος) и т. д.

Более последовательно развивался [i̯] перед начальным [ę], в связи с чем в старославянских памятниках употребляется буква ѩ в начале слова. Например: ѩзыкъ, ѩза, ѩтро, ѩти (но възѧти), ѩтры и т. д.

В отношении решения вопроса об употреблении начального [е] или развития перед ним [i̯] старославянские памятники вследствие своей графики представляют большое затруднение: в глаголических памятниках для передачи [е] и [i̯е] служит только один значок Э; кириллические памятники, следуя глаголическим оригиналам, тоже не всегда различали є и ѥ. Только в Супрасльской рукописи наиболее последовательно различаются написания є и ѥ.

В старославянском языке наблюдаются колебания в употреблении є в начале слова: возможны употребления и с начальным є и с развившимся перед ним [i̯] (ѥ). Например, єще — ѥще, єсмь — ѥсмь, єдва — ѥдва, єзеро — ѥзеро, єлень — ѥлень и т. д.

Но, по-видимому, произношение слов с [i̯] перед начальным [е] было уже неактуально в фонетической системе старославянского языка X—XI вв., так как заимствованные из греческого языка слова с начальным [е] передавались в старославянских памятниках посредством употребления в начале этих слов буквы є: єлинъ (греч. [ellēn] — Ἕλλην), єпитимиѩ (греч. [’epitimía] ἐπιτιμία — „наказание“) и т. д.

В старославянском языке совершенно невозможно было употребление в начале слова редуцированных [ъ], [ь] и гласного [у].

Если слово должно было начинаться с редуцированного [ь], то вместо него в старославянском языке употреблялся гласный [i], восходящий к сочетанию [i̯ь]. Например: имѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.) [imǫ < i̯ьm̧] — „беру“. Ср. въѕьмѫ [vъzьmǫ].

Если слово должно было начинаться с редуцированного [ъ] или гласного [у], то перед ними развивался [v] (< u̯). Например, въпль [vъpl’ъ], въпити [vъpiti] (ср. възъпити [vьzъpiti]), выкнѫти [vyknǫti], выдра [vydra] и т. д.

Согласный [v] в этих словах не является приставкой, т. к. в то время приставка выступала не в виде одного согласного [v], а в виде [vъn-] вън-.

Как указывалось выше, процесс развития [i̯] и [u̯] > [v] в начале слова протекал еще до возникновения славянской письменности, а старославянский язык лишь фиксирует те изменения, которые происходили в славянской фонетической системе в общеславянский период.

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ

§ **25.** Классификация согласных в старославянском языке может быть представлена следующей таблицей.

Способ образования \ Место образования			Губные	Язычные: зубные	Язычные: небно-зубные	Язычные: средне-небные	Язычные: задне-небные
Шумные	взрывные	звонкие глухие	b p	d t			g k
Шумные	фрикативные	звонкие глухие	v (f)	z, ž' s, š'		j	 ch
Шумные	аффрикаты	звонкие глухие		d͡z' c'	 č'		
Шумные	сложные	звонкие глухие			ž͡d' š͡t'		
Сонорные	носовые		m	n, n'			
Сонорные	плавные			l, l'	r, r'		

§ **26.** В старославянском языке имелись глухие и звонкие согласные. Распределение их по звучности было такое же, как и в современном русском языке, однако соотношения между ними были иными.

Благодаря закону открытого слога отсутствовала ассимиляция согласных по глухости и звонкости. Количество исключений из этого было незначительно. Так, в тех случаях, когда приставки [iz-] из-, [bez-] бєз-, [raz-] раз-, [vъz] въз- встречались с корнями, начинавшимися с глухого согласного, то происходила ассимиляция по глухости, вследствие чего конечный согласный приставки [z] изменялся в [s]. Например: исходити, искоусити, распѧтиѥ, расточити, въскрыліѥ, въсхотѣти, бєсплътьнъ и т. д.

Если данные приставки-предлоги оказывались в позиции перед корнем, начинавшимся с согласных [s], [z], [š'], то в старославянском языке был представлен результат фонетического изменения: один согласный [s], [z], [š'] вместо долгих [s͡s] < [zs], [z͡z], [š'͡š'] < [sš'] < [zš'], получившихся вследствие объединения артикуляции согласного [z] > [s] в приставке с согласными [s], [z] или [š], которым начинался корень. Например, в Зографском евангелии:

бєстраха — Лук. 1, 74 (вм. бєс страха), ісѣчеия — Мр. XV, 46 (вм. іссѣчень), ісънъмишта — Мр. I, 29 (вм. іс сънъмишта), ишьдъше — Мф. XXVII, 53; XII, 14, Мр. I, 29; III, 6; VI, 11; IX, 30; Лук. X, 10 (вм. исшьдъше), бєзаконие — Мф. XIII, 41 (вм. бєззаконие). В Мариинском евангелии: и-сънъмишть — Ио. XII, 42 (вм. ис сънъмишть), бє-страха — Лук. I, 74 (вм. бєс страха), ишєдъ — Лук. XXII, 62 (вм. исшєдъ), бєзаконьникома — Мр. XV, 28 (вм. бєззаконьникома), исякнєтъ — Мф. XXIV, 12 (вм. иссякнєтъ), бє-сапогъ — Лук. XXII, 35 (вм. бєс-сапогъ). В сборнике Клоца: бєстоудъна(ѣ) — II, 96; I, 217. [вм. бєс-стоудъна(ѣ)], бєстоудьє — II, 148 (вм. бєсстоудьє), бєсъмрьтьє — I, 605 (вм. бєссъмрьтьє), бєзаконникъ — I, 931 (вм. бєззаконьникъ). В Синайской псалтыри: рашири — 156 $^б/_{10}$, 109 $^б/_9$ (вм. расшири), козьргж — 152 $^б/_{17}$ (вм. коззьргж), бєзаконєньѣ — 18 $^а/_1$, 19 $^а/_{22}$, 30 $^б/_{19}$ и т. д. (вм. бєззаконєньѣ), раждітъ — 110 $^а/_{14}$ (вм. расждитъ). В Супрасльской рукописи: бєсъмрьтьнааго — 69_{25} (вм. бєссъмрьтьнааго), бєзаконьнааго — 217_7 (вм. бєззаконьнааго).

Перед согласным [с]' сочетания с этими предлогами в памятниках старославянского языка представлены неодинаково: Например, в Зографском евангелии: ицѣли — Мф. XII, 15, 22; XIV, 14; XV, 30; Мр. I, 34; III, 10; VI, 5; Лук. VII, 21; IX, 42; XIV, 4 (вм. исцѣли), істѣли — Мф. XXI, 14 (вм. іщѣли); в Мариинском евангелии: и-црквє — Мф. XXIV, 1; Ио. II, 15; VIII, 59 (вм. из црквє); в Синайской псалтыри: Істѣлєниѣ — 40 $^а/_{16}$ (вм. Ісцѣлєниѣ); в Саввиной книге: іцѣлѣ — Лук. IX, 42, ицѣли — Мф. VIII, 16 (вм. ісцѣлѣ, исцѣли).

Перед согласным [č]' сочетания с этими приставками-предлогами подвергались изменениям, в результате или возникал сложный согласный [ŝt'] < [š'č'] < [sč'] < [zč']: в Зографском евангелии: іштистити — Мр. I, 40 (вм. ісчистити), іштадиѣ — Мф. XII, 34; Лук. III, 8 (вм. исчадиѣ), бєштьстъна — Мр. XII, 4 (вм. бєсчьстъна); в Мариинском евангелии: иштєзє — Лук. XXIV, 31 (вм. исчєзє), бєштадъ — Лук. XX, 28 (вм. бєс чадъ), бєштадьнъ — Лук. XX, 30 (вм. бєсчадьнъ); в сб. Клоца: іштєзж — I, 829 (вм. ісчєзж); в Синайской псалтыри: иитрѣка — 25 $^а/_{18}$ (вм. із чрѣка), ищѣзагжщє — 47 $^б/_4$, Іщєзж — 47 $^б/_4$, 77 $^а/_{1-2}$ (вм. исчѣзагжщє, Ісчєзж), іщєзнжтъ — 80 $^б/_7$ (вм. ісчєзнжтъ); — или происходила утрата конечного согласного приставки [z] < [s]; в Зографском евангелии: ичрѣка — Мф. XIX, 12 (вм. ис чрѣка), бѣчьстиі — Мф. XIII, 57 (вм. бѣсчьстиі); в Мариинском евангелии: и-чрѣка — Мф. XIX, 12; Лук. I, 15 (вм. ис-чрѣка); в Синайской псалтыри: Ічрѣка — 146 $^б/_{14}$; в Ассеманиевом евангелии: ичисти — Мр. I, 40, 41 (вм. исчисти); или иногда сохранялось книжное образование с ис-, бєс-, въс-: ис чрѣка — Саввина кн., Мф. XIX, 12, бєсчьстия — Супр. рук. 74_{25-26}; въсчоудитъ ся — Супр. рук. 55_{14}.

§ 27. Большие своеобразия в системе согласных в старославянском языке представляла категория твердости и мягкости. В зависимости от этого признака все согласные старославянского языка делились на следующие группы.

1. В старославянском языке выделялась группа согласных, которые постоянно выступали только как несмягченные звуки. К ним относились задненебные [k], [g] и [ch], которые не могли употребляться перед гласными переднего ряда ([e], [i], [ę], [ě], [ь]) и перед [j]. Эти согласные могли сочетаться только с гласными непереднего ряда. Например: гꙑбѣль, хꙑтръ, кꙑснѫти. Ср. в русском языке: *гибель, хитрый, киснуть*. Однако были и отступления от этого правила: в заимствованных из греческого языка словах возможны были сочетания задненебного согласного с последующим гласным переднего ряда: кесарь, кинъсъ, еvангелие и т. д. В глаголических текстах писцы передавали в этих случаях смягченный согласный [g'] знаком ꙉ. В кириллических текстах не было особых букв для передачи смягченных задненебных согласных, и в заимствованных словах они передавались теми же буквами, что и несмягченные задненебные согласные.

2. В противоположность первой группе согласных в старославянском языке выделялась группа согласных, выступавших только как мягкие согласные звуки: [š'], [ž'], [č'], [c'], [$\widehat{št}$'], [$\widehat{žd}$'], [j], [$\widehat{dz}$']. После этих согласных не могли употребляться гласные [ě], [o], [ъ], [y]. Под воздействием предшествующих мягких согласных [ě] изменялось в [a], [o] в [e], [ъ] в [ь], [y] в [i]. Например: видѣти [viděti], но дꙑшати [dyš'ati], млъчати [mlč'ati], стоıати [stojati]; око [oko], но плече [pleč'e], лице [lic'e], роубище [rubi$\widehat{št}$'e]; врагъ [vragъ], но ножь [nož'ь].

В ряде случаев после [c'] и [$\widehat{dz}$'] мог употребляться гласный переднего ряда [ě] (<[oį]), например: чловѣкъ — чловѣцѣ, дроугъ — дроузѣ (местн. пад. ед. ч.).

3. Губные согласные [b], [p], [m], [v] и зубные [t], [d] могли выступать в старославянском языке и как твердые, несмягченные согласные, если они употреблялись перед гласными непереднего ряда, и как полумягкие согласные, если они оказывались в позиции перед гласными переднего ряда. Например: богъ — бѣсъ [bogъ] — [b·ěsъ], вода — вѣкъ — видѣти [voda] — [v·ěkъ] — [v·iděti], даръ — дѣва [darъ] — [d·ěva], тьща — тать [t·ъšt'a] — [t·atь] и т. д.

4. В старославянском языке выделяется группа согласных, которые могли выступать и как твердые, несмягченные, и как мягкие согласные фонемы. К числу этих согласных относились [l], [n], [r], [s], [z]. В позиции перед гласными непереднего ряда согласные [l], [n], [r] сохраняли твердость, в позиции перед гласными переднего ряда они получали полумягкость. Смягчение же согласных [l], [n], [r] последующим [j] приводило к возникновению мягких фонем [l'], [n'], [r']. Например: рабъ — рекѫ [rabъ] — [r·ekǫ], но морıе [mor'e]; нашь — нести [naš'ь] — [n·esti], но коńь [kon'ь]. Согласные [s] и [z] являлись мягкими фонемами тогда, когда они выступали на месте задненебных согласных [ch] и [g] в результате палатализации последних. При этом согласный [z'] восходит к бывшей аффрикате [$\widehat{dz}$'], утратившей свой звонкий затвор. Напри-

мер: нога — ноѕѣ, ноѕѣ [noga] — [nodz’ě], [noz’ě] (мест., дат. ед. ч.); снъха — снъсѣ [snъcha] — [snъs’ě] (мест., дат. ед. ч.).

В заключение обзора согласных следует сказать, что в старославянском языке отсутствовал звук [f]. Буквы ѳ (фита) и ф (фрьтъ), употреблявшиеся для передачи звука [f], встречались только в заимствованных словах.

§ 28. Для передачи согласного звука [j] в старославянских азбуках не было особой буквы. Сочетания с [j] передавались с помощью употребления йотованных букв: ѥ-[je], ꙗ-[ja], ю-[ju], ѩ-[ję], ѭ-[jǫ]. Йотованная буква в составе слова могла иметь разное значение. Так, если йотованная буква употреблялась в. начале слова (или после гласной), то она указывала на наличие целого слога, состоявшего из [j] в сочетании с последующим гласным. Например: ютро [ju-tro], ѥсень [je-se-nь], моѥго [mo-je-go], новаꙗ [no-va-ja] и т. д.

Если же йотованная буква употреблялась после согласной, то она указывала только на мягкость предшествующего согласного. Например: морѥ [mor’e], морꙗ [mor’a], морю [mor’u] и т. д. Наряду с этим мягкость согласного могла обозначаться и надстрочным значком: мо҃ре [mor’e], мо҃ра [mor’a], ко҃нь [kon’ъ] и т. д.

Иногда писцы при обозначении мягкости согласных использовали оба эти способа: мо҃рѥ, зе҃млꙗ и т. д.

ПОЗДНЕЙШИЕ ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ, ОТРАЗИВШИЕСЯ В ПАМЯТНИКАХ XI И ОТЧАСТИ X ВВ.

§ 29. Возникновение старославянской письменности относится ко второй половине IX в. Между тем старославянские памятники, дошедшие до нас, были написаны в X—XI вв. и, следовательно, отделены от момента возникновения старославянской письменности периодом в полтора-два века. За это время старославянский язык не оставался неизменным, он продолжал развиваться.

Изменения, отраженные в памятниках старославянского языка, следует разделить на две группы: 1) изменения, связанные с судьбой редуцированных, и 2) изменения, не связанные с судьбой редуцированных.

СУДЬБА РЕДУЦИРОВАННЫХ [Ъ] И [Ь]

§ 30. Редуцированные [ъ] и [ь] пережили в старославянском языке несколько изменений. Одно из наиболее ранних изменений редуцированных [ъ] и [ь] состояло в том, что в положении после шипящих [š]’ [ž]’ [č]’ [ŝt]’ [ẑd]’ редуцированный [ь] заменился редуцированным [ъ]. Данное изменение еще не отражено в наиболее древних старославянских памятниках, в Киевских листках и Зографском евангелии. Однако эта замена редуцированного переднего

ряда [ь] редуцированным заднего ряда [ъ] после шипящих отражена в большинстве старославянских памятников, особенно в Савиной книге. Например: пришъдъ (шє) — Лук. XV, 15; X, 32; Ио. XIX, 33; възложъшє — Лук. X, 30; вѣчънѧѩ — Лук. X, 25; длъжънъ — Ио. XIX, 7; вашъ — Ио. XIX, 14; грьчъскы — Ио. XIX, 24 и т. д. (вместо пришьдъ(шє), възложьшє, вѣчьнѧѩ, длъжьнъ, вашь, грьчьскꙑ и т. д.). Как показывают приведенные примеры, подобное изменение происходило независимо от того, в какой позиции находился редуцированный [ь], в сильной или слабой.

Некоторые исследователи полагают, что подобная замена редуцированного [ь] редуцированным [ъ] была вызвана отвердением шипящих. Однако А. М. Селищев связывает подобную замену редуцированных с явлением диспалатализации гласных, считая, что здесь отразился тот же процесс, который имел место при изменении [ě] (< [ē]) в гласный [а] после сильно смягченных согласных [j], [ž], [š], [č].

§ 31. Редуцированные гласные [ъ] и [ь] в X—XI вв. подверглись двум изменениям в зависимости от позиции в слове: 1) в одних условиях они утрачивались, 2) в других — прояснялись в гласные полного образования. Утрата редуцированных происходила тогда, когда они находились в слабой позиции, а прояснение их в гласные полного образования [е] и [о] — когда они были в сильной позиции (см. выше § 21).

Эти процессы изменения редуцированных нашли отражение в памятниках старославянской письменности.

Киевские листки еще не дают никаких данных, которые позволили бы судить об изменении редуцированных [ъ] и [ь]. В этом памятнике знаки редуцированных ъ и ь употребляются всегда правильно, т. е. там, где они произносились в живой речи. В памятнике только два раза вместо вьсѣхъ написана форма въсѣхъ, что А. М. Селищев считает опиской писца. В Зографском евангелии наблюдается уже много отклонений от правильного употребления букв ъ и ь, и это свидетельствует о существенных изменениях, происшедших в живой речи писца. Так, Зографское евангелие в ряде случаев отражает переход в сильной позиции [ъ] > [о], [ь] > [е]: цръковь — Мф. XVI, 18; XXVII, 40; Мр. XI, 16 (вм. цръкъвь), тогда — Мф. IV, 1, 5, 10, 11; VII, 23; XII, 22; XVI, 20, 24 (вм. тъгда), пришедъ — Мф. IV, 13; VIII, 7, 14; IX, 23 (вм. пришьдъ), сѫчець — Мф. VII, 4 (вм. сѫчьць), подобенъ — Мф. XIII, 52; Лук. VI, 48, 49 (вм. подобьнъ), токмо — Мф. V, 47; X, 42 (вм. тъкъмо), бисеръ — Мф. VII, 6 (вм. бисьръ), отъ старець — Мф. XVI, 21 (вм. отъ старьць), образось — Мф. XII, 16 (вм. образъ сь), когда — Мф. XXIV, 3; XXV, 38, 39, 44; Лук. XVIII, 20 (вм. къгда) и др. Эта черта была свойственна тем глаголическим старославянским памятникам, которые отражали македонскую речь (Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие, сборник Клоца и особенно Синайская псалтырь). Например, в Мариинском евангелии: вѣренъ — Лук. XVI, 10, XIX, 17 (вм. вѣрьнъ), крѣпокъ — Лук. XV, 14 (вм. крѣпъкъ), день — Лук. XIII,

14, 31; XVII, 30, 31; XVIII, 7 (вм. дьнь), лакоть — Мф. VI, 27; Лук. XII, 25 (вм. лакъть), свєкровь — Лук. XII, 53 (вм. свєкръвь), воскръсє — Лук. IX, 19 (вм. въскрьсє), слєпєцъ — Лук. XVIII, 35, (вм. слєпьцъ), отъ конєцъ — Лук. XI, 31 (вм. отъ коньцъ), вѣнєцъ — Ио. XIX, 5 (вм. вѣньцъ), пришєдъ — Мф. II, 23; IV, 13; IV, 21; V, 24; VIII, 7; XII, 44; Лук. VII, 3 и т. д. (вм. пришьдъ), подобєнъ — Мф. XIII, 52; Ио. VIII, 55 (вм. подобьнъ), отъ старєцъ — Мф. XVI, 21 (вм. отъ старьцъ), когда — Мф. XIII, 15; Мр. XIII, 33, 35; Мф. XXV, 38, 39, 44 (вм. къгда), кротокъ — Мф. XI, 29; XXI, 5 (вм. кротъкъ) и т. д.; в Ассеманиевом евангелии: пришєдъ — Ио. XI, 17; Мф. XXV, 27; Ио. XII, 35 (вм. пришьдъ), конєць — Лук. XVI, 24; Мф. XXIV, 31 (вм. коньць), тогда — Ио. XI, 6, 14; XII, 16; Мф. XXIV, 6, 9, 10, 14, 16 и т. д. (вм. тъгда), въ вєсь — Ио. XI, 30; Мф. XXVI, 36; Лук. XVII, 12 (вм. въ вьсь), дєнь — Ио. XII, 1, 12; Мф. XXVI, 50; Ио. VI, 39; Лук. XXIV, 47 и т. д. (вм. дьнь), когда — Мф. XXIV, 3 (вм. къгда), цр҃ковь — Мф. XXVII, 40 (вм. цр҃къвь), вѣнєць — Мф. XXVII, 29 (вм. вѣньць), оцєтъ — Мф. XXVII, 34 (вм. оцьтъ) и т. д.; в сборнике Клоца: кровьѭ — I, 313, 316 (вм. кръвьѭ), начѧтокъ — I, 625 (вм. начѧтъкъ), вѣрєнъ — II, 20 (вм. вѣрьнъ), Павєлъ — I, 284; II, 82, 142 (вм. Павьлъ), крєстъ — I, 608 (вм. крьстъ), любовь — II, 31 (вм. любъвь), любовънъімь — I, 534 (вм. любъвънъімь), тогда — I, 292, 413, 421, 432 и т. д. (вм. тъгда), прішєдъшю — I, 333 (вм. прішьдьшю) и т. д.; в Синайской псалтыри: конєць — 2 $^{\text{а}}/_{18}$, 5 $^{\text{а}}/_{13}$, 8 $^{\text{а}}/_{16}$, 20 $^{\text{а}}/_{21}$ и т. д. (вм. коньць), правєдьна — 2 $^{\text{б}}/_{11}$ (вм. правьдьна), правьдєнъ — 6 $^{\text{б}}/_{15}$, 171 $^{\text{б}}/_{22}$ (вм. правьдьнъ), прѣподобєнъ — 19 $^{\text{б}}/_{5}$ (вм. прѣподобьнъ), нєпорочєнъ — 20 $^{\text{а}}/_{9-10}$, 22 $^{\text{а}}/_{10}$ (вм. нєпорочьнъ), отъ стєѕь — 21 $^{\text{а}}/_{12}$ (вм. отъ стьѕь), вєсъ 23 $^{\text{а}}/_{9}$, 29 $^{\text{а}}/_{10}$ (вм. вьсь), дєнь 21 $^{\text{б}}/_{13}$, 22 $^{\text{б}}/_{22}$, 24 $^{\text{б}}/_{21}$ и т. д. (вм. дьнь), крѣпокъ — 28 $^{\text{б}}/_{2-3}$, 86 $^{\text{б}}/_{9}$ (вм. крѣпъкъ), съ сонъмомъ — 30 $^{\text{б}}/_{2}$ (вм. съ сънъмомь), цр҃ковъ — 30 $^{\text{б}}/_{5}$ (вм. цр҃къкъ), тогда — 170 $^{\text{б}}/_{1}$, 126 $^{\text{а}}/_{19}$ (вм. тъгда), когда — 160 $^{\text{б}}/_{4}$, 149 $^{\text{б}}/_{20}$ (вм. къгда), приш҄лєць — 155 $^{\text{б}}/_{12}$, 52 $^{\text{а}}/_{12}$, 52 $^{\text{а}}/_{1}$ (вм. прішьльць), вьшєдъ — 153 $^{\text{б}}/_{9}$ (вм. въшьдъ), дьнєсь — 125 $^{\text{а}}/_{9}$ (вм. дьньсь), жєзлъ — 146 $^{\text{б}}/_{7}$ (вм. жьзлъ), вѣрєнъ — 118 $^{\text{б}}/_{26}$ (вм. вѣрьнъ), морєскъ — 101 $^{\text{б}}/_{10}$ (вм. морьскъ).

Что касается слабой позиции редуцированных, то в этих памятниках отражается смешение в употреблении букв ъ и ь, а также пропуск их. Например, в Зографском евангелии: сьдє — Мф. XII, 42; XIV, 8, 17; XXIV, 23; XXVI, 38; XXVIII, 6 и т. д. и съдє — Мф. XVI, 28; XVII, 7; мъного — Мр. VI, 20 и много — Мр. VIII, 31; вьсєгда — Мф. XXVI, II; Мр. XIV, 7; Лук. XVIII, 1 и всєгда — Лук. XIV, 31; висьръ — Мф. XIII, 46, но висъра — Мф. XIII, 45; вьсѧ — Мр. V, 40 и всѧ — Мф. IX, 35; XXV, 7; Мр. I, 32; III, 13 и т. д.; дьньсь — Мф. VI, 30, но дньсь — Мф. XXVII, 19, дънъсъ — Мф. XXI, 28; подобьно — Мф. III, 15; XIII, 31, 33, 44, 45; Лук. XIII, 18, 19 и подобъно — Мф. XX, 1; Лук. XIII, 20; къто — Мф. VII, 9; VIII, 27; XII, 11, 48; Мр. II, 7 и др. и кто — Мф. XII, 29; XIX, 25; XXI, 3; къдє — Мр. XIV, 14; XV, 47; Лук. VIII, 25; XVII, 37 и кдє — Мф. VIII, 20 и т. д.; в Мариинском евангелии: пьтицъ —

Лук. XII, 8 и птицѫ — Мф. X, 31; Лук. XII, 6, 24; мьздѫ — Мф. X, 41 и мъздѫ — Мф. X, 41; вьси — Мф. XII, 23 и въси — Мф. XI, 13, 28; мъногъ — Мф. XIV, 14 и многъ — Мф. II, 18, вѣрьни — Лук. XVI, 11, 12 и вѣрънъı — Лук. XVI, 10; овьдє — Лук. XVII, 21 и овъдє — Лук. XVII, 23; подобьни — Лук. VII, 31, 32, подобъно — Мф. XIII, 23, 44, 45, 47; XX, 1; Лук. XIII, 18, 19 и подобно — Мф. XIII, 31; III, 15; кънижъници — Мф. VII, 29; XV, 1; XVII, 10 и кьнижъникъ — Мф. XII, 38; XVI, 21, книжникы — Мф. II, 4, книжникъ — Мф. V, 20; чьто — Мф. VI, 3, чъто — Мф. IX, 5; XII, 3; XVI, 8 и что — Мф. V, 47; VI, 25; IX, 11; X, 19; XVI, 26 и т. д.; в Ассеманиевом евангелии: дьвою — Лук. VIII, 42, дъва — Мф. XXV, 22 и двою — Лук. VIII, 43; пришедъ — Лук. XIV, 21, пришедь — Мф. XXIV, 42 и пришед — Лук. VIII, 51; доньдеже — Ио. XII, 35 и дондеже — Ио. XII, 36; сътворіти — Ио. XI, 37, сьтвориша — Мф. XXVI, 19 и створѫ — Ио. XIV, 13; вьсı — Лук. IX, 6; VIII, 52; въсı — Лук. XIV, 18; Мр. I, 37 и всє — Ио. VI, 37; чьто — Мф. XVIII, 12; Лук. VIII, 28; X, 26 и что — Лук. XXVI, 38 и т. д.; в сборнике Клоца: подобномь — I, 406, подобна — I, 244 и подобьні — II, 55; вьсего — I, 630 и въсєго — I, 630 (ср. вьсє — I, 401, 419), мъзды — I, 710; II, 122 (вм. мьздъı); кто — I, 287, 109 и къто — I, 46, 236, 565, 929; слъньцє — I, 577, 587, 679, 837 и слънъцє — I, 328, 561, 787, 949, кнѧзъ — I, 89 и кънѧзѧ — I, 104; вѣрьно — I, 912 и вѣрна — I, 148 (ср. вѣрєнъ — II, 20); в Синайской псалтыри: до конъца — 9 $^{а}/_{4}$, 10 $^{б}/_{9, 14}$, 13 $^{а}/_{5}$, 16 $^{а}/_{5}$ и т. д. и до коньца — 9 $^{а}/_{6}$, правъдѫ — 27 $^{а}/_{13}$, 4 $^{б}/_{12}$, 14 $^{б}/_{4}$ и правьдѫ — 8 $^{а}/_{10, 21}$, 12 $^{а}/_{4}$, озълобленьѣ — 19 $^{а}/_{7}$ и зьлоба — 6 $^{б}/_{9}$, въсѣ — 7 $^{б}/_{9}$ и вьсѣ — 7 $^{б}/_{21}$, вьнидетъ — 28 $^{а}/_{20}$ и вънидетъ — 28 $^{б}/_{8-9}$, къто — 3 $^{б}/_{18}$, 5 $^{б}/_{5}$, 14 $^{а}/_{19}$, 22 $^{б}/_{6}$, 28 $^{б}/_{2, 9}$ и т. д., кьто — 12 $^{б}/_{5}$ и кто — 144 $^{а}/_{13, 14}$, мънѣ — 21 $^{а}/_{16}$, мьнѣ — 83 $^{а}/_{21}$ и мнѣ — 3 $^{а}/_{14}$, 13 $^{б}/_{4}$, 51 $^{а}/_{7}$, 52 $^{б}/_{14}$, 85 $^{б}/_{8}$, грѣшьніці — 9 $^{а}/_{1}$, 121 $^{б}/_{22}$ и грѣшъніці — 11 $^{б}/_{3}$, вьсѧ — 4 $^{б}/_{1, 3}$, 7 $^{б}/_{10}$ и въсѧ — 31 $^{б}/_{6-7}$, младенъцемъ — 17 $^{а}/_{17}$, младеньцѧ — 177 $^{а}/_{17}$ и младенцемъ — 164 $^{а}/_{12}$, сътвори — 151 $^{а}/_{20}$ и створи — 7 $^{а}/_{5}$.

В Ассеманиевом евангелии буквы ъ и ь зачастую не пишутся даже в конце слова, где они, несмотря на то что обозначали редуцированные гласные, находящиеся в слабой позиции, и, следовательно, подвергались утрате, долго еще сохранялись в написании в других старославянских памятниках по традиции: идѣм — Ио. XI, 16, грѧдет — Ио. XI, 20, вѣровах — Ио. XI, 27, плачет сѧ — Ио. XI, 31, был — Ио. XI, 32, съблюдет — Ио. XII, 7, нам — Мф. XXIV, 3; прѣдадѧт — Мф. XXIV, 9, бѫдет — Мф. XXIV, 28; XXVI, 2; Ио. XV, 7, въсплачѧт сѧ — Мф. XXIV, 30, речет — Мф. XXIV, 48, начьнет — Мф. XXIV, 49, положіт — Мф. XXIV, 51, коупіт — Мф. XXV, 10, вѣдѣах — Мф. XXV, 24, жесток — Мф. XXV, 24, въ дом — Мф. XXVI, 6, оученик — Мф. XXVI, 18, июдеом — Ио. VI, 39, 47, мьнит сѧ — Ио. XVI, 2, въ июдейх — Ио. XI, 54, отъ них — Ио. XII, 36, мног — Лук. VIII, 27, невѣрен — Лук. IX, 41, прид — Мр. I, 38 и т. д.

Иначе отражается судьба редуцированных в кириллических памятниках. Так, в Саввиной книге и Зографских листках отражается изменение в сильной позиции [ъ] > [о], [ь] > [е] только

в ударенном конце односложных слов. В Саввиной книге, как полагают, отражен один из диалектов восточной Болгарии.

Супрасльская рукопись, „Листки Ундольского“ и „Хиландарские листки“ представляют примеры перехода сильного [ь] в [е], но почти не дают примеров на переход сильного [ъ] в [о].

Например, в Хиландарских листках: безгрѣшенъ — I, Аа 14 (вм. безгрѣшьнъ), пришествию — I, Аа 24 (вм. пришьствию), доброчестъныи — II, Вв 1 (вм. доброчьстьныи), благочестьныихъ — II, Вв 6—7 (вм. благочьстьныихъ), нечестьнѣ — II, Вв 15 (вм. нечьстьнѣ); в „Листках Ундольского“: пришедъше — 9 (вм. пришьдъше), тогда — 8, 33 (вм. тъгда), шедъше — 13, 16—17 (вм. шьдъше), пришедъши — 63 (вм. пришьдъши), праведъни — 33 (вм. правьдьни), скръжетъ — 32 (вм. скрьжьтъ); в Супрасльской рукописи: пришедъшиимъ — 47_{24-25} (вм. пришьдъшиимъ), пришедъ — 50_1, 72_{18} (вм. пришьдъ), конецъ — 51_{38}, 67_{30} (вм. коньць), дєнь — 72_{19} (вм. дьнь), праведника — 215_{10} (вм. правьдьника).

Что касается слабой позиции редуцированных, то в этих памятниках наблюдается смешение и пропуск букв ъ и ь, когда они отражали слабые редуцированные [ъ] и [ь] (при этом в „Листках Ундольского“ представлена в написании только одна буква ъ): в Хиландарских листках: тъмоѭ — II, Ав 11 (вм. тьмоѭ), свѣтъла — II, Аа 23 (вм. свѣтьла), обьходить — II, Ва 15 (вм. объходитъ), правовѣрънъихъ — II, Вв 19 (вм. правовѣрьныихъ); в листках Ундольского: подобно — 3 (вм. подобьно), полъѕа —[1] 61 (вм. польѕа), кто — 68, 71 (вм. къто), многъ — 57 (вм. мъногъ), пъшеница — 7 (вм. пьшеница), въся — 30 (вм. вься); в Супрасльской рукописи: ѕъло — 211_{27} и ѕьло — 211_{22}, мнѣ — 49_{14}, 54_{14} и мьнѣ — 210_{30}, сьвлѣшти — 50_{15} и съвлѣшти — 50_{21}, мнѣахѫ — 52_{18} и мьнѣаше ся — 212_{11}, праведника — 215_{10} и правьдьника — 216_{27}, 217_4, правьдника — $217_{6, 20}$, $219_{13, 25}$, възьмъше — 219_{16} и вьземъше — 219_7, цръкъве — 220_{29}, 254_{18} и црькве — 219_{10}, градъ — 221_4 и градь — 218_9, дъва — 255_{12}, два — 52_{21} и дьвѣма — $217_{1, 24}$, старьць — 299_5 и старцоу — 298_{20}, и т. д.

В Македонском кирилловском листке, независимо от позиции, представлена только одна буква ь для обозначения редуцированных гласных [ъ] и [ь]: сьнабьдѣвъше — I, 3; сѫть — I, 5, 7, 24; II, 19; ѕьловѣрьнии — I, 10; оученикь — II, 26; главьнь — II, 5; красьнь — II, 3; великь — II, 26; кьде — I, 18.

§ 32. Отражение утраты слабых редуцированных в старославянских памятниках.

Старославянские памятники представляют незначительное количество примеров с отсутствием ъ и ь в конце слова. Но малочисленность написания слов без ъ и ь в конце слова не имела фонетического значения: книжники легко запоминали, что в конце слова следует писать ъ или ь, и употребляли их там по традиции. Исключение в этом отношении составляет только Ассеманиево евангелие,

---

[1] По техническим причинам для передачи аффрикаты [dz'] в старославянских примерах использована буква „ѕ“.

где имеется много написаний без ъ и ь в конце слова. Утрата редуцированных [ъ] и [ь] перед слогом с гласным полного образования происходила в болгарских говорах, отразившихся в старославянских памятниках, не одновременно во всех словах. При некоторых условиях редуцированные утрачивались раньше, при других — позднее.

По-видимому, наиболее благоприятными фонетическими условиями ранней утраты слабых редуцированных являлись следующие:

1. Употребление редуцированных [ъ] и [ь] в начале слова между согласными [p]/[s] (пьсати), [p]/[š] (пьшеница), [m]/[n] (мъного), [v]/[s] (вьсе), [p]/[t] (пьтица).

2. Употребление редуцированного [ь] в суффиксе перед сонорным согласным: вѣрьна, подобьна, приятьна, козьлѧ и т. д.

3. Чаще редуцированный [ъ] или [ь] утрачивался тогда, когда он не получал в пределах данного слова чередования с сильной позицией. Ср. къних ьникъ и съна (от сънъ).

4. Более ранняя утрата [ъ] и [ь] перед слогом с гласным полного образования была обусловлена не только артикуляцией соседних согласных и положением в начале слова, но известную роль здесь играл и синтаксический фактор. Так, например, во многих местоимениях и наречиях, в связи с более слабым их произношением по сравнению с именами и глаголами, редуцированные [ъ] и [ь] в слабой позиции подвергались довольно ранней утрате. Например: кто, что, где и т. д. (вместо къто, чьто, къде и т. д.).

В отличие от перечисленных выше существовали и такие условия, где редуцированные ъ и ь сохранялись дольше. Это прежде всего относится к тем группам согласных, произношение которых без редуцированных было затруднено. Например: [d]/[n] (дъно), [t]/[m] (тьма), [m]/[st] (мьстити) и т. д. Но и здесь в дальнейшем редуцированные подвергались утрате. Следовательно, слабые редуцированные [ъ] и [ь] не были устойчивой категорией, в одних условиях они исчезали быстрее, в других — медленнее.

§ 33. В старославянских памятниках XI в. наблюдается весьма частое смешение в употреблении букв ъ и ь в том случае, когда ими обозначались редуцированные [ъ] и [ь] в слабом положении: пишется ъ вместо ь, и наоборот.

Акад. И. В. Ягич впервые обратил внимание на то, что подобная мена знаков редуцированных находилась в зависимости от следующего слога: перед слогом с гласным заднего ряда писался ъ (бърати, дърати, ъдовица, вѣръна, дъка и т. д.), а перед слогом с гласным переднего ряда писался ь (дьвѣ, бьдѣти, вѣрьни, зьлѣ и т. д.). И. В. Ягич и его последователи считают, что подобная мена букв ъ и ь отражала соответствующее явление речи, а именно ассимиляцию слабых редуцированных с последующим слогом. По их мнению, это явление относилось к более раннему времени, чем эпоха написания дошедших до нас памятников, и именно к тому периоду, когда в славянской фонетической системе употреблялись

еще редуцированные [ъ] и [ь] в слабом положении. В период же написания дошедших до нас старославянских памятников слабые редуцированные [ъ] и [ь] уже не произносились. В связи с этим нет выдержанности в передаче мены букв ъ и ь в зависимости от следующего слога: пишут дъка и дька, дъни и дьни и т. д.

Однако мена букв ъ и ь в старославянских памятниках XI в. имеет и другое объяснение. Так, А. Лескин и А. М. Селищев считают, что подобная мена отражает явление, имевшее место после утраты редуцированных [ъ] и [ь] в слабой позиции. По их мнению, написание, например, бърати вместо бьрати отражает твердое произношение губного согласного [b], оказавшегося после утраты редуцированного [ь] перед следующим твердым звуком, и, наоборот, написание дьвѣ вместо дъвѣ отражает смягченное произношение звука [d], оказавшегося после утраты редуцированного [ъ] перед следующим смягченным согласным.

РЕДУЦИРОВАННЫЕ [y̆] И [ĭ]

§ 34. В старославянском языке, как об этом упоминалось выше (см. § 22), наряду с редуцированными [ъ] и [ь] существовали редуцированные [y̆] и [ĭ]. Эти редуцированные, находясь в слабой позиции, ко времени написания дошедших до нас старославянских памятников XI в. утратились. Вот несколько примеров, указывающих на утрату редуцированного [ĭ] в слабой позиции: брение — Син. пс. 21 ᵃ/₃ (вм. брьние), кровиѭ — сб. Кл. I, 313, 316 (вм. кръвиѭ), пришествие — Ас. ев., Мф., XXIV, 27, 39 (вм. пришьствие) и т. д. Гласные [о] и [е] вместо [ъ] и [ь] появились благодаря утрате в следующем слоге редуцированного [ĭ], находившегося в слабой позиции.

Примеров с редуцированным [y̆], находящимся в слабой позиции, в старославянских памятниках не сохранилось. По-видимому, его утрата произошла значительно раньше.

Что касается редуцированного гласного [ĭ], находившегося в слабой позиции, то в XI в. он, как показывают приведенные выше примеры, уже не существовал в фонетической системе тех говоров, которые отразились в старославянских памятниках. Поэтому слова типа знамение, костиѭ и т. д. произносились в это время как [znamen'je], [kost'jǫ], а буква и/ь, обозначавшая [ĭ], имела здесь чисто графическое значение: она указывала на наличие [i̯] ([j]) после согласного.

Редуцированные гласные [y̆] и [ĭ], находясь в сильной позиции, прояснились к X—XI вв. в гласные полного образования [y] и [i].

На письме они по-прежнему передавались буквами ꙑ и и. В старославянских памятниках очень часто можно встретить употребление стяженных форм: сочетания [y̆ i], [ĭ i] или позднее [yĭ], [i ĭ] (гласный [i], находясь в заударном слоге после гласного, становился редуцированным, а позднее и неслоговым) подверглись асси-

миляции и стяжению в один гласный [у] или [i]. Например, мѫдрꙑ — Зограф. ев., Мф. XXV, 9 (вм. мѫдрꙑи), вѣчьнꙑ — Зограф. ев., Лук. XVIII, 18 (вм. вѣчьнꙑи), которꙑ — Мар. ев., Лук. VII, 43; XXII, 23 (вм. которꙑи), чл҄вчскꙑ — Мар. ев., Лук. VII, 34; Ио. XIII, 31 (вм. чл҄вчскыи), дроугы — Мар. ев., Лук. IX, 61 (вм. дроугыи), лѫ(ка)вы — Син. пс., 4 $^а/_{19}$ (вм. лѫкавыи), праведьны — Син. пс., 47 $^б/_{20}$ (вм. праведьныи), добры — Мар. ев., Ио. X, 11, 14 (вм. добрыи).

Если не происходило стяжения, то конечный редуцированный [ĭ]<[i] в сочетаниях [уĭ] и [iĭ] становился в славянских языках неслоговым: [umyi̯], [dobryi̯], [pii̯] (вместо [umyĭ], [dobryĭ], [piĭ]). В старославянских памятниках встречаются формы типа господен — Мар. ев., Мф. XV, 27 (вм. господин), людеи — Мар. ев., Мр. XIII, 15 (вм. людии), дѣтеи — Мар. ев., Мф. XV, 38; Лук. VII, 16 (вм. дѣтии), болеи — Мар. ев., Лук. XXII, 24; Ио. IV, 12; VIII, 53; XIII, 16 (вм. болии), нарицаемои — Мар. ев., Ио. XXI, 2 (вм. нарицаемыи), дьнеи — Мар. ев., Лук. II, 44; V, 17 (вм. дьнии), оумерои — Мар. ев., Ио. XII, 1 (вм. оумерыи), скръбеи — Син. пс., 40 $^б/_{17-18}$ (вм. скрьбии), печалеи — Син. пс., 41 $^б/_7$ (вм. печалии), пѣснеї — Син. пс., 176 $^б/_{20}$ (вм. пѣснии), заповѣдеї — Син. пс., 160 $^б/_{15}$, 156 $^б/_{19}$, 155 $^б/_{14, 20}$, 118 $^б/_9$ (вм. заповѣдиї), лѫкавои — Син. пс. 14 $^б/_{12}$ (вм. лѫкавыи), прѣподобьнои — Син. пс., 12 $^а/_9$ (вм. прѣподобьныи), нечьстiвои — Син. пс., 10 $^б/_{16}$ (вм. нечьстiвꙑи), ніштеі — Син. пс., 11 $^а/_2$, 40 $^б/_{22}$ (вм. ништиї), болѣзнеі — Син. пс., 124 $^а/_{16}$ (вм. болѣзнии), оправьданеі — Син. пс., 161 $^а/_{12}$, 160 $^б/_1$, 156 $^б/_{12}$ (вм. оправьданиі), людеї — Син. пс., 149 $^а/_{16}$, 137 $^б/_{10}$, 124 $^а/_1$, 118 $^а/_6$ (вм. людии), дьнеї — Син. пс., 160 $^б/_{2, 3}$, 131 $^а/_{13}$, 51 $^а/_{12}$, 121 $^б/_1$ (вм. дьнии) и т. д. Употребление здесь гласных [о] и [е] вместо [у] и [i] указывает на то, что они возникли в данном случае на месте редуцированных [ъ] и [ь], находившихся в сильной позиции. Наличие [ъ] и [ь] в этих формах было вызвано влиянием родственных форм и основ, в которых [ъ] и [ь] не находились перед [i]. Например, в слове лѫкавъи звук [ъ] перед [i] мог не измениться в [ў]>[у] под влиянием именной формы лѫкавъ; форма род. п. мн. ч. с окончанием [-ьі], например дьньи, людьи и т. д., вместо окончания [-ii]: дьнии, людии и т. д., вызвана связью с другими формами, где сохранялся [ь], например дьньмъ, дьньми, дьньхъ и т. д.

СЛЕДСТВИЯ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ [Ъ] И [Ь]

§ 35. В результате утраты редуцированных [ъ] и [ь] в слабой позиции произошли очень большие изменения в фонетической структуре старославянского языка, отразившиеся в памятниках письменности.

1. С утратой слабых редуцированных [ъ] и [ь] создалась возможность употребления закрытых слогов (как в конце слова, так и в середине слова). Например: [rabъ] рабъ>[rab], [synъ] сынъ> [syn], [damь] дамь>[dam'], [pǫtь] пѫть>[pǫt'] и т. д.

Однако в конце слова еще долго сохранялось традиционное употребление (написание) букв ъ и ь, хотя они уже не обозначали звуков. Написание их указывало на выучку писца, а может быть имело и некоторое морфологическое значение. Так, например, написание слова гꙑбѣль [gybĕl'] с ь в конце слова указывало на то, что данное слово относится к склонению существительных типа кость (бывш. скл. с основой на -ĭ).

2. Вследствие утраты слабых редуцированных [ъ] и [ь] возникли сочетания согласных, ранее невозможные в старославянском языке. Например, [tl], [dl], [tn], [dn], [pn], [bs], [ks], [kt], [ps] и др.: [kъto] (къто) > [kto] (кто), [sedьlo] (седьло) > [sedlo] (седло), [svĕtьla] (свѣтьла) > [svĕtla] (свѣтла), [dьni] (дьни) > [dni] (дни), [pьsi] (пьси) > [psi] (пси) и т. д.

В XI в. появились в старославянском языке сочетания [pn], [bn] (пн, бн) и иного происхождения; они возникли вследствие нового присоединения глагольных суффиксов [-nǫ] -нѫ в инфинитивной основе, [-ne] -не в основе настоящего времени к корню, оканчивающемуся на [b-] и [p-]: погꙑбнетъ — Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Лук. XXI, 18; Зогр. ев., Ио. VI, 12; Син. пс., 54 $^{a}/_{14}$; погꙑбнѫтъ — Зогр. ев., Мар. ев., Ас. ев., Сав. кн., Остр. ев., Мф. XXVI, 52; Мр. II, 22; Лук. V, 37; Ио. X, 28; Син. пс., 8 $^{a}/_{6}$, 131 $^{a}/_{21}$; (не) погꙑбнѫ — Син. тр., 83 $^{б}/_{21}$, 84 $^{a}/_{6}$; оѹслъпнѫша — Супр. 323_{5}, истопнѫша — Супр., 197_{10}, прозѧбнетъ — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXIV, 32; Мр. XIII, 28 и т. д.

3. В новых сочетаниях согласных, возникших вследствие утраты слабых редуцированных [ъ] и [ь], стала возможна ассимиляция их по глухости и звонкости. Например, [sьde] сьде > [sde] сде > [zde] зде — Зогр. ев., Мф. XVII, 4; XX, 6; XXIV, 2; [kъto] къто > [kto] кто > [hto] хто — Мар. ев., Мф. III, 7.

Вследствие тесного объединения слов во фразе в ряде сочетаний произошла ассимиляция конечного согласного одного слова с начальным согласным следующего слова. Многочисленные примеры такой ассимиляции отражены в Синайской псалтыри: на-дѣлы — 7 $^{б}/_{7}$ (вм. над(ъ)дѣлы), подъ ꙗзыко-моимъ — 79 $^{б}/_{14}$ (вм. подъ ꙗзыком(ь) моимь), поклонi-тiсѧ — 78 $^{б}/_{13}$ (вм. поклонит(ъ)тi сѧ), въздыханье-моiмъ — 5 $^{б}/_{7}$ (вм. въздыханьем(ь) моiмь), срьдьце-моiмь — 115 $^{a}/_{3}$ (вм. срьдьцем(ь) моiмь), свты-моiмъ — 118 $^{a}/_{8}$ (вм. свтым(ь)моiмь).

4. Происходит образование вторичных слоговых плавных перед согласными в результате утраты между ними слабых редуцированных [ъ] и [ь].

Ед. ч. Им. [krьstъ] (крьстъ) > [krest(ъ)]
Род. [krьsta] (крьста) > [krsta] > [kr̥sta]
Дат. [krьstu] (крьстоу) > [krstu] > [kr̥stu] и т. д.

Если в первом случае редуцированный [ь] после плавного [r], оказавшись в сильной позиции, прояснялся в гласный полного образования [e], то в двух других редуцированный находился

в слабой позиции и, следовательно, подлежал утрате. Утрата слабого редуцированного перед слогом с гласным полного образования приводила к развитию слоговости плавным согласным. В результате одно и то же слово в разных формах имело разные основы: то со слоговым редуцированным, прояснявшимся в гласный полного образования, то со слоговым плавным, развившим слоговость после утраты слабого редуцированного. Утрата слабых редуцированных после плавных [r] или [l], развивших слоговость, отражена в памятниках старославянской письменности смешением в употреблении знаков редуцированных ъ и ь или иногда их пропуском: слъзами — Мар. ев., Мр. IX, 24; Лук. VII, 38, 44 (вм. сльзами); кр҄стителѣ — Мар. ев., Мр. VIII, 28; Зогр. ев., Мф. XI, 11, 12; XIV, 8; XVI, 14; кръстителѣ — Мар. ев., Лук. VII, 28; Мф. XI, 11, 12 (вм. крьстителѣ); съ кр҄ста — Зогр. ев., Мф. XXVII, 40, 42 (вм. съ крьста); въскръсе — Зогр. ев., Мф. XIV, 2; Мар. ев., Лук. XIII, 55; IX, 8 (вм. въскрьсе); до крьве — Мар. ев., МФ, XXIII, 35 (вм. до кръве); оутрни — Мар. ев., Мф. VI, 34 (вм. оутрьни); воскръснѫ — Син. пс., 12 $^б/_8$ (вм. въскрьснѫ); слъзы — Син. пс., 55 $^а/_7$, 69 $^б/_9$ (вм. сльзы); пльтъскы — Син. тр. 3 $^а/_{13}$ (вм. плътьскы); крьви — Син. пс., 8 $^б/_8$ (вм. кръви); кръста — Супр., $428_{16, 19-20}$, 65_{22} (вм. крьста); кр҄ста — сб. Клоца 1. 718 (вм. крьста); пльтиѭ — Супр. рук., $11_{5, 26}$, $448_{5, 6}$, 456_6 и т. д.

Старославянские памятники XI в. представляют указание на объединение звукового вида основы для разных форм. При этом объединение основы шло в направлении обобщения для всех форм основы со слоговым плавным [r̥] или [l̥].

В памятниках письменности это нашло отражение в том, что знаки редуцированных ъ и ь, отражавшие сильные редуцированные [ъ] и [ь], смешивались или совсем пропускались: [kr̥v(ъ)] кръв — Мар. ев., Мф. XVI, 17 (вм. кръвь), [pl̥t(ь)], пльть — Мар. ев., Ио. VI, 51; Зогр. ев., Мф. XVI, 17; Ас. ев., Ио. VI, 51 (вм. плъть), [kr̥v(ь)] крьвь — Зогр. ев., Мф. XXVII, 4; Сав. кн., Мф. XXVI, 28; XXVII, 4, 25, 49 (вм. кръвь), [kr̥st(ъ)] кръстъ — Зогр. ев., Мр. X, 21; сб. Кл. I, 574, 587, 610, 611, 648, 718—719 (вм. крьстъ), [kr̥st(ъ)] кр҄стъ — Сб. Кл. I. 588, 591 и т. д.

ПРОЦЕССЫ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ПАДЕНИЕМ РЕДУЦИРОВАННЫХ

§ 36. В фонетической системе болгарских говоров, которые легли в основу языка кирилло-мефодиевских переводов, согласные [š], [ž], [č], [ŝt], [žd͡], [c], [d͡z] были мягкими по своему происхождению. Гласные непереднего ряда [a], [ǫ], [u] после данных согласных несколько продвигались вперед: [ȧ], [ǫ̇], [u̇]. Мягкость данных согласных нашла отражение в графике старославянских памятников. Так, в них можно встретить после ш, ж, ч, шт, жд написание ѣ (Ѧ). Например, доушѣми — Киев л. III^б 12—13; нашѣ — Киев. л.

V^{б} 8, 16, II^{б} 16, III 20, V 21, VII^{б} 12; чѣсѣ — Мар. ев., Лук. IV, 5; покажѣте — Мар. ев., Зогр. ев., Лук. XX, 24; іштѣте — Мар. ев., Зогр. ев., Мф. VI, 33; можѣахѫ — Мар. ев., Лук. VIII, 19; покажѣте — Сав. кн., Мф. XXII, 14; множѣиша — Сав. кн., Мф. XXI, 36; ищѣте — Сав. кн., Мф. VII, 7; Лук. IX, 9; XI, 9; плаштѣшцѫ — Ас. ев., Мр. XV, 46; оужѣсѣ — Син. пс., 37 $^{а}/_{21}$; възплещѣте — Син. пс., 60 $^{б}/_{3-4}$; въздеждѣте — Син. пс., 174 $^{а}/_{16}$, хождѣаше — Зогр. ев., Мар. ев., Ио. XXI, 18; чѣсъ — Зогр. ев., XIV, 35; мъножѣіша — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXI, 36; сконъчѣ — Зогр. ев., Мф. XIX, 1 и т. д.

Однако наряду с подобным написанием встречается и употребление буквы а (ⰰ).

Так, в наиболее древнем старославянском памятнике — Киевских листках — написания с буквой а (ⰰ) после этих согласных еще единичны: съгрѣшати — IV$_{21}$, папежа — 1 $^{б}/_{4}$.

В Зографском ев., Мариинском ев., Синайской псалтыри и особенно в Ассеманиевом ев. написания с а (ⰰ) значительно чаще: чаша — Мар. ев., Мф. XXVI, 39, 42; млъчааше — Мар. ев., Мф. XXIV, 63; ишедъша — Мар. ев., Мф. IX, 31; шедъша — Зогр. ев., Мф. IX, 31; бѣжаша — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. VIII, 33; можааше — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. VIII, 28; слыша — Син. пс., 37 $^{б}/_{3}$; слоужаше — Син. пс., 129 $^{б}/_{13}$; льщании — Син. пс., 81 $^{б}/_{4-5}$, чааниѣ — Син. пс., 163 $^{а}/_{6}$, хождааше — Ас. ев., Ио. V, 9; VIII, 59; X, 23; члвѣча — Ас. ев., Ио., I, 52; больша — Ас. ев., Ио. I, 51; сѫща — Ас. ев., Ио., I, 51; отъвѣща — Ас. ев., Ио. II, 19; Ио. V, 7, 19; Лук. XXIV, 18; Ио. III, 5, 9, 10 и т. д. Для Сборника Клоца и Супрасльской рукописи характерны уже написания с а (ⰰ) дръжака — сб. Кл. 552, обличаѭтъ, печаті — сб. Кл. 913, выкъшаго — сб. Кл. 320, слышаахѫ — Супр. 19$_{28}$, мѫжа — Супр. 43$_{29}$, наслаждаѭштеи сѧ — Супр. 23$_{24}$, чашѫ — Супр. 469$_{22}$, оучаахѫ — Супр. 45$_{26-27}$ и т. д.

В написаниях с а (вместо ѣ — ⰰ) после ш, ж, ч, шт, жд многие видят указание на отвердение данных согласных. По мнению же А. М. Селищева, подобные написания не обязательно свидетельствуют об отвердении предшествующих согласных, а скорее отражают диспалатализацию (диссимиляцию) гласного после мягкого согласного, подобно древнейшему славянскому изменению [ē] в [a] после [j], [č], [š], [ž].

В старославянских памятниках, в которых встречается написание а (ⰰ) после ш, ж, ч, шт, жд, наблюдается очень частое употребление буквы ю после этих шипящих (исключение составляет только Супрасльская рукопись), что лишний раз свидетельствует о том, что звуки, обозначавшиеся этими буквами, являлись мягкими: творѧштю — Зогр. ев., Мф. VI, 3; чюдишѧ сѧ — Зогр. ев., Мф. VIII, 27; IX, 8; Лук. VIII, 25; Мар. ев., Лук. 1, 63; шюица — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. VI, 3; шюмъ — Зогр. ев., Лук. IV, 37; сънъмиштю — Зогр. ев., Мф. V, 22; Мар. ев., Лук. VIII, 41; междю — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. VII, 31; Лук. XVI, 26; мѫжю — Мар. ев., Мр. X, 2; Лук. XIX, 17; ходѧштю — Мар. ев., Мр. II, 23; Мф. IX, 26; грѧдѫштю — Мар. ев.,

Мр. XV, 21; чюдеса — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXIV, 24; Мр. XIII, 22; Син. пс. 30 б/12, 60 а/15; нищюмоу — Син. пс. 81 а/17; велящюмоу — Син. пс. 56 а/12; шюма — Син. пс. 55 а/16, 98 б/11–12; междюрамье — Син. пс. 81 б/4; кождю — Син. тр. 51 б/9; чювьствие — Син. тр. 7 б/8; крачю — Син. тр. 24 б/1; 25 б/18; 38 б/10; 68 а/9; сѣдящюмоу — Син. тр. 12 б/5–6; пришедъшю — Син. тр. 7 а/6; бывъшю — сб. Кл. I, 127, 756, 935, 948; тажю — сб. Кл. I, 145; сѫштю — сб. Кл. I, 329; глѫштю — сб. Кл. I, 112, 135; междю — сб. Кл. I, 527—528; нечювьстье — сб. Кл. II, 113; чюдо — Ас. ев., Ио. IV, 54; сѫщю — Ас. ев., Ио. V, 13; междю — Ас. ев., Ио. IV, 31; крачю — Ас. ев., Лук. IV, 23; шюѭ — Ас. ев., Мр. X, 40 и т. д. Но и здесь начинает сказываться результат диспалатализации гласного после мягкого согласного, что в старославянских памятниках отражается в написании буквы оу после ш, ч, ж, шт, жд и наиболее последовательно проведено в Супрасльской рукописи: чоудо — 458_{21}; междоу — 451_{9}; могѫштоу — 465_{8-9}; на плештоу — 469_{12}, мѫжоу 25_{7}; глаголѫштоу — 471_{1} и т. д.

Особого замечания требуют свистящие аффрикаты [c], [d͡z] и мягкий согласный [s], возникший на месте [ch] в результате палатализации последнего.

В старославянских памятниках большей частью после букв ц и ѕ (> з) пишется а и оу и крайне редко встречаются написания с ѣ и ю: шюіца — Зогр. ев., Мф. VI, 3; десница — Зогр. ев., Мф. VI, 3; лица — Зогр. ев., Мф. VI, 16; польза — Зогр. ев., Мр. VIII, 36; Лук. IX, 25; съжиѕаѭтъ — Мар. ев., Мф. XIII, 40; польѕа — Мар. ев., Мр. VIII, 36; пиганицами — Мар. ев., Мф. XXIV, 49; отца — Мар. ев., Мр. X, 7; пѣнѧѕоу — Мар. ев., Мф. XX, 2, 10; коньца — Син. тр. 2 б/23; Супр. рук., 467_{12}; оца — Син. тр. 63 б/23; Ас. ев., Ио. II, 16; V, 18; VI, 57,65; срца — Син. тр. 76 а/21; подвизаєте сѧ — Син. тр. 76 б/17–18; (міро)творьца — Супр. рук. $453_{5,7}$; сб. Кл. I, 519,930, 932; оца — сб. Кл. I, 87,554; блисцанимь — сб. Кл. I, 821; к'нѧза — Супр. рук. 19_{23}; лицоу — Супр. рук., 458_{1}; раждіѕаєтъсѧ — Син. пс. 79_{13-14}; вьздвиѕаѭї — Син. пс. 149_{6}, сътѧѕа — Ас. ев., Лук. XXIV, 17; пѣнѧѕоу — Ас. ев., Мр. XX 2, 10, 13; сосьца — Ас. ев., Лук. XI, 27, и т. д.

По мнению А. М. Селищева, подобные написания свидетельствуют о более раннем отвердении аффрикат [c] и [d͡z] по сравнению с шипящими. Он полагает, что данные аффрикаты отвердели уже в XI в.

Что касается отвердения шипящих, то оно происходило не одновременно в разных болгарских говорах и относится уже к периоду среднеболгарской эпохи.

Об отвердении [s'] можно судить только по образованиям с местоименной основой [vьs-]. Так, в больших по объему глаголических памятниках в основном после [s'] в словах с этой основой употребляется написание буквы ѣ (A): вьсѣ — Зогр. ев., Мф. IV, 9; вьсѣхъ — Зогр. ев., Мф. IV, 29; V, 11, 28, 32; VII, 8; X, 1, 32; XII,

25; XIII, 52 и т. д.; вьсѣхъ — Зогр. ев., Мф. VI, 32; Мр. XII, 22, 30, 33; Лук. I, 71; всѣко — Зогр. ев., Мф. VII, 17, 19; XII, 25, 36; всѣ — Мар. ев., Мф. VI, 33; VIII, 33; XXIII, 3, XXIV, 8, вьсѣми — Мар. ев., XXIV, 9; вьсѣкои — Мар. ев., Мф. XIX, 3, всѣкъ — Мар. ев., Мф. IV, 23; V, 11, 21; вьсѣ — Син. пс., $131^{б}/_{9}$, $132^{б}/_{16}$; $161^{а}/_{8}$, вьсѣхъ — Син. пс. $135^{а}/_{8}$, $174^{б}/_{11}$, въсѣ — Син. пс. $59^{а}/_{21}$; $78^{б}/_{13}$; вьсѣчъскаа — Син. пс. $134^{б}/_{4}$ и т. д.

В больших же по объему кириллических памятниках (Саввина книга, Супрасльская рукопись) данные слова пишутся главным образом с а: вьса, вьсакъ и т. д.

Подобное написание, по мнению А. М. Селищева, свидетельствует о том, что мягкий согласный [s'], возникший на месте [ch], в XI в. по говорам, отразившимся в этих памятниках, отвердел.

§ 37. Во второй половине IX в. в старославянском языке употреблялась звонкая аффриката [$\widehat{dz}$], для передачи которой в глаголических памятниках использовалась буква ⰷ, а в кириллических — ѕ (ѕ).

В дальнейшем данная аффриката подверглась изменению: утратился звонкий затворный элемент, в результате [$\widehat{dz}$] > [z]. Это привело к совпадению произношения аффрикаты с произношением фрикативного согласного [z], что нашло отражение и в графике старославянских памятников.

Древнейший старославянский памятник — Киевские листки — еще не дает материала, на основании которого можно было бы судить об изменении аффрикаты [$\widehat{dz}$]. В нем всегда правильно употребляется буква ⰷ, соответствующая аффрикате [$\widehat{dz}$], возникшей в общеславянском языке на месте [g] в результате палатализации последнего. Ассеманиево евангелие, Синайская псалтырь и позднейшая часть Зографского евангелия также еще не отражают изменений в судьбе данной аффрикаты, буква „ѕѣло" пишется здесь везде правильно, т. е. там, где исторически возникла аффриката [$\widehat{dz}$]: кьнаѕь — Ас. ев., Ио. III, 1; XII, 31; сътаѕание — Ас. ев., Ио. III, 25; ноѕѣ — Ас. ев., Ио. XX, 20, мноѕи — Ас. ев., Мф. VIII, 1; Ио. VI, 60, 66; VII, 40; польѕа — Ас. ев., Ио. VI, 63, ѕѣло — Ас. ев., Мр. XVI, 2, 4; Мф. VII, 27; пѣнаѕь — Ас. ев., Ио. VI, 7, немноѕи — Син. пс. $135^{б}/_{11}$, раждиѕаетъ сѧ — Син. пс. 79_{13}, отъвръѕи — Син. пс. 65_{14}, $86^{б}/_{15}$, вьздвиѕаѧ — Син. пс. 149_{6}; полъѕа — Зогр. ев., Мф. XVI, 26; мноѕи — Зогр. ев., Мф. XIX, 2 и т. д.

Однако в Синайской псалтыри имеются единичные случаи употребления буквы „земля" — з: отъвръзѣмъ, 2_{3}; зѣло, $49^{б}/_{14}$; раждъзі — 30_{18}. В Мариинском евангелии и особенно в старшей части Зографского евангелия уже значительно чаще употребляется буква „земля" — з вместо буквы „ѕѣло" — ѕ (ѕ): звѣзды — Мар. ев., Мф. XXIV, 29; Мр. XIII, 25; кънѧзи — Мар. ев., Мф. XX, 25; врази — Мар. ев., Мф. X, 36; пѣнязъ — Мар. ев., Мф. XXII, 19; мьнозѣхъ — Мар. ев., Мф. XXV, 19; дроузии — Мар. ев., Мф. XXI, 8; отврьзе — Мар. ев., Ио. IX, 14, 17, 21; Лук. III, 21, зѣло — Зогр. ев., Мф.

XXVI, 22; XXVII, 14; Лук. XXIII, 8; Лук. XVIII, 39; польза — Зогр. ев., Мр. VIII, 36; Лук. IX, 25; пользѧ — Зогр. ев., Мр. V, 26; пѣнѧзь — Зогр. ев., Мр. VI, 37; XII, 15; стьзѧ — Зогр. ев., Мр. I, 3; нозѣ — Зогр. ев., Лук. VII, 38, 44; мнози — Зогр. ев., Мф. VII, 13; VIII, 1; XIII, 2, 17; Мр. II, 2, 15; V, 9; VI, 2; Лук. I, 1, помози — Зогр. ев., Мф. XV, 25; Мр. IX, 22, 24; дроузи — Зогр. ев., Мф. XVI, 14 и т. д.

В Саввиной книге и Супрасльской рукописи обычным является употребление буквы „землꙗ" — з для передачи аффрикаты [$\widehat{dz}$][1]: кънѧзь — Сав. кн., Лук. VIII, 41, 52, 102, 105; Ио. XIV, 30; XVI, 11; пѣнѧзь — Сав. кн., Мф. XXII, 19; Ио. XII, 5; пѣнѧзоу — Сав. кн., Мф. XX, 9; кънѧза — Сав. кн., Лук. XIV, 2; нозѣ — Супр. рук. 2_{21}; мнози — Супр. рук. 6_{48}; возѣхъ — Супр. рук. 8_{16}; бзи — Супр. рук. 34_{14}; отъврѣзи — Супр. рук. 65_{23} и т. д.

Таким образом, факты орфографии старославянских памятников ясно указывают на тот процесс, какой был пережит аффрикатой [$\widehat{dz}$] в старославянском языке.

§ 38. В старославянском языке, как об этом говорилось выше, имелись мягкие звуки [r'], [l'], [n']. В образовании мягких [l'] и [n'] в старославянском языке не было пережито никаких изменений за исключением сочетания мягкого [l'] с предшествующим губным согласным не в начале слова (см. об этом ниже). Что касается мягкого [r'], то, возможно, что в ряде говоров, отраженных в старославянских памятниках, в XI в. мягкого [r'] уже не было, так как произошло его отвердение. Мягкость плавного [r] передавалась в памятниках двояко: или с помощью надстрочного значка над буквой р — р̂, или написаниями рꙗ (рѣ), рю, рѭ. Так, в Киевских листках, в Синайской псалтыри, в Мариинском евангелии, в Ассеманиевом евангелии обычным способом передачи мягкого [r] являются написания рѣ, рю, рѭ. Например: раширѣѭтъ — Мар. ев., Мф. XXIII, 5; (по) морю — Мар. ев., Мф. XIV, 26; Мф. VIII, 26; олтарю — Мар. ев., Мф. V, 23; оузърѭ — Син. пс. 4 а/16, възърѭ — Син. пс. 152 б/17, цѣсарѣ — Син. пс. 118 а/2, црѣ — Син. пс. 176 а/19, 128 а/16, борѣахѫсѧ — Син. пс. 168 а/6; борѭщи сѧ — Син. пс. 69 а/16–17, црю — Син. пс. 74 б/7; разарѣаше — Ас. ев., Ио. V, 18; морѣ — Ас. ев., Ио. V, 25; VI, 1, 17; по морю — Ас. ев. Ио., VI. 19; творѣаше — Ас. ев., Ио, VI, 14; Мр. VI, 20; црѣ — Ас. ев., Ио. VI, 15; XIX, 15; (съ)творѭ — Ас. ев., Ио. VI, 38; X, 38; Мр. X, 36; црю (зв. ф.) — Ас. ев., Мр. XV, 18.

В Зографском евангелии очень часто мягкость согласного [r'] передается не только указанными выше написаниями, но также и употреблением еще надстрочного значка мягкости: морѣ — Мф. IV, 15; XIV, 24; мор̂ю — Мф. VIII, 26; къ мор̂ю — Мр. II, 13; III, 7; по морю — Мф. XIV, 26. Однако уже здесь имеются случаи употреб-

[1] Это свидетельствует уже о том, что аффриката [$\widehat{dz}$], утратив звонкий затвор, полностью совпала с фрикативным согласным [z].

ления ра вместо рѣ: кєсара — Зогр. ев., Лук. II, 1, наряду с кєсарѣ — Лук. III, 1 и кєсарѣ — Ио. XIX, 15; лазора — Зогр. ев., Лук. XVI, 23, наряду с лазарѣ — Ио. XI, 5.

В Саввиной книге и Супрасльской рукописи часто можно встретить написания ра, роу, рѫ вместо ря (рѣ), рю, рѩ: сътворѫ — Супр. 17_1; 23_{13}; борѫштии сѧ — Супр. 74_{16-17}; борѫште сѧ — Супр. 69_{26}; цѣсара — Супр. 69_{29}, 257_{16-20}; цсроу (зв. ф.) — Супр. 65_{26-30}; оузьрѫ — Супр. 18_1; твораста — Супр. 25_{18}; распьра — Сав. кн., Ио. VII, 43; разарааі — Сав. кн., Мф. XXVII, 40; съмирающеі — Сав. кн., Мф, V, 9, кєсара — Сав. кн., Лук. II, I; створѫ — Сав. кн., Мф. IV, 29; творѫ — Ио. XIV, 31.

Аналогичная картина наблюдается в Остромировом евангелии: цра — Ио. VI, 15; Ио. XIX, 15; Лук. 1, 5; боура — Лук. VIII, 23; оудараитє — Лук. XI, 8; сѫпьра — Лук. XVIII, 3, сътворѫ — Мф. XIX, 16; XX, 32; Лук. XII, 18; Ио. IV, 34, XVI, 15, XVII, 5; цроу (зв. ф.) — Мф. XXVII, 29; оузьрѫ — Ио. XVI, 22; прозьрѫ — Лук. XVIII, 42.

Подобные написания свидетельствуют об отвердении мягкого согласного [r'] в говоре писцов этих памятников, что в свою очередь нашло отражение в графике последних.

§ 39. Во второй половине IX в. мягкий согласный [l'] после предшествующего ему губного согласного (так называемый [l]-эпентетикум) всегда употреблялся в старославянском языке как в начале слова, так и не в начале слова. Древнейший старославянский памятник — Киевские листки — еще не фиксирует никаких изменений в употреблении [l]-эпентетикум: избавлєниѣ — IV, 10; приємлємъ — V, 14; въжлюблєнъиѩ — V, 3—4; зємльскъихъ — V, 22.

В старославянских памятниках XI в. уже представлены довольно частые отступления от правильного употребления [l]-эпентетикум не в начале слова.

Так, в Зографском евангелии, Мариинском евангелии, сборнике Клоца, Синайском требнике наблюдаются случаи утраты [l]-эпентетикум перед гласными [i] и [ь]: на зєми — Зогр. ев., Мф. VI, 19; IX, 6; X, 29, 34; XIII, 23; XVIII, 18; Мр. II, 10; Лук. II, 14; Мар. ев., Мф. VI, 10, 13; X, 29; XIII, 8, 23; XVI, 19; XVIII, 18, 19; XXIII, 9; Мр., II, 10; VI, 47 и т. д.; пристѫпь — Зогр. ев., Мф. VIII, 2, 19; XXV, 21; XXVIII, 2; Мар. ев., Мф. VIII, 2, 19; XVII, 7; XVIII, 21; XIX, 16; XXVII, 58; XXV, 20; XXI, 30 и т. д.; (въ) корабь — Зогр. ев., Мф. IV, 22; IX, 1; XIII, 2; XIV, 22, 32; XV, 39; Лук. V, 11; Мар. ев., Мф. VIII, 23; IX, 1; XIII, 2; XIV, 22, 32, 24; XV, 39; Мр. III, 1; VI, 45 и т. д.; пристѫпьшє — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XIII, 10; XIV, 12; XV, 12; XVI, 1 и т. д.; корабица — Зогр. ев., Мар. ев., Лук. V, 2; оставь — Зогр. ев., Мф. IV, 13; Мр. VIII, 13; дивѣахѫ сѧ — Зогр. ев., Мф. XXII, 33; прѣломь — сб. Кл. 378; на зємі — сб. Кл. 179, 361 и т. д.; възлюбь — сб. Кл. II, 126; (на) зєми — Син. тр. 3 а/10, 4 б/15, 12 б/15, 13 а/11 и т. д; поставь — Син. тр. 38 б/8, потрѣбьшємь — Син. тр. 52 б/16 и т. д.

В Зографском евангелии и Синайском требнике (и крайне редко в Мариинском евангелии) наблюдаются также случаи утраты [l]-эпентетикум перед гласным [е] (главным образом при образовании страдательных причастий прошедшего времени): оумрѫштвено — Син. тр. 73 $^{б}/_{9}$; влаг(осл)овение — Син. тр. 5 $^{б}/_{18}$, 7 $^{а}/_{7}$, 9 $^{а}/_{11, 15}$, 12 $^{б}/_{12}$, 13$^{а}/_{1}$, 14 $^{б}/_{9}$ и т. д.; бл(а)г(осло)вена — Син. тр. 16 $^{б}/_{10}$; древье — Син. тр. 85 $^{а}/_{13}$; приставенье — Зогр. ев., Лук. V, 36; благословенъ — Зогр. ев., Ио. XII, 13; блгсвенъ — Зогр. ев., Мар. ев., Лук. I, 42; ослабеныѩ — Мар. ев., Мф. IV, 24.

В Синайской псалтыри, Ассеманиевом евангелии и Саввиной книге наблюдается утрата [l]-эпентетикум и перед другими гласными: оуглъбѭ — Син. пс. 83$^{а}/_{14}$; земѭ — Син. пс. 104 $^{а}/_{7}$; отъ земьѩ — Син. пс. 109 $^{б}/_{7}$; на земъѭ — Син. пс. 17 $^{а}/_{2}$; избавъѭ — Син. пс. 19 $^{б}/_{18}$; крѣпьшихъ — Син. пс. 42 $^{б}/_{15}$; корабь, корабъ — Ас. ев., Ио. VI, 17$_{21}$; Мф. IV., 22; Ио. VI, 22; Мф. VIII, 23 и т. д.; оставъше — Ас. ев., Лук. V, 11; прѣломь — Ас. ев., Мф. XXVI, 26; въ земи — Ас. ев., Ио. XII; 24; (въ) кораби — Ас. ев., Ио. VI, 23; Мф. IV, 21; XIV, 33; Лук. V, 7; възлюбѧ — Ас. ев., Ио. XIV, 21; ослабеноумоу — Ас. ев., Лук. V, 23; бл(агосло)вѣше — Ас. ев., Лук. XXIV, 51; любѣаше — Ас. ев., Ио. XI, 5; ѡтъ земѧ — Ас. ев., Ио. XXI, 8; вьзлюбенъ — вьзлюбѧ — Ас. ев., Ио. XIV, 21; земьꙗ — Сав. кн., Мф. XXIV, 35; XXVII, 51; земьѭ — Сав. кн., Мф. XIV, 34; XXV, 18; V, 5; земьѧ — Сав. кн., Ио. XII, 32; XXI, 8; земи — Сав. кн., Лук. VIII, 8, 15; корабн — Сав. кн., Мф. IV, 21; Мф. XIV, 33; оставьша — Сав. кн., Мф. IV, 20, 22; ослабена — Сав. кн., Мф. II, 3 и т. д.

Особенно часто пропускается [l]-эпентетикум в Супрасльской рукописи. В данном памятнике пропуск [l]-эпентетикум перед гласными [i] и [ь] является закономерным: корабь — 150$_{13, 17, 28}$; 151$_{2, 9, 13}$ и т. д.; поставьши — 317$_{12}$; земи — 5$_{9}$; 17$_{5}$; 28$_{8}$; 39$_{8}$ и т. д.; добии — 98$_{10}$; 105$_{3}$; 109$_{9}$ и т. д.; кораби — 66$_{24}$ и т. д. Пропуск [l]-эпентетикум в позиции перед другими гласными обычно на письме передавался употреблением ь: дивьꙗхѫ сѧ — 134$_{17}$; земьꙗ — 322$_{10}$; 448$_{4-5}$; 503$_{17}$; 555$_{6}$; корабьꙗ — 60$_{10}$; 428$_{24}$; любьꙗше — 383$_{26}$; 562$_{3}$; ослабьꙗше — 33$_{25}$; земьѥѭ — 464$_{5}$; древье — 110$_{4}$; 482$_{13}$; 560$_{16}$; богословьѥние 324$_{28}$; томьение — 1$_{5}$; приставьѥньꙗ — 499$_{23}$; земьѧ — 89$_{3}$; 111$_{10-11}$; 271$_{21}$; капьꙗ, капьѧ — 453$_{3}$; приѥмьѧ — 281$_{9}$; 286$_{27}$; 297$_{14}$; 437$_{30}$; земьѭ — 2$_{23}$; 6$_{19}$; 7$_{9}$; 8$_{25}$; 9$_{19}$ и т. д. избавьѭ — 162$_{21}$; 512$_{21}$; исправьѭ — 469$_{9}$; ослѣпьѭ — 554$_{15}$; погоубьѭ — 12$_{14}$; 104$_{23}$; капьѭ (род.-мест. дв. ч.) — 499$_{20}$; корабьѭ — 151$_{17}$; 400$_{5}$ и т. д.

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что в Синайской псалтыри и особенно в Саввиной книге и Супрасльской рукописи пропуск [l]-эпентетикум в середине слова перед гласными, кроме [ь] и [i], передавался на письме с помощью букв ь или ъ. Применение этих букв указывает на то, что артикуляция губного согласного после утраты [l]-эпентетикум не находилась непосредственно перед гласным и что ее отделяло какое-то образование. Употребление букв ь или ъ имело здесь чисто графическое значе-

ние: оно указывало на наличие [j] (i̯) после губного: корабья [korab'ja], корабью — [korab'ju] и т. д.

Отсутствие употребления букв ь или ѫ вместо утратившегося [l]-эпентетикум в Ассеманиевом евангелии дает основание предполагать, что в данном памятнике отражен такой болгарский говор XI в., в котором произошла ассимиляция [j] ([i̯]) (вместо [l']) с предшествующим мягким губным согласным: [korabl'a] → [korab'ja] → [korab'a]. В современном болгарском языке [l]-эпентетикум не в начале слова не употребляется, утрата его началась очень давно, о чем свидетельствует и материал старославянских памятников XI в.

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНО ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

§ 40. О характере тех или иных звуков старославянского языка мы можем судить на основании сравнительно-исторического метода, прибегая к сопоставлению данных старославянских памятников с данными других славянских языков, а также с данными других индоевропейских языков.

Применение сравнительно-исторического метода при анализе материала славянских языков дает возможность показать те общие черты, которые характеризуют эту группу языков в целом, и вместе с тем отметить то особенное, что специфично для исторического пути развития каждого языка в отдельности.

Время, предшествовавшее возникновению славянской письменности, принято называть доисторическим, в котором в свою очередь выделяют следующие периоды:

1. Наиболее древним периодом является период так называемого общеиндоевропейского языка-основы.

2. Более поздним доисторическим периодом является период общеславянского языка-основы, выделившегося из общеиндоевропейского языка-основы.

3. И, наконец, наиболее поздним доисторическим периодом является период распадения общеславянского языка. Это — период, когда в общеславянском языке начал намечаться ряд диалектных черт, приведших в дальнейшем к выделению из общеславянского языка отдельных славянских языков.

Общеславянский язык, так же как и индоевропейский язык-основа, является реконструкцией, так как нет непосредственных письменных данных, в которых был бы зафиксирован этот язык. Но эта реконструкция имеет объективное значение, ибо факты общеславянского языка-основы в том виде, в каком мы его воссоздаем, действительно существовали. Правда, реконструкция общеславянского языка неизбежно соединяет в одно целое частично и то, что в действительности было разъединено и хронологически и территориально. Кроме того, некоторые отдельные факты до сих пор не определены еще с достаточной полнотой. Это заставляет

сделать вывод, что общеславянский язык в том виде, в каком он известен науке, по характеру самого материала, которым она располагает, не существовал в какой-то определенный момент как конкретная величина. Однако не вызывает сомнения, что все устанавливаемые наукой факты общеславянского языка действительно существовали в определенные исторические моменты, хотя и в разных комбинациях друг с другом. Сравнительно-историческое изучение отдельных славянских языков показывает, каким был общеславянский язык в момент своего распадения. Сравнение данных общеславянского языка в момент его распадения с данными других индоевропейских языков помогает установить начальный период в существовании общеславянского языка.

§ 41. Основными чертами звуковой системы индоевропейских языков древнейшей поры являлись следующие.

1. Для индоевропейской звуковой системы было характерно наличие как открытых, так и закрытых слогов. Наличие закрытых слогов делало возможным употребление дифтонгов и дифтонгических сочетаний.

2. Различались долгие и краткие гласные. Например, [ā] и [ă], [ō] и [ŏ], [ē] и [ĕ] и т. д.

3. На положении слоговых звуков могли выступать плавные [r̥] и [l̥] и носовые [n̥] и [m̥].

4. Существовала развитая система взрывных согласных. Они подразделялись не только на глухие и звонкие, но в то же время и на придыхательные и непридыхательные. Например: звонкий непридыхательный [b] и звонкий придыхательный [bh], глухой непридыхательный [p] и глухой придыхательный [ph] и т. д. Задненебные согласные могли быть лабиализованными и нелабиализованными, при этом нелабиализованные задненебные могли выступать как палатальные и как непалатальные согласные. Задненебные согласные свободно употреблялись перед всеми гласными.

5. Количество фрикативных согласных было незначительно: [s], [z], [i̯ (j)] и [u̯ (v)]. Отсутствовали шипящие и аффрикаты. На положении сонорных согласных выступали носовые [n], [m] и плавные [r], [l].

6. Возможно было употребление сочетаний согласных и групп согласных с [j].

7. В составе слова возможны были любые группы согласных звуков.

Сопоставление основных черт звуковой системы индоевропейских языков древнейшей поры со звуковой системой славянских языков показывает, что славянская звуковая система претерпела большие изменения.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛАСНЫХ В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 42. Графика старославянских памятников не дает никаких указаний на количество гласных в старославянском языке, так как старославянское письмо не имеет специальных знаков, с помощью которых обозначалась бы долгота или краткость гласных звуков.

Однако наличие в некоторых современных славянских языках (например, сербохорватском, чешском, словенском) долгих и кратких гласных позволяет предполагать количественное различие гласных и в общеславянском языке-основе. Сопоставление славянских языков с другими индоевропейскими языками подтверждает это предположение.

В общеславянском языке-основе имелись долгие и краткие гласные. В определенных условиях происходило сокращение долготы слога, долготы гласного. Так, например, было в конечном открытом слоге. Но в связи с тем, что еще недостаточно выяснены все условия, при которых происходило такое сокращение долготы в общеславянском языке, мы условно не будем обозначать долготу гласных общеславянского языка.

§ 43. Фонема [a].

Общеславянский гласный [a] является по своему происхождению долгим звуком. Можно сопоставить следующие слова:

о.-слав. mati — ст.-слав. мати. Ср. лат. māter, греч. (дорич.) mắtēr, др.-инд. mātā́ (mātár —), авест. mātar —;

о.-слав. bratъ, bratrъ — ст.-слав. братъ, братръ. Ср. лат frāter, греч. frā́tōr, др.-инд. bhrā́tā, прус. brāti.

Сопоставление приведенных славянских форм с формами других индоевропейских языков показывает, что в соответствии со славянским [a] в других индоевропейских языках употреблен долгий гласный [a]. Следовательно, в данном случае славянское [a] восходит к [*ā][1], т. е. [a]<[*ā].

С другой стороны, сопоставление славянских форм с соответствующими формами других индоевропейских языков показывает также следующее:

о.-слав. darъ — ст.-слав. даръ. Ср. лат. dōnum, греч. dṓron;

о.-слав. znajǫ, znati — ст.-слав. знаѭ, знати. Ср. лат. cognōscō, греч. gignṓskō.

В данном случае, как свидетельствуют об этом приведенные примеры, славянский гласный [a] восходит к [*ō], т. е. [a]<[*ō].

Славянский гласный [a], далее, мог возникнуть и на месте [*ē], после мягких (палатальных) согласных [j], [č'], [ž'], [š']. Особенно наглядно это видно в формах инфинитивов, у которых основа оканчивалась на гласный [-ě-] [-ěti]: [gorěti], [viděti], [tьrpěti] и т. д. (ст.-слав. горѣти, видѣти, трьпѣти и т. д.), но после мягких согласных [j], [č'], [ž'], [š'] вместо [ě]<[*ē] выступает гласный [a]: [stojati], [krič'ati], [dyš'ati], [lež'ati] и т. д. (ст.-слав. стоıати, кричати, дышати, лежати и т. д.). То, что действительно [*ē] после твердого согласного дал у славян гласный [ě], а после мягких согласных [j], [č'], [ž'], [š'] — [a], подтверждают сопоставления с другими индоевропейскими языками. Например:

[1] Значок „звездочка" * указывает на то, что звук или форма слова, около которых он употреблен, являются доисторическими.

о.-слав. viděti < veidēti — ст.-слав. видѣти. Ср. лат. vidēre, лит. veizdéti;

о.-слав. dyš'ati < *dychēti < *dūsēti — ст.-слав. дышати. Ср. лит. dūséti.

Данное фонетическое явление отражается и в других формах:

о.-слав. žarъ < *gērъ < *gēros — ст.-слав. жаръ. Ср. goręti — ст.-слав. горѣти;

о.-слав. gybělь — ст.-слав. гыбѣль, но о.-слав. peč'alь — ст.-слав. печаль и т. д.

Следовательно, славянский гласный [a] ← [*ā], [*ō], [*ē] после [j], [č'], [ž'] [š'].

§ 44. Фонема [o].

Общеславянский гласный [o] по своему происхождению является кратким звуком. Славянскому [o] в других индоевропейских языках соответствуют краткие гласные [ŏ] и [ă]:

о.-слав. domъ — ст.-слав. домъ. Ср. лат. dŏmus, гр. dŏ́mos;

о.-слав. oko — ст.-слав. око. Ср. лат. ŏculus, греч. ŏ́sse, лит. ăkìs, прус. ăckis;

о.-слав. osь — ст.-слав. ось. Ср. лат. ăxis, греч. ắksōn, лит. ăšìs, прусс. ăssis, др.-инд. ákṣaḥ;

о.-слав. ovьca — ст.-слав. овьца. Ср. лат. ŏvis, греч. ŏ́is < ŏ́Fis, лит. ăvìs, др.-инд. ăvikā́.

Гласный [o] на славянской почве мог возникнуть и другим путем: так, в соответствии с индоевропейским ослабленным (иррациональным) гласным [*ə], представлявшим собой результат ослабления долгих гласных [ā], [ō], [ē] в корне или суффиксе, в древнеиндийском языке представлен гласный [i], в греческом, латинском, литовском, германских языках — [a], а в славянских языках — [o]. Например: о-слав. stojǫ, stojati — ст.-слав. стоѭ, стоꙗти. Ср. др.-инд. sthitāḥ[1], лат. status, греч. statŏs, гот. staþs, лит. statýti — «ставить».

Следовательно, общеславянский гласный [o] ← [*ŏ], [*ă], [*ə].

§ 45. Совпадение долгих индоевропейских гласных [*ā] и [*ō] в гласный [a], а кратких индоевропейских гласных [*ă] и [*ŏ] в [o] было определенной фонетической закономерностью в общеславянском языке. Это особенно наглядно видно на заимствованных славянами словах в эпоху, непосредственно предшествующую возникновению славянской письменности. Например, иран. tapara — ст.-слав. топоръ, гот. asilus — ст.-слав. осьлъ, лат. satanās (греч. satanās — Σατανᾶς) — ст.-слав. сотона.

В общеславянскую эпоху между гласными [o] и [a] не было

[1] Древнеиндийское [ḥ] выступает вместо [s] на конце слова и употребляется в абсолютном конце слова.

сильного различия в тембре, оно касалось главным образом количества (т. е. длительности) гласного.

В древнейших славянских заимствованиях из греческого языка безударное [a] передается как [o], а ударяемое греческое [a] передается как [a]: греч. karábi(o)n — ст.-слав. корабль, рус. *корабль;* с греч. krabbáti(o)n ср. рус. *кровать.*

§ **46.** Фонема [e].

Общеславянский гласный [e] по своему происхождению является кратким звуком и восходит к [*ĕ]:

о.-слав. berǫ — ст.-слав. берѫ. Ср. лат. fĕrō, греч. fḗrō; о.-слав. desętь — ст.-слав. десѧть. Ср. лат. dĕcem, греч. dĕka, лит. dĕšimtis; о.-слав. medъ — ст.-слав. медъ. Ср. лит. mĕdùs, греч. mĕthu; о.-слав. jestь — ст.-слав. естъ. Ср. лит. ẽst, греч. ĕstí.

Следовательно, в данном случае общеславянский гласный [e] восходит к индоевропейскому [*ĕ]. Однако позднее общеславянское [e] могло возникнуть на месте общеславянского [o], оказавшегося в позиции после мягкого согласного.

Например: о.-слав. selo — ст.-слав. село, но о.-слав. pol'e — ст.-слав. полѥ;

о.-слав. bedro — ст.-слав. бедро, но о.-слав. mor'e — ст.-слав. морѥ;

о.-слав. ženojǫ вин. п. ед. ч. — ст.-слав. женоѭ, но о.-слав. rabyn'ejǫ — ст.-слав. рабынеѭ и т. д.

Таким образом, общеславянский гласный [e] < [*ĕ]; [e] < [ʼo] (после мягкого согласного).

§ **47.** Фонема [ě].

Общеславянский гласный [ě] по своему происхождению является долгим звуком и в ряде случаев восходит к [*ē].

Например: о.-слав. sěmę — ст.-слав. сѣмѧ. Ср. лат. sēmen, лит. sė́mens — „семена";

о.-слав. zvěrь — ст.-слав. звѣрь. Ср. лит. žvėrìs, гр. thḗr (θήρ); о.-слав. viděti — ст.-слав. видѣти. Ср. лат. vidēre, лит. veizdė́ti; о.-слав. děti („класть") — ст.-слав. дѣти. Ср. лит. dė́ti, латыш. dēt.

Однако, если гласный [ē] оказывался в позиции после согласных [j], [č'], [ž'], [š'], то вместо [ě] на месте [ē] у славян возникал гласный [a] (см. об этом в § 43).

То, что гласный [ě] являлся долгим, восходящим в ряде случаев к [*ē], подтверждает старославянская форма [něstъ] нѣстъ, возникшая из [ne-estъ] > [nēstъ] > [něstъ].

Общеславянский гласный [ě] мог иметь и другое происхождение, о чем см. ниже, § 55.

История отдельных славянских языков показывает, что общеславянский гласный [ě] в период распадения общеславянского языка-основы по своему звуковому образованию был неодинаков. В языковых группах, легших в основу языка болгарских славян и северо-

западных славян (поляков, полабан, поморян), гласный [ě] представлял долгий открытый [е], близкий к [а], продвинутому в передний ряд (в транскрипции он передается как [ä]). Такого типа гласный долгое время был представлен во всей болгарской языковой группе. Изменения, которым в дальнейшем подвергся гласный [ä] в этой звуковой группе, состояли в том, что перед слогом с гласным непереднего ряда он изменился в ['а], а перед слогом с гласным переднего ряда — в [е] (например, *бягство, избягал,* но *беглец; лято* — „лето", но *летен* — „летний").

В языковых группах, легших в основу других славянских языков, звуковое образование [ě] было иным: он представлял собой напряженный гласный переднего ряда, с повышенным подъемом языка, передававшийся в транскрипции как [ê].

Таким образом, гласный [ě] в своем образовании в период распадения общеславянского языка-основы не был одинаковым. Что касается звукового образования [ě] в более ранний период общеславянского языка-основы, то этот вопрос до некоторой степени остается открытым. Но можно предполагать, что [ě] по своему образованию представлял собой в то время широкое открытое [е], близкое к [а]. Для вывода о подобном звуковом образовании [ě] в ранний период общеславянского языка следует принять во внимание и изменение гласного [ē] в [а] после [j], [č'], [ž'], [š'].

§ 48. Фонема [i].

Общеславянский гласный [i] был долгим, и в ряде случаев он возникал в соответствии с индоевропейским долгим гласным [*ī]:

о.-слав. piti — ст.-слав. пити. Ср. др.-инд. pītáḥ, греч. pí̄thi πῖθι — повел. накл., pí̄nō — „пью";

о.-слав. živъ — ст.-слав. живъ. Ср. лит. gývas, лат. vīvus < vīvos, прус. ǰiva —, др.-инд. jīvás.

Примечание. Славянский согласный [ž] из [g], восходящий к лабиализованному задненебному, утратившему свою лабиализацию; латинский согласный [v] в начале слова также восходит к старому задненебному лабиализованному]g]:

о.-слав. griva, grivьna — др.-серб. грива, гривьна. Ср. др.-инд. grī́vā — «затылок», латыш. grīva — «устье реки».

Как показывают примеры, славянскому гласному [i] в других индоевропейских языках соответствует долгий гласный]ī]. Следовательно, в данном случае славянское [i] < [*ī].

Гласный [i] возникал также у славян на месте сочетания [jь] (= [i̯ь]) в начале слова или на месте сочетания [jь], которому в других индоевропейских языках соответствует [jŭ]:

о.-слав. imę < i̯ьmę — ст.-слав. имѧ. Ср. славянское слово с тем же корнем, сохранившимся без изменения при употреблении после приставки, оканчивающейся на согласный: о.-слав. vъzьmę — ст.-слав. възьмѧ.

о.-слав. igo < *i̯ьgon — ст.-слав. иго. Ср. лат. jŭgum, др.-инд. yugám, хет. i̯ugan.

Гласный [i] у славян мог возникнуть на месте [*ū], оказавшегося в позиции после мягкого согласного звука:

о.-слав. š'iti < *siūti — ст.-слав. шити. Ср. лит. [s'ū́ti], гот. siūjan, др.-инд. si̯ūtás — „шитый".

Процесс изменения шел таким образом: siūti > si̯ūti > š'ṻti > > š'iti. (Гласный [i] в позиции перед следующим гласным становился неслоговым и ассимилировался с предшествующим согласным [s], смягчая его. В результате возникал мягкий согласный [š']. Гласный [ū], оказавшись в позиции после мягкого согласного, продвигался несколько вперед, вследствие чего возникал ['ṻ]. По утрате лабиализации гласный ['ṻ] переходил на славянской почве в [i], т. е. ['ṻ] > [i].

Таким образом, общеславянский гласный [i] ← [*ī], ['ū], [jь] < [jŭ],

[jь] ([i̯ь]) в начале слова.

Общеславянский гласный [i] мог возникнуть и при монофтонгизации дифтонгов с [i], о чем см. ниже § 55.

§ 49. Фонема [ь].

В соответствии с индоевропейским кратким гласным [*ĭ] в общеславянском языке представлен редуцированный [ь], для передачи которого в старославянском языке употреблялась буква „ерь" — ь:

о.-слав. vьdova — ст.-слав. вьдова. Ср. лат. viduā, др.-инд. vidhávā, гот. widuwo;

о.-слав. mьzda — ст.-слав. мьзда. Ср. греч. misthós, гот. mizdō;

о.-слав. ovьca — ст.-слав. овьца. Ср. лат. ovis, др.-инд. aviká, лит. avìs;

о.-слав. dьnь — ст.-слав. дьнь. Ср. лат. dinum, греч. diós < diFós, др.-инд. dínam;

Следовательно, общеславянский гласный [ь] < [*ĭ].

§ 50. Фонема [ъ].

В соответствии с индоевропейским кратким гласным [*ŭ] в общеславянском языке представлен редуцированный [ъ], для которого в старославянском языке употреблялась буква „ер" — ъ:

о.-слав. dъšti — ст.-слав. дъшти. Ср. лит. duktẽ, др.-инд. duhitā́, греч. thŭgátēr;

о.-слав. synъ — ст.-слав. сынъ. Ср. лит. sūnùs., др.-инд. sūnúḥ;

о.-слав. dъva — ст.-слав. дъва. Ср. греч. dúō, др.-инд. duvā́;

о.-слав. mъchъ — ст.-слав. мъхъ. Ср. лат. muscus, лит. musaí — мн. ч. „плесень на молоке";

о.-слав. bъděti — ст.-слав. бъдѣти. Ср. лит. budḗti, прус. budē, др.-инд. búdhyatē.

Следовательно, общеславянский гласный [ъ] < [*ŭ].

В заимствованных славянами из латинского и германских языков словах краткий гласный [ŭ] представлен также как [ъ]: о.-слав. kъnęd͡z'ь — ст.-слав. кънѧзь. Ср. др.-в.-нем. kuning.

§ **51.** Фонема [у].

Славянский гласный [у] по своему происхождению является долгим и восходит к индоевропейскому [*ū]:

о.-слав. byti — ст.-слав. быти. Ср. лит. bū́ti, латыш. būt;

о.-слав. dymъ — ст.-слав. дымъ. Ср. лит. dū́mai, др.-инд. dhūmáḥ, греч. thūmós — „дух, ум, горячность, мужество, гнев“, прус. dumis, лат. fūmos < *dhūmos, латыш. dũmı;

о.-слав. synъ — ст.-слав. сынъ. Ср. лит. sūnùs, др.-инд. sūnúḥ;

о.-слав. myš'ь — ст.-слав. мышь. Ср. греч. mûs, лат. mūs, др.-в.-нем. mūs, др.-инд. mū́ḥ.

Следовательно, общеславянский [у] < [*ū].

Подобное происхождение славянского [у] подтверждается и словами, заимствованными славянами из латинского и германских языков: ст.-слав. хызъ: Ср. др.-в.-нем. hūs — „дом“; ст.-слав. тынъ — „забор“. Ср. др.-в.-нем. zūn < *tūn, известный в древневерхнесаксонском языке; ст.-слав. быколъ. Ср. лат. būbalus.

Однако славянский гласный [у] возникал на месте [*ū] только в том случае, если последний употреблялся в позиции перед следующим согласным или на конце слова. Если же [*ū] употреблялся перед следующим гласным, то происходило его распадение на [uu̯], в связи с чем у славян возникало сочетание [ъv].

Например: (za)byti — (za)bъvenъ — ст.-слав. (за)быти — (за)бъвенъ; ryti — rъvati — ст.-слав. рыти — ръвати;

им. п. ед. ч. svekry, род. п. ед. ч. svekrъve — ст.-слав. свекры — свекръве и т. д.

ДИФТОНГИ И ДИФТОНГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ

§ **52.** В фонетической системе индоевропейского языка-основы было значительное количество дифтонгов и дифтонгических сочетаний. В качестве слогового элемента дифтонгов и дифтонгических сочетаний выступали гласные [e], [o], [a], которые могли быть долгими и краткими ([ē], [ĕ], [ō], [ŏ], [ā], [ă]). В качестве неслоговых элементов дифтонгов выступали неслоговые гласные [i̯] и [u̯], а неслоговыми элементами дифтонгических сочетаний служили сонорные согласные [r], [l], [n], [m].

Следовательно, в индоевропейском языке-основе были представлены следующие дифтонги и дифтонгические сочетания:

[ei̯],	[ēi],	[oi̯],	[ōi],	[ai̯],	[āi̯];
[eu̯],	[ēu̯],	[ou̯],	[ōu̯],	[au̯],	[āu̯];
[er],	[ēr],	[or],	[ōr],	[ar],	[ār];
[el],	[ēl],	[ol],	[ōl],	[al],	[āl];
[en],	[ēn],	[on],	[ōn],	[an],	[ān];
[em],	[ēm],	[om],	[ōm],	[am],	[ām].

Эти дифтонги и дифтонгические сочетания подверглись изменениям в общеславянском языке. При этом судьба их зависела от

того, в каком положении в слове они находились: в позиции перед следующим гласным, перед следующим согласным или на конце слова. Однако общим законом при изменении дифтонгов и дифтонгических сочетаний у славян было стремление к открытому слогу.

§ 53. В позиции перед следующим гласным они перестали выступать в общеславянском языке как дифтонги и дифтонгические сочетания, так как слогораздел стал проходить между слоговым и неслоговым элементами дифтонга или дифтонгического сочетания, так что слоговая часть отошла к предшествующему слогу, а неслоговая — к последующему. При этом составные элементы бывших дифтонгов и дифтонгических сочетаний могли подвергнуться изменениям. Эти слоговые элементы изменялись так же, как изменялись у славян соответствующие индоевропейские гласные в самостоятельном употреблении.

Например, если слоговым элементом был [*ŏ], то у славян в соответствии с ним возникал гласный [о], а если слоговым элементом был [*ō], то возникал [а] и т. д. Следовательно, дифтонг [*ŏi̯] изменился у славян в [о-i̯], а дифтонг [*ōi̯] — в [а-i̯] и т. д. Особого внимания заслуживает изменение бывшего индоевропейского дифтонга [*ĕi̯). Краткий гласный [*ĕ] подвергался в общеславянском языке воздействию последующего [i̯] ([j]), в результате чего перед следующим гласным возникало сочетание [ьi̯], в котором редуцированный [ь] отошел к предшествующему слогу, а [i̯] ([j]) — к последующему. В дальнейшем на месте [ь] возникал редуцированный гласный [ĭ] (т. е. [ь-i̯] > [ĭ-i̯]), что зафиксировано уже в памятниках старославянской письменности.

Что касается изменения неслоговых элементов дифтонгов, то в позиции перед следующим гласным неслоговой [u̯] изменялся в губно-зубной [v], т. е. [u̯] > [v].

Примеры:

1. [ei̯] > [ь-i̯] > [ĭ-i̯]: о.-слав. vьjǫ — ст.-слав. вић. Ср. лит. vĕjù.
2. [oi̯] > [o-i̯]: о.-слав. doiti < *doi̯iti — ст. слав. доити. Ср. др.-инд. dháyati.
3. [eu̯] > [e-v]: о.-слав. devętь — ст.-слав. девѧть. Ср. лит. dĕvı̄nì < *dĕu̯ı̄ni.

В позиции перед гласным непереднего ряда дифтонг [*ĕu̯] у славян заменялся посредством [о-v]:

о.-слав. novъ — ст.-слав. новъ. Ср. греч. néos < néFos, нем. neues, др.-прус. nauns.

В позиции же перед гласным переднего ряда в соответствии с индоевропейским дифтонгом [ĕu̯] у славян употреблялось [е-v]. Поэтому тот же самый корень (что и в слове novъ) мог выступать у славян в другом виде: о.-слав. nevěsta — ст.-слав. невѣста.

4. [ou̯] > [o-v]: о.-слав. plovǫ — ст.-слав. пловѫ. Ср. греч. pléō < pléFō и т. д.

§ 54. Судьба индоевропейских дифтонгов и дифтонгических сочетаний у славян была иной, если они употреблялись в середине слова перед следующим согласным или в конце слова.

Судьба дифтонгов и дифтонгических сочетаний в конце слова в ряде случаев совпала с их судьбой в середине слова перед согласным, а в ряде случаев отличалась. Поэтому подробнее о судьбе дифтонгических сочетаний в конце слова будет сказано в разделе о явлениях конца слова (§§ 76—78).

В положении перед следующим согласным индоевропейские дифтонги претерпели у славян следующие изменения: благодаря сокращению долготы слогового элемента дифтонги с долгим слоговым элементом совпали с дифтонгами, имеющими краткий слоговой элемент. Это привело к сокращению количества дифтонгов в общеславянском языке. Утрата долготы слоговой частью дифтонга нашла у славян отражение в его интонации: дифтонг, имевший прежде долгий слоговой элемент, стал произноситься с восходящей интонацией, а дифтонг с бывшим кратким слоговым элементом — с нисходящей интонацией.

Например, в индоевропейском языке-основе были представлены следующие дифтонги:

[ei̯]	[ēi̯]	[eu̯]	[ēu̯]
[oi̯]	[ōi̯]	[ou̯]	[ōu̯]
[ai̯]	[āi̯]	[au̯]	[āu̯].

Благодаря совпадению дифтонгов с долгим слоговым элементом с дифтонгами, у которых слоговой элемент был кратким, количество их сократилось, и поэтому в общеславянском языке представлены только следующие дифтонги: [ei̯], [oi̯], [ai̯], [eu̯], [ou̯] [au̯]. Так как краткие индоевропейские гласные [*ŏ] и [*ă] у славян дали гласный [o], то это привело к совпадению дифтонгов [ai̯] с [oi̯] и [au̯] с [ou̯]. В результате в позиции перед следующим согласным из всех индоевропейских дифтонгов в общеславянском языке сохранились лишь дифтонги [ei̯], [oi̯], [eu̯], [ou̯].

Аналогичная картина наблюдалась и в отношении изменения дифтонгических сочетаний.

В связи с тенденцией славянской фонетической системы к открытости слога дифтонги и дифтонгические сочетания в середине слова перед согласным подвергались у славян дальнейшим изменениям.

§ 55. Судьба дифтонгов с неслоговыми [i̯] и [u̯] перед следующим согласным.

Дифтонги с неслоговым элементом [i̯] в позиции перед следующим согласным монофтонгизировались и дали простые гласные. Дифтонг [ei̯], монофтонгизируясь, дал гласный [i], совпавший с гласным [i] < [*ī]:

о.-слав. vidъ — ст.-слав. видъ. Ср. лит. véidas — „лицо“, греч. eĩdos < Feĩdos — „вид, наружность“;

о.-слав. iti — ст.-слав. ити. Ср. лит. eĩti, греч. eĩmi, лат. īs < *eis;

о.-слав. zima — ст.-слав. зима. Ср. греч. cheima, cheimōn, лат. hībernus — „ненастный, зимний“ из *heimrinos;

о.-слав. krivъ — ст.-слав. кривъ. Ср. лит. kreivas.

Дифтонг [oi̯] ([ai̯]) при монофтонгизации дал гласный [ě], совпавший по звучанию с [ě]<[*ē]. Однако [ě], образовавшийся из дифтонга, и [ě] из [*ē] различались между собой по тому, что после мягких согласных первый чередовался с гласным [i], а второй — с гласным [a]:

о.-слав. sněgъ — ст.-слав. снѣгъ. Ср. гот. snaiws, др.-прус. snaygis;

о.-слав. věnьсь — ст.-слав. вѣньць. Ср. лит. vainìkas;

о.-слав. berěte (2 л. мн. ч. повелит. накл.), ст.-слав. берѣте. Ср. греч. féroite;

о.-слав. [otъlěkъ] („остаток") — ст.-слав. (отъ)лѣкъ. Ср. греч. loipós — „остальной", лит. ãt-laikas;

о.-слав. lěvъ — ст.-слав. лѣвъ. Ср. греч. laiós<laiFós, лат. laevus<lai̯vos[1].

В заимствованных славянами из латинского и германских языков словах дифтонг [ai̯] передавался через [ě]: ст.-слав. цѣсарь. Ср. гот. kaisar (лат. caesar<*cai̯sar). В конце слова дифтонг [oi̯] ([ai̯]) также подвергался монофтонгизации. Однако результат его изменения при монофтонгизации находился в зависимости от того, при какой интонации он произносился. Если дифтонг [oi̯] в конце слова произносился при восходящей интонации, то при монофтонгизации возникал гласный [ě], а если он произносился при нисходящей интонации, то в результате монофтонгизации возникал гласный [i]:

о.-слав. им. пад. мн. ч. vьl̥ci<*vĭlkoi̯ — ст.-слав. влъци. Ср. лит. vilkaĩ, греч. lúkoi;

о.-слав. местн. пад. мн. ч. vьlcěchъ< *vĭlkoi̯sŭ — ст.-слав. влъцѣхъ. Ср. греч. lúkoisi.

С неслоговым элементом [u̯] в общеславянском языке было два дифтонга: [eu̯] и [ou̯]. Оба этих дифтонга в позиции перед следующим согласным подверглись монофтонгизации.

Дифтонг [ou̯] ([au̯]), монофтонгизируясь, дал гласный [u]:

о.-слав. turъ („зубр, буйвол, дикий бык") — ст.-слав. тоуръ. Ср. лит. taũras, др.-прус. tauris, греч. taũros, лат. taurus;

о.-слав. ucho — ст.-слав. оухо. Ср. лат. auris<*ausis (в латинском языке согласный [r] в данном слове из более раннего [s], так же как славянское [ch]<[s]); гот. aŭso, лит. ausìs;

о.-слав. suchъ — ст.-слав. соухъ. Ср. лит. saũsas.

Дифтонг [eu̯], монофтонгизируясь, дал гласный [u], смягчив при этом предшествующий согласный, т. е. [eu̯]>['u]. Очевидно, при переходе [eu̯]>[u] звук [e] сужался и развился в неслоговой [i̯], который и воздействовал на предшествующий согласный, смягчая его:

о.-слав. bl'udǫ („наблюдаю") — ст.-слав. блюдѫ. Ср. греч. (гомер.) peúthomai — „спрашиваю, расспрашиваю";

о.-слав. l'ubъ („любимый") — ст.-слав. любъ. Ср. др.-инд. leubhoh;

[1] Дифтонг [ae] в латинском языке восходит к более раннему дифтонгу [ai̯], дифтонг [oe]<[oi̯], а [ī]<[ei̯].

о.-слав. bl'udo, ст.-слав. блюдо. Ср. др.-инд. beudhoḥ;

о.-слав. l'udĭje, ст.-слав. людие. Ср. лит. liáudis, др.-в.-нем. liut, совр. нем. Leute, бургунд. leudis „свободный человек."

С помощью гласного [u] передавали славяне дифтонги с неслоговым [u̯] при заимствовании слов из германских языков. Например, со ст.-слав. коупити ср. гот. kaupōn — „торговать", нем. kaufen.

§ 56. Судьба дифтонгических сочетаний с неслоговыми элементами [n] и [m] принципиально не отличалась от судьбы дифтонгов с неслоговыми [i̯] и [u̯]. Находясь в позиции перед следующим согласным в середине слова, дифтонгические сочетания с неслоговыми [n] и [m] монофтонгизировались. В результате возникали носовые гласные [ę] и [ǫ]. В позиции же перед следующим гласным благодаря тенденции к открытому слогу слогораздел проходил между составными элементами этих дифтонгических сочетаний: слоговой элемент отходил к предшествующему слогу, а неслоговой — к последующему. Материал старославянского языка подтверждает эти положения:

ст.-слав. [zvo-nъ] звонъ — ст.-слав. [zvǫ-kъ] звѫкъ;

ст.-слав. [pǫ-to] пѫто — ст.-слав. [o-po-na] опона;

ст.-слав. [mь-nǫ] мьнѫ — ст.-слав. [mę-ti] мѧти;

ст.-слав. [i-mǫ]; имѫ — ст.-слав. [ję-ti] ꙗти и т. д.

Славянскому носовому гласному [ǫ] в других индоевропейских языках соответствуют дифтонгические сочетания [ŏn], [ōn], [ŏm], [ōm], [ăn], [ān] [ăm], [ām], а славянскому носовому гласному [ę] — дифтонгические сочетания [ĕn], [ēn], [ĕm], [ēm]:

о.-слав. svętъ — ст.-слав. свѧтъ. Ср. лит. šveñtas, др.-прус. swenta;

о.-слав. pętь — ст.-слав. пѧть. Ср. лит. penkì., греч. pénte;

о.-слав. jętro „печень" — ст.-слав. ꙗтро. Ср. греч. 'éntera — „внутренность";

о.-слав. ǫgъlъ — ст.-слав. ѫгълъ. Ср. лат. angulus;

о.-слав. pǫtь — ст.-слав. пѫть. Ср. лат. pons (род. pontis) — „мост", др.-инд. pánthāḥ — „дорога";

о.-слав. rǫka — ст.-слав. рѫка. Ср. лит. rankà < *ronka;

о.-слав. pǫto — ст.-слав. пѫто. Ср. др.-прус. panto — „цепь, оковы", лит. pántis.

Данные славянских языков, а также данные других индоевропейских языков указывают и на иное происхождение носовых гласных [ę] и [ǫ].

Так, в ряде случаев славянскому [ę] соответствуют в других индоевропейских языках сочетания, развившиеся на месте древнейших индоевропейских слоговых [n̥] и [m̥]. У славян слова с таким [ę] чередуются в позиции перед гласным с сочетаниями [ьn], [ьm] < [*in], [*im]: [pьnǫ] — [pęti], [mьnǫ] — [męti]. В литовском языке в соответствии с этим славянским [ę] будут употребляться сочетания [in], [im], [un], [um] с разной интонацией под ударением или без ударения; в готском языке этому славянскому [ę] соответствуют сочетания [un], [um]; в латинском языке — сочетания [en], [em],

[nā], [mā]; в греческом — [a], [na], [ma]; в древнеиндийском — [a], [ā]:

о.-слав. desętь — ст.-слав. десѧть. Ср. лит. dešimt, др.-инд. daçát, лат. decem, греч. déka;

о.-слав. tysęt'a — ст.-слав. тысѧшта. Ср. лит. šimtas, гот. taíhun, др.-прус. tūsimtons (вин. п. мн. ч.);

о.-слав. pamętь — ст.-слав. памѧть. Ср. лит. mintìs — „мысль, мнение", гот. gamunds, др.-инд. matiḥ, лат. mēns (род. п. mentis).

Примеров с [ǫ], которые указывали бы на более ранние сочетания [ъn], [ъm] < [*ŭn], [ŭm] перед согласным, развившиеся на месте древнейших индоевропейских слоговых [n̥] и [m̥], у славян мало. Наиболее показательно слово [dǫti] — ст.-слав. дѫти, где [ǫ] образовалось в результате монофтонгизации перед согласным дифтонгического сочетания [ъm] < [*ŭm]. Наличие данного сочетания в составе этого слова подтверждают формы настоящего времени [dъmǫ], [dъmeši] — ст.-слав. дъмѫ, дъмеши и форма страдательного причастия прошед. вр. [(na)dъmenъ] — ст.-слав. (на)дъменъ. Ср. литовские параллели с сочетанием [um]: dùmti, dumiù.

Однако в ряде случаев на месте древнейших сочетаний [un], [um] в позиции перед следующим согласным у славян возник гласный [у]ы.

Например, о.-слав. lyko — ст.-слав. лыко. Ср. лит. lùnkas, др.-прус. lunkan.

По предположению некоторых исследователей, возникновение гласного [у] в данном случае объясняется следующим образом: в результате монофтонгизации дифтонгического сочетания [un] возникал долгий носовой гласный [ų̄]. Но носовой характер этого гласного не удерживался, а поэтому возникал [ū], который и давал у славян гласный [у].

В заимствованных славянами словах из германских языков дифтонгические сочетания [an] и [in] переданы через [ǫ] и [ę]:

ст.-слав. кънѧзь. Ср. др.-сакс. kuning, др.-анг. cyning, др.-в.-нем. kuning;

ст.-слав. цѧта — „мелкая монета". Ср. гот. kintus;

ст.-слав. хѫдогъ — „искусный". Ср. гот. handugs, др.-в.-нем. hantag.

ДИФТОНГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ С ПЛАВНЫМИ [r] И [l]

§ 57. К числу этих сочетаний относились в общеславянском языке дифтонгические сочетания [er], [or], [el], [ol].

При рассмотрении изменения этих сочетаний следует помнить о тенденции к открытому слогу, характерной для славянской фонетической системы. В положении перед гласным звуком у данных дифтонгических сочетаний, как и у рассмотренных выше дифтонгов и дифтонгических сочетаний, слогораздел проходил между их составными элементами, так что слоговой элемент относился к предшествующему слогу, а неслоговой — к по-

следующему. В положении перед согласным звуком, т. е. тогда, когда в середине слова возникал закрытый слог, эти дифтонгические сочетания подвергались изменению. Однако открытие слога происходило здесь не с помощью монофтонгизации, а благодаря перестановке звуков или путем развития дополнительного гласного после плавного.

Перед следующим согласным звуком эти сочетания могли находиться или в середине слова или в начале слова. Так как судьба дифтонгических сочетаний с плавными в указанных положениях была неодинакова, то каждое из них будет рассматриваться отдельно.

Дифтонгические сочетания с плавными в середине слова между согласными

§ 58. Условно данные дифтонгические сочетания в указанном положении обозначают так: [tert], [tort], [telt], [tolt], где [t] равен любому согласному звуку.

Результаты изменения перечисленных дифтонгических сочетаний в указанном положении по разным славянским группам были таковы:

о.-слав.	южнослав., чеш., словац.	западнослав.	восточнослав.
*tert	trět	tret	teret
*tort	trat	trot	torot
*telt	tlět	tlet	tolot
*tolt	tlat	tlot	tolot.

Процесс изменения дифтонгических сочетаний с плавными у славян в общих чертах протекал следующим образом. Эти сочетания по своему происхождению представляли долгий слог.

У предков южных славян долгота сосредоточивалась на гласном. Следовательно, в исходном положении дифтонгическое сочетание имело такой вид: [*tōrt]. Долгий гласный [ō] изменялся у славян в [a]. Затем открытие слога шло путем перестановки гласного в позицию после плавного. Таким образом, [*tōrt] > [tart] > [trat].

У предков восточных и западных славян долгота сосредоточивалась не на гласном, а на плавном: [*tor̄t]. После долгого [r], может быть через стадию слоговости [r̥], развивался дополнительный гласный такого же качества, что и предшествовавший плавному. Этот гласный в дальнейшем становился полным. Таким образом, [*tor̄t] > [(tor̥̄t)] > [tor°t] > [torot].

В западнославянской группе (кроме чешского и словацкого языков) наряду с развитием дополнительного гласного после плавного гласный, предшествующий плавному, редуцировался. Таким образом, [*tor̄t] > [(tor̥̄t)] > [tor°t] > [t°rot] > [trot]. То, что сказано об изменении дифтонгического сочетания [or], относится к изменению и других дифтонгических сочетаний с плавными.

У восточных славян сочетания [*telt] и [*tolt], изменившись, совпали в одно сочетание [tolot]. В связи с этим следует сделать замечание о судьбе сочетания [el] у восточных славян. Группа [*telt] изменялась у них так: плавный [l] в позиции перед следующим твердым согласным отвердевал. Отвердевший плавный [ł] воздействовал на предшествующий ему гласный переднего ряда [e], веляризуя его. В связи с этим [e], передвинувшись в задний ряд, изменился в [o]. Возникшая группа [tołt] подверглась тем же изменениям, что и первоначальная группа tolt. Таким образом, [telt] > [tełt] > [tołt].

Вот почему о.-слав. melko — ст.-слав. млѣко, сербохорв. mlěko, mlijèko, чеш., пол. mleko, а в русском — *молоко.*

Рассмотрим примеры.

о.-слав. gôrdъ (ˆ — знак нисходящей интонации) — ст.-слав. градъ, сербохорв. grâd (с долгим нисходящим ударением), чеш. hrad, пол. gród, рус. *гóрод* (ударение на первом гласном полногласия). Ср. лит. gar̃das — „ограда“;

о.-слав. vôlsъ — ст.-слав. власъ, сербохорв. vlâs, чеш. vlas, пол. włos, рус. *вóлос.* Ср. др.-инд. válçaḥ „ветвь“;

о.-слав. bólto (ʹ — знак восходящей интонации) — сербохорв. blȁto (ʺ — знак краткого нисходящего ударения), пол. błoto, рус. *болóто.* Ср. лит. báltas „белый“;

о.-слав. dêrvo — ст.-слав. дрѣво, др.-серб. дрѣво, чеш. dřevo — drževo, пол. drzewo — dżewo, рус. *дéрево.* Ср. лит. der̃vą (вин. п. ед. ч.);

о.-слав. vórna — сербохорв. vrȁna, чеш. vrána, пол. wrona, полаб. vornó, рус. *ворóна.* Ср. лит. várna;

о.-слав. gôlsъ — ст.-слав. гласъ, сербохорв. glâs, чеш. hlas, пол. głos, рус. *гóлос.*

На этих примерах видно, что доисторическая нисходящая интонация в сербохорватском языке передается как долгое нисходящее ударение, а в русском — как ударение на первом слоге полногласия, доисторическая же восходящая интонация в сербохорватском языке передается как краткое нисходящее ударение, а в русском — как ударение на втором слоге полногласия.

Таков общий характер направления изменения дифтонгических сочетаний с плавными в середине слова перед согласным. Однако в ряде древнеболгарских говоров, язык которых отражен в памятниках старославянской письменности, изменение указанных дифтонгических сочетаний перед согласным могло происходить иначе. Открытие слога шло не с помощью перестановки гласного в позицию после плавного, а путем развития дополнительного гласного — редуцированного [ъ] после плавного. Так, например, в соответствии с русским словом *золото* и южнославянским *злато* в Синайской псалтыри встретилась форма золъта — 89 б/10. Здесь, как видим, на месте бывшего дифтонгического сочетания [ol] выступает сочетание [о + l + ъ], то есть открытие слога про-

изошло благодаря развитию дополнительного гласного [ъ], что позволило сохранить то же расположение звуков, какое было характерно для дифтонгического сочетания.

Дифтонгические сочетания с плавными в начале слова

§ 59. В славянских языках сохранились данные только о сочетаниях [*ort-], [*olt-]. Для сочетаний [*ert-], [*elt-] нет достоверных примеров.

Изменение сочетаний [or-], [ol-] перед согласным в начале слова было обусловлено действием закона открытого слога. Однако характер изменения этих дифтонгических сочетаний по славянским языковым группам зависел от того, при какой интонации они произносились.

Если в группах [ort-], [olt-] дифтонгические сочетания произносились с восходящей интонацией, то тогда результаты изменения были одинаковы по всем славянским группам, а именно: дифтонгическое сочетание [or] изменилось в [ra], а [ol] — в [la].

Если же дифтонгические сочетания [or], [ol] произносились с нисходящей интонацией, то тогда результаты их изменения по славянским группам были различны. У предков южных славян [or-], [ol-] и здесь также изменялись в [ra-], [la-]. У предков же восточных и западных славян они изменились в [ro-], [lo-]. Только в словацком языке в ряде случаев возникали сочетания [ra-] и [la-].

Рассмотрим примеры.

1. О.-слав. órdlo („соха“) — ст.-слав. рало, сербохорв. ra̋lo, чеш. radlo, пол. radło, рус. *рало*. Ср. лит. árklas. (Если же данное дифтонгическое сочетание оказывалось в позиции перед гласным, то расположение звуков сохранялось. Например, orati („пахать“) — ст.-слав. орати, рус. (сев. говоры) *орать*;

о.-слав. ólnьji, церк.-слав. лании, сербохорв. la̋ne, чеш., словац. laň, пол. łania, рус. *лань*. Ср. латыш. al̃nis — „олень“; лит. álnē;

о.-слав. ólkomъ („жадный“) — ст.-слав. лакомъ, сербохорв. làkom, чеш. lakomý, пол. łakomy, рус. *лакомый*. Ср. лит. álkti — „быть голодным“;

о.-слав. órka („гробница“) — ст.-слав. рака, сербохорв. ra̋ka, чеш. rakev, рус. *рака*. Ср. лат. arca, гот. arka, греч. 'árka.

2. О.-слав. ôrstъ — ст.-слав. растъ, сербохорв. râst, пол. (wz)rost, словац. (wz)rast, рус. *рост*. Ср. лат. arduus „высокий, крупный“;

о.-слав. ôlkъtь — ст.-слав. лакъть, сербохорв. lâkat, чеш. loket, словац. laket, пол. łokieć, рус. *локоть*. Ср. лит. alkúnē;

о.-слав. ôldьji — ст.-слав. ладии, сербохорв. lađa (ladja), чеш. lodí, словац. lod', пол. łodzia, рус. *лодья́*. Ср. лит. aldijà (вин. п. al̃diją);

о.-слав. ôrvьnъ — ст.-слав. равьнъ, сербохорв. rávan, чеш., словац. rovný, пол. równy, рус. *ро́вен*. Ср. др.-прус. arwis „истинный, верный“.

Иногда в южнославянской языковой группе встречаются слова,

в которых вместо ожидаемых сочетаний [ra-], [la-] выступают сочетания [ro-], [lo-]. Так, например, в болгарских говорах, отразившихся в ст.-слав. памятниках: робъ (вм. рабъ) — Зогр., Ио. XV, 15; Супр. 292_{18}, 239_{19}, 106_{8}; розбоиникъ (вм. разбоиникъ) — Супр. 558_{9}; ростворикъ (вм. растворикъ) — Супр. 554_{26-27}; розмышлꙗꙗ (вм. размышлꙗꙗ) — Супр. 543_{14} и т. д. Причины такой двойственности не совсем ясны.

Иногда в старославянских памятниках встречаются слова, в которых не отражена перестановка гласного в позицию после плавного при изменении дифтонгического сочетания [ol-] в начале слова. Например, наряду с ладии встречается форма ал'диі (Зогр., Мр. I, 19), алдии (Супр. 428_{21}), ал'ды (Супр. 522_{8}), наряду с формой лакати встречается форма алъкати (Син. тр., 103 б/22) и формы с тем же корнем въззалъка (Мар. ев, Сав. кн. Мр. II, 25; Мф, IV, 2), възалка (Мар. ев, Мф. XII, 3; Лук. IV, 2), алъчѭщꙗ (Сав. кн., Мф. XXV, 44), възьалка (Ас. ев., Мф. IV, 2; Мр. II, 25, Лук. VI, 3) и т. д.

В указанных случаях открытие слога происходило путем развития редуцированного [ъ] после плавного, что давало возможность сохранить старое расположение звуков в бывшем дифтонгическом сочетании. В дальнейшем этот [ъ], находясь в слабой позиции, утрачивался.

СОЧЕТАНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ С ПЛАВНЫМИ

§ 60. В общеславянской фонетической системе было два типа сочетаний редуцированных [ъ], [ь] с плавными [r], [l] в положении между двумя согласными:

1. Редуцированный предшествовал плавному: [tъrt], [tьrt], [tъlt], [tьlt];

2. Редуцированный следовал за плавным: [trъt], [trьt], [tlъt], [tlьt].

Этот порядок в сочетании славянских редуцированных [ъ], [ь] с плавными между согласным подтверждается данными других индоевропейских языков.

Разберем каждый из этих типов сочетаний отдельно.

1. Сочетания редуцированных с плавными, в которых редуцированный предшествовал плавному: [tъrt], [tьrt], [tъlt], [tьlt]. В соответствии с этими славянскими сочетаниями в литовском языке представлены сочетания [ur], [ir], [ul], [il] между согласными.

Южнославянские языки и два западнославянских (чешский и словацкий) показывают, что издавна в этих сочетаниях в качестве слогового элемента выступали плавные [r], [l]. Усиление плавного как слогового элемента приводило в дальнейшем к ослаблению предшествующего плавному редуцированного и, наконец, к его полному исчезновению: [tъrt] > [tъr̥t] > [tᵊr̥t] > [tr̥t].

Таким же образом возникли из [tьrt] > [tr̥t], из [tъlt] > [tl̥t], из [tьlt] > [tl̥t].

В настоящее время в чешском, словацком, сербохорватском и словенском языках представлены сочетания со слоговыми [r̥] и [l̥] (с заменой слогового [l̥] в сербохорватском языке на [u], в словенском на [ou] и в чешском языке в определенных условиях на [lu]).

Например:

сербохорв.: pȓvi, vûk, pûn, gȑlo, pȑst, mȓtvi, dûg.

чеш.: prvý, vlk, plný, hrdlo, prst, mrtvý, dluh.

В болгарском языке в более позднее (историческое) время слоговые плавные вышли из употребления и заменились посредством сочетания плавных [r], [l] с глухим гласным [ъ]: *първи, пръв, вълк, пълен, гърло, пръст, мъртав, дълг.*

В языках северо-западных славян и в восточнославянских языках слоговость плавных не удержалась. За счет утраты этой слоговости происходило усиление предшествующего плавному редуцированного [ъ] или [ь].

У восточных славян редуцированный усиливался настолько, что в любой позиции, независимо от следующего слога, он становился сильным. Позднее такие [ъ] и [ь] прояснялись в гласные полного образования: [ъ] > [о], [ь] > [е].

Другое значительное изменение, пережитое предками восточных славян, состояло в том, что плавный [l] в позиции перед следующим согласным отвердевал. Такой твердый [ł] воздействовал на образование предшествующего редуцированного [ь], веляризуя его, в связи с чем [ьl] > [ъl].

Следовательно, [tьlt] > [tьłt] > [tъlt]:

о.-слав. pьrvъ vьlkъ pьlnъ gъrdlo pьrstъ mьrtvъ;

рус. *первый волк полный горло перст мертвый*;

пол. pierwszy wilk pełny gardło parst martwy.

Ср. с соответствующими формами в литовском языке: pìrmas (прежде, сначала), vil̃kas, pìlnas, gurklỹs (вин. п. gùrklį), pir̃štas, mir̃tas.

В старославянском языке в данном случае на положении слогообразующего элемента выступал плавный. Но так как в старославянских азбуках не было специальной буквы для слоговых плавных [r̥], [l̥], то для передачи их в памятниках использовались буквы л и р, после которых обычно писался любой редуцированный: [pr̥vъ] пръвъ и прьвъ, [pl̥nъ] плънъ и пльнъ, [mr̥tvъ] мрьтвъ и мрътвъ и т. д. (подробнее об этом см. выше в § 20).

Таким образом, в ранний доисторический период жизни славянских языковых групп в их фонетической системе были сочетания [tъrt], [tьrt], [tъlt], [tьlt] со слоговыми [r̥] и [l̥], которые в дальнейшем по славянским языковым группам начинают претерпевать разные изменения.

2. Второй тип представляют сочетания, в которых редуцированный [ъ] или [ь] находился после плавного: [trъt], [trьt], [tlъt], [tlьt].

Этот порядок в расположении звуков подтверждается данными других индоевропейских языков. Наиболее близкие сочетания к славянским представляет литовский язык: [rŭ], [rĭ], [lŭ], [lĭ].

Например, krùvinas — ст.-слав. кръвь, trisè — ст.-слав. трьхъ, plutà („корка") — ст.-слав. плъть и т. д. Судьба этих сочетаний по славянским группам была неодинакова.

а) Если после сочетания плавного с редуцированным шел слог со слабыми гласными [ъ] и [ь] (например, krъvь, plъtь, krьstъ, slьzъ [род. мн. ч. от slьza]), то тогда слог „плавный + редуцированный" являлся сильным. В отдельных славянских языках (например, в русском) судьба редуцированных [ъ] и [ь] в этих сочетаниях совпала с судьбой редуцированных [ъ] и [ь], находящихся в сильной позиции. Следовательно, редуцированный [ъ] в этих сочетаниях в дальнейшем прояснился в [о], а [ь] — в [е]. В результате в русском языке возникли формы [krov'] *кровь*, [plot'] *плоть*, [krest] *крест*, [slez] (род. п.) *слёз*.

б) Если же после [rъ], [rь], [lъ], [lь] следовал слог с гласным полного образования, то редуцированный, следовавший за плавным, находился в слабой позиции и подлежал утрате.

Например,	Им. п.	[krъvь] > [krъvь]
	Род.	[krъ̂ve] > [kr̥ve]
	Дат.	[krъ̂vi] > [kr̥vi].

Как показывают эти примеры, в одном и том же слове корень оформлялся в звуковом отношении по-разному: то со слоговым редуцированным, находившимся в сильной позиции, то со слоговым плавным. (При этом слоговость плавного возникла после утраты следовавшего за ним слабого редуцированного.) Чтобы избежать такой двойственности, в языке возникает объединение основ. В одних языках (южнославянских и частично в чешском и словацком) объединение проходит по основам со слоговым плавным. В других языках (например, в северо-западных, а также в русском) объединение начинает проходить по основам с редуцированным, находящимся в сильной позиции. Вот почему в русском языке возникли формы *кровь, крови* и т. д., а в сербохорватском языке — krv, krvi и т. д.

О том, как отражены подобные сочетания в старославянском языке см. § 35.

Таким образом, в ранний доисторический период жизни славянских групп в их фонетической системе были сочетания [trъt], [trьt], [tlъt], [tlьt] со слоговыми редуцированными [ъ] и [ь], которые позднее по славянским группам начинают претерпевать разные изменения.

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

§ 61. Как отмечалось выше, в доисторическую пору для индоевропейских языков была характерна развитая система взрывных согласных звуков.

Некоторые из этих согласных перешли в общеславянский язык без изменения, некоторые претерпели сильные изменения, а ряд согласных совершенно утратился.

Одним из наиболее характерных изменений, пережитых в общеславянскую эпоху, являлась утрата придыхательных согласных.

Так, в древнейшую пору в индоевропейских языках имелись придыхательные согласные и непридыхательные. Например, [b] и [bh], [d] и [dh], [g] и [gh].

В общеславянском языке придыхательные согласные совпали с непридыхательными. Правильность этого положения можно подтвердить следующими примерами:

1) о.-слав. berǫ и bolii — ст.-слав. берѫ и болии. В старославянском языке в обоих словах употреблен звук [b]. Между тем в других индоевропейских языках согласному [b] в первом и во втором словах соответствовали разные звуки. Так, ст.-слав. берѫ в др.-инд. соответствует bhárāmi, в греч. férō, в лат. ferō.

Слова с др.-инд. [bh], греч. [f (φ)], лат. [f] указывают на более раннюю фонетическую стадию с придыхательным [bh]. Таким образом, звук [b] в слове берѫ восходит к индоевропейскому придыхательному [*bh].

Если же мы сопоставим ст.-слав. болии с другими индоевропейскими языками, то увидим, что в др.-инд. ему соответствует bálīyān, в греч. beltíōn, в лат. dēbilis, т. е. во всех языках в данном случае представлен непридыхательный звук [b]. Таким образом, славянский звук [b] в данном случае восходит к непридыхательному [*b]. Следовательно, в соответствии с индоевропейскими звуками [*b] и [*bh] у славян имеется только один звук [b].

2) о.-слав. dojǫ — „кормить материнским молоком", domъ, dъva — ст.-слав. доѭ (1 л. ед. ч., наст. вр.), домъ, дъва. Первой славянской форме [dojǫ] в др.-инд. языке соответствует dháyati, в греч. thēsato, в лат. fēlāre.

Таким образом, в соответствии со славянским звуком [d] в др.-инд. языке представлен придыхательный [dh], в греч. — придыхательный [th], в лат. — звук [f] < [*dh]. Следовательно, в данном случае славянский звук [d] восходит к индоевропейскому [*dh]. Сопоставление славянских форм [domъ] и [dъva] с соответствующими формами в других индоевропейских языках показывает следующее:

ст.-слав. дъва, др.-инд. duvá, греч dúō, лат. duo;

ст.-слав. домъ, др.-инд. dámaḥ, греч. dómos, лат. domus.

Из этих примеров видно, что во всех этих языках в соответствии со славянским звуком [d] употреблен непридыхательный звук [d]. Следовательно, в данном случае славянский согласный [d] восходит к индоевропейскому [*d].

Таким образом, в соответствии с индоевропейскими [*d] и [*dh] в славянской фонетической системе употребляется только один звук [d].

Приведенные примеры показывают, что придыхательные и непридыхательные согласные у славян совпали в соответствующие непридыхательные согласные. Только придыхательный согласный [kh] оставил след в славянской фонетической системе, изменившись в [ch]. Аналогичное изменение придыхательного [kh] > [ch] отражено в греческом языке.

§ 62. Второе изменение, которое было пережито согласными на славянской почве, состояло в совпадении задненебных лабиализованных и нелабиализованных звуков. След лабиализованного образования [k] и [g] представлен в некоторых индоевропейских языках в том, что при задненебном согласном развивался лабиальный элемент. Так, например, было в латинском и германских языках. Например, в соответствии со ст.-слав. кътo в латинском языке представлено quis, в готском — hwas.

Иногда губная артикуляция получала перевес, что приводило к замене лабиализованного задненебного губным. Так, например, было в греческом языке: póteros — „который, кто из двух". Ср. также: ст.-слав. отълѣкъ — „остаток", лат. linquo — „оставляю", гот. leihwa — „суживаю", греч. leípō — „оставлять".

Таким образом, в славянской фонетической системе лабиализованные задненебные согласные не сохранились, совпав с нелабиализованными задненебными.

§ 63. Следующим изменением взрывных согласных на славянской почве является то, что в соответствии с палатальными нелабиализованными задненебными [k'], [g'], [g'h] у славян возникли согласные [s] и [z]. Например: [*k']: о.-слав. sъto — ст.-слав. сътo. Ср. лат. centum, греч. e-katón, лит. šim̃tas;

о.-слав. desętь — ст.-слав. десѧть. Ср. лат. decem, лит. dešimtìs, греч. déka;

о.-слав. slovo, slava — ст.-слав. слово, слава. Ср. греч. kléos — „слава", лит. šlãvinti — „славить";

[*g']: о.-слав. znati — ст.-слав. знати. Ср. лат. co-gnōscō, греч. gi-gnṓskō, лит. žinóti. Ср. также гот. kann;

о.-слав. zьrno — ст.-слав. зрьно. Ср. лат. grānum, др.-ирланд. grán;

[*g'h]: о.-слав. zima — ст.-слав. зима. Ср. греч. cheimṓn, лат. hiems, лит. žiemà;

о.-слав. vezǫ, vozъ — ст.-слав. везѫ, возъ. Ср. греч. 'óchos < Fóchos — „повозка", лат. veho, лит. vežù, др.-сканд. vagn — „повозка".

Наряду с указанными выше изменениями, пережитыми в системе индоевропейских согласных на славянской почве, в общеславянском языке при определенных условиях подвергался изменениям согласный [s] > [ch]. Кроме того, в общеславянском языке возник целый ряд мягких согласных звуков, не характерных для индоевропейского языка-основы. Рассмотрим происхождение каждого из них в отдельности.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗВУКА [ch]

§ 64. Звук [ch] в славянской фонетической системе имеет разное происхождение.

1. Иногда, как об этом упоминалось выше, звук [ch] на славянской почве возникал на месте придыхательного [*kh]:

о.-слав. chorbъrъ — ст.-слав. храбръ. Ср. др.-инд. kharaḥ — „твердый";

о.-слав. chochotati — ст.-слав. хохотати. Ср. др.-инд. kakhati, греч. kachádzō.

Образование согласного [ch] в начале слова [chochotati] могло находиться в связи с экспрессивностью слова: [ch] могло быть экспрессивным вариантом согласного [k] в начале слова.

2. Однако чаще звук [ch] в славянской фонетической системе возникал в результате изменения [s] при определенных фонетических условиях, а именно: если [s] употреблялся после индоевропейских звуков [*i], [*u], [*r], [*k], то он изменялся в [ch]. При этом индоевропейские звуки [*i] и [*u] могли быть долгими и краткими [ĭ], [ī], [ŭ], [ū] и могли входить в состав дифтонгов [ei̯], [oi̯], [eu̯], [ou̯]. А так как на славянской почве [ī] > [i], [ĭ] > [ь], [ū] > [y], ŭ] > [ъ], [oi̯] > [ě], [eu̯] > ['u], [ou̯] > [u], [ei̯] > [i], то [ch] < [s] мог употребляться у славян после звуков [i], [ь], [y], [ъ], [ě (oi̯)], [u], а также после звуков [r] и [k].

Примеры:

о.-слав. blъcha < *blŭsa — рус. *блоха*. Ср. лит. blusà;

о.-слав. ucho < *ousos — ст.-слав. оухо.. Ср. лат. auris < *ausis, лит. ausìs, гот. auso;

о.-слав. mъchъ < *m'usos — ст.-слав. мъхъ. Ср. лит. mŭsos, лат. muscus;

о.-слав. mucha < *mousa — ст.-слав. моуха. Ср. лит. musẽ, лат. musca;

о.-слав. vьrchъ < *vĭrsus — ст.-слав. врьхъ. Ср. лит. viršùs < < *virsùs, латыш. vìrsus.

Очень нагляден переход [s] > [ch] при образовании форм сигматического аориста, где в более древний период в качестве суффикса выступал согласный [s]:

1 л. ед. ч. о.-слав. rěchъ < *rēkson от *rekti — ст.-слав. рѣхъ;
о.-слав. molichъ < *molīson от *moliti — ст.-слав. молихъ;
о.-слав. bychъ < *būson от *būti — ст.-слав. бyхъ и т. д.

То, что суффиксом сигматического аориста в древнейший период действительно являлся согласный [s], подтверждают, например, формы сигматического архаического аориста от глаголов nesti и vesti, встречающиеся в старославянских памятниках. Так, от [nesti] — нести 1 л. ед. ч. сигм. арх. аориста — [něsъ] нѣсъ < *nēs-s-on, а от [vesti] вести — [věsъ] вѣсъ < *vēd-s-on.

3. В ряде случаев [ch] в славянской фонетической системе встречается на месте бывшего [s] не только после индоевропейских звуков [*i], [*u], [*r], [*k], но и после других гласных, в частности после [a] и [ě]. Однако во всех этих случаях образования с согласным [ch] возникли по аналогии с родственными образованиями, в которых [s] изменился в [ch] фонетически закономерно.

Например, от глагола znati форма 1 л. ед. ч. сигматического аориста znachъ < *zna-s-on — ст.-слав. знахъ. Ср. bychъ, molichъ, rěchъ и др. Глагол choditi < *soditi — ст.-слав. ходити образован

по аналогии с приставочными глаголами prichoditi < *prisoditi — ст.-слав. приходити, uchoditi < *ousoditi — ст.-слав. оуходити, где [ch] < [s] после звуков [i] или [u].

Аналогичная картина наблюдается при образовании формы местн. пад. мн. числа у существительных с *ā-основой. Например, о.-слав. vodachъ < *vodāsŭ — ст.-слав. водахъ (ср. др.-инд. áçvāsu) образовано по аналогии с формами kostьchъ, synъchъ, ploděchъ — ст.-слав. костьхъ, сынъхъ, плодѣхъ, где [ch] < [s] после [ĭ], [ŭ], [ě] < [oi̯].

4. Звук [ch] у славян мог появиться также в результате заимствования: ст.-слав. хлѣбъ — ср. гот. hlaibs; ст.-слав. хлѣвъ — ср. гот. hlaiw и т. д.

5. В ряде случаев [ch] возник у славян в результате звукоподражания. Например, чеш. chuchati — „дышать, дуть“, рус. *хухать, хихикать, хорохориться.*

Такого же происхождения согласный [ch] в русских диалектных глаголах сильной экспрессивной значимости: *ужахнуться, шарахнуться.*

ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ ЗАДНЕНЕБНЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 65. Задненебные согласные [k], [g], [ch] под влиянием гласных переднего ряда подверглись у славян в разные доисторические периоды изменениям.

Наиболее ранним изменением, пережитым задненебными согласными в общеславянском языке, являлось изменение их перед гласными переднего ряда: [e], [ь], [ę], [ě] ([< *ē]), [i] ([< *ī] или [ei̯]). В результате этого изменения возникли шипящие: [k] > [č'], [g] > [dž'] > [ž'], [ch] > [š']. Данное смягчение задненебных согласных принято называть п е р в о й п а л а т а л и з а ц и е й:

о.-слав. rǫka — porǫč'iti — ст.-слав. рѫка — порѫчити;
о.-слав. grěchъ — grěš'iti — ст.-слав. грѣхъ — грѣшити;
о.-слав. otrokъ — otroč'ę — ст.-слав. отрокъ — отрочѧ;
о.-слав. bogъ — bož'ьçkъ — ст.-слав. богъ — божьскъ;
о.-слав. běgъ — běž'ati < *bēgēti — ст.-слав. бѣгъ — бѣжати;
о.-слав. gorěti — ž'arъ < *gēros — ст.-слав. горѣти — жаръ;
о.-слав. oko — oč'ese (род. пад. ед. ч.) — ст.-слав. око — очесе и т. д.

Особо следует сказать о сочетаниях [*kē], [*gē], [*chē]. Под влиянием долгого гласного [ē] задненебные согласные смягчались. Возникшие мягкие согласные [č'], [ž'], [š'] оказывали влияние на следовавший за ними гласный переднего ряда [ē], передвигая его назад. В результате вместо [ē], который у славян должен был дать [ě], возникал гласный [a]: slyš'ati < *slūchēti; krič'ati < *krikēti и т. д.

В более поздний период общеславянского языка вновь обнаружилась тенденция к смягчению задненебных согласных. Однако результат этого смягчения отличался от более раннего, т. е. от

первой палатализации. На этот раз задненебные согласные, смягчаясь, изменились уже не в шипящие, а в свистящие: [k] > [c'], [g] > [d͡z'], [ch] > [s'].

Подобное смягчение задненебных согласных происходило в разное время и зависело от одного из двух следующих условий.

§ 66. 1. Задненебные согласные [k], [g], [ch] могли подвергаться смягчению и переходить в свистящие [c'], [d͡z'], [s'] под влиянием предшествующего гласного переднего ряда [i], [ь], [ę]:

о-слав. myšĭьc'a < *mūsĭka — ст.-слав. мышьца. Ср. др.-инд. mūsikā;
о.-слав. lic'e < *likon.— ст.-слав. лицє. Ср. [likъ], ст.-слав. ликъ;
о.-слав. ovьc'a < *ovika — ст.-слав. овьца. Ср. др.-инд. avikā;
о-слав. vьs'ь, vьs'a < *vьchъ < *viso — ст.-слав. вьсь, вьсꙗ. Ср. лит. vìsas, др.-прус. wissa —, латыш. viss.

Данная фонетическая тенденция сказывалась и при заимствовании славянами слов из германских языков:

о.-слав. kъnęd͡z'ъ — ст.-слав. кънѧѕь. Ср. др.-в.-нем. kuning;
о.-слав. pěnęd͡z'ъ — ст.-слав. пѣнѧѕь. Ср. др.-в.-нем. pfenning — „монета", др.-сакс. penning;
о.-слав. gobьd͡z'ъ — ст.-слав. гобьѕь. Ср. гот. gabigs — „богатый".

Однако эта палатализация имела ограничения (не совсем ясные). Есть целый ряд слов, в которых задненебные согласные [k], [g], [ch], несмотря на наличие предшествующего гласного переднего ряда [i], [ę] или [ь], не изменились в свистящие. Так, например, отсутствие палатализации наблюдалось в случае, если после задненебного согласного находился другой согласный: о.-слав. stьgna — „улица, переулок" (но stьd͡z'a — „дорога"), mьgla, dvignǫti (но dvid͡z'ati), sъtęgnǫti (но sъtęd͡z'ati), kliknǫti (но klic'ati) — ст.-слав. стьгна (но стьѕа), мьгла, двигнѫти (но двиѕати), сътѧгнѫти (но сътѧѕати), кликнѫти (но клицати) и т. д. Кроме того, не происходило палатализации также в том случае, если после задненебного согласного употреблялся гласный [ъ] или [y]: о.-слав. likъ, lьgъkъ, mękъkъ, otęgъč'iti, lьgyn'i, kъnęgyn'i, dvьrьnikъ — „привратник", tichъ и т. д. — ст.-слав. ликъ, льгъкъ, мѧкъкъ, отѧгъчити, льгыни, кънѧгыни, дврьникъ, тихъ и т. д.

Отсутствие палатализации в данном случае объяснялось тем, что артикуляцию задненебных согласных перед гласными [ъ] и [y] сопровождал лабиальный элемент, который и препятствовал передвижке задненебных вперед после гласных переднего ряда. Этот лабиальный элемент при артикуляции задненебных согласных возникал за счет утраты лабиальности гласными [ъ] < [*ŭ] и [y] < [*ū].

Однако в ряде слов и форм задненебные согласные, несмотря на наличие следовавшего за ними гласного [ъ] или [y], подверглись палатализации: о.-слав. otьc'ь < otьkъ, lic'ъ (род. пад. мн. ч.) < likъ и т. д. — ст.-слав. отьць, лиць (род. пад. мн. ч.) и т. д.

Возникновение здесь палатальных согласных вместо задненебных явилось в результате обобщения основы. Например, от существи-

тельного otьc'ъ < otьkъ были представлены следующие формы в ранний период существования общеславянского языка:

Ед. ч. Им.-вин. п.	otьkъ	Тв.	otьkomь
Род.	otьka	Зв.	otьke
Дат.	otьku		

Как показывают приведенные формы, в звательной форме задненебный согласный [k], оказавшись в позиции перед гласным переднего ряда [e], смягчился по первой палатализации. В результате [k] > [č'] и возникла форма otьč'e (ст.-слав. отьче. Ср. аналогичные формы кънѧже, боже, чловѣче и под.).

В более поздний (по сравнению с временем действия первой палатализации) период общеславянского языка на задненебный согласный начинает оказывать действие предшествующий гласный переднего ряда [ь]. Это приводит к тому, что в формах родительного, дательного и творительного падежей ед. числа вместо [k] возникает свистящая аффриката [c']. Под влиянием этих форм происходит обобщение основы данного слова в формах именительного и винительного падежей ед. числа, несмотря на то, что там после задненебного согласного [k] употреблялся гласный [ъ]. Возникшая мягкая аффриката [c'] воздействовала на следующий за ней гласный непереднего ряда, передвигая его в передний ряд. В результате [o] > [e], [ъ] > [ь]. Таким образом, возникли формы:

Ед. ч. Им.-вин. п.	otьc'ъ	Тв.	otьc'emь
Род.	otьc'a	Зв.	otьč'e
Дат.	otьc'u		

Подобное обобщение основы происходило и во множественном и двойственном числах.

§ 67. 2. Задненебные согласные [k], [g], [ch] подвергались смягчению и переходили в свистящие [c'], [$\widehat{dz}$'], [s'] также в том случае, если после них употреблялся гласный переднего ряда [ě] или [i] по происхождению из дифтонга [oi̯] ([ai̯]):

о.-слав. c'ěna < *koi̯na — ст.-слав. цѣна. Ср. лит. (диал.) kainà, (оба по ст.-слав. каѩтисѧ, каꙗти сѧ — „каяться");

о.-слав. c'ěsar'ь < *kai̯sar'ь — ст.-слав. цѣсарь. Ср. гот. kaisar;

о.-слав. $\widehat{dz}$'ělo < *goi̯lo — ст.-слав. ѕѣло. Ср. лит. gailùs — „вспыльчивый, яростный", гот. gailjan — „оживленный";

о.-слав. дат.-местн. пад. ед. ч. основы на -*ā- rǫc'ě < *ronkai — ст.-слав. рѫцѣ (от рѫка). no$\widehat{dz}$'ě < *nogai — ст.-слав. ноѕѣ (от нога), mus'ě < *mouchai < *mousai — ст.-слав. моусѣ (от моуха);

о.-слав. им. пад. мн. ч. основы на -*ŏ- vьlc'i < *vilkoi — ст.-слав. вльци (от влькъ). Ср. греч. l'úkoi, лит. vilkaĩ;

о.-слав. местн. пад. ед. ч. основы на -*ŏ- vьl̥c'ě < *vilkoi — ст.-слав. вльцѣ и т. д.

Вопрос о том, какое смягчение задненебных согласных в свистящие является более ранним, пока не может считаться окончательно решенным, т. к. есть известные доказательства в пользу того и другого. В связи с этим одни лингвисты называют смягчение задненебных перед гласными ě и i<oi̯ второй палатализацией, а после гласных переднего ряда — третьей, другие — наоборот.

ИЗМЕНЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД ГЛАСНЫМИ ПЕРЕДНЕГО РЯДА

§ 68. Группы согласных, в состав которых входили задненебные согласные, претерпевали у славян в разные доисторические периоды изменения перед гласными переднего ряда. К таким группам согласных относились следующие: [kv-], [gv-], [sk-], [zg-], [kt-], [gt-].

1. Сочетания [kv-] и [gv-] перед [ě] (<[oi̯]) изменились в славянских группах, легших в основу восточнославянских и южнославянских языков, в сочетания [c'v-] и [d͡z'v-]: c'větъ, d͡z'vězda — ст.-слав. цвѣтъ, ѕвѣзда, рус. *цвет, звезда.*

Точно так же памятники старославянского языка дают пример изменения сочетания [chv-] перед [i] (<[oi̯]) в [s'v-]: vlsvi — ст.-слав. влъсви (им. пад. мн. ч. от влъхвъ) — Супр. 257_{9-10}, $258_{14, 25}$; Сав. кн.; Ас. ев.; Мар. ев., Мф. II, 1.

У предков западных славян в сочетаниях [kv-] и [gv-] перед [ě] (<[oi̯]) задненебные согласные сохранились без изменения: пол. kwiat, gwiazda; чеш. květ, hvězda; словац. kvet, hviezda.

Подобное различие в судьбе сочетаний [kv-] и [gv-] перед [ě] (<[oi̯]) по славянским группам было вызвано тем, что у предков восточных и южных славян согласные в этих сочетаниях были тесно объединены друг с другом. Поэтому палатализация согласного [v] перед гласным переднего ряда повлекла за собой соответствующее смягчение и предшествовавшего ему задненебного согласного. У предков же западных славян согласные в данных сочетаниях находились в свободном примыкании друг к другу, и поэтому палатализация согласного [v] перед [ě] ([oi̯]) не отразилась на изменении предшествовавшего задненебного согласного [k] или [g].

2. Сочетания [sk-] и [zg-] перед гласными переднего ряда (кроме [ě] и [i]<[oi̯]) палатализовались и изменялись в общеславянском языке в сочетания [š'tš'] и [ž'dž], откуда в старославянском языке [š͡t'] и [ž͡d'].

Процесс изменения данных групп протекал следующим образом: [sk]>[sč']>[š'č'] (=[š'tš']), откуда ст.-слав. [š͡t']. Задненебный [k] перед гласными переднего ряда (кроме [ě] и [i]<[oi̯]) подвергался первой палатализации и изменялся в [č'] (=[t͡š']). Под влиянием данной мягкой аффрикаты происходило смягчение предшествующего ей согласного [s] и уподобление его последующему [š]. В результате

в общеславянском языке возникло сочетание [š'tš']. У предков южных славян последний шипящий позднее утрачивался, что привело к возникновению сложного согласного [ŝt'], который и представлен в старославянском языке:

dъŝtic'a < *dъskika — ст.-слав. дъштица. Ср. dъska — ст.-слав. дъска;

ŝt'ęděti < *skędēti — ст.-слав. штадѣти. Ср. skǫdъ — ст.-слав. скждъ;

blьŝt'ati < *blьskēti — ст.-слав. бльштати. Ср. blěskъ — ст.-слав. блѣскъ;

voŝt'anъ < *voskēnъ — ст.-слав. воштанъ. Ср. voskъ — ст.-слав. воскъ;

piŝt'alь < piskēlь — ст.-слав. пишталь. Ср. piskati — ст.-слав. пискати.

Аналогичная картина наблюдалась и в отношении изменения [zg-] перед гласными переднего ряда (кроме [ě] и [i] < oi̯): [zg] > [zdž'] > [ž'dž'], откуда в ст.-слав. [ẑd'].

Задненебный согласный [g] по первой палатализации изменился в мягкую аффрикату [d͡ž], под влиянием которой происходило смягчение предшествующего ей согласного [z] и уподобление его последующему [ž']. Это привело к возникновению сочетания [ž'dž']. У южных славян в дальнейшем происходила утрата конечного шипящего и возникновение сложного согласного [ẑd'], который и представлен в старославянском языке:

roẑd'ije < *rozgьje — ст.-слав. рождиѥ. Ср. rozga — ст.-слав. розга;

izmoẑd'anъ < *izmozgēnъ — ст.-слав. измождань. Ср. mozgъ — ст.-слав. мозгъ;

drẹẑd'ьnъ < *drẹzgьnъ — ст.-слав. држдьнъ. Ср. drẹzga — ст.-слав. дрязга.

Если же сочетания [sk-] и [zg-] оказывались в позиции перед гласным [ě] или [i] (оба по происхождению из дифтонга [oi̯]), то они при смягчении изменялись в сочетания [sc'] (= [st͡s']) и [zd͡z'], откуда в старославянском языке группы [st] и [zd].

Процесс изменения шел следующим образом: [sk] > [sc'] (= [st͡s']; [zg] > [zd͡z']. Задненебный согласный [k], смягчаясь, изменялся в [c'], а [g] в [dz']. Это привело к возникновению сочетаний [sc'] (= [sts'] и [zd͡z']. В дальнейшем у южных славян происходило отпадение конечного согласного в этих сочетаниях, откуда в старославянском языке сочетания [st] и [zd]. Однако в ряде случаев (что, например, нашло отражение в Саввиной книге) сочетание [st͡s'] (= [sc'] сохранилось без изменения:

č'lověč'ьstě < č'lověč'ьskě (ě < oi̯) — местн. пад. ед. ч. прилагательного муж. р. — ст.-слав. члов҄ѣчьстѣ;

č'lověč'ьsti < č'lověč'ьski (i < oi̯) — им. пад. мн. ч. прилагательного муж. р. — ст.-слав. чловѣчьсти (в Сав. кн. чловѣчьсци). Ср. č'lověčьskъ — ст.-слав. чловѣчьскъ;

dręzdě < dręzgě (ě < ai̯) — дат.-местн. ед. ч. — ст.-слав. дрѫздѣ. Ср. dręzga — ст.-слав. дрѫзга.

3. Перед гласными переднего ряда подверглись изменению в общеславянском языке и сочетания согласных [kt-] и [gt-]. Процесс изменения данных сочетаний у предков южных славян протекал следующим образом: ([gt]) > [kt] > [tt'] > [t't'] > [t̄'] [t'ˢ̌'] > > [ˢ̌'tˢ̌'] > [š'tš'] > [št]?

Группы согласных [kt] и [gt] были невозможны. Задненебный согласный [g], оглушаясь перед следующим глухим согласным [t], переходил в [k], а затем процесс изменения исконной группы [kt] и группы [kt] < [gt] был одинаков и сводился к следующему. Согласный [t] смягчался перед гласным переднего ряда. Вследствие ассимиляции задненебного [k] последующему [t'] возникало сочетание [t't'], которое изменялось в долгий мягкий согласный [t̄']. Утрата долготы данным согласным у предков южных славян (в частности, в болгарской языковой группе) шла за счет развития фрикативного элемента [š], который возникал не только после мягкого [t'], но и перед ним. Фрикативный элемент [š] становился полным звуком. Так возникало сочетание [š'tš'], в котором позднее последний согласный утрачивался, что приводило к возникновению сложного согласного [ŝt']:

noŝt'ь < noktь — ст.-слав. нощь. Ср. лит. naktis, лат. nox, noctis;

dъŝt'ı < dъkti — ст.-слав. дъшти. Ср. лит. duktė̃;

moŝt'i < mogti — ст.-слав. мошти. Ср. mogǫ — ст.-слав. могѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.), гот. magen, лит. mė́gti.

peŝt'i < pekti — ст.-слав. пешти. Ср. pekǫ — ст.-слав. пекѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.), др.-инд. paktáḥ „сваренный, вскипевший".

У предков восточных славян в результате изменения сочетаний [kt] и [gt] перед гласными переднего ряда возникала аффриката [č'] ([tš']). Ср. рус. *ночь, дочь, мочь, печь.* У предков западных славян утрата долготы согласным [t̄'] происходила за счет развития фрикативного согласного [s], что привело к возникновению аффрикаты [c'] ([ts]. Например, пол. noc, piec, móc, cora, corka; чеш. noc, péci, moci, dcera.

СОЧЕТАНИЯ СОГЛАСНЫХ С ПОСЛЕДУЮЩИМ [j]

§ 69. Для общеславянской фонетической системы не были характерны сочетания согласных с последующим [j]. Поэтому одним из наиболее ранних фонетических процессов, происходивших в общеславянском языке, было смягчение и ассимиляция согласных с последующим [j) ([i̯]).

При ассимиляции зубных согласных [s] и [z] последующему [j) место артикуляции языка отодвигалось назад, к месту образования [j]. Затем происходила ассимиляция [j] с предшествующим ему мягким согласным, возникшим в результате передвижки зубных [s]

и [z] в палатальную зону, и возникали долгие мягкие согласные [s̄'] и [z̄'], которые в дальнейшем утрачивали долготу. Таким образом, [sj] > [s'j] > [s̄'] > [š']; [zj] > [z'j] > [z̄'] > [ž']:

noš'ǫ < nosjǫ — ст.-слав. ношѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. nositi — ст.-слав. носити;

vož'ǫ < vozjǫ — ст.-слав. вожѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. voziti — ст.-слав. возити;

nož'ь < nozjь — ст.-слав. ножь. Ср. vъnoziti — ст.-слав. вънозити, рус. *вонзить*;

gaš'ǫ < gasjǫ — ст.-слав. гашѫ. Ср. gasiti — ст.-слав. гасити;

vęž'ǫ < vęzjǫ — ст.-слав. вѧжѫ. Ср. vęzati — ст.-слав. вѧзати.

При ассимиляции задненебных согласных [k], [g], [ch] последующему [j] место артикуляции языка продвигалось вперед, к месту образования [j]. В результате передвижки задненебных согласных [k] и [g] в палатальную зону и последующего слияния с [j] возникали долгие мягкие согласные [t̄'] и [d̄'] (ср. в русских говорах формы *ру́т'и* и *нóд'и* вместо *ру́к'и* и *нóг'и*). Утрата долготы данными согласными происходила за счет развития фрикативных элементов [š] и [ž]. Итак: [kj] > [k'j] > [t̄'] > [t'š'] > > [tš'] (= [č']); [gj] > [g'j] > [d̄'] > [d'ž'] > [dž'] > ž']; [chj] > > [ch'j] > [š'].

Таким образом, в результате ассимиляции задненебных согласных [k], [g], [ch] последующему [j] у славян возникли те же самые палатальные шипящие звуки, которые возникали у них на месте задненебных по первой палатализации (см. § 66):

sěč'a < sěkja — ст.-слав. сѣча. Ср. sěkǫ — ст.-слав. сѣкѫ (1 л. ед. ч. наст. вр. от сѣшти);

plač'ǫ < plakjǫ — ст. слав. плачѫ. Ср. plakati — ст.-слав. плакати;

lъž'a < lъgja — ст.-слав. лъжа. Ср. lъgati — ст.-слав. лъгати;

straž'a < storgja — ст.-слав. стража. Ср. stergǫ — ст.-слав. стрѣгѫ (1 л. ед. ч. наст. вр. от стрѣшти — „стеречь");

duš'a < duchja — ст.-слав. доуша. Ср. duchъ — ст.-слав. доухъ;

rěč'ь < rěkjь — ст.-слав. рєчь. Ср. rekǫ — ст.-слав. рєкѫ (1 л. ед. ч. наст. вр. от рєшти).

При сочетании сонорного согласного [n], [l] или [r] с последующим [j] происходила передвижка артикуляции сонорного в палатальную зону. Затем происходила ассимиляция [j] с тем палатальным согласным, который появился в результате этой передвижки. Возникал долгий мягкий согласный, который в дальнейшем утрачивал долготу. Таким образом, [nj] > [n'j] > [n̄'] > [n']; [lj] > [l'j] > [l̄'] > [l']; [rj] > [r'j] > [r̄'] > [r']:

род. пад. ед. ч. kon'a < konja — ст.-слав. конꙗ; mor'a < morja — ст.-слав. морꙗ;

им. пад. ед. ч. bur'a < burja — ст.-слав. боурꙗ; vol'a < volja — ст.-слав. волꙗ;

1 л. ед. ч. наст. вр. golgol'o < golgoljǫ — ст.-слав. глаголѭ (от глаголати); stel'ǫ < steljǫ — ст.-слав. стелѭ (от стьлати); pьr'ǫ < pьrjǫ — ст.-слав. пьрѭ (от пьрѣти — „состязаться, спорить");

3 л. ед. ч. наст. вр. sten'etъ < stenjetъ — ст.-слав. стенѥтъ (от стенати); bor'etъ sę < borjetъ sę — ст.-слав. борѥтъ сѧ (от брати сѧ — „бороться").

§ 70. Результаты изменения сочетаний [*tj] и [*dj] по разным славянским языковым группам различны. Это, возможно, свидетельствует о том, что изменение данных сочетаний происходило в период распадения общеславянского языка-основы.

Характер изменения сочетаний [*tj], [*dj] сводится к следующему.

Зубные согласные [t] и [d], ассимилируясь последующему [j], продвигались в своей артикуляции назад, к месту образования [j]. Затем [j] сливался с мягким согласным, возникшим в результате этой передвижки, что привело к образованию долгих мягких согласных [t̄'] и [d̄']. Последующая утрата ими долготы происходила за счет развития дополнительного фрикативного элемента после этих мягких согласных. При этом у южных славян (болгарская языковая группа) и восточных славян развивался фрикативный элемент [š] и [ž], а у западных славян — [s] и [z]. Процесс изменения сочетаний [*tj] и [*dj] можно представить следующим образом.

У западных славян:

[tj] > [t'j] > [t̄'] > [t'^{s}] > [t͡s' (= c')]
[dj] > [d'j] > [d̄'] > [d'^{z}] > [d͡z'];

У восточных славян:

[tj] > [t'j] > [t̄'] > [t'$^{š'}$] > [t͡š' (= č')]
[dj] > [d'j] > [d̄'] > [d'$^{ž'}$] > [dž'] > [ž'];

У южных славян (болг. яз. гр.):

[tj] > [t'j] > [t̄'] [t'$^{š'}$] > [$^{s'}$t$^{š'}$] > [š'tš'] > [š͡t']
[dj] > [d'j] > [d̄'] > [d'$^{ž'}$] > [$^{ž'}$d$^{ž'}$] > [ž'dž'] > [ž͡d'].

Следующие примеры иллюстрируют конечные результаты изменения сочетаний [*tj] и [dj] по славянским языковым группам:

о.-слав. světja — ст.-слав. свѣшта [svěšt'a], пол. świeca, др.-рус. *свѣча*, совр. рус. *свеча*;

о.-слав. medja — ст.-слав. межда [mežd'a], пол. miedza, рус. *межа*;

о.-слав. vidjǫ — ст.-слав. виждѫ [vižd'ǫ] (1 л. ед. ч. наст. вр. от видѣти), пол. widzę, рус. *вижу*;

о.-слав. chotjǫ — ст.-слав. хоштѫ [choštǫ] (1 л. ед. ч. наст. вр. от хотѣти), пол. chcę, рус. *хочу*;

о.-слав. tjudjь — „чужеземец" — ст.-слав. штоуждь [št'uždь], пол. cudzy, рус. *чужой*.

§ 71. Сочетания губных согласных [m], [p], [b], [v] с последующим [j] также подверглись у славян изменениям. При ассими-

ляции губных согласных с [j] губная артикуляция осложнялась артикуляцией языка, поднимавшегося к твердому небу. Конечные результаты ассимиляции губных с последующим [j] были неодинаковы в зависимости от их положения в начале или в середине слова.

В начале слова при ассимиляции губных с [j] перед гласным язычная артикуляция отстала от губной артикуляции, причем подъем языка был высокий. Это привело к возникновению после губного мягкого согласного [l'], получившего название [l] — „эпентетикум", что значит „вставной". Таким образом, [mj] > [ml'], [pj] > [pl'], [bj] > [bl'], [vj] > [vl'].

Подобное изменение губных с последующим [j] в начале слова было характерно для всех славянских языковых групп:

о.-слав. bjudǫ — ст.-слав. блюдѫ [bl'udǫ], рус. *блюду,* др.-серб. блюдоу. Ср. др.-инд. bheudhos;

о.-слав. pjujǫ — ст.-слав. плюѭ [pl'ujǫ], рус. *плюю,* сербохорв. pljüjem, пол. pluję. Ср. лит. spiáuju — „я плюю";

о.-слав. bjudo — ст.-слав. блюдо [bl'udo], рус. *блюдо,* сербохорв. bljudo, др.-пол. bluda. Ср. гот. biups (род. п. biudis).

Иначе обстояло дело, если сочетания губных с [j] перед гласным употреблялись в середине слова. Здесь конечный результат изменения сочетания „губной + [j]" был неодинаков по славянским группам. Так, западнославянские языки не имеют [l]-эпентетикум в этом положении: пол. ziemia — „земля", kupia — „купля", kapia — „капля"; чеш. země, koupě, kápě.

Остается неясным, был ли когда-либо в западнославянских языках [l]-эпентетикум в середине слова или нет, ибо древнейшие западнославянские памятники письменности относятся к XIII—XIV вв. Возможно, что к этому времени произошла уже утрата [l]-эпентетикум в середине слова, а может быть, в языке предков западных славян такого [l] никогда и не развивалось.

У восточных и южных славян сочетания губных с [j] перед гласным в середине слова дали тот же результат, что и в начале слова. Однако в болгарском языке к X—XI вв. [l]-эпентетикум был утрачен, что нашло отражение в старославянских памятниках:

о.-слав. zemja — ст.-слав. землꙗ [zeml'a], сербохорв. zèmlja, рус. *земля,* бол. *земя;*

о.-слав. kupjǫ — ст.-слав. коуплѭ [kupl'ǫ], др.-серб. коуплѭ (1 л. ед. ч. наст. вр.), рус. *куплю,* болг. *ку́пя;*

о.-слав. kapja — ст.-слав. каплꙗ [kapl'a], сербохорв. käplja, рус. *капля,* болг. *капка;*

о.-слав. lovjǫ — ст.-слав. ловлѭ [lovl'ǫ], рус. *ловлю,* болг. *ловя* (1 л. ед. ч. наст. вр.);

о.-слав. pogubjǫ — ст.-слав. погоублѭ [pogubl'ǫ], рус. *погублю* (1 л. ед. ч. наст. вр.), болг. *погубя.*

Об употреблении [l]-эпентетикум в середине слова в старославянском языке см. § 39.

§ 72. Судьба сочетаний [skj] и [zgj]. В этих сочетаниях задненебные согласные [k] и [g], ассимилируясь с [j], изменялись

в [č'] и [dž'] (см. об этом выше, § 70). Согласные [s] и [z] ассимилировались с шипящими [š] и [ž], входившими в состав аффрикат [č'] [= t͡š'] и d͡ž'. Таким образом, [skj] > [sč'] > [š'č' (= š'tš')], откуда ст.-слав. [š͡t'], [zgj] > [zd͡ž'] > [ž'dž'], откуда ст.-слав. [ž͡d']:

о.-слав. iskjǫ — ст.-слав. [išt'ǫ] иштѫ 1 л. ед. ч. наст. вр. Ср. ст.-слав. [iskati] искати;

о.-слав. pleskjǫ — ст.-слав. [pleš͡t'ǫ] плєштѫ 1 л. ед. ч. наст. вр. Ср. ст.-слав. [pleskati] плєскати;

о.-слав. dъzgjь — ст.-слав. [dъž͡d'ь] дъждь. Ср. лит. *duzgjẽti.

Как показывают приведенные примеры, судьба сочетаний [skj] и [zgj] полностью совпала с судьбой сочетаний [sk] и [zg] перед гласными переднего ряда [см. об этом выше § 69).

Судьба сочетаний [stj] и [zdj]. Под влиянием [j] зубные согласные [t] и [d] продвигались в палатальную зону, т. е. к месту образования [j]. Затем [j] ассимилировался с возникшим палатальным согласным, что привело к образованию долгих мягких согласных [t̄'] и [d̄']. Согласные [s] и [z] ассимилировались с этими дорсально-палатальными согласными, в результате чего [s] > [š'], [z] > [ž'], т. е. в процессе ассимиляции возникал тот же результат, который наблюдался при изменении сочетаний [sj] и [zj]:

о.-слав. pustjǫ — ст.-слав. [puš͡t'ǫ] поуштѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [pustiti] поустити;

о.-слав. lьstjǫ — ст.-слав. [lьš͡t'ǫ] льштѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [lьstiti] льстити;

о.-слав. prigvozdjǫ — ст.-слав. [prigvož͡d'ǫ] пригвождѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [prigvozditi] пригвоздити;

о.-слав. krьstjenije — ст.-слав. [krьš͡t'enije] крьштєниѥ. Ср. ст.-слав. [krьstъ] крьстъ;

о.-слав. tьstja — ст.-слав. [tьš͡t'a] тьшта. Ср. ст.-слав. [tьstь] тьсть;

о.-слав. vъgnězdjьšumu sę — ст.-слав. [vъgněž͡d'ьš'umu sę] вългнѣждьшоумоу сѧ (дат. пад. ед. ч. причаст. дейст. прош. вр., муж. и ср. р.). Ср. ст.-слав. [vъgnězditi sę] вългнѣздити сѧ.

§ 73. Судьба сочетаний [slj], [znj], [trj], [drj], [zlj]. Сонорные согласные [l], [n], [r] под воздействием [j] передвигались в палатальную зону и ассимилировались с [j]. В результате возникали долгие мягкие согласные [l̄'], [n̄'], [r̄'] (см. § 70). Согласные [s], [z], [t], [d] ассимилировались со следовавшими за ними палатальными согласными. Результат этой ассимиляции был такой же, какой вообще возникал в процессе ассимиляции [s], [z], [t], [d] последующему [j]. Таким образом:

[slj] > [sl̄'] > [š'l'];	[trj] > [tr̄'] > [š͡t'r'];	[znj] > [zn̄'] > [ž'n'];
[zlj] > [zl̄'] > [ž'l'];	[drj] > [dr̄'] > [ž͡d'r']:	

о.-слав. mysljenije — ст.-слав. [myš'l'enije] мышлєниѥ. Ср. ст.-слав. [mysliti] мыслити;

о.-слав. vъzljubjenъ — ст.-слав. [vъž'l'ubl'enъ] вѫжлюбленѫ. Ср. ст.-слав. [vъzl'ubiti] възлюбити;

о.-слав. sъblaznjenъ — ст.-слав. [sъblaž'n'enъ] съблажнюнѫ. Ср. ст.-слав. [sъblazniti] съблазнити;

о.-слав. sъmotrjǫ — ст.-слав. [sъmošt'r'ǫ] съмоштрѭ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [sъmotriti] съмотрити;

о.-слав. umǫdrjǫ — ст.-слав. [umǫžd'r'ǫ] оумѫждрѭ (1 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. ст.-слав. [umǫdriti] оумѫдрити.

Однако результат изменения указанных выше сочетаний удерживался не всегда. Так, например, наряду с указанными сочетаниями, возникшими в результате изменения [trj], [drj] и [zlj], встречаются сочетания [tr'], [dr'] и [zl']: оумѫдрѭ [umǫdr'ǫ], съмотрѭ [sъmotr'ǫ], възлюблѭ [vъzl'ubl'ǫ].

УПРОЩЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

§ 74. В славянской фонетической системе доисторической поры в середине слова не могла употребляться любая группа согласных. Этому препятствовал закон открытого слога. В связи с этим в составе слова употреблялись лишь такие группы согласных, с которых мог начинаться слог. В ином случае группы согласных подвергались упрощению.

Так, в общеславянском языке не употреблялись удвоенные согласные, например [tt] или [ss].

Сочетание [tt] (восходящее к [tt] или [dt]) подверглось диссимиляции и изменилось у славян в [st] ([tt]>[tst]>[st]):

*metti — ст.-слав. [mesti] мести. Ср. [metǫ] метѫ, [meteš'i) метеши;

*vedti — ст.-слав. [vesti] вести. Ср. [vedǫ] ведѫ, [vedeš'i] ведеши.

Сочетание согласных [ss], ассимилировавшись, дало у славян долгий согласный [s̄]. Но долгие согласные не были характерны для славян. Поэтому позднее происходило сокращение долготы, в результате чего возникал согласный [s]. Таким образом, [ss]>[s̄]>[s]:

*nēssъ<*nēsson (1 л. ед. ч. сигмат. арх. аориста) — ст.-слав. [nēsъ] нѣсъ (от глагола [nesti] нести).

Подверглись изменениям также некоторые группы согласных неодинакового образования.

1. Сочетания двух согласных, у которых вторым был [s]: [ps], [bs], [ts], [ds], [ks].

Изменение данных групп шло за счет утраты первого согласного. В результате вместо сочетаний [ps], [bs], [ts], [ds] в славянской фонетической системе сохранился только согласный [s]:

[ps]>[s]: *opsa — ст.-слав. [osa] оса. Ср. лит. vapsà, др.-в-нем. wafsa, лат. vespa (с метатезой), др.-прус. wobse, латыш. vapsene;

[bs]>[s]: *grēbsъ<*grēbson — ст.-слав. [grēsъ] грѣсъ (сигм. арх. аорист, 1. л. ед. ч.). Ср. ст.-слав. [grebǫ] гребѫ;

[ts]>[s]: *č'ıtsъ<*č'ıtson — ст.-слав. [č'isъ] чисъ (сигм. арх. аорист, 1 л. ед. ч.). Ср. ст.-слав. [č'ьtǫ] чьтѫ;

*otstǫpiti — ст.-слав. [ostǫpitι] отъпити;

[ds] > [s]: *vēdsъ < *vēdson — ст.-слав. [věsъ] вѣсъ. Ср. ст.-слав. [vedǫ] ведѫ;

*bōdsъ < *bōdson — ст.-слав. [basъ] басъ. Ср. ст.-слав. [bodǫ] бодѫ (сигм. арх. аорист, 1 л. ед. ч.);

*dadsi — ст.-слав. [dasi] даси (2 л. ед. ч. наст. вр.). Ср. [dadętъ] дадѧтъ (3 л. мн. ч. от [datι] дати).

Группа [ks] перед следующим гласным переходила в [ch]. Процесс изменения шел следующим образом. Согласный [s] в позиции после [k] переходил у славян в [ch]. Возникала группа [kch], состоявшая из двух звуков, близких друг другу по артикуляции. Упрощение данной группы шло или за счет уподобления [k] последующему [ch], в связи с чем возникала группа [chch] > [c̄h] > [ch], или, может быть, просто происходила утрата задненебного согласного [k] перед следующим [ch]:

*rēksъ < *rēkson — ст.-слав. [rěchъ] рѣхъ. Ср. ст.-слав. [rekǫ] рекѫ (сигм. арх. аор., 1 л. ед. ч.).

Если же после группы [ks] шел согласный, то упрощение ее шло за счет утраты [k], согласный же [s] оставался без изменения, т. е. [ks] перед согласным > [s]:

*rēkste — ст.-слав. [rěste] рѣсте (сигм. арх. аорист, 2 л. мн. ч.). Ср. ст.-слав. [rekǫ] рекѫ.

2. Сочетания двух согласных, из которых вторым элементом был [t]: [pt], [bt], [kt].

Изменение групп согласных [pt] и [bt] шло за счет утраты губного согласного, т. е. [pt] > [t], [bt] > [t]:

[pt] > [t]: *tepti — „ударять" — ст.-слав. [teti] тети. Ср. ст.-слав. [tepǫ] тепѫ;

[bt] > [t]: *grebti — ст.-слав. [gretι] грети. Ср. ст.-слав. [grebǫ] гребѫ [pogrebati] погребати.

Группа согласных [kt] перед гласными непереднего ряда упрощалась за счет утраты задненебного согласного, т. е. [kt] > [t]:

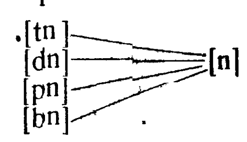
*plektǫ — ст.-слав. [pletǫ] плетѫ. Ср. лат. plectō, греч. plẹktḗ — „сеть, веревка".

*pẹktъ — „пятый" — ст.-слав. [pętъ] пѧтъ. Ср. лит. peñktas, лат. quintus < *quinctus, др.-прус. piēncts.

В позиции перед гласными переднего ряда судьба сочетания [kt] ([gt]) была иной (см. выше § 68).

3. Сочетание двух согласных, из которых вторым элементом является сонорный [n]: [tn], [dn], [pn], [bn].

Упрощение данных групп шло за счет утраты зубных и губных согласных. Таким образом:



[tn] > [n]: *osvьtnǫti — ст -слав. [osvьnǫti] освьнѫти — „засветить, рассветать". Ср. ст.-слав. [světъ] свѣтъ, [svьtěti sę] свьтѣти сѧ;

[dn] > [n]: *vędnǫti — ст.-слав. [vęnǫti] вѧнѫти. Ср. [uvędatı] оувѧдати.

*bъdnǫti — ст.-слав. [(vъz)bъnǫti] (въз)бънѫти. Ср. ст.-слав. [bъděti] бъдѣти, [buditı] боудити;

[pn] > [n]: *sъpnъ — ст.-слав. [sъnъ] сънъ. Ср. ст.-слав. [sъpati] съпати, но [usъnǫti] оусънѫти, лит. sápnas, греч. üpnos (ὕπνος — густое придыхание вместо начального [s]);

*topnǫti — ст.-слав. [tonǫti] тонѫти. Ср. ст.-слав. [topiti] топити, [utopati] оутопати;

[bn] > [n]: *gъbnǫti — ст.-слав. [gъnǫti] гънѫти. Ср. ст.-слав. [razgybati] разгыбати, [gyběl̓ь] гыбѣль.

4. Сочетания двух согласных, из которых вторым согласным являлся сонорный [m]: [tm], [dm].

Изменение данных групп шло за счет утраты зубного согласного, т. е. [tm] и [dm] > [m]:

[dm] > [m]: *dadmь — ст.-слав. [damь] дамь. Ср. ст.-слав. [dadętъ] дадѧтъ;

*vědmь — ст.-слав. [věmь] вѣмь. Ср. ст.-слав. [vědętъ] вѣдѧтъ;

*pledmę — ст.-слав. [plemę] племѧ. Ср. ст.-слав. [plodъ] плодъ.

Для группы [tm], из которой должно было возникнуть [m], нет ни одного достоверного примера. Возможно, что ст.-слав. [vrěmę] врѣмѧ объясняется как восходящее к *vert-mēn. Ср. ст.-слав. [vr̥těti] врътѣти — „вертеть", др.-инд. vártma „путь, дорога, колея, водосток".

5) Изменение групп [skn] и [bv].

В результате изменения первая группа упростилась в [sn], а вторая в [b]:

[skn] > [sn]: *těsknъ < *toiskno- — ст.-слав. [těsnъ] тѣснъ. Ср. ст.-слав. [tiskatı] тискати — „давить";

*plesknǫti — ст.-слав. [plesnǫti] плеснѫти. Ср. рус. *плеск*;

[bv] > [b]: *obvolko — ст.-слав. [oblako] облако; *obvelkati — ст.-слав. [oblěkati] облѣкати. Ср. рус. *обволакивать*, ст.-слав. [vlač'ıti] влачити;

*obvitati — ст.-слав. [obitati] обитати. Ср. ст.-слав. [vitatı] витати.

6. Судьба групп [tl] и [dl] по славянским языкам.

Судьба данных сочетаний в разных славянских группах доисторического времени была различна. У предков южных и восточных славян в этих сочетаниях произошло упрощение в [l]. У предков западных славян данные сочетания сохранились без изменения. Подобное различие в судьбе этих сочетаний по славянским группам,

по-видимому, было вызвано тем, что у предков западных славян при артикуляции согласных, входивших в сочетания [tl] и [dl], не было тесного примыкания, как это наблюдалось при их произношении у предков южных и восточных славян (аналогичная картина наблюдалась и в судьбе сочетаний [kvě-] и [gvě-], см. § 68), что, возможно, объяснялось в данном случае разным местом слогораздела. По-видимому, у западных славян в этих группах согласных слогораздел проходил между зубным и плавным:

*ordlo — ст.-слав. рало, сербохорв. rälo, рус. *рало,* пол. radło, чеш. rádlo;

*pletlъ — ст.-слав. плелъ, сербохорв. plëo, рус. *плёл,* plótł, чеш. pletl;

*šidlo — ст.-слав. шило, сербохорв. šilo, рус. *шило,* пол. szydło, чеш. šídlo;

*padlъ — ст.-слав. палъ, сербохорв. pao, рус. *пал,* пол. padł, чеш. padl;

*modlitva — ст.-слав. молитка, сербохорв. mȍlitva, рус. *молитва,* пол. modlitwa, чеш. modlitba.

7. Изменение сочетаний [sr] и [zr].

Эти группы согласных также не сохранялись у славян. Однако в данном случае изменение группы [sr] шло за счет развития между согласными нового звука [t], который представлял собой переходную артикуляцию от фрикативного согласного [s] к последующему плавному [r]. Может быть, этому способствовало наличие в славянских языках подобного сочетания давнего происхождения (например, ст.-слав. [strigǫ] стригѫ. Ср. с др.-в-нем. strīhan).

Подобное явление наблюдается и в некоторых балтийских и германских языках.

Таким образом, [sr] > [str]:

*sruja — ст.-слав. [struja] строуга. Ср. лит. srovẽ и диалект. srаujà, латыш. straujà, др.-инд. sravati;

*sesra — ст.-слав. [sestra] сестра. Ср. др.-инд. svasré (дат. п. ед. ч.), гот. swistr-, лит. sesuõ (род. п. seserѕ);

*osrъ — ст.-слав. [ostrъ] остръ. Ср. лит. ašrùs, греч. 'ákros, др.-инд. áçriḥ — „вершина, острие, край".

Сочетание [zr] переходило в [zdr]. Много примеров с развитием [d] между согласными [zr] дают ст.-слав. памятники, где согласный [d] обычно употреблялся между приставкой-предлогом и корнем слова, начинавшимся с согласного [r]: из-д-ръкы — Син. пс. 141а/5, 138б/3, 127а/15, 42б/14, 36б/17 и т. д.; Зогр. ев., Лук. I, 71, 74; Мар. ев., Лук. 1,74 (вм. из ръкы), раздроушение — Зогр. ев., Мф. VII, 27; Зогр. ев., Мар. ев., Лук. VI, 49 (вм. разроушение); іздрече — Зогр. ев., Мф. XIV, 7 (вм. ізрече); въздрасте — Зогр. ев., Лук. VIII, 7; Мар. ев. XIII, 19 (вм. възрасте); въздрыдаате — Мар. ев., Ио. XVI, 20 (вм. въдрыдаате); издраилевома — Мар. ев. Лук. XXII, 30 (вм. израилевома) и т. д.

ЯВЛЕНИЯ КОНЦА СЛОВА

§ 75. Для конца слова у славян были характерны особые фонетические закономерности, зачастую отличные от фонетики начала и середины слова.

Конец слова подвергался ослаблению в произношении. Степень ослабления его находилась в зависимости от значения слова или формы в предложении, от частоты его применения, от ударения и произношения. Особенно сильной редукции подвергались частицы и наречия.

Результаты ослабления конца слова выражались в утрате конечных согласных, в их отвердении, в усилении лабиализации согласного [o] и в редукции конечных долгих гласных.

§ 76. Утрата конечных согласных. В связи с тем, что для общеславянского языка была характерна тенденция открытости слога, конечные согласные [t], [d], [s], [r] подвергались утрате:

[s]: им. пад. ед. ч. synъ < *sūnŭs — ст.-слав. сынъ. Ср. лит. sūnùs, гот. sunus, др.-инд. sūnúḥ;

slovo < *slovos (ср. род. пад. ед. ч. slovese) — ст.-слав. слово. Ср. греч. kléos < *kleFos;

gostь < *gostis — ст.-слав. гость. Ср. лат. hostis — „чужой человек, враг", гот. gasts;

noktь < *noktis — ст.-слав. нощь. Ср. лит. naktìs;

аорист 2 л. ед. ч. pade < *pades — ст.-слав. паде. Ср. др.-инд. ábharaḥ;

[t]: аорист 3 л. ед. ч. pade < *padet — ст.-слав. паде. Ср. др.-инд. ábharat;

[r]: им. пад. ед. ч. mati < *mātēr — ст.-слав. мати. Ср. греч. mā́tēr, лат. māter;

dъkti < *dŭktēr — ст.-слав. дъшти. Ср. греч. thŭgátēr;

[d]: им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. указат. местоим. to < *tod — ст.-слав. то. Ср. др.-инд. tad(t), лат. istud.

Если в конце слова употреблялись [ŏnt] или [ĭnt] < [n̥t], то в позиции перед конечным согласным [t] происходила монофтонгизация дифтонгических сочетаний [on] и [in], а затем конечный согласный утрачивался:

3 л. мн. ч. простого аориста padǫ < *padont — ст.-слав. падѫ [padǫ].

3 л. мн. ч. сигм. аориста něsę < nēsint < *nēssn̥t — ст.-слав. нѣсѧ [něsę]. Ср. соответствующую форму в греч. 'éferon и др.-инд. ábharan с утратой конечного согласного [t].

Конечный согласный [n(m)] также подвергался ослаблению. Однако ослабление согласного [n(m)] приводило не только к утрате его, но также и к ассимиляции предшествующим гласным. Особенно наглядно это видно в том случае, если перед ним употребляется долгий гласный [ē] или [ā], т. е. если в конце слова употреблялись дифтонгические сочетания [ēn(m)] и [ān(m)]. В ре-

зультате монофтонгизации данных дифтонгических сочетаний возникли носовые гласные [ę] и [ǫ]:

[ǫ]: вин. пад. ед. ч. основ на -ā:

rǫkǫ < *ronkān(m) — ст.-слав. ржкж. Ср. прус. rānkan, лит. rañką < *rañkan;

zemjǫ < *zemjān(m) — ст.-слав. землж. Ср. лат. terrām;

stornǫ < *stornān(m) — ст.-слав. странж. Ср. греч. chṓrān.

Подобное окончание наблюдалось и в др.-инд. языке. Ср., например, ту же форму вин. п. ед. ч. açvām.

[ę]: вин. пад. ед.: mę < *mēn(m) — ст.-слав. мѧ. Ср. др.-инд. mām, прус. mien;

tę < tēn(m) — ст.-слав. тѧ. Ср. др.-инд. tvām, прус. tien;

sę < sēn(m) — ст.-слав. сѧ. Ср. прус. sien, sin.

В конечных сочетаниях [ĭn] и [ŭn] фонетические стадии изменения не совсем ясны. Возможно, что если перед конечным носовым согласным [n(m)] употреблялись краткие гласные [ĭ] или [ŭ], то происходила утрата конечного носового согласного. А возможно, что здесь также происходила ассимиляция носового согласного с артикуляцией предшествующего гласного, в результате чего возникали носовые [į] и [ų] (ср. данные литовского языка). Но носовой характер данных гласных у славян не удержался. Они заменились неносовыми [ĭ] и [ŭ], которые на славянской почве соответственно дали [ь] и [ъ]:

вин. пад. ед. ч. основ на -*ŭ: synъ < *sūnŭn(m) — ст.-слав. сынъ. Ср. прус. sunun, лит. sū́nų < *sū́nun, др.-инд. sūnúm.

Подобное окончание в данной падежной форме наблюдалось также в греческом и латинском языках. Ср., например, греч. pēchün — „локоть" и лат. senātum.

вин. п. ед. ч. основ на -*ĭ: noktь < *noktin — ст.-сл. нощть. Ср. прус. naktin, лит. naktį < *naktin.

Подобное окончание у существительных с основой на -*ĭ в данной падежной форме наблюдалось и в других индоевропейских языках. Ср., например, др.-инд. agnim — „огонь", греч. pólin — „город", лат. sitim — „жажда".

Такое же изменение носового согласного [n(m)] происходило у славян и в том случае, если перед ним употреблялся краткий гласный [ŏ] (см. об этом ниже §§ 77).

Несколько замечаний следует сделать об употреблении предлогов-приставок vъ, kъ, sъ < *vъn, kъn, sъn.

Если данные предлоги-приставки оказывались в позиции перед следующим словом (корнем), начинавшимся с согласного (кроме [j]), то происходила утрата конечного носового согласного. А если они оказывались перед словом (корнем), начинавшимся с гласного или [j], то согласный [n] сохранялся, примыкая к следующему гласному или [j], употребленному перед гласным.

vъn: vъnegda < vъn-jegda — ст.-слав. въ́негда — „когда";

vъniti < vъn-iti — ст.-слав. внити — „войти";

vъnimati < vъn-imati — ст.-слав. вънимати;
vъn'ь < vъn-jь — ст.-слав. въ нь (сочетание предлога vъn с формой местоимения муж. р. в вин. пад. ед. ч.);

но vъkupě < vъn-kupě — ст.-слав. въкоупѣ — „вместе";
vъdvoriti sę < vъn-dvoriti sę — ст.-слав. въдворити сѧ;

sъn: sъn̑iti < sъn-iti — ст.-слав. сънити — „сойти, спуститься";
sъnimь < sъn-jьmь — ст.-слав. съ нимь (сочетание предлога sъn с формой местоимения муж. или ср. р. в твор. пад. ед. ч.);

но sъborъ < sъn-borъ — ст.-слав. съборъ;
sъplesti < sъn-plesti — ст.-слав. съплести;

kъn: kъn'emu < kъn-jemu — ст.-слав. къ немоу (сочетание предлога kъn с формой местоимения муж. или ср. рода в дат. пад. ед. ч.).

По образцу сочетаний vъn'ь, vъn'emь, sъn'imь, sъn'imi, kъn'emu в славянских языках стали образовываться формы этого местоимения с начальным согласным [n] и после других предлогов: za n'imь, o n'emь и т. д. Позднее по славянским языкам стали употребляться формы данного местоимения с начальным [n] и без сочетания с предлогом.

§ 77. Усиление лабиализации гласного [o] в конечном слоге. Гласный [o] в конечных сочетаниях [-ŏn], [-ōn] и [-ŏs] подвергался более усиленной лабиализации и переходил в гласный [ŭ] с последующим изменением. Таким образом:

[ŏn] > [ŭn] > [(ŭ̃)] > [ŭ] > [ъ]
[ōn] > [ūn] > [(ų̄)] > [ū] > [y]
[ŏs] > [ŭs] > [ŭ] > [ъ].

Такой же процесс усиленной лабиализации гласного [o] был пережит латинским языком: вин. пад. lupum < *lupom; им. пад. jugum < *jugom. Ср. греч. dzügón;

[ŏn]: вин. пад. ед. ч. основ на -*ŏ: о.-слав. vьlkъ < *vilkon(m) — ст.-слав. влъкъ [vḷkъ]. Ср. лит. vil̃ką < *vil̃kan, лат. lupum < *lupom, греч. lúkon, др.-инд. vṛkam;
1 л. ед. ч. аориста: о.-слав. padъ < *padon — ст.-слав. падъ [padъ]. Ср. греч. ěferon, др.-инд. ábharam;

[ŏs]: им. пад. ед. ч. основ на -*ŏ: о.-слав. vьlkъ < *vilkos — ст.-слав. влъкъ [vḷkъ]. Ср. лит. vil̃kas, лат. lupus < *lupos, греч. lúkos, др.-инд. vṛkas;

[ōn]: им. пад. ед. ч. основ на согласный: о.-слав. kamy < *kamōn — ст.-слав. камы. Ср. греч. akmōn, лит. ǎkmuõ, -eñs, др.-инд. áçmā, -anas.

§ 78. Конечные слоги, оканчивающиеся на носовой согласный + [s]: [ins], [uns], [ons (onts)], [jons (jonts)]. Конечные слоги, в состав которых входила группа [nts], подверглись изменению, состоявшему в том, что согласный [t] в позиции перед

следующим согласным [s] утратился, т. к. группа [ts] была невозможна в славянской фонетической системе (см. об этом выше § 74). В результате конечные слоги [-onts] и [-jonts] изменились в [ons] и [jons] и, следовательно, совпали с исконными группами [ons] и [jons]. Под влиянием группы согласных [ns] происходило удлинение предшествующего гласного.

Например, [-ins]: [ins] > [īns] > [(į̄s)] > [īs] > [i].

Возможно, что дифтонгическое сочетание [in] в позиции перед следующим согласным [s], монофтонгизировавшись, дало долгий носовой гласный [į̄]. Но носовой характер у гласного [į̄] не удержался, в связи с чем [į̄] > [ī]. Конечный согласный [s] утрачивался в связи с тенденцией к открытому слогу. В соответствии с долгим гласным [ī] в славянской фонетической системе возникал гласный [i]:

вин. пад. мн. ч. основ на -*ĭ: о.-слав. nokti > *noktins > noktīns > (noktį̄s) > noktīs > noktī > nokti — ст.-слав. ношти. Ср. лит. naktìs < *naktins.

Ср. также образование данной формы от существительных этого типа склонения в других индоевропейских языках: лат. turrīs < *turrins, греч. (критск.) pólins, гот. gastins, прус. akins — „глаз".

Аналогичному изменению подвергался конечный слог [-uns]: [uns] > [ūns] > [(ų̄s)] > [ūs] > [y].

Возможно, что дифтонгическое сочетание [ūn], монофтонгизировавшись, дало долгий носовой гласный [ū̃]. Однако носовой характер этого гласного не удерживался, в результате [ų̄] > [ū]. Конечный согласный [s] утрачивался в связи с тенденцией к открытому слогу. Долгий гласный [ū] в конце слова давал у славян гласный [y]:

вин. пад. мн. ч. основ на -*ŭ: о.-слав. syny < *sūnuns > sūnūns > [sūnų̄s] > sūnūs > syny — ст.-слав. сыны. Ср. лит. sūnus < sūnuns.

Сочетания [-ons (-onts)] и [-jons (-jonts)] имеют различную судьбу. Сочетание [-onts], как указывалось выше, совпало с сочетанием [-ons]. Гласный [o] в конечном слоге в данном сочетании подвергался более усиленной лабиализации. В результате возникло сочетание [-uns], которое в конце слова изменялось у славян так же, как и исконное сочетание [-uns].

Таким образом, [ons] > [uns] > [ūns] > [(ų̄s)] > [ūs] > [y]:

вин. пад. мн. ч. основ на -*ŏ муж. р.: о.-слав. vьlky < *vilkons > vilkuns > vilkūns > [vilkų̄s] > vilkūs > vilky — ст.-слав. влъкы [vl̥ky]. Ср. лит. vilkùs < *vilkons, лат. lupōs < *lupons, греч. (критск.). lúkons, гот. wulfans.

Изменение сочетания -onts очень наглядно видно на образовании причастий действительного залога настоящего времени мужского рода в форме им. пад. ед. ч.: [onts] > [ons] > [uns] > [ūns] > > [(ų̄s)] > [ūs] > [ūs] > [y]:

о.-слав. bery < *bero-nt-s, nesy < *neso-nt-s (к глагольной основе наст. вр. присоединялся суффикс причастия [-nt-] и окончание им. пад. ед. ч. [-s]) — ст.-слав. беры [bery], несы [nesy].

Для подтверждения того, что при образовании данной формы причастия использовался суффикс [-nt-] и окончание [-s] в им. пад. ед. ч., ср. следующие примеры из индоевропейских языков: лит. nešą́s < *nešants, др.-инд. bhắron (вин. пад. bhắrantam̥), греч. féron (вин. пад. féronta), лат. ferens (вин. пад. ferentem), гот. bairands.

Следовательно, сочетания [-ons] и [-onts] в конце слова давали один и тот же результат, а именно гласный [y]. Сочетания [-jons] и [-jonts] в конце слова имели другую судьбу. Аналогично сочетаниям [-ons] и [-onts] сочетание [-jonts] совпало с сочетанием [-jons]. После мягкого согласного [j] гласный [o] > [e]. Возникло сочетание [-jens], в котором [e] удлинялся перед следующим сочетанием [ns].

Следовательно, [jens] > [jēns]. Дифтонгическое сочетание [ēn], монофтонгизируясь, дало носовой гласный [ę]. Конечный согласный [s] вследствие тенденции к открытому слогу утратился.

Таким образом, [jons] > [jens] > [jēns] > [jęs] > [ję]; [jonts] > > [jons] > [jens] > [jēns] > [jęs] > [ję];

[-jons]: вин. пад. мн. ч. основ на -*ŏ (для юж. славян): [kon'ę < < *konjons > konjens > konjēns > konjęs > kon'ę — ст.-слав. конѧ.

У западных и восточных славян при образовании данной формы в конце слова возник гласный [ě], что дает основание некоторым лингвистам предполагать, что в западнославянских и восточнославянских языках гласный [ě] в данной форме некогда был носовым.

[-jonts]: им. пад. ед. ч. причаст. действ. залога наст. вр., муж. и ср. р.: о.-слав. znaję < *znajo-nt-s > znajons > znajens > znajēns > > znajęs > znaję — ст.-слав. знаѩ [znaję].

Следовательно, в результате изменения сочетаний [-jons] и [-jonts] в конце слова в старославянском языке возникал носовой гласный [ę].

§ 79. В связи с ослаблением конечного слога происходило отвердение согласного в этом слоге. Этот процесс протекал в разных славянских языках в разное время. Особенно наглядно это видно на изменении согласного [t'] в формах 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени.

Отвердение согласного [t'] в этих формах в одних славянских языках происходило раньше, в других — позднее. Наиболее рано (к XI в.) произошло отвердение согласного [t'] в болгарской языковой группе. В связи с этим [-tь] > [-tъ]. Окончание [-tъ] отражено в памятниках старославянской письменности: знаѭтъ [znajǫtъ), глаголѭтъ (glagol'ǫtъ), ведетъ (vedetъ) и т. д.

Довольно рано отвердевал согласный [t'] в тех славянских языковых группах, которые легли в основу западнославянских языков. Значительно позднее происходило отвердение [t'] в восточнославянских языках. Ослабление конечного слога в данных формах (3 л. ед. и мн. ч. наст. вр.) привело в дальнейшем к утрате согласного [t]. Эта утрата происходила в славянских языках в разное время. В старославянских памятниках формы без [t] крайне редки. В современных болгарских говорах глагольная форма 3 л.

ед. ч. не имеет окончания [t]. В ряде болгарских говоров произошла утрата [t] и в форме 3 л. мн. числа.

В связи с ослаблением конечного слога происходила редукция конечных долгих гласных. В результате долгие гласные, оканчивающие собой слово, довольно рано подверглись в фонетической системе славян сокращению. Например, kostī > kostĭ, sȳnȳ > sȳnў, vodā > vodă, vodǭ > vodǫ̆ и т. д.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ

§ 80. Чередование гласных представляет собой мену гласных в вариантах одной и той же морфемы. Мена гласных отражается в корне, в суффиксе, в приставке и в окончании. При этом наиболее часто чередование гласных наблюдается в корневой морфеме.

Различают *фонетическое* и *морфологическое* чередование гласных. В связи с изменением звуковой системы языка фонетическая обусловленность некоторых чередований может утрачиваться. Так, в течение длительного времени происходило обобщение, выравнивание звукового вида основы по родственным формам. В результате этого процесса произошли значительные изменения в отношении чередования гласных в прежних рядах родственных форм, что привело во многих случаях к замене фонетического чередования чередованием грамматическим: тот или иной вид основы или окончания стал указывать на грамматическую категорию слова.

Поэтому чередования, переставшие быть фонетическими вследствие изменения звуковой системы, могут приобретать в языке морфологический характер, т. е. находиться в зависимости от некоторых случаев словообразования или словоизменения.

Чаще всего морфологическое чередование гласных имеет место в корне.

Все морфологические чередования гласных, характерные для современных славянских языков, представляют собой результат фонетических изменений, происходивших в разное время. Одни из них происходили еще в период индоевропейского языка-основы и, следовательно, отразились в той или иной степени во всех индоевропейских языках, другие имели место только в общеславянском языке и ограничены только славянскими языками, третьи же произошли в отдельных славянских языках после выделения их из общеславянского языка.

Формы индоевропейского чередования гласных были унаследованы общеславянским языком, но подверглись в нем изменениям в силу звуковых изменений, происходивших в общеславянском языке. Кроме того, по образцу унаследованных чередований в общеславянском языке создавались новые чередования. Чередование гласных общеславянского происхождения большей частью представляет результат действия закона открытого слога.

Унаследованные из общеславянского языка формы чередования гласных в старославянском языке в свою очередь подверглись известным изменениям.

Различают качественное и количественное чередование гласных. Качественное чередование гласных представляет собой такой вид чередования гласных, когда происходит мена гласных различного качества, но одинакового количества, например, [ĕ]:[ŏ],[ē] : [ō].

Количественным чередованием гласных является чередование гласных, различных по количеству, но одинаковых по качеству, например, [ĕ] : [ē], [ŏ] : [ō].

Бывает также смешанное качественно-количественное чередование гласных, например, [ĕ] : [ō], [ē] : [ŏ].

Причины качественного чередования гласных в индоевропейском языке-основе неясны. Что касается количественного чередования, то оно, по-видимому, находилось в зависимости от положения по отношению к ударению в слове. Объединение качественного и количественного чередования гласных в один ряд дает так называемый ряд чередования гласных звуков.

При чередовании гласных в общеславянском языке различают следующие ступени (степени):

I. Полная ступень, на которой выступали гласные [e] : [o] (по происхождению из [ĕ] : [ŏ]).

II. Ступень удлинения, на которой выступали гласные [ě] : [a] (по происхождению из [ē] : [ō]).

III. Ступень редукции, на которой выступали гласные [ь] и [ъ] (по происхождению [ь] < [ĭ], а [ъ] < [ŭ]).

IV. Ступень удлинения редукции, на которой выступали гласные [ı] и [у] (по происхождению [ı] < [ī], а [у] < [ū]).

V. Ступень полного исчезновения гласных.

Однако у славян в словах одного корня могли чередоваться гласные, возникающие при монофтонгизации дифтонгов и дифтонгических сочетаний. Например, [oi̯] > [ě], [ei̯] > [i], [ou̯] > [u], [on] > [ǫ] и т. д.

Поэтому при определении ступени чередования гласных и для установления исконного корня следует иметь в виду, из какого дифтонга и дифтонгического сочетания возник тот или иной гласный. Если в составе дифтонга или дифтонгического сочетания на положении слогового элемента выступал гласный [e] или [o], то образовавшиеся при монофтонгизации гласные следует относить к полной ступени. У ряда слов наблюдается чередование гласных в корне в позиции перед следующим взрывным или фрикативным согласным.

Рассмотрим несколько примеров.

1. рекѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.): рокъ: рѣхъ (1 л. ед. ч. сигм. арх. аориста): прорицати: рьци (2-3 л. ед. ч. повел. накл.) — [rekǫ] : [rokъ]: [rěchъ] : [proric'ati] : [rьc'ı].

В первой форме корневой гласный выступает на полной ступени, а корнем данного слова является [rek-]. Во втором слове

корневой гласный также представлен на полной ступени, а корень выступает в виде [гок-] с гласным [о] перед задненебным согласным. В форме [rěchъ] < [*rēkson] > [rēkchъ] > [rěchъ] в корне представлен гласный [ě], выступающий на ступени удлинения. В форме [proric'ati] корневой гласный представлен на ступени удлинения редукции. И, наконец, в последней форме в корне употреблен гласный [ь], выступающий на ступени редукции. В двух последних формах произошло также чередование задненебного согласного [к], на который оканчивался корень, со свистящей аффрикатой [с'] в результате палатализации.

2. **ѥсмь** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **ѥси** (2 л. ед. ч. наст. вр.): **сѫтъ** (3 л. мн. ч. наст. вр.): **сы** (им. пад. ед. ч. муж. р. причаст. действ. залога наст. вр.) — [jesmь]: [jesi]: [sǫtъ]: [sy].

Если в первых двух формах в корне представлен гласный [е], выступавший на полной ступени, то в двух последних формах представлена ступень полного исчезновения гласного перед [s].

3. **плєтѫ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **плотъ**: **съплѣтати** — [pletǫ]: [plotъ]: [sъplětati].

В двух первых формах корневой гласный представлен на полной ступени, а в третьей форме — на ступени удлинения.

4. **година**: **жьдати** — [godina]: [ž'ьdati].

Во второй форме корневой гласный представлен на ступени редукции, а задненебный [g] чередуется с шипящим [ž'] по I палатализации.

Аналогичная картина наблюдается и в следующих рядах слов: **шьдъ** (им. пад. ед. ч. муж. р. причаст. действ. зал. прош. вр.): **ходити**: **прихаждати** („приходить"): **оушидь** („беглец") — [š'ьdъ] (< [chьdъ]): [choditi]: [prichažd'ati] (< [prichadjati]): [u-š'idь] (< [uchidь]); **грєбѫ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **гробъ** („могила"): **погрѣбати**: **грабити** — [grebǫ]: [grobъ]: [pogrěbati]: [grabiti]; **вєдѫ** (1 л. ед. ч. наст. вр.): **водити**: **вѣсъ** (1 л. ед. ч. сигм. арх. аориста): **проваждати** („сопровождать") — [vedǫ]: [voditi]: [věsъ] (< [vēdsъ]): [provažd'ati] (< [provadjati]).

§ 81. Особое внимание следует обратить на чередование гласных в корнях слов, в состав которых входили дифтонги или дифтонгические сочетания. Здесь следует помнить, что если дифтонги с неслоговыми [i̯], [u̯] или дифтонгические сочетания с неслоговыми [n], [m] употреблялись перед следующим гласным, то происходило изменение структуры слова, так как слогораздел происходил между составными элементами дифтонгов или дифтонгических сочетаний (слоговая часть отходила к предшествующему слогу, а неслоговая часть — к последующему), при этом гласный, выступавший на положении слогового элемента, чередовался в составе корня так, как чередуется корневой гласный в позиции перед следующим взрывным или фрикативным согласным.

В позиции же перед следующим согласным дифтонги с неслоговыми [i̯], [u̯] и дифтонгические сочетания с неслоговым [m], [n] монофтонгизировались.

Это привело к тому, что у славян возникло фонетически обусловленное чередование гласных с теми сочетаниями, которые сохранялись перед следующими гласными звуками.

Рассмотрим ряд слов, имевших в доисторический период один корень:

I. 1. начьнѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.): начѧти: начинати: ис кони: коньць: зачѧти: зачьнѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.): законъ — [na-č'ьn-ǫ] (< [nakьnǫ]): [na-č'ę-ti] (< [nakę-ti]: [na-č'in-ati] (< [nakinati]): [is-kon-i]: [kon-ьc'ъ]: [za-č'ę-ti] (< [zakęti]): [za-č'ьn-ǫ] (< [zakьnǫ]): [zakonъ];

2. пропьнѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.): пропѧти: опона: пѫто: пропинати — [pro-pьn-ǫ]: [pro-pę-ti]: [o-pon-a]: [pǫ-to]: [pro-pin-ati];

3. звьнѣти: звѧкъ: звонъ: звѫкъ — [zvьn-ěti]: [zvę-kъ]: [zvon-ъ]: [zvǫ-kъ];

4. възьмѫ: възѧти — [vъz-ьm-ǫ]: [vъz-ę-ti].

Как показывают приведенные примеры, в составе корня представлено чередование носовых гласных [ę] и [ǫ], возникших при монофтонгизации дифтонгических сочетаний с носовым [n], [m], с теми сочетаниями, которые сохранились перед следующим гласным.

При этом гласный в составе этих сочетаний чередуется так, как чередуется корневой гласный перед следующим взрывным или фрикативным согласным. При монофтонгизации дифтонгические сочетания [ьn (ьm)] и [en (em)] дали один и тот же результат — [ę], т. е. в данном случае ступень редукции и полная ступень в чередовании гласных совпали.

II. 1. бити: бьѭ (1 л. ед. ч. наст. вр.): бои — [biti]: [bĭjǫ]: [boi] (< [bojь];

2. гнити: гниѭ (1 л. ед. ч. наст. вр.): гнои — [gniti]: [gnijǫ]: [gnoi] (< [gnojь]);

3. почити: почиѭ (1 л. ед. ч. наст. вр.): покоѭ (1 л. ед. ч. наст. вр.): покаяти сѧ — [poč'iti]: [poč'ijǫ]: [pokojǫ]: [pokajati sę];

4. ринѫти („толкнуть“): рѣяти „толкать“: рои — [rinǫti]: [rějati]: [roi] (< [rojь]).

В составе корней данных слов в индоевропейском языке-основе употреблялись дифтонги с неслоговым [i̯]. При этом при монофтонгизации дифтонга [ei̯] возникал гласный [i], а при монофтонгизации дифтонга [oi̯] — [ě]. Если дифтонг [ěi̯] употреблялся перед гласным, то он у славян подвергался изменениям, состоявшим в том, что [ěi̯] > [ьi̯] > [ĭi̯].

Для примера разберем чередование гласных в словах первого ряда, а именно бити: бьѭ: бои.

Начнем разбор со слова бьѭ [bĭjǫ]. В состав корня в данном слове входит редуцированный гласный [ĭ]. Из изложенного ранее (см. § 22) известно, что редуцированный [ĭ] возник на месте [ь], оказавшегося перед следующим [i̯] ([j]). Записанное транскрипцией данное слово дает возможность наглядно увидеть, что в составе корня употреблялся дифтонг, подвергшийся в позиции перед следующим гласным изменению, состоявшему в том, что слогораздел

начал проходить между составными элементами дифтонга: bĭ-jǫ=bĭ-i̯ǫ.

Но так как редуцированный [ĭ] возник на месте редуцированного [ь], то, следовательно, в более ранний период в составе данного слова употреблялся дифтонг [ьi̯], который в свою очередь восходит к индоевропейскому дифтонгу [ĕi̯], претерпевшему у славян перед следующим гласным соответствующие изменения.

Следовательно, в составе этого слова в индоевропейском языке-основе употреблялся корень [bei̯-], куда входил дифтонг [ei̯], слоговая часть которого на славянской почве подверглась изменению и представлена на ступени редукции. Слово биѭ [bĭjǫ] представляет собой форму 1 л. ед. ч. наст. вр. от глагола бити [biti]. Если в форме биѭ [bĭjǫ] употреблялся дифтонг [ei̯], претерпевший у славян в позиции перед следующим гласным определенные изменения, то в инфинитивной форме бити [biti] дифтонг [ei̯], находясь в позиции перед следующим согласным, монофтонгизировался и дал гласный [ı]. Следовательно, и в данной форме корень слова в индоевропейском языке-основе выступал в виде [bei̯-].

Что касается последней формы бои [boi]<[bojь], то в данном случае в составе корня в индоевропейском языке-основе употреблялся дифтонг [oi̯], который у славян в позиции перед следующим гласным подвергся изменению, состоявшему в том, что слогораздел стал проходить между составными элементами дифтонга так, что слоговая часть его отошла к предшествующему, а неслоговая — к последующему слогу.

Конечный гласный [i] в данной форме восходит к сочетанию [jь] ([i̯ь]). То, что здесь действительно в корне был [j] ([i̯]), подтверждают формы косвенных падежей. Например, род. пад. ед. ч. [boja] боꙗ, дат. пад. ед. ч. [boju] бою и т. д.

В старославянском языке употребление йотованной буквы после гласной указывало на наличие целого слога, состоявшего из сочетания [j] ([i̯]) с последующим гласным.

Если в косвенных падежах в основе употреблялся [j] ([i̯]), то, следовательно, такой же должна была быть основа и в им. пад. ед. ч., т. е. в виде [boj-]. А сочетание [j] ([i̯]) с последующим [ь] (который являлся флексией им. пад. ед. ч. у существительных муж. р. с основой на -*ŏ) дало у славян гласный [i].

Следовательно, в данной форме в индоевропейском языке-основе корень был представлен в виде [boi̯-], в состав которого входил дифтонг [oi̯], где слоговая часть на славянской почве была представлена на полной ступени.

III. 1. плоути: плокѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.): плакити: плъть — [plū-ti]: [plov-ǫ]: [plav-iti]: [plъ-tь];

2. зокѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.): зъвати: призывати — [zov-ǫ]: [zъv-ati]: [pri-zyv-ati];

3. дъхнѫти: дыхати: доухъ — [dъch-nǫti]: [dych-ati]: [duch-ъ];

4. ровъ: ръвати: рыти — [rov-ъ]: [rъv-ati]: [ry-ti];

5. слоути: слово: слава — [slu-ti]: [slov-o]: [slav-a];

6. оучити: наоука: выкнѫти — [uč'-iti] (<[ukiti]): [na-uk-a]: [v-yk-nǫti] (<[uyknǫti]).

Дифтонги с неслоговым [u̯] в позиции перед следующим согласным монофтонгизировались. При этом при монофтонгизации на полной ступени выступал гласный [u], на ступени редукции — [ъ], а на ступени удлинения редукции — гласный [у].

В позиции перед следующим гласным неслоговой [u̯] изменялся на славянской почве в губно-зубной [v], а слоговая часть дифтонга изменялась так, как изменялся соответствующий гласный в корне в позиции перед взрывным или фрикативным согласным.

IV. 1. мьрѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.): моръ: съмрьть: мрѣти: оумирати [mьr-ǫ]: [mor-ъ]: [sъ-mr̥-tь]: [mrě-ti] (<[merti]): [u-mir-ati];

2. берѫ (1 л. ед. ч. наст. вр.): събоpъ: бьрати: брѣмѧ: събирати — [ber-ǫ]: [sъ-bor-ъ]: [bьr-ati]: [brě-mę] (<[bermę]): [sъ-bir-ati];

3. волꙗ: велѣти: довьлѣти — [vol'-a]: [vel-ě-ti]: [do-vьl-ěti];

4. зьрѣти: позоръ: зракъ: зарꙗ — [zьr-ěti]: [po-zor-ъ]: [zra-kъ] (<[zor-kъ]): [zar-'a];

5. горѣти: съгарати: жаръ — [gor-ěti]: [sъ-gar-ati]: [ž'ar-ъ] (<gērъ)];

6. градъ: жрьдь — [grad-ъ] (<gordъ]): [ž'r̥d-ь] (<[gьrdь]);

7. прьстъ: прахъ — [pr̥stъ] (<[pьrstъ]): [prachъ] (<[porchъ]< <[*porsos]).

Как показывают приведенные выше примеры, в состав корня перечисленных рядов слов входили дифтонгические сочетания с плавными. Если в состав корня входят такие сочетания, то при объяснении чередования гласных следует помнить об их судьбе в положении перед следующим гласным и согласным. В позиции перед гласным происходило изменение структуры слога так, что слоговой элемент сочетания отходил к предшествующему слогу, а неслоговой — к последующему. При этом слоговой элемент изменялся так, как изменялся корневой гласный перед взрывным или фрикативным согласным.

Если же данные сочетания находились в позиции перед согласным, то тогда следует помнить о судьбе этих сочетаний в старославянском языке. Так, например, [tort]>[trat], [tert]>[trět], [tolt]>[tlat], [telt]>[tlět], [tьrt]>[tr̥t], [tъrt]>[tr̥t], [tьlt]>[tl̥t], [tъlt]>[tl̥t].

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что чередования гласных в славянских образованиях в основном весьма сложны, а сохранившиеся от них следы зачастую нарушили у славян ощущение связи между словами.

МОРФОЛОГИЯ

ВВЕДЕНИЕ

§ 82. Памятники старославянской письменности дают возможность установить систему форм, характерную для славянских языков в IX—XI вв.

Старославянский язык наряду с другими славянскими языками получил свою систему форм из общеславянского языка-основы, который в свою очередь унаследовал эту систему из индоевропейского языка-основы.

Безусловно некоторые формы старославянского языка, как показывает материал сравнительной грамматики, не восходят к индоевропейскому языку-основе, и их возникновение может быть отнесено только к периоду общеславянского языка. Кроме того, в системе форм старославянского языка наблюдаются довольно значительные изменения по сравнению с той системой, которую можно предполагать для индоевропейского языка-основы и которая, следовательно, была унаследована от него общеславянским языком. Часть этих изменений восходит к эпохе общеславянского языка, другая же, отраженная в старославянских памятниках, заключает в себе новые черты, характеризующие болгарский язык X—XV вв.

§ 83. В старославянском языке выделяются следующие основные грамматические разряды слов (части речи): существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, наречие, союз, предлог.

Существительные, прилагательные и числительные объединяются как имена. Они противопоставлены тому разряду слов, который называется глаголом. К именам примыкают местоимения, заменяющие определенные названия общими указаниями лиц и предметов.

Многие из перечисленных выше частей речи сложились в очень давнее время и, безусловно, существовали и в общеславянском и в индоевропейском языке-основе. Однако ряд грамматических разрядов слов, встречающихся в старославянском языке, сложился в более позднюю эпоху и не восходит к индоевропейскому языку-

основе. Например, разряд членных, или местоименных, прилагательных сложился в балто-славянскую эпоху.

§ 84. В старославянском языке различалось именное и местоименное склонение, при этом первое противостояло второму. Имена прилагательные и причастия обладали двумя типами склонения с различным значением: именным и местоименным, причем последнее образовалось путем присоединения к формам именного склонения соответствующих форм указательных местоимений.

Имена в старославянском языке различали три грамматических рода: мужской, женский и средний.

Среди глагольных форм в старославянском языке различались спрягаемые и склоняемые формы.

В старославянском языке различалось три числа: единственное, множественное и двойственное. Двойственное число употреблялось тогда, когда речь шла о двух или парных предметах (например, нога — дъвѣ нозѣ, око — очи, оухо — оуши, оученикъ — дъва оученика и под.).

Двойственное число также могло употребляться и в том случае, если имя существительное (или субстантивированное прилагательное, или причастие) стояло при числительном, оканчивающемся на „два“: 12, 22 и т. д.

Имена в старославянском языке различали 7 падежных форм: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный падежи и звательную форму (т. е. падеж обращения). Особая звательная форма имелась только у существительных мужского и женского рода в единственном числе.

В отличие от современного русского языка местный падеж (в соответствии с которым теперь — предложный) мог употребляться в старославянском языке без предлога.

Однако не во всех числах каждый падеж имел особую форму. Так, в двойственном числе различались всего три формы: одна для именительного-винительного-звательного, другая для родительного-местного, третья для дательного-творительного падежей.

По мнению некоторых лингвистов, такое употребление форм в двойственном числе говорит о том, что категория двойственного числа начинала выходить из употребления. И, действительно, большинство славянских языков утратило в своем дальнейшем развитии двойственное число как грамматическую категорию, а отдельные сохранившиеся в них формы двойственного числа осознаются как формы множественного числа (например, в русском языке — *очи, уши* и т. д.). Лишь только в словенском и лужицком языках формы двойственного числа сохраняются до сих пор.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

§ 85. Имена существительные в старославянском языке различали категорию рода, числа и падежа.

Одним из наиболее продуктивных способов образования существительных являлось их образование с помощью суффиксов. Таких

имен, основа которых представляла бы только корень, в славянских языковых группах с давнего времени нет. Формируясь в общеславянском языке-основе, славянские имена представляли собой корень в сочетании с различными суффиксальными элементами. Основы имен существительных, так же как и прилагательных, обязательно должны были оканчиваться суффиксальными тематическими элементами -о < *ŏ, -ъ < *ŭ, -у (или перед гласным -ъv) < ū, -ь < *ĭ, -а < *ā, -en (-men), -es (-os), -ęt, -er (-ter). При этом существительные мужского рода образовывались с тематическими элементами -о < *ŏ, -ъ < *ŭ, -ь < *ĭ, -а < *ā и -en, существительные среднего рода — при помощи тематических элементов -о < *ŏ, -en, -es и -ęt и существительные женского рода — при помощи тематических элементов -а < *ā, -у (или перед гласным -ъv) < *ū, -ь < *ĭ и -er (-ter). Перед этими суффиксальными тематическими элементами после корня могли выступать другие суффиксы.

В дальнейшем некоторые суффиксы, войдя в состав корня, стали непродуктивными и утратили свое значение словообразующих элементов. Суффиксальные тематические элементы, указанные выше, в связи со значительными изменениями, пережитыми в славянской фонетической системе, получили с течением времени иное значение и стали относиться не к основе, а к окончанию.

Указанные выше тематические элементы довольно часто выступали в сочетании с другими суффиксальными элементами.

В зависимости от того, какое значение получали существительные, образованные при помощи того или иного суффикса, их можно разделить в основном на следующие группы[1].

1. Отглагольные существительные, обозначающие действующее лицо (nomina agentis), образовывались при помощи суффиксов:

а) -tel'ъ: крьститель (от крьстити), дѣлатель — „работник“ (от дѣлати), жѧтель — „жнец“ (от жѧти), мѫчитель (от мѫчити).

Под влиянием существительных с суффиксом -tel'ъ, образованных от глаголов с инфинитивной основой на -i-, создается возможность образования существительных с суффиксом -itel'ъ от глаголов, у которых инфинитивная основа не оканчивалась на гласный -i-. Например, повелитель (от повелѣти), спаситель (от спасти), прѣдадитель (от прѣдати).

б) -ьс'ъ: жьрьць (от жьрѫ — 1 л. ед. ч. наст. вр. от „жьрѣти — приносить жертву“), ловьць — „охотник“ (от ловити), творьць (от творити), плѧсьць — „танцор“ (от плѧсати).

Суффикс -ьс'ъ был очень продуктивным: при помощи его образовывались не только отглагольные существительные, обозначающие действующее лицо, но также уменьшительные существительные мужского рода, существительные, обозначавшие молодых животных, и существительные, соотносительные с прилагательным (см. об этом ниже).

[1] При описании данного раздела использован материал, излагаемый в пособии А. Лескина „Грамматика древнеболгарского языка“, Казань, 1915.

в) Значительно реже имена существительные мужского рода образовывались с помощью суффиксов -ьс'а, -іс'а: ѣдьца — „обжора“ (от ѣсти [jasti] < *jadti), сѣчьца — „палач“ (от сѣшти), оубиица (от убити), кинопиица (от вино пити).

г) -jь < *jŏ: стражь ([straž'ь] < *storg-jŏ-s) (от стрѣгѫ, стрѣшти — „стеречь“), вождь (от водити), въпль (от копити), плачь (от плакати).

д) -tajь: ходатаи (от ходити), ратаи ([ratai] < ortajь < *ortajos) — „пахарь, земледелец“ (от орати — „пахать“).

2. Отглагольные существительные, обозначающие какое-либо действие, событие или абстрактное понятие, образовывались при помощи следующих суффиксов:

а) Наиболее распространенным было образование этих существительных посредством суффикса -ьје (-ije). При этом они главным образом образовывались от страдательных причастий: глаголание — „говорение“ (от глаголанъ, глаголати — „говорить“), движение (от движенъ, двигнѫти), прошение (от прошенъ, просити), погребение (от погребенъ), питие (от питъ, пити), житие (от жити), въсхождение (от въсходити).

б) При образовании отглагольных существительных с суффиксом -*ŏ происходило чередование корневого гласного [е] или [ь], употребляемого в глаголе, так что в результате у отглагольного существительного в корне выступал гласный [о]: съборъ — „собрание“ — твор. пад. ед. ч. събор-о-мь (от съберѫ, събьрати), раздоръ — „трещина, разрыв“ — твор. пад. ед. ч. раздор-о-мь (от раздерѫ, раздьрати), мракъ ([mrakъ] < morkъ) — твор. пад. ед. ч. мрак-о-мь (от мрькнѫти), позоръ — „зрелище“ — твор. пад. ед. ч. позор-о-мь (от позьрѣти — „посмотреть“), потокъ — твор. пад. ед. ч. поток-о-мь (от потешти), звонъ — „звук“ — твор. пад. ед. ч. звон-о-мь (от звьнѣти — „звучать“).

Многие относящиеся сюда существительные мужского рода часто получают конкретное, вещественное значение: гробъ — „могила“ (от гребѫ, грети — „рыть“), цвѣтъ (от цвьтѫ, цвисти), плотъ — „забор“ (от плетѫ, плести), ровъ — „яма“ (от рыти), гнои — „навоз“ (от гнити), кровъ — „крыша“ (от крыти).

в) Довольно многочисленным было образование существительных женского рода с суффиксом -ь: скрьбь (от скрьбѣти), ѣдь — „пища, еда“ (от ѣсти), тварь — „создание“ (от творити), вѣдь — „знание“ (от вѣдѣти — „знать“) и т. д.

г) Также довольно многочисленным было образование существительных женского рода с помощью суффикса -tь: чьсть (от чьтѫ, чисти — „почитать“), страсть (от страдати), вѣсть — „известие, слух“ (от вѣдѣти), зависть (от завидѣти), власть (от владѫ, власти), съмрьть (от мьрѫ, мрѣти — „умирать) и т. д.

д) Отглагольные существительные женского рода с основой на -*ĭ могли образовываться при помощи суффиксов -nь, -snь, -znь, -ělь: брань ([branь] < bornь — „борьба“ (от борѭ сѧ, брати сѧ — „сражаться“), казнь (от казати — „показывать“), дань (от дати), пѣснь (от пѣти), жизнь (от жити), болѣзнь (от болѣти), боѣзнь (от боѣти сѧ), приѣзнь

(от приꙗти — „благоприятствовать, помогать“), гыбѣль, погыбѣль (от (по) гыбнѫти), печаль (от пекѫ сѧ, пешти сѧ — „заботиться“) и т. д.

3. Существительные, обозначающие носителя какого-нибудь качества и соотносимые с прилагательными и причастиями, образовывались посредством суффиксов:

а) -ikъ, -ic'a: оученикъ, оученица (от оученъ, оучити), мѫченикъ, мѫченица (от мѫченъ, мѫчити), златикъ, златица — „золотая монета“ (от златъ), поуштеница (от поуштенъ, поустити), пиꙗница (от пиꙗнъ) и др.

б) -ьn-ikъ и -ьn-ic'a: грѣшьникъ, грѣшьница (от грѣшьнъ), правьдьникъ, правьдьница (от правьдьнъ), дльжьникъ (от дльжьнъ).

в) -ьс'ь (для жен. р. -ic'a): мрьтвьць (от мрьтвъ), слѣпьць (от слѣпъ), чрьньць — „монах“, чрьница — „монахиня“ (от чрьнъ), старьць — „старик“, старица — „старуха“ (от старъ), пришьльць (от пришьлъ — „пришедший“).

4. Существительные мужского рода, обозначающие занятие и соотносимые с другими существительными, образовывались посредством суффиксов:

а) -ar'ь: вратарь (от врата), мытарь — „сборщик пошлин“ (от мыто — „пошлина“), рыбарь — „рыбак“ (от рыба), виноградарь (от виноградъ — „виноградник“).

б) -ьjā > -ii: сѫдии — „судья“ (от сѫдъ), вѣтии — „оратор“ (от вѣтъ — „изречение“).

в) -č'ьjā (-ъč'ьjā, -ьč'ьjā) > -č'ii: кънигъчии — „писец“ (от къних), кръмъчии — „кормчий, рулевой“ (от кръма — „корма, руль“).

5. Существительные, обозначающие принадлежность к какой-либо стране, месту жительства, к какому-либо классу людей, народу, образовывались при помощи суффиксов:

а) -inъ, -ěn-inъ, -jan-inъ: поганинъ — „язычник“ (от поганъ), словѣнинъ, землꙗнинъ — „соотечественник“ (от землꙗ — „страна“), галилѣꙗнинъ (от галилѣꙗ), римлꙗнинъ (от Римъ), гражданинъ (от градъ), крьстиꙗнинъ, воинъ — „солдат“, назарꙗнинъ и т. д.

Суффикс -inъ у этих существительных употреблялся только при образовании единственного и двойственного числа, а во множественном числе он опускался: словѣне, галилѣꙗне, римлꙗне, граждане, погани, вои и т. д.

6. Отглагольные существительные среднего рода, обозначающие орудие, образовывались посредством суффиксов:

а) -dl-: рало ([ralo] < ordlo) — „плуг“ (от орати — „пахать“, ср. чеш. rádlo); шило ([š'ilo] < š'idlo) (от шити), ср. чеш. šídlo; зрьцало — „зеркало“ (от зрьцати — „смотреть), ср. чеш. zrcadlo.

б) -lo и -slo: гребло — „весло“ (от грети — „грести“), число (от чьтѫ, чисти — „считать“), кадило (от кадити), весело (от вести), масло (от мазати).

С другой стороны, с суффиксом -lo образовывались отвлеченные существительные: дѣло (от дѣꙗти), начало (от начати).

в) -to: пѫто — „окова“ (от пьнѫ пѧти — „натягивать“), врата (от врѣти — „запирать“).

7. Существительные, обозначающие место нахождения какого-либо предмета или указывающие на место действия, образовывались посредством суффиксов:

а) -ište < *-iskjo: сѫдище — „судилище" (от сѫдъ), сънъмище — „место собраний" (от сънъмъ — „собрание"), позорище — „театр" (от позоръ — „зрелище").

Если существительные с этим суффиксом образовывались от глаголов, то в основе всегда употреблялось производное -l- от соответствующего глагола: сѣдалище — „стул" (от сѣдати), хранилище (от хранити), жилище (от жити), влагалище (от влагати — „вкладывать").

б) -ьn-ic'a: тьмьница (от тьмьнъ, тьма), житьница (от житьнъ, жито — „хлеб"), ризьница (от ризьнъ, риза — „платье").

8. Уменьшительные существительные образовывались посредством суффиксов:

а) -ьс'ь для муж. р., -ьс'е для сред. р., -ьс'а, -ic'a для жен. р.: градьць (от градъ), агньць (наряду с агнѧ — „ягненок"), тельць (наряду с телѧ — „теленок"), облачьць (от облакъ), чѧдьце (от чѧдо), дъштица (от дъска — „доска"), двьрьца (от двьрь), ладиица (от ладии).

б) -ęt: козьлѧ — род. пад. козьлѧте (от козьлъ), жрѣбѧ — род. пад. жрѣбѧте (наряду с жрѣбьць), агнѧ — род. пад. агнѧте — „ягненок" (наряду с агньць), телѧ — род. пад. телѧте (наряду с тельць), отрочѧ — род. пад. отрочѧте — „ребенок" (от отрокъ) и т. д.

Приведенные примеры показывают, что с помощью суффикса -ęt образовывались существительные, обозначавшие молодых живых существ (молодых животных или детенышей животных).

9. Существительные женского рода, производные от соответствующих существительных мужского рода, образовывались посредством следующих суффиксов:

а) -а: рабъ — раба, змии ([zmii] < zmijь) — „дракон" — змиꙗ — „змея", дроугъ — дроуга.

б) -jā: тьсть — тьшта ([tьštà] < tьstjā], господь — „господин" — госпожда [(gospožd'a] < gospodjā).

в) -yn'ā > -yn'i: рабъ — рабыни, кънѧзь — кънѧгыни, богъ — богыни, самарѣнинъ — „самарянин" — самарѣныни — „самарянка".

г) -ic'a: цѣсарь — цѣсарица, любодѣи — „развратник" — любодѣица, пророкъ — пророчица.

10. Значительное количество существительных при помощи суффиксов было образовано от прилагательных и указывало на качество предмета, на его состояние, сущность и т. д.

а) Так, с помощью суффиксов -ostь, -ota образовывались существительные женского рода: свѣтьлость, свѣтьлота (от свѣтьлъ), старость (от старъ), чистость, чистота (от чистъ), благость (благъ), тѧгость, тѧжесть (от тѧжькъ), топлота (от топлъ), крѣпость (от крѣпъкъ), ништета (от нищь) и т. д.

Существительные женского рода, соотносимые с прилагательными и указывающие на качество предмета, его состояние, сущ-

ность и т. д., могли образовываться и при помощи следующих суффиксов:

-y (< ū), -yn'ā (> yn'i): любы — „любовь“ (от любъ — „милый“), цѣлы — „целость“ (от цѣлъ), благыни — „доброта“ (от благъ — „добрый“), гръдыни — „гордость“ (от гръдъ), свѧтыни — „святость, освещение“ (от свѧтъ);

-ja: чѧшта — „чаща“ (от чѧстъ), соуша (от соухъ), тлъшта — „толщина, тучность“ (от тлъстъ);

-ова: зълоба (от зълъ);

-ina: глѫбина (от глѫбокъ), истина (от истъ — „действительный“), сѣдина (от сѣдъ), тишина (от тихъ).

б) Существительные среднего рода образовывались посредством суффиксов:

ьje (-ije): съдравье (от съдравъ — „здоровый“), веселье (от веселъ), величье (от великъ), милосръдие (от милосръдъ);

-ьstvo: богатьство (от богатъ), мъножьство (от мъногъ).

В ряде случаев существительные среднего рода с суффиксом -ьstvo могли образовываться от других существительных, обозначая при этом свойства, вытекающие из понятия основного слова: цѣсарьство (от цѣсарь), чловѣчьство (от чловѣкъ), дѣвьство (от дѣва), мѫжьство (от мѫжь), отьчьство (от отьць), божьство (от богъ) и т. д.

11. Собирательные существительные образовывались главным образом посредством суффикса -ьje (-ije): троупие (от троупъ), кръвие (от кръва), каменье (от камы), коренье (от корень), рождие (от розга).

§ 86. В старославянском языке встречаются слова, основа которых состояла из двух корней:

а) слова, образованные повторением одного и того же корня: гла-гол-ъ [gla-gol-ъ] < *gol-gol -;

б) слова, заключающие разные корни: гоу-мьн-о [gu-mьn-o].

Корень [goṷ], представленный в первой части этого слова, тот же, что и в слове [gov-ędo] говѧдо — „рогатый скот“. Только в слове [gumьno] дифтонг [oṷ], оказавшись перед следующим согласным, монофтонгизировался, а в слове [govędo] неслоговой [ṷ] в позиции перед следующим гласным перешел у славян в [v]. Во второй части слова [gumьno] представлен корень [mьn] глагольного происхождения. Ср.: [mьnǫ] мьнѫ, [mьneš'i] мьнеши, инфинитив [męti] мѧти — „мять“. Само же слово [gumьno] гоумьно получило значение места, где рогатый скот мнет (топчет) колосья.

В старославянских текстах встречается много сложных слов, в которых два разных корня объединялись обычно с помощью специального элемента. Большинство из них являлось дословной передачей греческих сложных слов. Если первая часть в таких сложных словах представляла собой имя, то она соединялась с последующим словом обычно через гласный [o] или [e].

Первая часть сложных слов могла быть выражена: существительным: водо-носъ, вино-градъ, кръво-ꙗдение — „кровожадность“, дрѣво-

дѣлꙗ — „плотник", конє-чловѣкъ, ржко-писаниє, законо-давьца, вино-пиица, брато-любьць; прилагательным: зъло-дѣи, любо-дѣи — „развратник", лъже-пророкъ, скоро-письць, благо-дѣть; числительным: трь-зжбъ — „трезубец" и т. д.

Вторая часть сложений, как показывают приведенные примеры, в качестве самостоятельного слова могла быть существительным.

На положении первого члена сложения могли выступать предлоги и частицы, представлявшие дополнительное определение к существительному, выступающему во второй части сложения. Например, съ-боръ, пра-дѣдъ, нє-мошть, нє-правьда, нє-волꙗ. Сложное слово могло служить обозначением какой-либо вещи или существа, которому в качестве характерного признака свойственно то отношение, какое выражалось в сложении предлога и существительного: сж-постатъ — „противник" (дословно — участник места стояния, т. к. постать — „место стояния"), сж-сѣдъ — „сидящий вместе" или „имеющий общее место сидения".

Указанные выше способы словообразования имен существительных в старославянском языке очень давнего происхождения. Однако не все способы словообразования, свойственные индоевропейскому языку-основе, перешли в старославянский язык в качестве активных средств словообразования. Так, например, в старославянском языке не сохранилось в качестве живого средства образование слов с помощью инфиксов, которые в индоевропейском языке-основе являлись активными элементами словообразования.

Большую роль при словообразовании в старославянском языке играло чередование гласных.

ТИПЫ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

§ 87. В общеславянском языке имена распределялись по следующим типам склонения:

I. Склонение имен с основой на -*ŏ.
II. Склонение имен с основой на -*ā.
III. Склонение имен с основой на -*ĭ.
IV. Склонение имен с основой на -*ŭ.
V. Склонение имен с основой на согласный (-en, -es, ęt-, -(t)er).
VI. Склонение имен с основой на -ū.

Однако в связи со значительными изменениями, пережитыми в фонетической системе славянских языковых групп, суффиксальные тематические гласные с течением времени получили иное значение. Они стали относиться не к основе, а к окончанию и, следовательно, стали флексией.

В старославянском языке бывший тематический гласный в любом типе склонения можно всегда обнаружить в форме дательного падежа множественного числа и в форме дательного-творительного двойственного числа.

Например: рабъ: дат. мн. рабомъ, дат.-тв. дв. рабома
страна: странамъ странама
кость: костьмъ костьма
(где [ь] < [*ĭ]) и т. д.

Кроме того, в каждом типе склонения имеется ряд падежных форм, где также можно выделить бывший тематический гласный.

Склонение существительных с основой на -*ŏ

§ 88. Данный тип склонения существительных является одним из наиболее продуктивных типов в старославянском языке. По этому типу изменялись существительные мужского и среднего рода.

В старославянском языке существительные мужского рода, изменявшиеся по данному типу склонения, оканчивались в им. пад. ед. ч. на [-ъ] -ъ, [-ь] -ь или [-i] < [jь] -и, а существительные среднего рода — на [-o] -о или [-e] -є.

Окончания [-ь], [-i] и [-e] имели в им. пад. ед. ч. те существительные, у которых перед этими гласными употреблялся мягкий согласный звук[1]. Следовательно, этот тип склонения существительных различал твердый и мягкий вариант склонения. В род. пад. ед. ч. существительные данного типа оканчивались на [-a] -а.

Единств нное число

Им.	рабъ	кон҄ь	краи	село	пол҄ѥ
Род.	раба	кон'ꙗ	краꙗ	села	полꙗ
Дат.	рабоу	конѭ	краю	селоу	полю
Вин.	рабъ	кон'ь	краи	село	полѥ
Твор.	рабомь	кон'ѥмь	краѥмь	селомь	полѥмь
Местн.	рабѣ	кон'и	краи	селѣ	пол҄и
Зват.	рабє	кон'ю	краю	село	полѥ

Множественное число

Им.-зват.	раби	кон'и	краи	села	полꙗ
Род.	рабъ	кон'ь	краи	селъ	пол҄ь
Дат.	рабомъ	кон'ѥмъ	краѥмъ	селомъ	полѥмъ
Вин.	рабы	кон'ѩ	краѩ	села	....
Твор.	рабы	кон'и	краи	селы	пол҄и
Местн.	рабѣхъ	кон'ихъ	краихь	селѣхъ	пол҄ихъ

[1] Мягкость была получена благодаря смягчению согласного основы следовавшим за ним [j]: плачь [plač'ь] < plakjos, кон҄ь [kon̑ь] < *konjos, или явилась результатом палатализации задненебных согласных [g] и [k]: кънѧѕь [kъnęd̑z'ь] < kъnęgъ < *kuningos, отьць [otьc'ь] < otьkъ < *otĭkos,

Двойственное число

Им.-вин.-зват.	раба	конꙗ	краꙗ	селѣ	пол҄и
Род.-местн.	рабоу	коню	краю	селоу	полю
Дат.-твор.	рабома	конѥма	краѥма	селома	полѥма

Как показывают приведенные образцы склонения, существительные среднего рода изменялись так же, как и существительные мужского рода, за исключением следующего: 1) форма именительного, винительного и звательного падежей единственного числа у существительных среднего рода всегда оканчивалась на [-o] или [-e]: село, полѥ; 2) форма именительного, винительного и звательного падежей множественного числа у существительных среднего рода всегда оканчивалась на [-a]: села, полꙗ; 3) в форме именительного-винительного-звательного двойственного числа существительные среднего рода получали окончание [-ě] в твердом варианте склонения и окончание [-i] в мягком варианте склонения: селѣ, пол҄и.

Окончанию [-ě] после твердых основ соответствует окончание [-i] после мягких основ: местн. пад. ед. ч.: рабѣ — кон҄и, селѣ — пол҄и, местн. пад. мн. ч.: рабѣхъ — кон҄ихъ, селѣхъ — пол҄ихъ; им.-вин.-зват. дв. ч. у существительных среднего рода: селѣ — пол҄и.

Окончанию [-y] у существительных с твердой основой в твор. пад. мн. ч. соответствует окончание [i] у существительных с мягкой основой: рабы — кон҄и, селы — пол҄и.

Окончанию [-y] у существительных муж. р. с твердой основой в форме вин. пад. мн. ч. соответствует окончание [-ę] у существительных муж. р. с мягкой основой: рабы — конѧ.

Гласному [o] в окончании существительных с твердой основой соответствует гласный [e] у существительных с мягкой основой: им. пад. ед. ч. существительных ср. р.: село — полѥ, твор. пад. ед. ч. рабомь — конѥмь, селомь — полѥмь, дат. пад. мн. ч. рабомъ — конѥмъ, селомъ — полѥмъ, дат.-твор. дв. ч. рабома — конѥма, селома — полѥма.

Форма винительного падежа ед. ч. у существительных мужского рода, обозначавших одушевленные предметы, совпадала с формой именительного падежа ед. ч. Это объяснялось тем, что в старославянском языке не была еще развита категория одушевленности. Однако в старославянских памятниках уже начинает встречаться употребление формы родительного падежа в значении винительного у этих существительных.

Если основа существительных оканчивалась на задненебный согласный [k], [g] [ch] (к, г, х), то в позиции перед [ě] и [i] ([ě] и [i]<oi̯) задненебный согласный чередовался со свистящим, а именно [k]:[c'] (к:ц), [g]:[dz'] (г:ѕ), [ch]:[s] (х:с).

Например, от существительных члов҄ѣкъ, врагъ, грѣхъ, вѣко местн. пад. ед. ч. члов҄ѣцѣ, враѕѣ, грѣсѣ, вѣцѣ; местн. пад. мн. ч. члов҄ѣцѣхъ, враѕѣхъ, грѣсѣхъ, вѣцѣхъ; им. пад. мн. ч. члов҄ѣци, враѕи, грѣси; им.-вин. дв. ч. вѣцѣ.

В позиции перед гласным [e] в зват. форме ед. ч. задненебный согласный у существительных мужского рода чередовался с шипящим, а именно [k]:[č'] (к:ч), [g]:[ž'] (г:ж), [ch]:[š'] (х:ш). Например: чловѣче, враже, грѣше.

Имена существительные мужского рода, оканчивающиеся в им. пад. ед. ч. на [-c'ъ] -ць, например отьць, и на [-d͡z'ъ] -ѕь, например кънѧѕь, имели зват. форму ед. ч. по образцу существительных с твердой основой. При этом вместо свистящих [c'] ц и [d͡z'] ѕ здесь выступали шипящие [č'] ч и [ž'] ж: отьче, кънѧже.

В остальных падежных формах эти существительные изменялись по мягкому варианту данного склонения.

Существительные мужского рода с суффиксами [-tel'ъ] (-тель), [-ar'ъ] (арь), [-inъ] (-инъ), например дѣлатель, мытарь, гражданинъ, могли во множественном числе получать формы, характерные для склонения с основой на согласный. При этом у существительных с суффиксом [-in] последний во мн. ч. утрачивался, напр. им. п. граждане.

Склонение существительных с основой на -*ā

§ 89. По данному типу склонения изменялись существительные женского рода и некоторые существительные мужского рода. В именительном падеже ед. ч. они оканчивались на гласный [-a] -а. В этом типе склонения различались твердый и мягкий варианты.

Например: страна, сестра, землꙗ, дѣвица, овьца, строуꙗ, слоуга, юноша, владыка и т. д.

В род. пад. ед. ч. существительные твердого варианта склонения получали флексию (-y) -ы, а существительные мягкого варианта — (-ę) -ѧ.

Единственное число

Им.	страна	слоуга	дѣвица	землꙗ	строуꙗ
Род.	страны	слоугы	дѣвицѧ	землѩ	строуѩ
Дат.	странѣ	слоузѣ	дѣвици	земли	строуи
Вин.	странѫ	слоугѫ	дѣвицѫ	землѭ	строуѭ
Твор.	страноѭ	слоугоѭ	дѣвицеѭ	землеѭ	строуеѭ
Местн.	странѣ	слоузѣ	дѣвици	земли	строуи
Зват.	страно	слоуго	дѣвице	землє	строує

Множественное число

Им.-зват	страны	слоугы	дѣвицѧ	землѩ	строуѩ
Род.	странъ	слоугъ	дѣвиць	земл'ь	строуи
Дат.	странамъ	слоугамъ	дѣвицамъ	землꙗмъ	строуꙗмъ
Вин.	страны	слоугы	дѣвицѧ	землѩ	строуѩ
Твор.	странами	слоугами	дѣвицами	землꙗми	строуꙗми
Местн.	странахъ	слоугахъ	дѣвицахъ	землꙗхъ	строуꙗхъ

Двойственное число

Им.-вин.-зват.	странѣ	слоуѕѣ	дѣвици	земли	строуи
Род.-местн.	страноу	слоугоу	дѣвицю	землю	строую
Дат.-твор.	странама	слоугама	дѣвицама	землıама	строуıама

Гласному [-у] -ы в окончании существительных твердого варианта склонения соответствует гласный [-ę] -ѧ в мягком варианте: род. пад. ед. ч. и им.-вин.-зват. мн. ч. страны — землıѧ.

Гласному [-ě] -ѣ в окончании твердого варианта склонения соответствует гласный [-i] -и в мягком варианте: дат. и местн. пад. ед. ч. и им.-вин.-зват. дв. ч. странѣ — земли.

Гласному [o] в твердом варианте склонения соответствует [e] в мягком варианте: твор. пад. ед. ч. странолѫ — землıеѭ, зват. форма ед. ч. страно — землıе.

Если корень существительных оканчивался на задненебный согласный [k], [g] или [ch], то он в формах дат. и местн. пад. ед. ч. и в им.-вин. зват. дв. ч. в позиции перед [-ě] (< ai) чередовался со свистящим, а именно [g] : [dz'] (г : ѕ), [k] : [c] (к : ц), [ch] : [s'] (х : с): нога — ноѕѣ, рѫка — рѫцѣ, пазоуха — пазоусѣ.

По мягкому варианту данного типа склонения изменялись существительные женского и мужского родов, оканчивающиеся в им. п. ед. числа на [-ii] -ии: ладии, млънии (жен. р.), сѫдии, сокачии, кръмьчии, кънигъчии (муж. р.).

Сочетание [-i̯ā] (-jā)] на ступени редукции в славянской фонетике отразилось в виде [-i] (таково происхождение конечного гласного в окончании перечисленных выше существительных). Такого же происхождения был [i] после мягкого согласного [n'] в суффиксе [-y'n'i] -ыни: поустыни, богыни, кънѧгыни, рабыни и т. д. Существительные женского рода, оканчивающиеся на [yn'i] -ыни, также изменялись по мягкому варианту склонения существительных с основой на -*ā.

	Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	сѫдии	рабыни	сѫдиѩ	рабынıѧ
Род.	сѫдиıѧ	рабынıѧ	сѫдии	рабынь
Дат.	сѫдии	рабыни	сѫдиıамъ	рабынıамъ
Вин.	сѫдиѭ	рабынѭ	сѫдиıѧ	рабынıѧ
Твор.	сѫдиıеѭ	рабынıеѭ	сѫдиıами	рабынıами
Местн.	сѫдии	рабыни	сѫдиıахъ	рабынıахъ
Зват.	сѫдиıе	рабынıе	сѫдиıѧ	рабынıѧ

Дв. ч

Им.-вин.-зват.	сѫдии	рабын'и
Род.-местн.	сѫдию	рабыню
Дат.-твор.	сѫдиıама	рабынıама

Склонение существительных с основой на -*ŭ

§ 90. Этот тип склонения был малопродуктивным в старославянском языке. К нему относилось незначительное количество существительных мужского рода, оканчивающихся в им. пад. ед. ч. на [-ъ] -ъ, а в род. пад. ед. ч. на [-u] -оу: сынъ, домъ, волъ, полъ, врьхъ, медъ.

Предполагают, что к данному типу склонения относились также существительные рѧдъ, чинъ, санъ, оудъ, садъ, даръ и др., от которых в памятниках старославянского языка сохранились лишь отдельные падежные формы, характерные для склонения существительных с основой на -*ŭ.

Ед. ч.		Мн. ч.		Дв. ч.
Им.	сынъ	Им.-зват.	сынове	Им.-вин.-зват
Род.	сыноу	Род.	сыновъ	сыны
Дат.	сынови	Дат.	*сынъмъ (сыномъ)	Род.-местн
Вин.	сынъ	Вин.	сыны	сыновоу
Твор.	*сынъмь (сыномь)	Твор.	сынъми	Дат.-твор.
Местн.	сыноу	Местн.	*сынъхъ (сыноxъ)	сынъма
Зват.	сыноу			

В значении вин. пад. ед. ч. от существительного сынъ в некоторых старославянских памятниках встречается форма, совпадающая с формой род. пад. ед. ч. от существительных с основой на -*ŏ: сына — Зогр. ев., Мф X, 37; XVI, 13; XVI, 28; XXI, 38; XXIII, 15 и др.

Этот тип склонения очень рано начал вытесняться склонением с основой на -*ŏ, о чем свидетельствует тот факт, что в твор. пад. ед. ч., дат. и местн. пад. мн. ч. исконные формы склонения с основой на -*ŭ не сохранялись в старославянских памятниках, а вместо них употреблялись формы, характерные для склонения существительных с основой на -*ŏ

Склонение существительных с основой на -*ĭ

§ 91. К данному склонению в старославянском языке относились существительные мужского и женского рода, оканчивающиеся в им. пад. ед. ч. на [-ь] -ь, а в род. пад. ед. ч. — на [-i]-и.

В противоположность мягкому варианту склонения с основой на -*ŏ у существительных мужского рода с основой на -*ĭ согласный основы был твердым, получившим лишь позиционную полумягкость перед тематическим гласным [ь] < [*ĭ]. Например, огнь [ognь] < *ognĭs — кон҄ь [kon'ь] < *konjŏs.

Что касается существительных женского рода, то они могли иметь в основе перед тематическим гласным и мягкий и твердый

согласный с позиционной полумягкостью. Например ношть [noŝt'ь] < *noktis и кость [kostь] < *kostis.

	Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	гость	кость	гостье	кости
Род.	гости	кости	гостьи	костьи
Дат.	гости	кости	гостьмъ	костьмъ
Вин.	гость	кость	гости	кости
Твор.	гостьмь	костьѭ	гостьми	костьми
Местн.	гости	кости	гостьхъ	костьхъ
Зват.	гости	кости	гостье	кости

Дв. ч.

Им.-вин.-зват.	гости	кости
Род.-местн.	гостью	костью
Дат.-твор.	гостьма	костьма

В следующих формах в памятниках старославянского языка наряду с написанием буквы ь можно встретить написание буквы и (в данном случае буквами ь/и обозначался редуцированный гласный [ĭ]):

твор. ед.	костьѭ	костиѭ
им.-зват. мн.	гостье	гостие
род. мн.	костьи -	костии, гостьи — гостии
род.-местн. дв.	костью	костию, гостью — гостию

По данному типу склонения образовывали формы двойственного числа существительные оухо и око:

Им.-вин.-зват.	оуши	очи
Род.-мест.	оушию	очию
Дат.-твор.	оушима	очима

Употребление гласного [i] вместо [ь] в форме дат.-твор. дв. ч. объясняется воздействием со стороны форм им.-вин.-зват. дв. ч.

Склонение существительных с основой на согласный

§ 92. К данному типу склонения относились существительные всех трех родов. При этом основа существительных, изменявшихся по этому склонению, оканчивалась на суффиксы: -en (-men),-es, -ęt или -er (-ter).

1). Существительные мужского рода получали при склонении суффикс -en, например, камы: камен-, пламы: пламен-.

По данному типу склонения изменялись также существительные мужского рода типа: кремень, ремень, камень, корень, дьнь и др.

2. Существительные женского рода получали суффикс -er (ter). Таких существительных было два: мати: матер-, дъшти: дъштер-.

3. Существительные среднего рода могли получать суффикс -en, -es, et;

а) имѧ : имен-, врѣмѧ : врѣмен-, сѣмѧ : сѣмен- и т. д.;
б) слово : словес-, оухо : оушес-, око : очес-, небо : небес- и т. д.;
в) телѧ : телѧт-, отроча : отрочат-, козьлѧ : козьлѧт- и т. д.

Единственное число

Им.	камы	имѧ	слово	телѧ	мати	дьнь
Род.	камене	имене	словесе	телѧте	матере	дьне
Дат.	камени	имени	словеси	телѧти	матери	дьни
Вин.	камень	имѧ	слово	телѧ	матерь	дьнь
Твор.	каменьмь	именьмь	словесьмь	телѧтьмь	матерьѭ (-иѭ)	дьньмь
Местн.	камене	имене	словесе	телѧте	(матери)	дьне

Множественное число

Им.	камене	имена	словеса	телѧта	матери	дьне
Род.	каменъ	именъ	словесъ	телѧтъ	матеръ	дьнъ
Дат.	каменьмъ	именьмъ	словесьмъ	телѧтьмъ	*матерьмъ (-ремъ)	дьньмь
Вин.	камени	имена	словеса	телѧта	матери	дьни
Твор.	каменьми	имены	словесы	телѧты	матерьми	дьньми
Местн.	каменьхъ	именьхъ	словесьхъ	телѧтьхъ	*матерьхъ (-рехъ)	дьньхъ

Двойственное число

Им.-вин.	камени	именѣ	словесѣ	телѧтѣ	(матери)	дьни
Род.-местн.	каменоу	*именоу	словесоу	телѧтоу	(матероу)	дьноу
Дат.-твор.	каменьма	именьма	словесьма	телѧтьма	(матерьма)	(дьньма)

1. У существительных мужского рода окончание [-у] -ы в им. пад. ед. ч. встречается только у двух существительных: камы и пламы и при этом только в Супрасльской рукописи (пламы — 159_{17}, камы — 243_{6-7}, 276_1, 300_4, 301_5, $444_{14, 23, 30}$, 445_{19} и др.). В остальных памятниках в значении им. пад. ед. ч. выступает у этих существительных форма вин. пад. ед. ч. камень, пламень.

Форма им. пад. мн. ч. обычно заменяется собирательными существительными: камение, корение, степение.

2. По образцу существительных мужского рода с основой на согласный могли образовать во множественном числе падежные формы существительные мужского рода, оканчивающиеся на -инъ, -арь, -тель:

Им.	граждане	дѣлателе	мытаре, -ри
Род.	гражданъ	дѣлателъ, -тель	мытарь

Дат.	граждан**ем**ъ	дѣлателемъ, -тельмъ	мытаремъ, -рьмъ
Вин.	граждань	дѣлателѧ	мытарѧ
Твор.	граждань	дѣлатели, -ли	мытари, -ры
Местн.	гражданехъ	дѣлатѣлихъ, -лехъ	мытарихъ

3. Существительные среднего рода с суффиксом [-ęt] -ѧт всегда обозначали молодых живых существ.

4. От существительных мати и дъшати формы двойственного числа в старославянских памятниках не засвидетельствованы. В значении вин. пад. ед. ч. наряду с формой матерь встречается форма род. пад. матере: любѧи оца ли мтре (матере), Сав. кн., Мф. X, 37; Супр. 253_{10}.

Склонение существительных с основой на -*ū

§ 93. К этому склонению в старославянском языке относились существительные женского рода, оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на гласный [-у] -ы: свекры (свекръв-), любы (любъв-), цркы (цръкъв-), боукы (боукъв-), локы (локъв-), неплоды (неплодъв-) и др.

Бывший тематический гласный -*ū выступал у славян в позиции перед следующим гласным в виде [-ъv] -ъв. Благодаря этому основа существительных данного типа склонения стала оканчиваться на согласный звук, что привело к усвоению ими падежных флексий основ на согласный.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.	
Им.	свекры	свекръви	Им.-вин.-зват.	(свекръви)
Род.	свекръве	свекръвъ		
Дат.	свекръви	свекръвамъ	Род.-местн.	свекръвоу
Вин.	свекръвь	свекръви		
Твор.	свекръвьѭ	свекръвами	Дат.-твор.	(свекръвама)
Местн.	свекръве	свекръвахъ		

При изучении склонения существительных с основой на *-ū следует помнить следующее:

1. В твор. пад. ед. ч. наряду с формой свекръвьѭ можно встретить написание свекръвиѭ, где чередующимися буквами ь/и обозначался редуцированный гласный [ĭ].

2. В дв. ч. в памятниках встречается только форма род.-местн. пад.

3. Своеобразием данного склонения являлось то, что формы дат., твор. и местн. пад. мн. ч. были образованы под влиянием склонения имен с основой на -*ā.

4. В значении вин. пад. ед. ч. в ряде случаев употребляется форма род. пад.: свекръве — Зогр. ев., Мф. X, 35; Лук. XII, 53; цръкъве — сб. Кл. I, 121; Зогр. ев., Мр. XV, 29; Супр. $227_{27, 28}$, 228_3 и др., любъве — Сав. кн., Ио. XIII, 35; любьве — Супр. 207_3 и др.

5. К этому склонению принадлежало некогда и слово кръвь, от которого в памятниках встречаются формы ед. ч. по образцу склонения с основой на *-ū, а во мн. ч. — по типу склонения с основой на *-ĭ. Исключение составляет только форма род. пад. мн. ч. кръвъ (вм. кръвии), которая образована по типу склонения с основой на *-ū.

ПРОЦЕССЫ ИЗМЕНЕНИЯ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

§ 94. Исследование памятников старославянского языка показывает, что именное склонение развивалось и изменялось. Основное направление этих изменений состояло в том, что утрачивалось старое деление на типы склонения по характеру тематического гласного (тематического суффикса) основы.

Этот тематический гласный исторически в ряде падежных форм подвергся сильным изменениям, и его во многих случаях уже невозможно обнаружить в старославянском языке. С другой стороны, все ярче проступает тенденция к объединению существительных одного грамматического рода в один тип склонения. Эту тенденцию усиливало еще совпадение звукового вида многих существительных, имевших один грамматический род.

Каким же изменениям подверглись приведенные выше типы склонения в старославянском языке?

I. В памятниках старославянской письменности намечается взаимодействие существительных с основой на *-ŏ и с основой на *-ŭ, т. е. существительных типа рабъ — сынъ. Сходство грамматического рода и общность флексии им. п. ед. ч. привели к взаимодействию между ними, вследствие чего существительные с основой на *-ŭ могли употребляться с флексиями существительных с основой на *-ŏ, и наоборот. Особенно это характерно для существительных с основой на *-ŭ, в склонении которых наблюдается сильное колебание между свойственными ему окончаниями и окончаниями склонения существительных с основой на *-ŏ.

Так, наряду с формой род. пад. ед. ч. сыноу значительно чаще употребляется форма сына; наряду с формой дат. пад. ед. ч. сынови чаще встречается форма сыноу; в местн. пад. ед. ч. наряду с формой сыноу употребляется форма сынѣ; вместо зват. формы сыноу чаще встречается форма сыне; в форме им.-вин.-зват. дв. ч. наряду с формой сыновоу употребляется форма сыноу и т. д.

Приведенные примеры показывают, что в качестве особого типа склонения склонение с основой на *-ŭ было в ст.-слав. языке уже на пути к исчезновению.

Что касается существительных с основой на *-ŏ, то они также подвергались воздействию склонения с основой на *-ŭ. Распространение окончаний склонения с основой на *-ŭ в склонении с основой на *-ŏ было неодинаковым: оно очень ограниченно проявлялось в единственном числе и более значительно — в именительном и особенно в родительном падеже множественного числа.

Например, им. пад. мн. ч. доуховє — Супр. 237_8, поповє — Син. тр. $49^а/_{11}$, сѧдовє — Супр. 301_8, змиєвє — Супр. 77_5, 227_{29}, 229_{24}, зноєвє — Супр. 172_{29} и т. д. вместо доуси, попи, сѧди, змии, зној и т. д.; род. пад. мн. ч. бѣсовъ — Супр. 40_{15}, грѣховъ — Зогр. ев., Сав. кн., Лук. III, 3; Мар. ев., Ассем. ев., Лук. XXIV, 47 и др., плодовъ — Супр. 429_{30}, змиєвъ — Син. тр. $4^б/_{19-21}$; Супр. 467_3; зноєвъ — Супр. 301_{24}, врачевъ — Зогр. ев., Мр. II, 17; Лук. V, 31; Зогр. ев., Сав. кн., Остр. ев., Мр. V, 26; Супр. 559_{11} и т. д. вместо бѣсъ, грѣхъ, плодъ, змии, зној, врачь и т. д.

Особенно широко распространилось в памятниках старославянского языка окончание дат. пад. ед. ч. [-ovı] -ови (или [-evi] -єви в мягком варианте склонения). Однако формы на [-ovı] -ови встречаются лишь у имен, обозначающих лицо, главным образом в именах собственных и в иноязычных словах: б(ого)ви — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. XII, 17; мѫжєви — Мар. ев., Зогр. ев., Лук. I, 27; архиєрєови — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. I, 44 и др.; кєсарєви — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXII, 17, 21; Мар. ев., Мр. XII, 14 и кєсарови — Мар. ев., Мр. XII, 17; иєрєови — Мар. ев., Лук. V, 14; иосифови — Мар. ев., Мр., XV, 45; пєтрови — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. VIII, 33; винарєви — Мар. ев., Зогр., Лук. XIII, 7; мосєови — Мар. ев., Мр. IX, 5; Лук. IX, 33 и т. д. Эта флексия встречается у названий предметов лишь в тех случаях, когда предметы персонифицируются: глаголаашє ꙗдови — Супр. 476_{18}, намъ . . . а нє мирови — Сав. кн., Ио. XIV, 22.

Таким образом, старославянские памятники указывают на идущий процесс сближения этих двух склонений. Тип склонения на *-ŭ, к которому относилось всего несколько слов, в дальнейшем полностью сливается со склонением с основой на *-ŏ, передав ему при этом некоторые флексии.

II. Существительные муж. род. с основой на *-jŏ (типа конь) взаимодействуют с существительными муж. р. с основой на *-ĭ (типа гость).

Тип склонения с основой на *-ĭ отличался от склонения с основой на *-jŏ тем, что его конечный согласный основы являлся только полумягким, а не мягким, как у существительных с основой на *-jŏ.

Однако это различие, четкое при согласных [d], [t], [b] и других, противопоставленных мягким [ž͡d'], [š͡t'], [bl'] и другим, было менее надежно в отношении согласных [n], [r], соотносящихся с мягкими [n'], [r']. Поэтому язык легко переходит от огнь (ognь) к огнь (ogn'ь), от звѣрь [zvěrь] к звѣрь [zvěr'ь] и т. д., и наряду с формой род. пад. ед. ч. огни [ognі], звѣри [zvěrı] начинает употребляться форма огнꙗ (ogn'a), звѣрꙗ [zvěr'a], в дат. пад. ед. ч. огню (ogn'u) и т. д.

Такой переход в склонение с основой на *-jŏ в дальнейшем начинают совершать и другие существительные. Например, от существительного господь [gospodь] очень часто в род. пад. ед. ч. встречается форма господа (с вариантом г(оспод)ѣ в глаголических памятниках — Зогр. ев., Лук. XVI, 5; Син. пс. $26^б/_{27}$, $28^а/_5$, $32^б/_{13}$;

сб. Кл. I, 51; II, 20, 59, 732), в дат. пад. ед. ч. г(оспод)ю — Зогр. ев., Ас. ев., Мф. IV, 10; Син. пс. 20б/42; 26б/28, 27а/31 и др.; Син. тр. 60б/3,9 12, 15, 18 и др., господоу — Супр. 623; Сав. кн., Мф. IV, 10, и под влиянием склонения с основой на *-й форма г(осподе)ви — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. V, 33; Мр. XII, 36; Лук. I, 17; II, 38; XX, 42 и т. д.

Склонение существительных муж. р. с основой на *-ĭ как особый тип в дальнейшем исчезает, но некоторые характерные для него окончания распространяются внутри существительных с основой на *-jŏ, со склонением которых оно смешивается. Так, в старославянских памятниках можно встретить в им. пад. мн. ч. форму коумирие — Супр. 5369 вм. коумири, кождие — Зогр. ев., Мф. XXIII, 16, 24 вм. кожди, в род. пад. мн. ч. встречается форма врачеи — Асс. ев., Мр. V, 26 вм. врачь, наряду с новообразованием врачев — Зогр. ев., Мр. II, 17; Лук. V, 31; Зогр. ев., Сав. кн., Остр. ев.. Мр. V, 26; Супр. 55911 и т. д.

III. Большие изменения претерпевает склонение с основой на согласный. В старославянских памятниках оно фактически не представляет самостоятельного типа. Основы на согласный, от которых в древнейших памятниках сохранялись еще некоторые характерные формы, теряют свое значение и постепенно вытесняются типами склонений с основой на *-ĭ и *-ŏ.

1. Существительные муж. р. (типа камы) с древнейших пор взаимодействуют с основами на *-ĭ. Так, в твор. пад. ед. ч., дат.-твор. пад. дв. ч., дат., твор. и местн. пад. мн. ч. формы каменьмь, каменьма, каменьмъ, каменьми, каменьхъ имеют два тематических суффикса — [-en-] и [-ь-], из которых второй суффикс проник в эти формы под влиянием склонения с основой на *-ĭ (ср. гостьмь, гостьма, гостьмъ, гостьми, гостьхъ).

Под влиянием этого же склонения в формах род. и местн. пад. ед. ч. наряду с флексией [-е] начинает употребляться флексия [-ı]; камени — Мар. ев., Лук. XIX. 44.

Под влиянием склонения с основой на *-ĭ форма вин. пад. ед. ч. вытесняет форму им. пад. ед. ч.: камы — камень. Им.-вин. пад. дв. ч. получил у существительных муж. р. форму основ на *-ĭ: камени и т. д.

2. Существительные ср. р. с основой на согласный взаимодействуют как с существительными с основой на *-ĭ, так и с основами на *-ŏ.

Так, у них, так же как и у существительных муж. р., под влиянием склонения существительных с основой на -*ĭ издавна употреблялись в твор. пад. ед. ч., дат. и мест. пад. мн. числа и дат.-твор. пад. дв. ч. формы типа словесьмь, именьмь, телятьмь; словесьмъ, именьмъ, телятьмъ; словесьхъ, именьхъ, телятьхъ; словесьма, именьма, телятьма.

В род. и местн. пад. ед. ч. под влиянием этого же склонения наряду с флексией [-е] начинает употребляться флексия [-ı]: словеси — Ас. ев., Мф. XXII, 46; Зогр. ев., Мф. XVIII, 23; Лук. I,

29; Мар. ев., Мф. XXV, 19; Мр. X, 22; Лук. I, 29; чоудеси — Супр. 35_{12}, 39_{27} и т. д.

Вследствие тождества им.-вин. и род. пад. мн. ч. основ на согласный и основ на *-ŏ у существительных ср. р. преобладание в твор. пад. мн. ч. получила аналогия типу склонения с основой на *-ŏ: словесы, имены, телаты; то же и в им.-вин. дв. ч. — словесѣ, именѣ, телатѣ.

Особенно сильным было влияние основ на *-ŏ на существительные с основой на *-es. Этому способствовала общность флексии в им.-вин. пад. ед. ч.: село — слово. Под влиянием склонения с основой на *-ŏ появляются формы род. ед. слова — Супр. 132_1 (наряду с формой словесе [-си]), дат. ед. словоу — Асс. ев., Ио. II, 22 (наряду с формой словеси), твор. ед. словомь — Зогр. ев., Мф. VIII, 16; Мр. XII, 13; Лук. VII, 7; Мар. ев., Мф. XXII, 15; Мр. XII, 13; Лук. XXIV, 19; Ио. XVII, 20 (наряду с формой словесьмь) и т. д.

В дальнейшем существительные с основой на *-es полностью переходят в тип склонения с основой на *-ŏ.

3. Существительные жен. р. мати и дъшти также подверглись сильному влиянию со стороны склонения с основой на *-ĭ. Так, по аналогии с этими основами существительные мати и дъшти в твор. пад. ед. ч. получили форму на [ьjǫ]-ьѭ: матерьѭ (материѭ), в дат. пад. мн. ч. матерьмъ (матеремъ), в твор. пад. мн. ч. матерьми, дъштерьми. Под влиянием этого же склонения в род. пад. ед. ч., наряду с формой матере, дъштере, употребляется форма матери — Супр. 242_{24}, Син. пс. $25^а/_{20}$, $25^б/_2$, дъштери — Син. пс. $8^б/_{15}$, $59^а/_{21}$, в род. пад. мн. ч. наряду с формой дъштеръ, употребляется форма дъштер(ьр)еі — Син. пс. $140^б/_{10}$ и т. д.

IV. Склонение существительных с основой на *-ū подверглось сильному воздействию со стороны склонений на *-ĭ и на *-ā. Под влиянием склонения с основой на *-ĭ с древнейших пор были образованы формы твор. пад. ед. ч., им. и вин. пад. мн. ч.: црькъвьѭ, свекрьвьѭ (-иѭ); црькъви, свекръви и т. д. Под влиянием этих же основ (типа кость) в род. и местн. пад. ед. ч. начинают употребляться формы с флексией [-ı] вместо (-е): цръкъви — Син. пс. $26^а/_{23}$.

Под влиянием склонения на *-ĭ в дальнейшем форма вин. пад. ед. ч. начинает вытеснять форму им. пад. ед. ч.: свекръвь, црькъвь и т. д.

В образовании формы дат., твор. и местн. пад. мн. ч. и дат.-твор. пад. дв. ч. с древних пор сказалось влияние склонения существительных с основой на *-ā: свекръвамъ, свекръвами, свекръвахъ, свекръвама.

Таким образом, материал старославянских памятников показывает, что старый тип деления слов на склонения по тематическому суффиксу разрушается, и в основу такого подразделения кладется уже грамматический род. Благодаря этому происходит перегруппировка типов склонений, и основную роль при объединении слов в такие типы начинает играть грамматический род.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФЛЕКСИЙ

Выше отмечалось, что тематическая структура имен существительных в старославянском языке уже не прослеживается во всех падежных формах, что в ряде случаев она затемнена и что ее во всех типах склонения всегда можно обнаружить только в формах дат. пад. мн. ч. и дат.-твор. пад. дв. ч. Кроме того, в каждом типе склонения выделяются еще и другие падежные формы, где также видна тематическая структура слова. В ряде же падежных форм произошло переразложение основы существительных, и тематический гласный отошел к флексии.

Что же представляют по своему происхождению флексии существительных в старославянском языке? [1]

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 95. Именительный падеж

Исторически многие существительные в данной падежной форме не имели флексий. Так, как показывает материал сравнительной грамматики, не имели флексии все существительные с основой на *-ā и существительные с основой на согласный.

Слова типа страна, землꙗ оканчивались в общеславянском языке на тематический гласный основы, который в старославянском языке в данной падежной форме выступает уже как окончание.

Существительное камы (род. пад. кам-ен-е) в доисторическую пору обладало суффиксом и в им. пад. Но этим суффиксом был не [*-en], а [*-on], т. е. [kam-on]. В таком виде это слово существовало до тех пор, пока не получило по аналогии с другими существительными окончания [*-s]: *ǩamons. Гласный [o] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [u]. Под влиянием группы согласных [ns] в конечном слоге происходило удлинение предшествующего гласного, а [u] > [y]. В связи с действием закона открытого слога конечные согласные утрачивались. Следовательно, *kamons > kamūns > kamū > kamy [2].

Существительное сѣмѧ < *sēm-ēn (род. пад. сѣм-ен-е). Окончание [-ę]-ѧ является видоизмененным тематическим суффиксом, который подвергся монофтонгизации.

Существительное слово < *slov-os (род. пад. слов-ес-е). Гласный [o] в конечном слоге должен был бы сузиться, подвергнуться усиленной лабиализации и дать [ŭ] > [ъ]. Однако здесь произошло только отпадение конечного согласного [s], а гласный [o] сохра-

[1] По вопросу о происхождении большинства славянских падежных флексий нет единого мнения в лингвистической литературе. Поэтому в излагаемом здесь материале мы будем придерживаться той точки зрения, которая нам кажется наиболее убедительной при объяснении происхождения той или иной падежной флексии.

[2] Полагают, что исходной формой данного существительного в им. п. ед. ч. являлась kamōn > kamūn > (kamų̄) > kamū > kamy.

нился без изменения. Считают, что на сохранение этого гласного оказали известную роль местоимения типа то, оно.

Существительное мати < *ma-tēr (род. пад. мат-єр-є). После отпадения согласного [r] [ē] должно было бы измениться в [ě] (ѣ), однако здесь возникла флексия [i], происхождение которой в достаточной степени не выяснено. По мнению некоторых ученых, на это [ē] падало нисходящее ударение, вследствие чего [ē] > [i].

Самой распространенной флексией им. пад. ед. ч. в общеславянский период была флексия [*-s]. Ее имели существительные с основой на *-ŏ, *-ĭ, *-ŭ, *-ū;

*-ŏ: { рабъ < *orb-ŏ-s > orbŭs > rabъ; конь < *konj-ŏ-s > konjŭs > konjъ > kon'ь;
*-ĭ: { гость > *gost-ĭ-s > gostĭ > gostь; кость < *kost-ĭ-s > kostĭ > kostь;
*-ŭ; сынъ < *sūn-ŭ-s > sūnŭ > synъ;
*-ū: свекры > svekr-ū-s > svekrū > svekry.

Таким образом, все эти существительные теряли согласный [-s], выступавший в общеславянское время как падежная флексия. Поэтому та флексия, которая представлена в ст.-слав. языке, является видоизменением тематического гласного.

Существительные ср. р. типа село, поле имели флексию, одинаковую для им. и вин. пад. [*-n (m)]. Носовой согласный по закону открытого слога отпадал в конце слова, а гласный [o] должен был сузиться, подвергнуться усиленной лабиализации и дать [ъ] ([ŏ] > [ŭ] > [ъ]). Но этого не произошло под влиянием местоименных форм типа то, оно.

§ 96. Родительный падеж

Для данного падежа исконно была типична флексия [*-es] или [*-s]. Сами падежные формы отличались друг от друга не только флексиями, но и чередованием тематического гласного.

У существительных с основой на согласный и на *-ū в качестве флексии выступало [-es]:

камене < *kam-en-es > kamene;
свекръве < *svekr-ū-es > svekr-ŭu̯-es > svekrъve.

У существительных с основой на *-ĭ и *-ŭ флексия выступала в виде [*-s]:

*-ĭ { гости < *gost-ei̯-s, кости < *kost-ei̯-s;
*-ŭ: сыноу < *sūn-ou̯-s.

Тематический гласный выступал здесь на стадии дифтонга. Монофтонгизируясь, дифтонг [ei̯] > [i], а [ou̯] > [u]. Согласный [s] утратился по закону открытого слога.

У существительных с основой на *-ŏ присоединялось окончание [*-s], а тематический гласный получал долготу:

раба < *orb-ō-s > raba;
села < *sel-ō-s > sela.

Однако наряду с этим существуют и другие точки зрения на происхождение флексии род. пад. ед. ч. у существительных с основой на *-ŏ.

Не вполне ясно происхождение флексии род. пад. у существительных с основой на *-ā. Наличие гласного [-у]-ы свидетельствует об изменении гласного [о] более раннего времени. Гласный же [о] выступал в данном случае на месте [ă]. Усиление лабиального элемента в гласном [о] было вызвано тем, что за ним следовал носовой согласный. Кроме того, произошло удлинение гласного вследствие того, что после него находилось сочетание [ns], которое утрачивалось в конце слова:

*gorans > gorons > gorūns > gorū > gory (ст.-слав. горы).

После мягкого согласного в южнославянских языках было окончание [-ę] -ѧ, так же указывающее на носовой элемент в этой форме, т. е. на [ns]. В языках восточнославянских и западнославянских у имен с мягким согласным в основе на положении флексии выступал гласный [-ě]-ѣ:[vol'ě] волѣ, неясный в своем происхождении.

§ 97. Дательный падеж

Окончанием данной формы в общеславянском языке было [*-i]. Оно было характерно для существительных с основой на согласный, на *-ū, *-ŭ, *-ĭ, *-ā:

камени < *kam-en-i > kameni.

Здесь окончание [-i] является сохранившейся старой флексией.

У существительных с основой на *-ŭ хорошо сохранилась старая тематическая структура: сынови < *sūn-ou̯-i > synovi (тематический гласный выступал здесь на стадии дифтонга).

У существительных с основой на *-ā наблюдалось следующее: странѣ < *storn-ā-i. На конце слова развивался дифтонг [ai̯], который, монофтонгизируясь, давал [ě] (дифтонги [ai̯] и [oi̯] на славянской почве, как известно, давали один и тот же результат при монофтонгизации). Гласный [ě] после мягких согласных чередовался с [i], т. к. [oi̯] после мягких переходил в [ei̯], который, монофтонгизируясь, давал [i] (земли). Следовательно, ст.-слав. флексия [-ě]-ѣ и [-i]-и в дат. пад. ед. ч. у существительных с основой *-ā представляет собой результат слияния бывшего тематического гласного и флексии.

Сам старославянский язык имеет указание на дифтонгическое происхождение гласного [ě] в форме дат. пад. ед. ч. у существительных с основой на *-ā. Это подтверждает наличие палатализации в словах, у которых в корне употреблялся задненебный согласный:

рѫцѣ < *ronk-ā-i, нозѣ < *nog-ā-i.

Не вполне ясно происхождение формы дат. пад. ед. ч. у существительных с основой на *-ŏ.

У существительных с основой на -*ĭ, по-видимому, в данной падежной форме отсутствовала особая падежная флексия, а тематический суффикс был представлен на стадии дифтонга: гости < *gost-ei̯ > gosti.

§ 98. Винительный падеж

Давним признаком формы вин. пад. ед. ч. во всех индоевропейских языках, в том числе и в славянской языковой группе, был носовой согласный [*-n (*-m)]:

*-ŏ: рабъ < *orb-ŏ-n > orbŭn > orbŭ > rabъ;
*-ŭ: сынъ < *sūn-ŭ-n > sūnŭ > synъ;
*-ĭ { гость < *gost-ĭ-n > gostĭ > gostь; кость < *kost-ĭ-n > kostĭ > kostь;
*-ā: странѫ < *storn-ā-m > strano̧.

Таким образом, в большинстве форм, за исключением последней, происходило отпадение конечного носового согласного, а предшествовавший ему гласный суживался и давал [ъ] или [ь].

У существительных с основой на *-ā в конце слова возникло дифтонгическое сочетание с долгой слоговой частью, которое, монофтонгизируясь, давало [о̧].

Следовательно, флексия вин. пад. ед. ч. у существительных с основой на *-ŏ, *-ŭ, *-ĭ в старославянском языке представляет видоизменение бывшего тематического гласного, а у существительных с основой на *-ā — результат изменения бывшего тематического гласного и флексии.

В словах типа камы, мати — вин. пад. ед. ч. камень, матерь — конечный носовой согласный присоединялся к предшествующему согласному основы и развивал слоговость: kam-en-m̥. Но слоговые носовые согласные [m̥] и [n̥] не удержались у славян. Утрата слоговости шла за счет развития краткого гласного [ĭ] перед слоговым носовым согласным: kam-en-ĭm, а сочетание [ĭm] в конце слова давало у славян редуцированный [ь].

§ 99. Творительный падеж

Довольно широко в данной падежной форме у славян в доисторический период было представлено окончание [-mĭ]:

*-ŏ: рабомь < *orb-ŏ-mĭ > rabomь;
*-ĭ: гостьмь < *gost-ĭ-mĭ > gostьmь;
*-ŭ: сынъмь < *sūn-ŭ-mĭ > synъmь.

Таким образом, все эти формы представляют сохранение старой тематической структуры слова и старой флексии.

Некоторое новообразование представлено в словах с основой на согласный звук: камен-ь-мь < *kamenĭmĭ. Редуцированный [ь] между согласными [n] и [m] появился здесь в результате древнейшего воздействия основ на *-ĭ и представляет собой тематический гласный *-ĭ, перенесенный в основы на согласный из форм типа гостьмь.

Лишь формы существительных женского рода типа странојѫ, землеѭ, костиѭ, материѭ, свекръвиѭ не поддаются сравнению с дру-

гими индоевропейскими языками. Предполагают, что эти формы не являются первоначальными и обусловлены влиянием местоименного склонения.

§ 100. Местный падеж

В ряде случаев форма местного падежа не имела особого окончания. Это наблюдается в склонениях с основой на *-ĭ и на -*ŭ:

*-ĭ: { гости < *gost-ei̯
      { кости < *kost-ei̯
*-ŭ: сыноу < *sūn-ou̯

Тематический гласный был представлен здесь на стадии дифтонга, который монофтонгизировался в конце слова, причем [ei̯] > [i], [ou̯] > [u].

Следовательно, старославянская флексия в этих формах представляет собой результат изменения на славянской почве бывшего тематического гласного.

Существительные с основой на *-ā и *-ŏ в доисторический период имели флексию [*-ĭ], перед которой выступал тематический гласный:

странѣ < *storn-ā-i > stornai̯ > straně;
рабѣ < *orb-ŏ-i > orboi̯ > rabě.

(Звук [i] после гласного в конце слова становился неслоговым. Возникали дифтонги [ai̯] и [oi̯], которые, монофтонгизируясь, дали [ě]. После мягкого согласного вместо [ě] выступает [i], т. к. [’oi̯] > [’ei̯] > [’i]. Например, кoни, земли).

Подтверждением того, что [ě], возникавший в конце слова у существительных с основой на -*ā и -*ŏ, был по происхождению из дифтонга [ai̯] или [oi̯], служат те существительные, у которых в основе употреблялся задненебный согласный, подвергавшийся в этой падежной форме перед гласным [ě] палатализации: рѫка — рѫцѣ, нога — нозѣ, врагъ — вразѣ, оученикъ — оученицѣ и т. д.

Следовательно, старославянская флексия местного падежа у существительных с основой на -*ā и -*ŏ представляет собой результат изменения бывшего тематического гласного и старой флексии.

Местный падеж у существительных с основой на согласный представляет, по-видимому, чистую основу, осложненную частицей пространственного значения [-ēn] (отсюда фонетически у славян возникает [е]). Это [-en] можно встретить и в древних италийских языках, где оно, примыкая к падежной форме, обозначало место. На славянской почве [-e] < [en] стабилизировалось уже как падежное окончание.

§ 101. Звательная форма

Особые звательные формы имеются только в склонениях с основой на -*ā и на -*ŏ. Они образовались путем чередования тематического гласного при отсутствии флексии в данной форме: [a]/[o], [o]/[e]:

-*ā: страна — страно, землꙗ — землю (гласный [о] после мягкого согласного фонетически закономерно переходит в [е]);

-*ŏ: рабъ < *orb-ŏ-s — рабе.

Исключение составляет форма существительных мужского рода с основой на -*jŏ: коню, которая издавна имела окончание [-u], как и в словах с основой на -*ŭ, и была получена, по-видимому, под влиянием склонения с основой на -*ŭ.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 102. Именительный падеж

Флексией им. пад. мн. ч. в индоевропейском языке-основе являлось [-*ĕs]. Конечное [-*s] у славян утратилось по закону открытого слога и сохранилось только одно [-е]. Подобная флексия представлена в склонении существительных муж. р. с основой на согласный, на -*ĭ и на -*ŭ:

камене < *kam-en-es > kamene;
гостиѥ < *gost-ei̯-es > gost-ьi̯-es > gostьi̯e (= gostьje) > gostĭje;
сынове < *sūn-ou̯-es > sūnoves > synove.

Существительные муж. р. с основой на -*ŏ имеют в старославянском языке флексию [-i], которая восходит к дифтонгу [oi̯] (ср. греч. lúkoi):

раби < *orb-o-i > orboi̯ > rabě.

(Конечный [i] после гласного становился неслоговым, возникал дифтонг [oi̯], который, монофтонгизируясь, при нисходящей интонации давал у славян гласный [i]).

То, что эта ст.-слав. флексия [i] восходит к [oi̯], подтверждают такие слова, у которых в корне употреблялся задненебный согласный, подвергшийся в позиции перед этим [i] палатализации:

отроци < *otrok-o-i,
дроуѕи < *drug-o-i,
доуси < *duch-o-i.

Существительные с основой на -*ā имели в старославянском языке в им. пад. мн. ч. окончания [-y] -ы и [-'ę] -ѩ: страны, землѩ.

Ряд ученых предполагает, что по своему происхождению это формы вин. пад. мн. ч.

Аналогичная картина наблюдается и у существительных жен. р. с основой на согласный, на *-ĭ и на -*ū, которые представляют форму старого винительного падежа: матери, кости, свекръви.

Существительные ср. р. имеют в старославянском языке во мн. ч. в формах им.-вин. пад. флексию [a]: села, полѩ. Эта флексия восходит к индоевропейскому [ā] с собирательным значением. Позднее данная флексия распространилась на все существительные среднего рода: словеса, имена, телѧта.

§ 103. Родительный падеж

Индоевропейские языки показывают, что род. пад. мн. ч. имел флексию [-*ōn (-*ōm)], произносившуюся при нисходящей интонации (ср. греч. theṓn — θεῶν), что на славянской почве приводило к со-

кращению долготы звуков. Отсюда у славян [-on], а из [on] > [ъ] (лабиализация и сужение [o] > [u] > [ъ], утрата носового качества):

рабъ < *orb-ŏ-ōn > orb-ŏ-ŏn > orbŏn > orbŭn > rabъ.

Здесь могла бы возникнуть вторичная долгота звука в результате ассимиляции тематического гласного с гласным окончания. Но нисходящая интонация приводила и в данном случае к сокращению долготы гласного, к усилению его лабиализации и возникновению редуцированного [ъ].

Немного сложнее происхождение ст.-слав. флексии род. пад. мн. ч. у существительных с основой на -*ĭ и на -*ŭ:

-*ĭ: гостии < *gost-ĕi̯-ōn > gost-ĕi̯-ŏn > gost-ьi̯-ŏn > gost-ьi̯-ŭn > > gostьi̯ъ (= gostьjъ) > gostьjь > gostĭi > gostii;
-*ŭ: сынов < *sūn-ŏu̯-ōn > sūn-ŏu̯-ŏn > sūnovŭn > synovъ.

Таким образом, у существительных с основой на -*ĭ и на -*ŭ тематический гласный в форме род. пад. мн. ч. выступал на стадии дифтонга.

Однако не все ученые считают, что древнейшая флексия род. пад. мн. ч. у славян восходит к [-ōn (-ōm)]. При этом они ссылаются на то, что имеются индоевропейские языки, в которых указанные формы кончаются слогом с кратким гласным. Например, в др.-прусском языке флексией является [-an], а всякое [an] давало у славян [on].

§ 104. Дательный падеж

В дат. пад. мн. ч. прекрасно сохранилась в славянских языках старая тематическая структура слова. Но само окончание [-mъ] -мъ не находит себе единого объяснения. Ряд ученых возводит это окончание к [-*mus], сохранившемуся в др.-лит. языке. Другие ученые возводят к окончанию [-*mos], опираясь при этом на данные др.-инд. языка:

-*ā: стран-а-мъ < *storn-ā-mŭs;
-*ŏ: раб-о-мъ < *orb-ŏ-mŭs;
-*ĭ: гост-ь-мъ < *gost-ĭ-mŭs и т. д.

§ 105. Винительный падеж

Признаком вин. пад. мн. ч. в индоевропейском языке-основе было окончание [-*ns]:

-*ŏ: { рабы < *orb-o-ns > orbuns > (orbū̜) > orbū > raby; конѧ < *konj-o-ns > konjens < konję > kon'ę;
-*ŭ: сыны < *sūn-ŭ-ns > (sūnų) > sūnū > syny;
-*ĭ: гости < *gost-ĭ-ns > gostī > gosti.

То же сочетание [*ns] выступало в этой падежной форме и у существительных муж. и жен. р. с основой на согласный. Носовой согласный [n], оказавшись в позиции между двумя согласными (так же как и в конце слова после согласного), был носителем слога — [n̥]. На славянской почве вместо слогового [n̥] развивалось сочетание [in]:

камени < *kam-en-ns > kam-en-ns̥ > kamenins > kamenīns > [kamenį̄s] > kameni.

Что касается происхождения флексий у существительных с основой на -*ā (страны, землѩ), то данные формы не имеют общепризнанного объяснения. Но несомненно, что и здесь также выступала флексия [-*ns].

§ 106. Творительный падеж

В большинстве случаев в данной падежной форме в старославянском языке выступает окончание [-mī] -ми.: странами, костьми, сынъми, каменьми и т. д. Это окончание может восходить к [-*mis], на которое указывает литовский язык.

В основах на -*ŏ окончания твор. пад. мн. ч. в старославянском языке своеобразны и выступают в виде [-y] -ы и [-'i] -и: рабы, кони, селы, поли. Эти окончания не имеют общепризнанного объяснения. Ряд индоевропейских языков указывает на наличие здесь флексии [-*ois].

Чешский лингвист О. Гуйер так объясняет эти формы: первоначально из [-*ois] в мягких основах фонетически получилось [-i] (konjoi̯s > konjei̯s > kon'i, ст.-слав. кони). В твердых основах этому [-i] могло соответствовать только [-y] -ы: рабы.

§ 107. Местный падеж

Данный падеж имел в индоевропейском языке-основе флексию [-*sŭ]. На славянской почве она пережила качественное изменение в своем звучании: согласный [s] после и.-е. звуков [i], [u], [r], [k] переходил в [ch]. Поэтому в соответствии с [-*sŭ] у славян представлена флексия [-chъ], которая и употребляется в старославянском языке:

гостьхъ < *gost-ĭ-sŭ > gostьchъ;
сынъхъ < *sūn-ŭ-sŭ > synъchъ;
рабѣхъ < *orb-oi̯-sŭ > raběchъ и т. д.

Считают, что в формах рабѣхъ и конихъ гласные [ě] ѣ и [i] и (по происхождению из [oi̯]) возникли по аналогии с единственным числом. Ср. рабѣ < *orboi̯, кони < *konjoi̯.

У существительных с основой на -*ā окончание [-chъ] возникло по аналогии с формами местн. пад. мн. ч. других основ:

странахъ < *storn-ā-sŭ. Ср. костьхъ < *kost-ĭ-sŭ.

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 108. Им.-вин.-зват. падеж

Чаще всего данная форма образовывалась без особого окончания, путем удлинения тематического гласного:

-*ŏ: раба < *orb-ō > raba;
-*ĭ: гости < *gost-ī > gosti;
-*ŭ: сыны < *sūn-ū > syny.

В основах на -*ā и у существительных ср. р. с основой на -*ŏ в старославянском языке представлено окончание [-ě] -ѣ и [-i] -и: странѣ, земли, селѣ, поли.

Эти окончания возникли из дифтонга [oi̯] (ai̯)] (ср. рѫцѣ от рѫка). На наличие здесь дифтонга [oi̯] (или [ai̯]) указывает ряд индоевропейских языков.

Гласный [i] возник из дифтонга [oi̯], изменившегося после мягкого согласного в [ei̯]: ['oi̯] > ['ei̯] > ['i].

Существительные ср. р. с основой на согласный получили окончание [-ě] ѣ под влиянием основ на -*ŏ. Что касается форм существительных муж. и жен. р. с основой на согласный, то они точно не разъяснены, но считают, что они образованы под влиянием существительных с основой на -*ĭ.

§ 109. Родительный-местный падеж

Для данной падежной формы следует указать в индоевропейском языке-основе флексию [-*ou̯], которая на славянской почве фонетически закономерно давала флексию [-u] -оу. Она и встречается в старославянском языке:

рабоу < *orb-o-ou̯ > orbōu̯ > rabu;
гостию < *gost-ei̯-ou̯ > gostьi̯-ou̯ > gostĭi̯u (= gostĭju);
сынокоу < *sūn-ou̯-ou̯ > sūnovu > synovu и т. д.

§ 110. Дательный-творительный падеж

В этой форме в старославянском языке представлена флексия [-ma] -ма, перед которой сохранился тематический согласный основы. Например: рабома, странама, гостьма, сынъма и т. д. Однако происхождение этой флексии не вполне ясно.

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 111. В старославянском языке различались личные, возвратное, указательные, притяжательные, вопросительные, определительные, неопределенные и относительные местоимения.

Местоименное склонение противостояло именному склонению. В нем различалось склонение личных и склонение неличных местоимений.

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 112. В данном типе следует различать склонение местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения. В старославянском языке не было местоимения 3-го лица, и в его значении выступали указательные местоимения.

В отличие от существительных личные местоимения не различали категории рода. Характерной особенностью их являлось то, что при склонении личных местоимений в разных падежных формах выступали разные основы.

Единственное число

Им.	азъ	ты	—
Род.	мене	тебе	себе
Дат.	мьнѣ, ми	тебѣ, ти	себѣ, си
Вин.	мѧ, мене	тѧ, тебе	сѧ, себе
Твор.	мъноѭ	тобоѭ	собоѭ
Местн.	мьнѣ	тебѣ	себѣ

Множественное число

Им.	мы	вы
Род.	насъ	васъ
Дат.	намъ, ны	вамъ, вы
Вин.	ны, насъ	вы, васъ
Твор.	нами	вами
Местн.	насъ	васъ

Двойственное число

Им.	вѣ	ва
Вин.	на, ны	ва, вы
Род.-местн.	наю	ваю
Дат.-твор.	нама	вама

При изучении склонения местоимений 1-го и 2-го л. и возвратного местоимения следует обратить внимание на следующее:

1. Формы местоимений 1-го и 2-го л. и возвратного местоимения в дат. пад. ед. и мн. ч. (ми, ти, си, ны, вы) являются энклитическими, т. е. такими формами, которые в отношении ударения примыкали к предшествующему слову. При этом гласный в этих формах был по происхождению из дифтонга [oi̯] (ср. в греч. яз. moi, toi, Foi). Например, даждь ті г҃і по срьдьцю твоемоу — Син. пс. 23 $^{a}/_{5}$; въсі.. поророгашѧ мі сѧ — Син. пс. 25 $^{a}/_{8}$; (възлюбиши) ближьнѧго си — Сав. кн., Мф. V, 43.

2. Формы вин. пад. ед. ч. мѧ, тѧ, сѧ — давнего происхождения (при этом [ę] < [ēn (ēm)]. Ср. др.-прус. mien, tien, sien). Данные формы не употреблялись как энклитики и сохраняли самобытное значение в отношении ударения. Например, и мѧ единого оставите — Ас. ев., Сав. кн., Ио. XVI, 32 (мене — Зограф. ев., Мар. ев., Сав. кн.); на тѧ оупъвашѧ отьці наші — Син. пс. 25 $^{a}/_{5}$; и отъ въстаѭштіихъ на мѧ вьзнесеші мѧ: отъ мѫжа неправедьна избаві мѧ — Син. пс. 21 $^{a}/_{49}$.

Наряду с этими формами в значении вин. пад. ед. ч. встречаются и формы род. пад.: мене, тебе, себе.

Аналогичная картина наблюдается и в форме вин. пад. мн. ч., где употребляются не только старые формы ны, вы, но и формы род. пад. насъ, васъ. Например, и вы ижденѫтъ — Ас. ев., Ио. XV, 20 (васъ — в Мар. ев., Зогр. ев., Сав. кн.); пришелъ ли еси сѣмо прѣжде врѣмене мѫчитъ насъ — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. VIII, 29; аште ізгониши ны · повели намъ... Зогр. ев., Мар. ев., Мф. VIII, 31; г҃і с҃пі ц҃рѣ і оуслыші ны — Син. пс. 23 $^{б}/_{10}$.

Однако с предлогами обычно употребляются сокращенные формы: на мѧ, на ны, на тѧ, прѣдъ мѧ и т. д.

3. В Киевском миссале вместо им. пад. мн. ч. от местоимения 1-го л. мы встречается форма ны (шесть примеров), представляющая собой старый вин. пад. и осмысленная как форма им. пад., по-видимому, под влиянием форм им.-вин. пад. от местоимения 2-го л. вы.

4. В Синайской псалтыри и особенно в Синайском требнике господствующей формой от местоимения 1-го л. в род. пад. ед. ч. является мнѥ вместо мьнѥ. Предполагают, что эта форма была получена из моравского языка.

СКЛОНЕНИЕ НЕЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Неличные местоимения были очень развиты в старославянском языке.

Среди них можно выделить местоимения, различающие род и число, и местоимения, не различающие рода и числа. Неличные местоимения различают в своем склонении два варианта: твердый и мягкий.

Местоимения, различающие род и число

§ 113. По твердому варианту склонения изменялись такие местоимения, как тъ, -о, -а; овъ, -о, -а; онъ, -о, -а (указательные); такъ, -о, -а, какъ, -о, -а, ıакъ, -о, -а, вьсıакъ, -о, -а, сикъ, -о, -а, самъ, -о, -а (определительные); инъ, -о, -а, нѣкъ, -о, -а (неопределенные) и т. д.

По мягкому варианту изменялись указательные местоимения сь(сии), се, си; и(же), ıа(же), ıе(же); притяжательные мои, -ıе, -ıа; твои, -ıе, -ıа; свои, -ıе, -ıа; вашь, -е, -а; нашь, -е, -а; вопросительные чии, -ıе, -ıа и т. д.

Образец склонения

Единственное число

	муж. р.	ср. р.	ж. р.	муж. р.	ср. р.	ж. р.
Им.	тъ	то	та	и(же)	ıе(же)	ıа(же)
Род.	того		тоѩ	ıего		ıеѩ
Дат.	томоу		тои	ıемоу		ıеи
Вин.	тъ	то	тѫ	и	ıе	ѭ
Твор.	тѣмь		тоѭ	имь		ıеѭ
Местн.	томь		тои	ıемь		ıеи

Множественное число

Им.	ти	та	ты	(иже)	(ıаже)	(ѩже)
Род.	тѣхъ			ихъ		
Дат.	тѣмъ			имъ		
Вин.	ты	та	ты	ѩ	ıа	ѩ
Твор.	тѣми			ими		
Местн.	тѣхъ			ихъ		

Двойственное число

Им.-вин.	та тѣ тѣ	(ꙗже) (иже)	(ѥже)	
Род.-местн	тою	ѥю		
Дат.-твор.	тѣма	има		

Примечания:

1. Когда-то указательное местоимение (мягкий вариант) имело в им. пад. ед. ч. вид и[i < jь], ѥ[je], ꙗ[ja]. В старославянском языке это местоимение в таком виде не сохранилось и встречается в им. пад. ед. ч. только в сочетании с частицей же: иже, ѥже, ꙗже. Но в сочетании с частицей же данное местоимение получило значение относительного „который, -ое, -ая".

Аналогичная картина наблюдается в им. пад. мн. ч. и им. пад. дв. ч.

2. В вин. пад. ед. ч. муж. р. вместо формы и [i < jь] после предлога употреблялась форма нь [п'ь]: на нь, въ нь [vъп + jь > vъп'ь].

Указательные местоимения в старославянском языке в ряде случаев выполняли функцию отсутствующего личного местоимения 3-го л. Обычно в значении им. пад. для местоимения 3-го л. выступало указательное местоимение онъ, -о, -а, которое во всех других случаях сохраняло свое основное значение: онъ же отъврьже сѧ прѣдъ вьсѣми гл҃ѧ — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Мф. XXV, 70; по сихъ идє і҃съ на онъ полъ морѣ — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Ио. VI, 1.

В косвенных падежах для выражения лица брались соответствующие формы от указательных местоимений и(же), ѥ(же), ꙗ(же): и мъного паче вѣровашѧ за слово его — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Ио. IV. 41; питѣниѣ ихъ оумъножи · стада ихъ многоплодьна сътвори — Син. тр. 15 б/15–17; тъгда заплькашѧ лицє его · і пакости ѥмоу дѣашѧ — Мар. ев., Зогр. ев., Мф. XXVI, 67.

Употребление данных падежных форм с частицей жє придавало местоимению определительное значение: ...плоды ꙗже єси далъ намъ іхъже сънидоціѧ сѧ раби твои жатъ — Син. тр. 12 б/23–25; ...і дошєды на гробъ · із нєгожє вышєлъ єси на нб҃са — Син. тр. 39 а/22–24.

§ 114. Определительное местоимение вьсь имело смешанный тип склонения, где соединялись особенности твердого и мягкого варианта.

	Единственное число			Множественное число		
Им.	вьсь	вьсє	вьсꙗ	вьси	вьсꙗ	вьсѧ
Род.	вьсєго		вьсєѩ	вьсѣхъ		
Дат.	вьсємоу		вьсєи	вьсѣмъ		
Вин.	вьсь	вьсє	вьсѭ	вьсѧ	вьсꙗ	вьсѧ
Твор.	вьсѣмь		вьсєѭ	вьсѣми		
Местн.	вьсємь		вьсєи	вьсѣхъ		

Чередование мягкого и твердого варианта в склонении данного местоимения объясняется следующим. Старой основой данного местоимения является основа *vĭso- (ср. лит. vìsas). Отсюда сла-

вянские языки фонетически закономерно имеют основу vьcho-(где [ch] восходит к [s], изменившемуся в [ch] после гласного [i]). Согласный [ch] в этой основе после гласного [ь] палатализовался и изменился в мягкий [s'], после которого гласный заднего ряда передвинулся в передний ряд. В результате возникла основа vьs'e-. А отсюда появились уже формы типа vьs'ego < vьchogo, vьs'emu и т. д., т. е. возникали такие формы, которые изменялись по мягкому варианту склонения.

Что касается форм, образованных по твердому варианту склонения, то здесь происходило следующее (разберем это на форме твор. пад. ед. ч.): vьcho-imь > vьchoi̯mь > vьs'ěmь (гласный [i] в позиции после другого гласного становился неслоговым, возникал дифтонг [oi̯], который, монофтонгизируясь, давал [ě], а согласный [ch] перед этим [ě] палатализовался и изменился в [s']). Аналогичное явление наблюдается в формах род., дат., твор. и местн. пад. мн. ч.

§ 115. Вопросительное местоимение кыи издавна имело падежные формы разного образования: одни от основы koje-, другие — по типу сложных прилагательных.

	Единственное число		Множественное число	Двойственное число
Им.	кыи коѥ	каꙗ	ции каꙗ кыꙗ	Им.-вин. — — цѣи
Род.	коѥго	коѥꙗ	кыихъ	Дат.-твор. кыима
Дат.	ьоѥмоу	коѥи	кыимъ	
Вин.	кыи коѥ	коѭ, кѫѭ	кыꙗ каꙗ кыꙗ	
Твор.	кыимь	коѥѭ	кыими	
Местн.	коѥмь	коѥи	кыихъ	

Для двойственного числа засвидетельствована только форма вин. пад. жен. р. и твор. пад. Обе формы встречаются в Супрасльской рукописи (первая — Супр. 431_{19}, вторая — Супр. 40_{10}). Наряду с местоимением кыи употребляется местоимение которыи: которыи же отъ сею — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Лук. XVII, 7; котораго отъ седми... Мар. ев., Мф. XXII, 28.

В Супрасльской рукописи встречаются также формы от вопросительного местоимения кыи в значении относительного местоимения наряду с иже: ни сами ціі сътвориша идолы оть нѥѩ — 485_{12}; борьцѩ прѣдъплѣчьныѩ цие напльнѣатъ тръжтъ — 93_{27-29}.

МЕСТОИМЕНИЯ, НЕ РАЗЛИЧАЮЩИЕ РОДА И ЧИСЛА

§ 116. К числу этих местоимений относились вопросительные местоимения къто и чьто. Первое из них изменялось по твердому варианту склонения, а второе — по мягкому.

Им.	къто	чьто
Род.	кого	чесо, чьсо, чесого, чьсого

Дат.	комоу	чесомоу, чьсомоу, чемоу
Вин.	кого	чьто
Твор.	цѣмь	чимь
Местн.	комь	чемь чесомь

При этом слéдует обратить внимание на следующее:

1. Форма твор. пад. цѣмь возникла из *ko-ımь > koįmь > c'ěmь. (Дифтонг [oį], монофтонгизируясь, давал гласный [ě], перед которым задненебный согласный [к] подвергался смягчению, т. е. палатализовался, изменяясь в [c'].)

2. У местоимения кыто в значении вин. пад. издавна выступала форма род. пад. кого.

3. В форме род. пад. чесо сохранилась древняя индоевропейская флексия [*-so].

Форма род. пад. чьсо является новообразованием, проникшим в старославянский язык из речи мораван и возникшим, как предполагают, из формы чесо при быстром темпе речи путем ослабления безударного [е] или вследствие подражания [ь] в форме чьто.

В дальнейшем форма чесо или чьсо стала восприниматься как основа и начала оформляться падежными окончаниями. Таково происхождение форм чесого (чьсого), чесомоу (чьсомоу), чесомь.

4. Сочетание местоимений кыто и чьто с нѣ в начале слова приводило к образованию неопределенных местоимений: нѣкыто, нѣчьто, а соединение местоимений кыто и чьто с отрицанием ни — к образованию отрицательных местоимений никыто, ничьто.

К отрицательным местоимениям очень часто присоединялась частица же: никытоже, ничьтоже. Если эти неопределенные или отрицательные местоимения употреблялись с предлогами, то предлог всегда ставился после нѣ- и ни-: нѣ отъ кого, ни о комь же, ни о чемь же, ни къ комоу же и т. д.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 117. Прилагательные, употреблявшиеся в старославянском языке, по своему значению могли быть качественными, относительными и притяжательными.

При образовании прилагательных в зависимости от их значения использовались следующие суффиксы:

1. Качественные прилагательные могли быть образованы посредством суффиксов:

а) -о (который в им. пад. ед. ч. у прилагательных муж. р. выступает в виде -ъ): глоухъ — твор. пад. ед. ч. глоух-о-мь (ср. оглъхнѫти), соухъ — твор. пад. ед. ч. соух-о-мь (ср. съхнѫти), слѣпъ — твор. пад. ед. ч. слѣп-о-мь (ср. осльпнѫти) и т. д.

б) -окъ, -ъкъ, -ькъ: высокъ (ср. възвысити сѧ), жестокъ (ср. ожестити), глѫбокъ (ср. глѫбина), гладъкъ (ср. гладити), сладъкъ (ср. насладити), кротъкъ (ср. кротость), тѧжькъ (ср. отѧжати) и т. д.

в) -lъ, -elъ, -ыlъ: кръглъ (ср. кржгъ), кысєлъ (кыснѫти), свѣтьлъ (ср. свѣтъ, свѣтити) и т. д.

2) Относительные прилагательные в основном образовались посредством следующих суффиксов:

а) -ьnь: вѣрьнъ (ср. вѣра), брачьнъ (ср. бракъ), законьнъ (ср. законъ), црькъвьнъ (ср. црькы, род. пад. ед. ч. црькъвє), истиньнъ (ср. истина), чьстьнъ (ср. чьсть) и т. д.

б) -ěnъ < ēnъ (или *-anъ): дрѣвѣнъ (ср. дрѣво), кожанъ (ср. кожа), мождань [moždanъ] < mozgēnъ (ср. мозгъ), власѣнъ (ср. власъ) и т. д.

в) -itъ, -ovitъ: маститъ (ср. мась), именитъ (ср. имѧ, род. пад. ед. ч. имене), домовитъ (ср. домъ), плодовитъ (ср. плодъ).

г) -atъ: крилатъ (ср. крило), оустатъ (ср. оуста).

3) Притяжательные прилагательные образовывались посредством следующих суффиксов:

а) -ovъ (-'evъ): авраамовъ (ср. авраамъ), змиєвъ (ср. змии) [zmii] < < zmijь), игемоновъ (ср. игемонъ).

б) -jь > -'ь: чловѣчь [č'lověč'ь] < č'lověkjь (ср. чловѣкъ), Авраамль [avraaml'ь] < avraamjь (ср. Авраамъ), отьчь [otьč'ь] < otьkjь (ср. отьць < otьkъ).

в) -ьjь- > -ii: божии [bož'ii] < bogьjь (ср. богъ), рабии (ср. рабъ), пьсии (ср. пьсъ), вражии [vraž'ii] < vorgьjь (ср. врагъ).

г) -inъ: воєводинъ (ср. воєвода), сотонинъ (ср. сотона), голѫбинъ (ср. голѫбь).

§ 118. Имена прилагательные в старославянском языке выступают в двух видах: новъ, ново, нова / и новъи(-ыи), новоє, новаꙗ. Прилагательные первого вида называют краткими, именными или нечленными, а прилагательные второго вида — полными, местоименными или членными.

Наличие двух форм прилагательных, краткой и полной, было в прошлом свойственно всем славянским языкам. Однако не все из них сохранили эту характерную для общеславянского языка-основы особенность. Так, западнославянские языки почти полностью утратили краткие формы прилагательных, в восточнославянских (в русском языке) они сохранились только в предикативной функции (как именная часть сказуемого), и только южнославянские языки (и именно сербохорватский и словенский) до сих пор сохраняют в известной мере прежнее соотношение кратких и полных форм прилагательных.

Старославянский язык полнее других отражает исконное соотношение кратких и полных форм прилагательных и дает достаточно ясное представление о их первоначальном значении.

Прилагательные в старославянском языке могли выступать в атрибутивной и предикативной функции.

Краткие и полные формы прилагательных в атрибутивной функции выражали отношения определенности того существительного, к которому относится прилагательное. При этом полная форма указывала на то, что предмет, к которому относилось прилага-

тельное, выделен из общего числа ему подобных предметов, обладающих тем же качеством, индивидуализирован и воспринимается как единственный в своем роде, отличный от множества равных ему по роду. Краткая форма прилагательных чаще всего просто указывала на то или иное свойство (качество) предмета, не давая ему при этом какой-либо дополнительной характеристики. Что касается предикативной функции прилагательных, то во всех случаях в старославянском языке в этой функции достаточно последовательно выступала краткая форма прилагательных.

Краткие прилагательные очень рано распались по категориям рода и в связи с этим получили в своих основах родовые суффиксы: для мужского и среднего рода — *-ŏ (*-jŏ), для женского рода — *-ā(*-jā).

Это привело к тому, что краткие прилагательные в старославянском языке изменялись по падежам так же, как и существительные с теми же основами. Следовательно, краткие прилагательные мужского и среднего рода изменялись по типу склонения существительных с основой на *-ŏ (*-jo); краткие прилагательные женского рода — по типу склонения существительных с основой на *-ā (-*jā).

Флексии кратких прилагательных не зависели от того, к какому типу склонения относилось поясняемое ими существительное. Например:

Ед. ч. Им. новъ домъ
Род. нова домоу
Дат. новоу домови и т. д.

Звательная форма у прилагательных обычно совпадала с формой именительного падежа ед. ч., хотя наряду с этим встречаются формы, где краткие прилагательные муж. р. в ед. ч. получали в зват. форме окончание [-е]. Например, фарисєю слѣпє — Зогр. ев., Мф. XXIII, 26. Однако чаще в звательной форме у прилагательных муж. р. употреблялась форма полного прилагательного в им. падеже: рабє лѫкавы — Зогр. ев., Мф. XVIII, 32; оучитєлю благы — Зогр. ев., Лук. XVIII, 18. Имеются случаи, когда в зват. форме у прилагательных муж. р. одновременно употребляются обе формы: добры рабє благы вѣрьнє — Зогр. ев. XXV, 23 (ср. добры рабє благы·і вѣрьны — Зогр. ев., Мф. XXV, 21), Син. тр. 83а/2-3.

§ 119. Полные формы прилагательных образовывались путем присоединения к именному прилагательному соответствующей падежной формы от указательного местоимения и(жє), ꙗ(жє), ѥ(жє). Однако еще в общеславянском языке-основе соотношение между именным прилагательным и местоимением вследствие различных звуковых изменений и подравниваний сделалось неясным.

В старославянском языке при образовании падежных форм полных прилагательных можно наблюдать следующее:

1. К падежной форме именного прилагательного присоединялась соответствующая падежная форма указательного местоимения:

Муж. р. ед. ч. Им. новъ-и тъшть-и
Род. нова-ѥго тъшта-ѥго
Дат. новоу-ѥмоу тъштоу-ѥмоу и т. д.

2. К падежной форме именного прилагательного присоединялась флексия от указательного местоимения:

Жен. р. ед. ч. Род. новы-ѩ вм. новы-ѥѩ
тъштѧ-ѩ вм. тъштѧ-ѥѩ
Дат. новѣи вм. новѣ-ѥи
тъшти-и вм. тъшти-ѥи и т. д.

3. К основе именного прилагательного присоединялся соединительный гласный [у] ы или [i] и, если основа оканчивалась на мягкий согласный, и соответствующая падежная форма от указательного местоимения:

Муж. р. ед. ч. Твор. нов-ы-имь вм. новомь-имь, тъшт-и-имь вм. тъштємь-имь;

Мн. ч. Местн. нов-ы-ихъ вм. новѣхъ-ихъ, тъшт-и-нхъ вм. тъштихъ-нхъ и т. д.

Исключение составляет образование формы полных прилагательных жен. р. в твор. пад. ед. ч., где имеется случай неразличения формы кратких и полных прилагательных:
краткое прилагательное новоѭ тъштєѭ,
полное прилагательное новоѭ тъштєѭ.

§ 120. Образцы склонения полных прилагательных

Единственное число

	муж. р.	ср. р.	ж. р.	муж. р.	ср. р.	ж. р.
Им.-зват.	новъи(-ыи)	новоѥ	новаꙗ	тъштьи(-ии)	тъштєѥ	тъштаꙗ
Род.	новаѥго		новыѩ	тъштаѥго		тъштѧѩ
Дат.	новоуѥмоу		новѣи	тъштоуѥмоу		тъштии
Вин.	новъи(-ыи)	новоѥ	новѫѭ	тъштьи(-ии)	тъштєѥ	тъштѫѭ
Твор.	новыимь		новѫѭ, новоѭ	тъштиимь		тъштѫѭ, тъштєѭ
Местн.	новѣѥмь		новѣи	тъштиѥмь		тъштии

Множественное число

Им.	новии	новаꙗ	новыѩ	тъштии	тъштаꙗ	тъштѧѩ
Род.	новыихъ			тъштиихъ		
Дат.	новыимъ			тъштиимъ		
Вин.	новыѩ	новаꙗ	новыꙗ	тъштѧѩ	тъштаꙗ	тъштѧѩ

Твор.	новыими			тъштиими		
Местн	новыихъ			тъштиихъ		

Двойственное число

Им.-вин.	новаꙗ	новѣи	новѣи	тъштаꙗ	тъштии	тъштии
Род.-местн.	новоую			тъштѥю		
Дат.-твор.	новыима			тъштиима		

В дальнейшем в некоторых падежных формах полных прилагательных началось взаимодействие между окончанием именного прилагательного и начальной частью указательного местоимения, приведшее к выработке совершенно своеобразных падежных окончаний.

Так, например, наряду с формой род. ед. новаѥго можно встретить формы новааго, новаго; наряду с формой дат. ед. ч. новоуѥмоу — форму новоуоумоу, новоумоу и т. д.

Возникновение этих падежных форм явилось следствием утраты [j] в интервокальном положении, ассимиляции гласных и, наконец, их дальнейшего стяжения, т. е.

[aje] > [ae] > [aa] > [a], [ije] > [ie] > [ii] > [i],
[uje] > [ue] > [uu] > [u]. [yji] > [yi] > [y].
[ěje] > [ěe] > [ěě] > [ě]

Однако количественное соотношение между старыми и новыми формами полных прилагательных в разных старославянских памятниках неодинаково даже в одних и тех же падежах. Особенно часты стяженные формы в Саввиной книге.

В ряде старославянских памятников отразился процесс нового образования форм полных прилагательных под влиянием местоимений. Например, живого (Сав. кн.), благовѣрномоу (Ас. ев.), нбсъномоу (Син. тр.), стомоу (л. Ундол.) (ср. того, кого, томоу, комоу и т. п.). Именно в таком направлении проходил процесс воздействия местоименных форм на формы прилагательных в восточнославянских языках.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ

§ 121. Прилагательные, обозначавшие признак или качество предмета, могли иметь степени сравнения.

Суффиксами сравнительной степени в общеславянском языке-основе являлись -jьs-(-jes-) и -ē-jьs-(-ē-jes-).

Суффиксы -jьs- и -jes- при образовании сравнительной степени присоединялись к основе тех бессуффиксальных прилагательных, которые имели на корневом слоге нисходящую интонацию. При этом суффикс -jes- входил в образование основы только для им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. Для всех других форм основа образовывалась с помощью суффикса -jьs-.

Например, при образовании им. пад. ед. ч. сравн. степени от прилагательных chudъ, suchъ, moldъ (ст.-слав. хоудъ, соухъ, младъ) наблюдалось chudjьs-, chudjes-; suchjьs-, suchjes-; mol-djьs-, moldjes-.

Конечный согласный [s] по закону открытого слога был утрачен; [j] ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его. В результате в болгарской языковой группе в форме им. пад. ед. ч. ср. рода возникали формы: chudjes > chužd'e (ст.-слав. хоужде); suchjes > suš'e (ст.-слав. соуше); moldjes > mlažd'e (ст.-слав. млажде).

К форме им. пад. ед. ч. муж. р. был прибавлен еще гласный [i], по-видимому, под влиянием тех форм сравн. степени муж. р., которые образовывались с помощью суффикса -ē-jьs-; например: chudjьs > chužd'ь + i > chužd'ii (ст.-слав. хоуждии) (редуцированный [ь] ассимилировался последующему гласному [i], в результате чего возник редуцированный [ĭ]); suchjьs > suš'ь + i > suš'ĭi > suš'ii (ст.-слав. соушии); moldjьs > mlažd'ь + i > mlažd'ii > mlažd'ii (ст.-слав. млаждии).

В косвенных падежах основа мужского и среднего рода была осложнена суффиксом -*jŏ. Это привело к тому, что прилагательные в сравн. степени муж. и ср. р. получили те же падежные окончания, что и существительные с основой на -*jŏ. Например, образование вин. пад. ед. ч. муж. р. можно представить так:

chudjьs-jŏ-n > chudjьsjŭn > chužd'ьš'ьn > chužd'ьš'ь. (Гласный [ŏ] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, в результате чего возникал [ŭ], который давал у славян [ъ]. Согл. [j] ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его: [dj] > [žd'], [sj] > [š']. Конечный согласный [n] утрачивался по закону открытого слога, а вместо [ъ] после мягкого согласного возникал [ь]).

Основа сравн. степени прилагательных жен. р. была осложнена суффиксом *-jā. В им. пад. ед. ч. был представлен ослабленный вид этого суффикса в виде -jī: chudjьs-jī > chužd'ьš'i. (Ср. вин. ед. chudjьs-jā-m > chužd'ьš'ǫ).

Дифтонгическое сочетание [ām], монофтонгизируясь, давало [ǫ]. Согласный [j] смягчал предшествующий согласный: [dj] > [žd'], [sj] > [š'].

Формы сравн. степени с суффиксом -jьs-(-jes-) могли образовываться также и от тех прилагательных, которые в положительной степени были осложнены суффиксами -окъ, -ъкъ или -ькъ: высокъ, низъкъ, крѣпъкъ, горькъ и т. д.

Однако при образовании сравн. степени эти суффиксы опускались, а суффикс -jьs-(-jes-) присоединялся непосредственно к корню:

Им. пад. ед. ч. муж. р. vys-jьs > vyš'ь + i > vyš'ĭi > vyš'ii, ст.-слав. вышии;

Им. пад. ед. ч. ср. р. vys-jes > vyš'e, ст.-слав. выше;

Им. пад. ед. ч. жен. р. vys-jьs-jī > vyš'ьš'i, ст.-слав. вышьши.

Формы сравн. степени с суффиксом ē-jьs-(ē-jes-) образовывались как от бессуффиксальных прилагательных, имевших на корневом слоге восходящую интонацию, так и от суффиксальных прилагательных, входивших вместе со своими суффиксальными элементами в состав основы сравн. степени.

Например:

от слабъ:	slab-ē-jьs > slaběi,	ст.-слав. слабѣи;
	slab-ē-jes > slaběje,	ст.-слав. слабѣѥ;
	slab-ē-jьs-jī > slaběiš'i,	ст.-слав. слабѣиши;
от добръ:	dobr-ē-jьs > dobrěj,	ст.-слав. добрѣи;
	dobr-ē-jes > dobrěje,	ст.-слав. добрѣѥ,
	dobr-ē-jьs-jī > dobrěiš'i,	ст.-слав. добрѣиши;
от мъногъ:	mъnog-ē-jьs > mъnož'ai,	ст.-слав. мъножаи;
	mъnog-ē-jes > mъnož'aje,	ст.-слав. мъножаѥ;
	mъnog-ē-jьs-jī > mъnož'aiš'i,	ст.-слав. мъножаиши;
от горькъ:	gorьk-ē-jьs > gorьč'ai,	ст.-слав. горьчаи;
	gorьk-ē-jes > gorьč'aje,	ст.-слав. горьчаѥ,
	gorьk-ējьs-jī > gorьč'aiš'i,	ст.-слав. горьчаиши;
от мѧкъкъ:	mękьk-ē-jьs > mękъč'ai,	ст.-слав. мѧкъчаи;
	mękъk-ē-jes > mękъč'aje,	ст.-слав. мѧкъчаѥ;
	mękъk-ē-jьs-jī > mękъč'aiš'i,	ст.-слав. мѧкъчаиши

и т. д.

Следовательно, при образовании форм сравнительной степени с суффиксом ē-jьs-(ē-jēs-) задненёбные согласные смягчались перед [ē] в шипящие, а после шипящих [ē] > [a].

§ 122. У некоторых прилагательных сравн. степень образовывалась (или могла образовываться) от другой основы. Например:

	муж. р.	жен. р.	ср. р.
малъ:	мьнии	мьньши	мьниѥ, мьньше
великъ:	болии	больши	болѥ, больше
мъногъ:	вѧштии	вѧштии	вѧштьше
благъ:	лоучии	лоучьши	лоучѥ, лоучьше
добръ:	оуннии	оуньши	оуньше
злъ:	гории	горьши	горьше
	поуштии	поуштьши	поуштьше

Образец склонения

Единственное число

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. ср.
Им.	болии	болѥ	больши
Род.	больша		большѧ
Дат.	большоу		больши
Вин.	лоучьшь, болии	болѥ, больше	большѫ

Твор.	большемь	большеѭ
Мест	больши	больши

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.	мъножаи	мъножаѥ	мъножаиши
Род.	мъножаиша		мъножаишѧ
Дат.	мъножаишоу		мъножаиши
Вин.	мъножаи	мъножаѥ	мъножаишѫ
Твор.	мъножаишемь		мъножаишеѭ
Местн.	мъножаиши		мъножаиши

Множественное число

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.	больше	больша	большѧ
Род.	большь		большь
Дат.	большемъ		большамъ
Вин.	большѧ	больша	большѧ
Твор.	больши		большами
Мест.	большихъ		большахъ

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.	мъножаише	мъножаиша	мъножаишѧ
Род.	мъножаишь		мъножаишь
Дат.	мъножаишемъ		мъножаишамъ
Вин.	мъножаишѧ	мъножаиша	мъножаишѧ
Твор.	мъножаиши		мъножаишами
Местн.	мъножаишихъ		мъножаишахъ

Двойственное число

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.-вин.	больша	больши	больши
Род.-местн.	большоу		
Дат.-твор.	большема		большама

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Им.-вин.	мъножаиша	мъножаиши	мъножаиши
Род.-местн.	мъножаишоу		
Дат.-твор.	мъножаишема		мъножаишама

При изучении склонения кратких форм прилагательных в сравнительной степени следует обратить внимание на следующее:

1. Наряду с формой болии встречается форма больи, где буквами и и ь передается редуцированный [ĭ].

2. Им. пад. мн. ч. муж. р. сохранил старое окончание основ на согласный — [е]: мьньше, больше, добрѣише, мъножаише и т. д.

Наряду с этим окончанием начинает конкурировать новое окончание [-i] -и, которое становится преобладающим в Ассеманиевом евангелии и Супрасльской рукописи.

3. В им. и вин. пад. мн. ч. ср. р. наряду с обычными формами на [-š'а]-ша встречаются также формы на [-š'i] -ши: больши — Супр. рук. 23_{12}, горьши — Зогр. ев., Лук. XI, 26.

4. Вин. пад. ед. ч. муж. р. имеет обычно форму, совпадающую с им. пад., или форму, совпадающую с род. пад., при существительных, обозначавших одушевленные предметы: болии грѣхъ — Мар. ев., Ио. XIX, 11; отьца ... старѣиша — Супр. 278_{15}. Особое окончание [-ьš'ь]-ьшь засвидетельствовано только в сб. Клоца.

От болии вин. пад. в виде большь не встречается. Употребляется или форма болии или лоучьшь.

5. В вин. пад. ед. ч. ср. р. наряду с формами добрѣѥ, мьнѥ, болѥ, чьстънѣѥ встречаются иногда формы с окончанием -ьš'е или -iš'е (-ьше или ише): чьстьнѣише — Супр. 74_1, больше — Супр. 407_6 и т. д. Эта же форма проникает иногда и в им. пад. ед. ч.

§ 123. Полные формы сравнительной степени образовывались путем прибавления к краткой форме прилагательного в сравнительной степени соответствующей падежной формы от указательного местоимения и(же), ꙗ(же), ѥ(же) (см. раздел об образовании полных прилагательных § 119).

Им. ед.	болии	большеѥ	болѥѥ	большиꙗ	мъножаи	мъножаишеѥ	мъножаишиꙗ
	большаѥго			большаꙗ		мъножаишаѥго	мъножаишаꙗ
	большоуѥмоу			большии		мъножаишоуѥмоу	мъножаишии

и т. д. (см. раздел о склонении полных прилагат. § 120).

Им. пад. ед. ч. муж. р. у полных форм сравн. степени прилагательных не отличается от кратких форм и имеет те же варианты в окончании -ии, -ьи: болии, больи.

Им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. оканчивается обычно на [-š'еjе]-шеѥ: большеѥ, чьстьнѣишеѥ. Наряду с этим встречаются формы типа болѥѥ, горѥѥ, вышеѥ, тачаѥ.

Им. п. мн. ч. муж. р. представлен формой на [-ьš'ii̯] -ьшии: мъножѣишиі — Зогр. ев., Мф. XXI, 8, горьшии — Супр. 385_{30} и т. д. В более поздних памятниках она не засвидетельствована, почему отсутствует и ожидаемая форма на [-š'еi]-шеи.

Форма им.-вин. пад. мн. ч. ср. р. встречается очень редко.

Приставка наи- могла усиливать сравнительную степень, придавая ей значение превосходной: наиѩште, наискорѣѥ, наидобѣѥ, наистарѣѥ. Однако подобные формы очень редки в старославянских памятниках.

Превосходная степень могла передаваться также описательно: вьсѣхъ мьнии, вьсѣхъ нечистѣише.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 124. В старославянском языке различались количественные порядковые и собирательные числительные.

§ 125. Т а б л и ц а к о л и ч е с т в е н н ы х и п о р я д к о в ы х ч и с л и т е л ь н ы х.

Количественные числительные	Порядковые числительные
1. ѥдинъ, ѥдьнъ -о, -а	прьвъ, -о, -а
2. дъва муж. р., дъвѣ — ср. и жен. р.	въторъ, -о, -а
3. триѥ (трьѥ) — муж. р., три — ср. и жен. р.	третии (-тьи), -ѥѥ, -ꙗꙗ
4. четыре — муж. р., четыри — ср. и жен. р.	четврьтъ, -о, -а
5. пѧть	пѧтъ, -о, -а
6. шесть	шестъ, -о, -а
7. седмь	седмъ, -о, -а
8. осмь	осьмъ, -о, -а
9. девѧть	девѧтъ, -о, -а
10. десѧть	десѧтъ, -о, -а
11. ѥдинъ (-о, -а) на десѧте	прьвъ на десѧте, ѥдинадесѧтъ
12. дъва на десѧте	въторъ на десѧте, дъванадесѧтъ, дъванадесѧтьнъ
13. триѥ (три) на десѧте	трии на десѧте, тринадесѧтъ
14. четыре (-ри) на десѧте и т. д.	четыренадесѧтъ, четыренадесѧтьнъ и т. д.
20. дъвадесѧти	дъвадесѧтъ, дъвадесѧтьнъ, дъводесѧтъ
30. тридесѧти (-те)	тридесѧтьнъ
40. четыре (-ри) десѧте (-ти)	четыредесѧтъ, четыредесѧтьнъ
50. пѧтьдесѧтъ	пѧтьдесѧтъ, пѧтьдесѧтьнъ
60. шестьдесѧтъ	шестьдесѧтъ
70. седмьдесѧтъ	седмодесѧтьнъ, седмьдесѧтьнъ
80. осмьдесѧтъ	осмьдесѧтъ, осмьдесѧтьнъ
90. девѧтьдесѧтъ	девѧтьдесѧтъ, девѧтьдесѧтьнъ
100. съто	сътьнъ
200. дъвѣ сътѣ	дъвосътьнъ
300. три съта и т. д.	трисътьнъ и т. д.
1000. тысѧшта (тысѫшта)	тысѧштьнъ (тысѫштьнъ)
10 000. тьма, несъвѣда	

Для названия „10 000“ употребляли имена тьма — „темнота“ или несъвѣда — „непонятность“. Эти же имена употреблялись в значении „бесчисленное количество“.

§ 126. Склонение количественных числительных. Числительное ѥдинъ, -о, -а склонялось по типу указательных местоимений тъ, то, та:

		Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	
Ед. ч.	Им.	ѥдинъ	ѥдино	ѥдина	
	Род.	ѥдиного	ѥдиного	ѥдинoѧ	
	Дат.	ѥдиномоу	ѥдиномоу	ѥдинои	и т. д.

Числительные дъва, триѥ, четыре с различением грамматического рода имели при склонении следующие формы:

	Муж. р.	Ср. р	Жен. р.
Им.-вин.	дъва	дъвѣ	дъвѣ
Род.-местн.		дъвою	
Дат.-твор.		дъвѣма	
Им.	триѥ (трьѥ)	три	три
Род.		трии (трьи)	
Дат.		трьмъ, тремъ	
Вин.		три	
Твор.		трьми	
Местн.		трьхъ, трехъ	
Им. четыре	четыри		четыри
Род.	четыръ, четырь		
Дат.	четырьмъ, четыремъ		
Вин.	четыри		
Твор.	четырьми		
Местн.	четырьхъ, четырехъ		

Как показывают приведенные формы склонения этих числительных, числительное дъва для муж. р. и дъвѣ для ср. и жен. р. имело только формы двойственного числа и изменялось по типу склонения указательных местоимений тъ, то, та.

Числительные триѥ для муж. р., три для ср. и жен. р. и четыре для муж. р., четыри для ср. и жен. р. имели формы множественного числа. При этом первое из них склонялось по типу основ на -*ĭ, а второе — по типу основ на согласный.

Числительные от ѥдинъ до четыре выступали как прилагательные, согласуясь с именем, которое они сопровождали: ѥдинъ чловѣкъ, дъва чловѣка, триѥ, четыре чловѣци.

Количественные числительные от пѧть до десѧть включительно являлись именами с основой на -*ĭ, производными от соответствующих порядковых числительных пѧтъ, шестъ, седмъ, осмъ, десѧтъ и склонялись так же, как существительные гость, кость в ед. ч., сопровождаясь в качестве дополнения существительными в форме род. п. мн. ч.

§ 127. Числительное десѧть изменялось в целом по основам на согласный.

	Единственное число	Множественное число
Им.	десѧть	десѧте, десѧти
Род.	(десѧте), десѧти	десѧтъ
Дат.	десѧти	десѧтьмъ, десѧтемъ
Вин.	десѧть	десѧти
Твор.	десѧтиѭ, десѧтьѭ	десѧты
Местн.	десѧте, десѧти	десѧтьхъ, десѧтехъ

Двойственное число

Им.-вин.	десѧти (десѧтѣ)
Род.-местн.	(десѧтоу)
Дат.-твор.	десѧтьма

Существительное, связанное с числительным десѧть, стоит при нем в род. пад. мн. ч.

У числительных от 11 до 19 склонялись только единицы, за которыми следовало застывшее выражение на десѧте. Поэтому имена существительные, связанные с этими числительными, как правило, согласовывались с числительным, обозначавшим единицы. Например, дъва на десѧте оученика, четыре на десѧте оученици, пѧть на десѧте оученикъ и т. д.

Числительное съто изменялось так же, как существительные ср. р. с основой на -*ŏ: род. ед. съта, дат. ед. сътоу и т. д., а числительные тьма и тысѧшта (тысѫшта) изменялись по типу имен с основой на *-а (при этом второе из них — по мягкому варианту данного склонения): род. ед. тьмы, тысѧштѧ, дат. ед. тьмѣ, тысѧшти и т. д.

§ 128. Сложные числительные образовывались из простых путем соединения их союзом и или ти: съто и пѧтьдесѧтъ и три — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Ио. XXI, 11; четыри десѧти ти шесть — Супр. 177_{20}; дъва десѧти і пѧть — Зогр. ев., Ио. VI, 19.

Существительное, связанное со сложным числительным, согласуется с последней его частью: дъва десѧти і пѧть стадиі — Зогр. ев., Ио. VI, 19. Но существительное могло выступать также в качестве приложения к числительному, и тогда оно согласовывалось с ним в падеже: о девѧти десѧтъ и девѧти праведъницѣхъ — Мар. ев., Лук. XV, 7.

В связи с тем, что система числительных с их различными по происхождению и построению элементами являлась очень сложной, в старославянском языке уже с самого начала появилась тенденция к ее упрощению. Так, срастается и перестает склоняться группа дъвадесѧти. В связи с чем, например, в род. пад. можно встретить: двадесѧти ти пѧти — Супр. 230_{12}. То же самое наблюдается

и в отношении три десяти в местном падеже: по девяти сътъ и тридесяти — Супр. 9_{28}.

С другой стороны, при склонении сложного числительного в род. пад. начинает наблюдаться тенденция склонять только первую его часть, например, девяти десятъ і девять — Зогр. ев., Лук. XV, 4; Ас. ев., Мф. XVIII, 12.

§ 129. Порядковые числительные представляли собой формы прилагательных и изменялись по основам на -*ŏ в муж. и ср. р. и по основам на -*ā в жен. р. Например, ед. ч. им. пад. девятъ, род. пад. девята, дат. пад. девятоу и т. д.

Значительно чаще в памятниках старославянской письменности порядковые числительные встречаются в полной форме. Например, ед. ч. им. пад. девятъи, род. пад. девятаего, дат. пад. девятоуемоу и т. д.

Сложные порядковые числительные образовывались от простых порядковых путем соединения их союзом и или ти: седмьдесятъное и девятое — Супр. 295_{6}, а также без союза: сътънааго четврьтааго — Супр. 302_{19}.

При образовании основы порядковых числительных название единиц иногда было представлено с тематическим гласным [о]: дъвонадесятьнъ, осмонадесятьнъ, дъводесятъ и др.

§ 130. Собирательные числительные в ед. ч. выступали в ср. р., а во мн. и дв. ч. имели формы всех трех родов. В ед. ч. они были представлены формами дъвое и обое, трое, четворо, пяторо, шесторо, седморо, осморо, девяторо, десяторо.

Собирательные числительные дъвое, обое, трое изменялись по местоименному склонению; например, в ед. ч. род. пад. двоего, обоего, троего, дат. пад. двоемоу, обоемоу, троемоу и т. д., а от четворо до десятеро — по именному склонению, т. е. они склонялись так же, как краткие (именные) формы прилагательных; например, род. пад. ед. ч. четвора, пятора, десятора и т. д.

Если при собирательном числительном было представлено собирательное существительное, то тогда числительное употреблялось в ед. ч., а согласованное с ним собирательное существительное имело форму род. пад.: десяторо братия — Супр. 279_{15}. Если собирательные числительные употреблялись во мн. или дв. ч., то согласованное с ними существительное ставилось в том же числе; например, вин. пад. мн. ч. прьсты... обоя, ржчьныя и ножьныя — Супр. 268_{4}; им. пад. мн. ч. дъвоі людье — сб. Кл. I, 840—841; твор. пад. мн. ч. веригами двоими — Супр. 146_{5}, дв. ч. обои выкаете пастѣ — Супр. 417_{29}.

ГЛАГОЛ

§ 131. В области глагольной системы для старославянского языка были характерны те же наклонения, которые есть и в современном русском языке, т. е. изъявительное, повелительное, условное. Однако формы времени старославянского языка суще-

ственно отличались от современных русских форм. Так, например, прошедшее время было представлено четырьмя формами, из которых две служили для передачи простого прошедшего (аорист и имперфект), а две употреблялись для передачи сложного прошедшего времени (перфект и плюсквамперфект).

Старославянский глагол имел ту же категорию числа, что и имя — единственное, множественное и двойственное.

Спрягаемые глагольные формы изменялись по лицам, которых, как и в современном русском языке, было три. Старославянский язык располагал целым рядом неспрягаемых глагольных форм, которые или склонялись (причастия) или представляли собой несклоняемые застывшие падежные формы (инфинитив и супин).

В отношении категории вида все глаголы старославянского языка распались на две основные группы: глаголы имперфективные и глаголы перфективные. Имперфективные глаголы — это глаголы, выражающие длительное действие (например, **творити, дѣлати**). Перфективные глаголы — это глаголы, которые обозначают действие, находящееся в определенном отношении к законченности или с оттенком законченности (например, **сътворити, сьдѣлати**). Категория вида в старославянском языке только еще складывалась, поэтому видовые отношения там зачастую передавались формами времени. Так, например, аорист, обозначавший действие точечное, непротяженное, указывал на совершенность действия, а имперфект, передававший действие линейное, протяженное, указывал на несовершенность действия.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

§ 132. Глагольные формы в старославянском языке могли образовываться от двух основ: от основы настоящего времени и от основы инфинитива. О т о с н о в ы н а с т о я щ е г о в р е м е н и в старославянском языке образовались настоящее время, повелительное наклонение, причастия настоящего времени.

Обычно основу настоящего времени выделяют или по форме 2-го л. ед. ч. настоящего времени или по форме 3-го л. мн. ч.

О т о с н о в ы и н ф и н и т и в а образовывались имперфект, аорист, причастия прошедшего времени, инфинитив, супин.

Основу инфинитива выделяют путем отбрасывания от формы инфинитива суффикса [-ti] **-ти**. Однако не всегда основа инфинитива выделяется таким образом.

Так, если в составе инфинитива употреблялся сложный согласный [ŝt'] **шт** (например, [moŝt'i] **мошти**, [reŝt'i] **рєшти**, [peŝt'i] **пєшти**), то нельзя выделить основу инфинитива, отбросив суффикс [-ti]. Следует помнить, что [ŝt'] развился здесь на месте бывшей группы [kt (gt)] перед гласным переднего ряда.

Аналогичная картина может наблюдаться и в тех случаях, когда в составе инфинитива употреблялась группа [st] **ст**, развившаяся на месте бывшей группы [dt (tt)]: [vesti] **вєсти**, [plesti] **плєсти**.

В обоих случаях основа инфинитива равна корню, оканчивающемуся или на задненебный согласный [k], [g], или на зубной [d], [t]: *mog-ti, *rek-ti, *pek-ti, *ved-ti, *plet-ti.

В зависимости от соотношения основ все глаголы в старославянском языке делятся на пять классов. Классы эти устанавливаются по виду основы настоящего времени. В качестве дополнительного признака, т. е. внутри каждого из устанавливаемых классов, глаголы делятся еще по виду инфинитивной основы.

Основа настоящего времени характеризовалась суффиксальными, тематическими элементами. Лишь у немногих глаголов она не имела этих элементов.

Тематический суффикс употреблялся между корнем и окончанием. Все глаголы, у которых личное окончание в формах настоящего времени присоединялось к корню с помощью тематического суффикса, получили название тематических глаголов. Среди них принято различать глаголы I—IV классов.

На положении суффиксальных тематических элементов основ настоящего времени выступали следующие звуки:

1. Тематический гласный [-e-], чередовавшийся с [-o-]. Например, от инфинитива [nesti] нести 2-е л. ед. ч. наст. вр. [nes-e-š'i] несеши. Тематический гласный [-o-] выступал при образовании формы 3-го л. мн. ч. наст. вр. и при образовании форм повел. накл. и причастий наст. вр. Например, 3-е л. мн. ч. наст. вр. от этого глагола несѫтъ [nesǫtъ] < *nes-o-nti.

Глаголы, у которых основа настоящего времени имела тематический суффикс [e/o], объединяются в I класс.

2. Тематический суффикс [-ne-], чередовавшийся с [-no-] в тех же формах, как и в основах на [e/o]. Например, от инфинитива двигнѫти 2-е л. ед. ч. наст. вр. [dvig-ne-š'i] двигнеши, 3-е л. мн. ч. двигнѫтъ [dvignǫtъ] < *dvig-no-nti.

Глаголы, у которых в основе настоящего времени выступал тематический суффикс [ne/no], объединяются во II класс.

3. Тематический суффикс [-je-], чередовавшийся с [-jo-] в тех же формах, как и в основах на [e/o]. Например, от инфинитива знати 2-е л. ед. ч. наст. вр. [zna-je-š'i] знаюши, 3-е л. мн. ч. знаѭтъ [znajǫtъ] < *zna-jo-nti.

Глаголы, у которых в основе настоящего времени выступал тематический суффикс [je/jo], объединяются в III класс.

4. Тематический суффикс [-i-]. Например, от инфинитива молити 2-е л. ед. ч. наст. вр. [mol-i-š'i] молиши, 3-е л. мн. ч. молѧтъ [molętъ] < *mol-i-nti.

Глаголы с тематическим суффиксом [-i-] в основе настоящего времени объединяются в IV класс.

Глаголы, у которых личное окончание при образовании настоящего времени присоединялось непосредственно к корню, получили название нетематических глаголов (V класс). Таких глаголов было немного: быти, ꙗсти, дати, вѣдѣти и в некоторой степени глагол

имѣти, который образовывал 1-е л. ед. ч. по типу нетематических глаголов. В других лицах и числах окончания у него были такие же, как и у тематических глаголов, хотя и присоединялись к основе настоящего времени без тематического суффиксального элемента.

§ 133. С учетом инфинитивной основы глаголы в каждом из классов делятся следующим образом:

Глаголы I класса

а) Инфинитивная основа равна корню, оканчивающемуся на согласный звук:

нести [nes-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр.	несеши [nes-e-š'i],
решти [rešt'i] < *rek-ti		речеши [reč-e-š'i],
вести [vesti] < *ved-ti		ведеши [ved-e-š'i]

б) Основа инфинитива равна корню и оканчивается на [-ę-], -ѧ-, который чередуется в основе настоящего времени в позиции перед гласным с сочетанием [-ьn- (-ьm-)] -ьн- (-ьм-):

клѧти	[klę-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр.	кльнеши	[klьn-e-š'i],
мѧти	[mę-ti]		мьнеши	[mьn-e-š'i],
начѧти	[nač'ę-ti]		начьнеши	[nač'ьn-e-š'i],
ѩти	[ję-ti]		имеши	[im-e-š'i]

в) Основа инфинитива равна корню и оканчивается на гласный [-u-] -оу-, который в основе настоящего времени в позиции перед гласным чередовался с сочетанием [-ov-] -ов-:

плоути [plu-ti] < *plou̯ti	— 2-е л. ед. ч. наст. вр.	плoвеши [plov-e-š'i] < < plou̯eš'i,
слоути [slu-ti] < *slou̯ti		словеши [slov-e-š'i] < < slou̯eš'i

г) Основа инфинитива равна корню + гласный [a]:

ръвати	[rъva-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр.	ръвеши	[rъv-e-š'i],
бьрати	[bьra-ti]		береши	[ber-e-š'i],
зъвати	[zъva-ti]		зовеши	[zov-e-š'i],
гънати	[gъna-ti]		женеши	[ž'en-e-š'i]

д) Основа инфинитива оканчивается на неполногласное сочетание [-rě-] -рѣ-, которое в основе настоящего времени в позиции перед гласным чередуется с сочетанием [-ьr-] -ьр-:

мрѣти	[mrě-ti] < merti	— 2-е л. ед. ч. наст. вр.	мьреши [mьr-e-š'i],
пожрѣти	[požrě-ti] < pogerti		пожьреши [požьr-e-š'i],
опрѣтисѧ	[oprě-ti sę] < operti sę		опьреши сѧ [opьr-e-š'i sę]

е) У ряда глаголов основа настоящего времени образуется неправильно и полностью отличается от основы инфинитива:

доути [du-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр.	дѫмєши [dъm-e-š'i],
обрѣсти [obrēs-ti] < obrētti		обрѧштєши [obręšt'-e-š'i]

Глагол обрѣсти фактически образует основу наст. вр. по типу глаголов III класса.

Глаголы II класса

Этот тип представлен в старославянском языке значительным количеством глаголов, в частности большим количеством перфективных глаголов. Большинство из них являются производными от имперфективных. Например: доути — доунѫти, грызти — грызнѫти, оусѣшти — оусѣкнѫти, лаıати — ланѫти и т. д.

Инфинитивная основа у глаголов II класса всегда оканчивается на [-nǫ-] -нѫ- (исключение составляет только глагол стати [sta-ti], у которого основа наст. вр. [stane-]; ср. 2-е л. ед. ч. станєши [stane-š'i]):

доунѫти	[dunǫ-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр.	доунєши	[dune-š'i],
зинѫти	[zinǫ-ti]		зинєши	[zine-š'i],
плинѫти	[plinǫ-ti]		плинєши	[pline-š'i]
двигнѫти	[dvignǫ-ti]		двигнєши	[dvigne-š'i],
коснѫти	[kosnǫ-ti]		коснєши	[kosne-š'i],
постигнѫти	[postignǫ-ti]		постигнєши	[postigne-š'i]

Глаголы III класса

а) Инфинитивная основа равна корню и оканчивается на гласный [-ē-], [-i-], [-y-], [-u-] или [-a-] (ѣ, и, ы, оу, а):

оумѣти	[umē-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр.	оумѣѥши	[umē-je-š'i]
нємѣти	[nemē-ti]		нємѣѥши	[nemē-je-š'i]
бити	[bi-ti]		биѥши	[bi-je-š'i]
гнити	[gni-ti]		гниѥши	[gni-je-š'i]
крыти	[kry-ti]		крыѥши	[kry-je-š'i]
мыти	[my-ti]		мыѥши	[my-je-š'i]
чоути	[č'u-ti]		чоуѥши	[č'u-je-š'i]
обоути	[obu-ti]		обоуѥши	[obu-je-š'i]
знати	[zna-ti]		знаѥши	[zna-je-š'i]
дѣлати	[dēla-ti]		дѣлаѥши	[dēla-je-š'i]

б) Основа инфинитива оканчивается на суффикс [-a-], который утрачивается в основе настоящего времени:

глаголати	[glagola-ti]	— 2-е л. ед. ч. наст. вр.	глаголѥши	[glagol'-e-š'i] < glagol-je-š'i
таıати	[taja-ti]		таѥши	[ta-je-š'i]
плакати	[plaka-ti]		плачєши	[plač'-e-š'i] < plak-je-š'i

искати [iska-ti] — иштеши [išt'-e-š'i] < < isk-je-š'i

трепетати [trepeta-ti] — трепештеши [trepešt-e-š'i] < trepet-je-š'i

в) Основа инфинитива оканчивается на суффикс [-va-] ва:

оубивати [ubiva-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. оубиваюши [ubiva-je-š'i]

оумывати [umyva-ti] — оумываюши [umyva-je-š'i]

г) Основа инфинитива оканчивается на суффикс [-ova-] -ова-, который чередуется в основе настоящего времени с гласным [-u-] -оу-:

вѣровати [vĕrova-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. вѣроуюши [veru-je-š'i],

радовати сѧ [radova-ti sę] — радоуюши сѧ [radu-je-š'i sę],

цѣловати [c'ĕlova-ti] — цѣлоуюши [c'elu-je-š'i],

миновати [minova-ti] — миноуюши [minu-je-š'i]

д) *Неправильные глаголы.* Значительную часть этих глаголов составляют те, у которых в основе наблюдаются чередования el/lĕ, ol/la, or/ra. При этом первая форма выступает перед гласным в основе настоящего времени, а вторая — перед согласным в основе инфинитива. У всех этих глаголов основа инфинитива представляет собой односложный корень:

млѣти [mlĕ-ti] < <*mẹlti — 2-е л. ед. ч. наст. вр. мелюши [mel'-e-š'i] < mel-je-š'i

клати [kla-ti] < <*kolti — колюши [kol'-e-š'i] < <kol-je-š'i

брати сѧ [bra-ti sę] < <borti sę — борюши сѧ [bor'-e-š'i sę] < bor-je-š'i sę

прати [pra-ti] < <porti — порюши [por'-e-š'i] < <por-je-š'i

Следует также отметить глагол пѣти [pĕti], у которого основа инфинитива оканчивалась на [ĕ] < [oi]. Ср. 2-е л. ед. ч. наст. вр. поюши [po-je-š'i].

Глаголы IV класса

а) Основа инфинитива оканчивается на [-i-] -и-:

молити [moli-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. молиши [mol-i-š'i]

просити [prosi-ti] — просиши [pros-i-š'i]

Как показывают приведенные примеры, у этих глаголов основа инфинитива и основа настоящего времени одинаковы.

б) Основа инфинитива оканчивается на [-ĕ-] -ѣ- или на [-a-] после шипящих или [j]:

мьнѣти [mьně-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. мьниши [mьn-i-š'i]
слышати [slyš'a-ti] слышиши [slyš'-i-š'i]
стоꙗти [stoja-ti] стоиши [sto-i-š'i] < stoj-i-š'i

в) Только у одного глагола основа инфинитива оканчивается на гл. [-а-] после твердого согласного:

съпати [sъpa-ti] — 2-е л. ед. ч. наст. вр. съпиши [sъp-i-š'i].

По типу глаголов IV класса образовывалась форма 3-го л. мн. ч. наст. вр. от хотѣти [chotě-ti] — хотѧтъ [chotętъ] < chot-i-nti. Остальные формы наст. вр. от этого глагола образовывались по типу III класса: 1-е л. ед. ч. хоштѫ [cho͡štǫ], 2-е л. ед. ч. хоштєши [cho͡št'eš'i] < chot-je-š'i и т. д.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 134. В соответствии с приведенным выше подразделением на глагольные классы, формы наст. вр. от тематических глаголов имеют следующий вид:

		I класс нести	*II класс* двигнѫти
Ед. ч.	1-е л.	несѫ	двигнѫ
	2-е л.	несєши	двигнєши
	3-е л.	несєтъ	двигнєтъ
Мн. ч.	1-е л.	несємъ	двигнємъ
	2-е л.	несєтє	двигнєтє
	3-е л.	несѫтъ	двигнѫтъ
Дв. ч.	1-е л.	несєвѣ	двигнєвѣ
	2-е л.	несєта	двигнєта
	3-е л.	несєтє	двигнєтє

		III класс знати	*IV класс* молити
Ед. ч.	1-е л.	знаѭ	молѭ
	2-е л.	знаєши	молиши
	3-е л.	знаєтъ	молитъ
Мн. ч.	1-е л.	знаємъ	молимъ
	2-е л.	знаєтє	молитє
	3-е л.	знаѭтъ	молѧтъ
Дв. ч.	1-е л.	знаєвѣ	моливѣ
	2-е л.	знаєта	молита
	3-е л.	знаєтє	молитє

Если у глаголов I класса перед тематическим гласным [е] употреблялся задненёбный согласный, то происходила I палатализация, вследствие чего задненёбный чередовался с соответствующим шипящим [k]:[č'] к:ч, [g]:[ž'] г:ж.

Например: ѣешти [rešt͡'i] < *rekti, мошти [mo͡št'i] < *mogti.

Ед. ч.	1-е л.	рекѫ	могѫ	Мн. ч.	речемъ	можемъ
	2-е л.	речеши	можеши		речете	можете
	3-е л.	речетъ	можетъ		рекѫтъ	могѫтъ

Дв. ч.	1-е л.	речевѣ	моѥевѣ
	2-е л.	речета	можета
	3-е л.	речете	можете

При образовании 1-го л. ед. ч. от глаголов IV класса наблюдалось смягчение согласного корня. Это объяснялось следующим: тематический гласный [i] в позиции перед следующим гласным по законам славянской речи становился неслоговым [i̯] ([j]), который ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его.

Например, от глагола любити 1-е л. ед. ч. наст. вр. [l'ubl'ǫ] люблѭ (йотованная буква в данном случае указывает на мягкость предшествующего согласного), от глагола просити — прошѭ, от видѣти — виждѭ и т. д.

Процесс шел таким образом: pros-i-ǫ > prosjǫ > proš'ǫ; vid-i-ǫ > vidjǫ > vižd͡'ǫ и т. д.

Таким образом, при образовании 1-го л. ед. ч. наст. вр. от глаголов IV класса в глагольной основе происходили изменения, характерные для изменения сочетаний согласных с последующим [j] на славянской почве. Аналогичные изменения происходили и у глаголов III класса, если тематический суффикс [je/jo] присоединялся к корню, оканчивающемуся на согласный звук. Причем эти изменения происходили во всех лицах и числах.

Например: плакати писати трепетати

Единственное число

1-е л.	плачѭ	пишѭ	трепештѭ
2-е л.	плачеши	пишеши	трепештеши
3-е л.	плачетъ	пишетъ	трепештетъ

Множественное число

1-е л.	плачемъ	пишемъ	трепештемъ
2-е л.	плачете	пишете	трепештете
3-е л.	плачѭтъ	пишѭтъ	трепештѭтъ

Двойственное число

1-е л.	плачевѣ	пишевѣ	трепештевѣ
2-е л.	плачета	пишета	трепештета
3-е л.	плачете	пишете	трепештете

§ 135. Образцы спряжения нетематических глаголов

быти ꙗсти дати вѣдѣти имѣти

Единственное число

1-е л.	юсмь	ıамь	дамь	вѣмь (вѣдѣ)	имамь
2-е л.	юси	ıаси	даси	вѣси	имаши
3-е л.	юстъ	ıастъ	дастъ	вѣстъ	иматъ

Множественное число

1-е л.	юсмъ	ıамъ	дамъ	вѣмъ	имамъ
2-е л.	юсте	ıасте	дасте	вѣсте	имате
3-е л.	сѫтъ	ıадѧтъ	дадѧтъ	вѣдѧтъ	имѫтъ

Двойственное число

1-е л.	юсвѣ	ıавѣ	давѣ	вѣвѣ	имавѣ
2-е л.	юста	ıаста	даста	вѣста	имата
3-е л.	юсте	ıасте	дасте	вѣсте	имате

В старославянских памятниках наряду с окончанием 1-го л. мн. ч. -мъ встречается еще окончание -мы. В одних случаях такое окончание могло появиться фонетически закономерно вместо редуцированного [-ъ] перед гласным [ı] следующего слова. Например, оутолимы и — Мар. ев., Мф. XXVIII, 14. В этом случае буквой ы передавался редуцированный гласный [ў]. Однако наряду с этим имеются случаи, когда подобное окончание [-my] -мы было обусловлено не артикуляцией следующего гласного [i], а возникло под влиянием местоимения 1-го л. мн. ч. мы. Особенно распространилось подобное окончание в Супрасльской рукописи. Например, вѣмы — Зогр. ев., Ио. IX, 29; Супр. 438_{27}; ймамы — Супр. 435_{17}, 540_{17}; напльнıаѥ'мы — Супр. 431_{9}; вѣштаѥмы — Супр. 380_{2}.

В 3-м л. ед. и мн. ч. нормой являлось окончание [-tъ] -тъ. Однако в позиции перед местоимением и (вин. п. ед. ч. муж. р.) встречаются формы с окончанием [-ty] -ты, в которых [y] возник на месте [ъ], оказавшегося в позиции перед гласным [i]. Например, постaвиты-и — Мар. ев., Мф., XXIV, 47; емлеты-и — Мар. ев., Лук. IX, 39; оутѣшѧты-и — Мар. ев., Ио. XI, 9. Наряду с этим встречаются формы без окончания [-tъ]. Наиболее часты подобные примеры в Супрасльской рукописи. Например, да не бѫде — Мар. ев., Мр. XIII, 18; достоі ли — Зогр. ев., Мр. III, 4; може ли — Супр. $27_{24, 26}$; ѿтъгоии — Супр. 509_{5}; желѣѥ — Супр. 237_{7}; повѣдоуѥ — Супр. 325_{27} и др.

В 3-м л. дв. ч. нормой являлось окончание [-te] -те. Однако наряду с этим встречаются формы с окончанием [-ta] -та. Например, д(ъ)ва бѫдета — Зогр. ев., Сав. кн., Остр. ев., Мф. XXIV, 40 (бѫдете — Мар. ев., Ас. ев.). Особенно распространено окончание [-ta] в 3-м л. дв. ч. в Саввиной книге и Супрасльской рукописи. В этом окончании конечный гласный [a] был получен под влиянием существительных муж. р. с основой на -*ŏ, употребленных в форме им.-вин.-зват. пад. дв. числа.

Глагольные окончания в настоящем времени и их происхождение

§ 136. В индоевропейском языке-основе каждая глагольная спрягаемая форма образовывалась с помощью особого окончания. Принято различать два вида глагольных окончаний: первичные и вторичные (названия эти условны).

С помощью п е р в и ч н ы х глагольных окончаний образовывались формы настоящего времени, с помощью в т о р и ч н ы х — формы повелительного наклонения, имперфекта и аориста. При этом вторичные глагольные окончания отличались от первичных не во всех формах, а только в ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. Во всех же остальных формах вторичные глагольные окончания были такие же, как и первичные.

В соответствии с первичными глагольными окончаниями в старославянском языке в формах настоящего времени представлены следующие окончания:

Ед. ч. 1-е л.	-ѫ, -мь	Мн. ч. 1-е л.	-мъ	Дв. ч. 1-е л.	-вѣ
2-е л.	-ши, -си	2-е л.	-те	2-е л.	-та
3-е л.	-тъ	3-е л.	-ѫтъ, -ѧтъ	3-е л.	-те

Эти старославянские флексии возникли следующим образом.

1-е л. ед. ч. Окончание 1-го л. ед. ч. нетематических глаголов [-*m*ь] -мь восходит к -*mĭ. На славянской почве краткий гласный [ĭ] > [ь]. Окончание [-mi] можно встретить, например, в греческом языке — eimí, и в литовском — esmì.

Происхождение окончания 1-го л. ед. ч. тематических глаголов [-ǫ] -ѫ точно не разъяснено. Одни ученые объясняют его как окончание более древней формы конъюнктива, оканчивавшегося на -ām (-ān). Ср., например, в латинском языке ferām. Другие считают, что это славянское окончание восходит к дифтонгическому сочетанию [*ōm (ōn)], в котором гласный [ō] представлял собой первичное окончание (ср., например, греч. fe'rō, лат. ferō), а согласный [m (n)] был присоединен к [ō] из вторичного глагольного окончания.

2-е л. ед. ч. Окончание 2-го л. ед. ч. нетематических глаголов [-si] -си и тематических глаголов [-š'i] -ши восходит к -*sĭ. Ср., например, др.-инд. bhárasi — „несешь". Не совсем ясно, почему у славян сохранился в данной флексии гласный [i] < [*ĭ], в соответствии с которым у славян должен был быть [ь]. В дальнейшем по славянским языкам произошла редукция конечного гласного [i].

Что касается возникновения у тематических глаголов шипящего [š'] в этой флексии, то это объясняется тем, что согласный [s] в позиции после гласного [i] (у глаголов IV класса) перешел фонетически закономерно в [ch], который под воздействием следующего за ним гласного переднего ряда подвергся I палатализации и перешел в [š']. По аналогии с глаголами IV класса соглас-

ный [š’] в окончании 2-го л. ед. ч. был перенесен и в окончание этой формы всех тематических глаголов.

3-е л. ед. ч. Старославянское окончание 3-го л. ед. ч. восходит к -*tĭ. Ср., например, греч. ẹstí, др.-инд. bhárati. В соответствии с индоевропейским окончанием -*tĭ в старославянском языке должно было быть окончание [-tь]. Но утрата палатализации конечным согласным [t] в конце слова привела к веляризации следовавшего за ним гласного: [tь]>[tъ].

Этот процесс по славянским группам происходил в разное время. Наиболее позднее отвердение в форме 3-го л. было в восточнославянских языках (особенно в северновеликорусских и в западноукраинских говорах).

1-е л. мн. ч. Старославянское окончание [-mъ] -мъ восходит к -*mŏs. Ср., например, в латинском языке окончание -mus<mos. На славянской почве в соответствии с древнейшим окончанием -*mŏs произошли следующие изменения: гласный [ŏ] в конечном слоге подвергся усиленной лабиализации и перешел в [ŭ], который давал у славян [ъ]. Конечный согласный [s] по закону открытого слога утратился.

2-е л. мн. ч. Старославянское окончание [-te] -те восходит к -*te. Ср., например, в греческом языке férete, ẹsté.

3-е л. мн. ч. В индоевропейских языках в данной форме было представлено окончание -*nti. Ср., например, в греческом языке férusi<féronti, в древнеиндийском bháranti. На славянской почве носовой согласный [n] вступил во взаимодействие с предшествующим ему тематическим гласным [o] (у глаголов I—III классов) или [ı] (у глаголов IV класса). В результате возникло дифтонгическое сочетание [on] или [in], которое, монофтонгизируясь, дало у славян носовой гласный [ǫ] или [ę]. А сочетание [-tĭ], входившее в состав окончания 3-го л. мн. ч., подверглось тем же изменениям, что и в ед. ч. (см. происхождение окончания 3-го л. ед. ч.). В результате в старославянском языке представлены окончания [-ǫtъ] -жтъ и [-ętъ] -ѧтъ.

1-е л. дв. ч. Старославянское окончание 1-го л. дв. ч. [-vě] -вѣ возникло под влиянием формы им. пад. дв. ч. от местоимения 1-го л. вѣ [vě].

2-е л. дв. ч. В соответствии со старославянским окончанием 2-го л. дв. ч. [-ta] -та в литовском языке в этой форме находим окончание -ta<*-tō, в др.-инд. — -thaḥ.

3-е л. дв. ч. В соответствии со старославянским окончанием 3-го л. дв. ч. [-te]-те в греческом языке находим окончание-ton (чередование [e/o] в глагольных окончаниях — вполне закономерное явление).

Что касается вторичных глагольных окончаний, то в индоевропейском языке-основе они были представлены в следующем виде:

Ед. ч.	1-е л.	-m (n)	Мн. ч.	1-е л.	(-mos)
	2-е л.	-s		2-е л.	(-te)
	3-е л.	-t		3-е л.	-nt

Каким изменениям подверглись у славян эти вторичные глагольные окончания, рассматривается в разделах об имперфекте, аористе и повелительном наклонении.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 137. Повелительное наклонение в старославянском языке встречается во всех числах и сохраняется для всех лиц, кроме 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. и дв. ч. При этом форма для 2-го и 3-го л. ед. ч. была в старославянском языке одинакова.

Повелительное наклонение в старославянском языке образовывалось от основы настоящего времени, к которой присоединялся суффикс повел. накл. и личные окончания.

В качестве суффикса повел. накл. у тематических глаголов выступали гласные [ı] и и [ě] ѣ.

С помощью суффикса [i] образовывались формы повел. накл. во 2-м и 3-м л. ед. ч. от глаголов I—IV классов и в формах 1-го и 2-го л. мн. и дв. ч. от глаголов III и IV классов. А суффикс [ě] использовался в старославянском языке для образования форм 1-го и 2-го л. мн. и дв. ч. от глаголов I и II классов.

Образцы спряжения

		I класс нєсти	*II класс* двигнѫти
Ед. ч.	2-е л.	нєси	двигни
	3-е л.	нєси	двигни
Мн. ч.	1-е л.	нєсѣмъ	двигнѣмъ
	2-е л.	нєсѣтє	двигнѣтє
Дв. ч.	1-е л.	нєсѣвѣ	двигнѣвѣ
	2-е л.	нєсѣта	двигнѣта

		III класс знати	*IV класс* молити
Ед. ч.	2-е л.	знаи	моли
	3-е л.	знаи	моли
Мн. ч.	1-е л.	знаимъ	молимъ
	2-е л.	знаитє	молитє
Дв. ч.	1-е л.	знаивѣ	моливѣ
	3-е л.	знаита	молита

Особое внимание следует обратить на образование форм повел. накл. от глаголов I класса, у которых корень оканчивался на задненёбный согласный, например от рєшти [reš͡t'ı] < *rekti, мошти [moš͡t'ı] < *mogti, пєшти [peš͡t'ı] < *pekti и т. д.

Задненёбный согласный у этих глаголов в формах повел. накл. перед суффиксом [i] и [ě] (< [oi̯]) чередовался при палатализации со свистящим, а именно [k] : [c] (к : ц), [g] : [d͡z'] (г : ѕ). Если в корне этих глаголов употреблялся гласный [е], то он в формах повел. накл. заменялся на [ь], т. е. здесь происходила редукция:

	решти	пешти	мошти
	Единственное число		
2-е л.	рьци	пьци	мози
3-е л.	рьци	пьци	мози
	Множественное число		
1-е л.	рьцѣмъ	пьцѣмъ	моѕѣмъ
2-е л.	рьцѣте	пьцѣте	моѕѣте
	Двойственное число		
1-е л.	рьцѣвѣ	пьцѣвѣ	моѕѣвѣ
2-е л.	рьцѣта	пьцѣта	моѕѣта

От нетематических глаголов формы повел. накл. представлены в следующем виде:

	быти	дати	ꙗсти	вѣдѣти	имѣти
	Единственное число				
2-е л.	бѫди	даждь	ꙗждь	вѣждь	имѣи
3-е л.	бѫди	даждь	ꙗждь	вѣждь	имѣи
	Множественное число				
1-е л.	бѫдѣмъ	дадимъ	ꙗдимъ	вѣдимъ	имѣимъ
2-е л.	бѫдѣте	дадите	ꙗдите	вѣдите	имѣите
	Двойственное число				
1-е л.	бѫдѣвѣ	дадивѣ	ꙗдивѣ	вѣдивѣ	имѣивѣ
2-е л.	бѫдѣта	дадита	ꙗдита	вѣдита	имѣита

От глаголов дати, ꙗсти, вѣдѣти формы повелительного наклонения во 2-м и 3-м л. ед. ч. образованы чередованием [d : žd͡'] (д : жд), появившимся вследствие прибавления в доисторический период при образовании этих форм к основе настоящего времени суффикса [jь]: dad-jь > dažd͡'ь, jad-jь > jažd͡'ь, věd-jь > věžd͡'ь.

То, что действительно в основе настоящего времени у этих глаголов употреблялся согласный [d], подтверждает форма 3-го л. мн. ч. наст. вр.: дадѧтъ [dadętъ], ꙗдѧтъ [jadętъ], вѣдѧтъ [vedętъ].

Формы 1-го и 2-го л. мн. и дв. ч. образовывались у этих глаголов прибавлением суффикса [i] и личных окончаний.

Для глагола бытн издавна использовались для образования повел. накл. формы от иной основы — [bǫd-] бѫд-, при этом во мн. и дв. ч. выступал суффикс [ě] ѣ.

Отсутствующие формы повел. накл. в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. восполнялись в старославянском языке описательными формами, которые состояли из союза да и соответствующей формы наст. вр. Например: 1-е л. ед. ч. да несѫ, 3-е л. мн. ч. да несѫтъ. Только для глагола бытн в некоторых памятниках можно иногда встретить в 3-м л. мн. ч. форму бѫдѫ в значении „пусть будут". Однако гораздо чаще и здесь встречается описательная форма да бѫдѫтъ. Например, бѫдѫ чрѣсла ваша прѣпоѣсана — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Лук. XII, 35 (да бѫдѫтъ — Остр. ев.).

Для 3-го л. ед. числа иногда употреблялась описательная форма. Это объясняется тем, что форма 3-го л. ед. ч. повел. накл. совпадала с формой 2-го л. ед. ч. и поэтому смешивалась с ней, а у ряда глаголов (IV класс) она совпадала и с формой аориста.

В старославянских памятниках XI в. имеются формы повел. накл. для глаголов III класса с гласным [a] перед окончанием мн. и дв. ч.: іштате — Зогр. ев., Сав. ев., Лук. XII, 31 (иштите — Мар. ев.); іщѣте — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Мф. VII, 7; съвлажате — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Мф. XIII, 30; плачате — Сав. кн., Лук. VIII, 52 (плачите — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев.); покажѣтѣ — Мар. ев., Зогр. ев., Лук. XX, 24; Сав. кн., Остр. ев., Мф. XXII, 19 (покажите — Мар. ев., Ас. ев.), покажате — Сав. кн., Лук. XVII, 14 (покажите — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев.); Супр. 69_{31} и т. д. (вместо иштите, съвлажите, плачите, покажите). Гласный [a] в этих формах появился на месте [ě], перешедшего в [a] после мягких согласных. А гласный [ě] возникал здесь под влиянием форм повел. накл., образованных от глаголов I и II классов, например несѣте, двигнѣте и т. д.

Происхождение форм повелительного наклонения

§ 138. В значении повел. накл. у славян с доисторической поры выступали формы желательного наклонения (optativus). Образовывались формы повел. (желательного) накл. в славянских языках следующим образом: к основе наст. вр. присоединялся гласный [i], представлявший собой суффикс оптативной основы, и вторичные глагольные окончания.

I класс нести

Ед. ч. 2-е л. nes-o-i-s > nesi
3-е л. nes-o-i-t > nesi

(Тематический гласный [ŏ] вступал во взаимодействие с последующим [i]. Возникал дифтонг [oi̯], который, монофтонгизируясь,

при нисходящей интонации давал на славянской почве гласный [i], а конечный согласный [s] или [t] утрачивался по закону открытого слога).

Мн. ч. 1-е л. nes-o-i-mŏs > nesoimus > nesěmъ

(Гласный [i] в позиции после другого гласного становился неслоговым. Возникал дифтонг [oi̯], который, монофтонгизируясь, давал [ě]. Гласный [ŏ] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [ŭ], который изменялся у славян в редуцированный [ъ]. Конечный согласный [s] отпадал по закону открытого слога.)

2-е л. nes-o-i-te > nesěte
Дв. ч. 1-е л. nes-o-i-vě > nesěvě
2-е л. nes-o-i-ta > neseta

Аналогичная картина в образовании форм повелительного наклонения наблюдается и у глаголов II класса (двигнѫти):

Ед. ч. 2-е л. dvig-no-i-s > dvignoi̯s > dvigni
3-е л. dvig-no-i-t > dvignoi̯t > dvigni
Мн. ч. 1-е л. dvig-no-i-mos > dvignoi̯mus > dvigněmъ
2-е л. dvig-no-i-te > dvignoi̯te > dvigněte
Дв. ч. 1-е л. dvig-no-i-vě > dvignoi̯vě > dvigněvě
2-е л. dvig-no-i-ta > dvignoita > dvigněta

III класс знати

Ед. ч. 2-е л. zna-jo-i-s > znajei̯s > znajis > znai
3-е л. zna-jo-i-t > znajei̯t > znajit > znai

(Гласный [o] после мягкого согласного [j] переходит в [e]. Гласный [i] в позиции после гласного становился неслоговым, возникал дифтонг [ei̯], который, монофтонгизируясь, давал у славян [i]; сочетание [ji] > [i], а конечный согласный [s] или [t] утрачивался по закону открытого слога.)

Мн. ч. 1-е л. zna-jo-i-mos > znajei̯mus > znajimъ > znaimъ.

(Гласный [o] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ŭ], который давал у славян редуцированный [ъ]. Конечный согласный [s] отпадал по закону открытого слога.)

2-е л. zna-jo-i-te > znajei̯te > znajite > znaite
Дв. ч. 1-е л. zna-jo-i-vě > znajei̯vě > znajivě > znaivě
2-е л. zna-jo-i-ta > znajei̯ta > znajita > znaita

IV класс молити

Ед. ч. 2-е л. mol-i-i-s > molīs > moli
3-е л. mol-i-i-t > molīt > moli

(Гласный [i], на который оканчивалась основа настоящего времени у глаголов IV класса, сливался с последующим гласным [i], представлявшим суффикс оптативной основы, в результате чего возникал долгий гласный [ī], который давал у славян [i], а конечный согласный [s] или [t] отпадал по закону открытого слога.)

Мн. ч. 1-е л. mol-i-i-mos > molīmus > molimъ
2-е л. mol-i-i-te > molīte > molite
Дв. ч. 1-е л. mol-i-i-vě > molīvě > molivě
2-е л. mol-i-i-ta > molīta > molita

Таким образом, происхождение форм повел. накл. от глаголов I—IV классов показывает, что старославянский суффикс повел. накл. [i] или [ě] (и или ѣ) имел различное происхождение. Если в старославянском языке форма повел. накл. во 2-м и 3-м л. ед. ч. от глаголов I—IV классов всегда оканчивается на [i], то происхождение его будет различным: у глаголов I и II классов он восходит к дифтонгу [oi̯], у глаголов III класса к сочетанию [ji], в котором [i] < ['ei̯] < ['oi̯], а у глаголов IV класса — [ī].

Аналогичная картина во мн. и дв. ч.: у глаголов I и II классов суффикс [ě] < [oi̯], у глаголов III класса суффикс [i] возник на месте сочетания [ji], в котором гласный [i] < ['ei̯] < ['oi̯], у глаголов IV класса суффикс [i] < [ī].

ИМПЕРФЕКТ

§ 139. Имперфект обозначал в старославянском языке простое прошедшее время с оттенком длительности действия и образовывался в основном от имперфективных глаголов. Однако он мог образовываться и от перфективных глаголов, указывающих на действие, повторяющееся в прошлом, или обозначающих совокупность однородных недлительных действий.

На русский язык формы имперфекта следует переводить глаголами несовершенного вида.

Образовывался имперфект в старославянском языке следующим образом: к основе инфинитива присоединялись суффикс имперфекта и личные окончания.

Образцы спряжения

Единственное число

	нєсти	знати	крыти	просити
1-е л.	нєсѣахъ	знаахъ	крыꙗахъ	прошаахъ
2-е л.	нєсѣашє	знаашє	крыꙗашє	прошаашє
3-е л.	нєсѣашє	знаашє	крыꙗашє	прошаашє

Множественное число

1-е л.	несѣахомъ	знаахомъ	крыiаахомъ	прошаахомъ
2-е л.	несѣашете	знаашете	крыiаашете	прошаашете
3-е л.	несѣахѫ	знаахѫ	крыiаахѫ	прошаахѫ

Двойственное число

1-е л.	несѣаховѣ	знааховѣ	крыiааховѣ	прошааховѣ
2-е л.	несѣашета	знаашета	крыiаашета	прошаашета
3-е л.	несѣашете	знаашете	крыiаашете	прошаашете

В качестве суффикса имперфекта использовались [-ach] -ах и [-ěach] < ēach -ѣах.

Суффикс [-ach] присоединялся к тем основам инфинитива, которые оканчивались на гласный [a] или [ě]. Такая инфинитивная основа могла быть:

1. У глаголов I класса: бьрати [bьrati] — 1-е л. ед. ч. бьраахъ [bьra-ach-ъ].

2. У глаголов III класса: знати [znati] — знаахъ [zna-ach-ъ], оумѣти [uměti] — оумѣахъ [umě-ach-ъ].

3. У глаголов IV класса: видѣти [viděti] — видѣахъ [vidě-ach-ъ], кричати [krič'ati] — кричаахъ [krič'a-ach-ъ].

Суффикс [-ěach] < ēach присоединялся к инфинитивным основам следующих глаголов:

1. К инфинитивным основам на согласный у глаголов I класса: нести [nesti] — 1-е л. ед. ч. несѣахъ [nes-ěach-ъ].

а) Если в инфинитиве было сочетание [st], выступавшее на месте сочетания [dt (tt)], то при образовании имперфекта зубной согласный основы восстанавливался: вести [vesti] < *vedti — 1-е л. ед. ч. ведѣахъ [ved-ěach-ъ].

б) Задненёбный согласный основы [g] или [k], выступавший в инфинитиве в затемненном виде (входил в сочетание [$\widehat{št}$'] < [kt] или [gt] перед гласным переднего ряда), при образовании имперфекта восстанавливался. Однако под влиянием следовавшего за ним суффиксального гласного [-ē-] задненёбный согласный подвергался I палатализации и чередовался с соответствующим шипящим ([k] : [č'], [g] : [ž']), а [ē] после возникшего шипящего давал на славянской почве [a], а не [ě]. Поэтому суффикс имперфекта выступает у этих глаголов в виде [-aach]: рещти [re$\widehat{št}$'i] < *rekti — речаахъ [reč'aachъ] < rek-ēach-ъ; мощти [mo$\widehat{št}$i] < *mogti — можаахъ [mož'aachъ] — mog-ēach-ъ.

2. К инфинитивным основам глаголов II класса. При образовании имперфекта носовой гласный основы [ǫ] (-ѫ) утрачивался, и суффикс имперфекта присоединялся непосредственно к согласному [n]: двигнѫти [dvignǫti] — двигнѣахъ [dvign-ěach-ъ].

3. К инфинитивным основам на гласный [i] у глаголов IV класса: ловити [loviti] — ловлıаахъ [lovl'-aach-ъ] < *lovi-ēach-ŏn > lovi̯ēachŭn

(= lovjēachŭn) > lovjēachъ < lovl'aachъ; просити [prositi] — прошаахъ [proš'-aach-ъ] < *prosi-ēach-ŏn > prosi̯ēachŭn (-prosjēachŭn) > prosjeachъ > proš'aachъ.

У данных глаголов гласный [i], на который оканчивалась основа инфинитива, в позиции перед следующим гласным (в данном случае перед [ē]) по законам славянской речи становился неслоговым — [i̯ (j)], который ассимилировался с предшествующим согласным. Гласный же [ē] после возникшего мягкого согласного изменялся в [a]. Поэтому суффикс имперфекта у этих глаголов и выступает в виде [-'aach].

4) С суффиксом [-ēach] образовывался имперфект и от нетематического глагола ꙗсти [jasti] < *jadti — ꙗдѣахъ [jadēachъ].

Следует обратить внимание на образование форм имперфекта от глаголов, у которых инфинитивная основа была односложной и оканчивалась на гласные [-y]-ы, [-i]-и, [-u]-оу. Например: крыти, чоути, бити.

При образовании имперфекта от подобных глаголов к глагольной основе присоединялся суффикс [-'aach]-ꙗах: крыти [kryti] — крыꙗахъ [kryjaachъ, чоути [č'uti] — чоуꙗахъ [č'ujaachъ], бити [biti] — биꙗахъ [bijaachъ].

Если в основе инфинитива содержались неполногласные сочетания [-la-], [-lě-], [-ra-], то образование имперфекта фактически шло от основы настоящего времени, к которой присоединялся суффикс [-'aach]. Например: клати [klati] < *kolti — колꙗахъ [kol'aachъ], млѣти [mlěti] < *melti — мелꙗахъ [mel'aachъ], брати сѧ [brati sę] < *borti sę — борꙗахъ сѧ [bor'aachъ sę].

Аналогичная картина наблюдалась и при образовании форм имперфекта от глагола пѣти [-pěti]: — поꙗахъ [pojaachъ].

Для глагола быти в значении имперфекта в памятниках старославянского языка употреблялись две формы: а) первая и по образованию и по значению была формой имперфекта, б) вторая по образованию являлась формой аориста, а по значению — формой имперфекта:

а) Ед. ч.	1-е л.	бѣахъ	Мн. ч.	1-е л.	бѣахомъ
	2-е л.	бѣаше		2-е л.	бѣашете
	3-е л.	бѣаше		3-е л.	бѣахѫ
б) Ед. ч.	1-е л.	бѣхъ	Мн. ч.	1-е л.	бѣхомъ
	2-е л.	бѣ		2-е л.	бѣсте
	3-е л.	бѣ		3-е л.	бѣшѧ

а) Дв. ч.	1-е л.	бѣаховѣ
	2-е л.	бѣашета
	3-е л.	бѣашете
б) Дв. ч.	1-е л.	бѣховѣ
	2-е л.	бѣста
	3-е л.	бѣсте

В памятниках старославянского языка XI в. можно встретить ряд изменений, происшедших в образовании имперфекта.

1. Все чаще имперфект начинает образовываться от основы настоящего времени. Например, от зъвати — зъвааше — Мар. ев., Ио. VII, 37; Супр. 473_{16}, но зовѣаше — Супр. 516_{6}; зъваахѫ — Мар. ев., Мф. XXI, 9, но зовѣахѫ — Супр. 322_{12}.

2. Во 2-м л. мн. ч. и во 2-м и 3-м л. дв. ч. наряду с исконными окончаниями имперфекта начинают употребляться окончания [-aste] -асте и [-asta] -аста, которые были получены под влиянием форм сигматического аориста. Например, 2-е л. мн. ч.: помышлѣашете — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. IX, 33, но помышлѣасте — Ас. ев., Остр. ев.; 2-е л. дв. числа: искаашета — Мар. ев., Лук. II, 49 (іскашета — Зогр. ев.), но искаста — Сав. кн., Остр. ев.; 3-е л. дв. числа: въпиѣшете — Мар. ев., Мр. XX, 31, но въпиѣасте — Ас. ев., въпиꙗста — Сав. кн. и т. д.

3. В результате фонетических процессов (ассимиляция и стяжение гласных) начинают употребляться стяженные формы имперфекта. Например, от слоужити — слоужааше — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. I, 31, но слоужаше — Сав. кн., Ио. XII, 2; Мф. VIII, 15; от въпрашати — въпрашааше — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. VIII, 23, но въпрашаше — Мар. ев., Мр. V, 9; Сав. кн., Мф. II, 4; Лук. XV, 26; от исходити — исхождааше — Зогр. ев., Мар. Ас. ев., Мр. I, 5; Лук. VI, 19, но исхождаше — Сав. кн., Мр. I, 5; Лук. VI, 19 и т. д.

Нестяженные формы имперфекта значительно преобладают над стяженными в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом, Остромировом евангелиях. Стяженные формы несколько чаще встречаются в Супрасльской рукописи и исключительно преобладают в Саввиной книге.

Происхождение форм имперфекта

§ 140. Образование славянского имперфекта, сложившегося в общеславянском языке, не имело себе соответствия в формах имперфекта других индоевропейских языков.

Происхождение суффиксов имперфекта [-ēach] и [-ach] неясно. В общеславянском языке славянский имперфект образовывался с помощью вторичных глагольных окончаний, которые присоединялись к основе имперфекта с помощью соединительного гласного [o/e] (гласный [o] употреблялся в формах 1-го л. ед., мн. и дв. ч. и 3-го л. мн. ч., в остальных формах использовался гласный [e]). Например, от глагола знати формы имперфекта возникли следующим образом:

Ед. ч. 1-е л. zna-ach-ŏ-n > znaachŭn > znaachъ.

(Гласный [o] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [ŭ], который давал на славянской почве редуцированный [ъ], а согласный [n] в конце слова по закону открытого слога утрачивался.)

2-е л. zna-ach-e-s > znaaš'e.

(Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога, а согласный [ch] перед гласным переднего ряда [e] подвергался I палатализации и изменялся в „š'".)

3-е л. zna-ach-e-t > znaaš'e.

(Конечный согласный [t] утрачивался по закону открытого слога, а согласный [ch] перед гласным [e] подвергался I палатализации.)

Мн. ч. 1-е л. zna-ach-o-mŏs > znaachomŭs > znaachomъ.

(Гласный [o] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [ŭ], который давал на славянской почве редуцированный [ъ]. Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. zna-ach-e-te > znaaš'ete.

(Согласный [ch] перед гласным переднего ряда [e] подвергался I палатализации.)

3-е л. zna-ach-o-nt > znaachǫt > znaachǫ.

(Дифтонгическое сочетание [on] в позиции перед согласным монофтонгизировалось и давало [ǫ], а конечный согласный [t] утрачивался.)

Дв. ч. 1-е л. zna-ach-a-vě > znaachově.

2-е л. zna-ach-e-ta > znaaš'eta.

(Согласный [ch] перед гласным переднего ряда [e] подвергался I палатализации.)

3-е л. zna-ach-e-te > znaaš'ete.

(Согласный [ch] перед гласным переднего ряда [e] подвергался I палатализации.)

АОРИСТ

Аорист представлял в старославянском языке простое прошедшее время, указывающее на то, что действие в прошлом длилось короткий промежуток времени и было закончено. Образовывался аорист главным образом от перфективных глаголов. На русский язык формы аориста следует переводить глаголами совершенного вида.

В старославянских памятниках встречается два вида аориста: простой и сигматический.

Простой аорист

§ 141. Простой аорист образовывался от инфинитивной основы, оканчивающейся на согласный звук, к которой непосредственно присоединялись личные окончания. Возможно было образование простого аориста от глаголов II класса с инфинитивной основой на суффикс [-nǫ]-нѫ, которому предшествовал согласный (например, иштезнѫти). Суффикс [-nǫ] в форму простого аориста не входил.

Следовательно, эти формы в данном случае образовывались не от инфинитивной основы, а от корня.

Однако не от всех инфинитивных основ на согласный были представлены в старославянском языке формы простого аориста. Кроме того, если у глаголов с инфинитивной основой на согласный в корне употреблялся гласный [е], то формы простого аориста от этих глаголов зафиксированы в старославянских памятниках только во 2-м и 3-м л. ед. ч.

Образцы спряжения

Единственное число

	мошти	ити	иштєзнѫти
1-е л.	могъ	идъ	иштєзъ
2-е л.	можє	идє	иштєзє
3-е л.	можє	идє	иштєзє

Множественное число

1-е л.	могомъ	идомъ	иштєзомъ
2-е л.	можєтє	идєтє	иштєзєтє
3-е л.	могѫ	идѫ	иштєзѫ

Двойственное число

1-е л.	моговѣ	идовѣ	иштєзовѣ
2-е л.	можєта	идєта	иштєзєта
3-е л.	можєтє	идєтє	иштєзєтє

Формы простого аориста были сходны с формами настоящего времени. Сравните, например, формы простого аориста от глагола ити с соответствующими формами настоящего времени:

	Настоящее время	Аорист		Настоящее время	Аорист
Ед. ч.	1-е л. идѫ	идъ	Мн. ч.	1-е л. идємъ	идомъ
	2-е л. идєши	идє		2-е л. идєтє	идєтє
	3-е л. идєтъ	идє		3-е л. идѫтъ	идѫ

	Настоящее время	Аорист
Дв. ч.	1-е л. идєвѣ	идовѣ
	2-е л. идєта	идєта
	3-е л. идєтє	идєтє

В дальнейшем формы простого аориста начали выходить из употребления и заменялись формами сигматического аориста. При этом простой аорист передал сигматическому формы 2-го и 3-го л. ед. ч.

В Супрасльской рукописи встречается только один пример с формой простого аориста, что говорит о том, что для живой речи XI в. эти формы были уже не характерны.

Происхождение форм простого аориста

§ 142. Образовывался простой аорист в общеславянском языке следующим образом: к основе инфинитива на согласный присоединялись вторичные глагольные окончания с помощью соединительного гласного [o/e] (гласный [o] выступал в формах 1-го л. ед., мн. и дв. ч. и в 3-м л. мн. ч., а [e] — во всех остальных формах).

Например, от глагола мошти [mo͡št'ı] < *mogti простой аорист образовывался так:

Ед. ч. 1-е л. mog-ŏ-n > mog-ŭ-n > mogъ.

(Гласный [ŏ] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации и переходил в [ŭ], который на славянской почве давал [ъ]. Конечный согласный [n] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. mog-e-s > mož'e.

(Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога, а задненебный [g] перед гласной переднего ряда [e] подвергался I палатализации.)

3-е л. mog-e-t > mož'e.

(Конечный [t] утрачивался по закону открытого слога, а задненебный [g] подвергался I палатализации.)

Мн. ч. 1-е л. mog-o-mŏs > mog-o-mŭs > mogomъ.

(Гласный [ŏ] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ŭ], который на славянской почве давал [ъ]. Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. mog-e-te > mož'ete.

(Задненебный [g] подвергался I палатализации.)

3-е л. mog-o-nt > mogǫt > mogǫ.

(Дифтонгическое сочетание [on] в позиции перед следующим согласным монофтонгизировалось и дало [ǫ]. Конечный согласный [t] утрачивался по закону открытого слога.)

Дв. ч. 1-е л. mog-o-vě > mogově.

2-е л. mog-e-ta > mož'eta.

(Задненебный [g] подвергался I палатализации.)

3-е л. mog-e-te > mož'ete.

(Задненебный [g] подвергался I палатализации.)

Сигматический аорист

§ 143. При образовании сигматического аориста личные окончания присоединялись не непосредственно к основе инфинитива, а с помощью суффикса [-s] (по-гречески буква s называется „сигмой“, с этим термином связано и название аориста), на месте которого мог выступать [-ch], чередующийся с [-š'].

Сигматический аорист в старославянском языке образовывался от глаголов с инфинитивной основой на гласный и на согласный. При образовании этого аориста от глаголов с инфинитивной основой на гласный суффикс аориста присоединялся непосредственно к основе инфинитива.

Образцы спряжения сигматического аориста

	молити	знати	чоути	видѣти
	Единственное число			
1-е л.	молихъ	знахъ	чоухъ	видѣхъ
2-е л.	моли	зна	чоу	видѣ
3-е л.	моли	зна	чоу	видѣ
	Множественное число			
1-е л.	молихомъ	знахомъ	чоухомъ	видѣхомъ
2-е л.	молисте	знасте	чоусте	видѣсте
3-е л.	молишѧ	знашѧ	чоушѧ	видѣшѧ
	Двойственное число			
1-е л.	молиховѣ	знаховѣ	чоуховѣ	видѣховѣ
2-е л.	молиста	знаста	чоуста	видѣста
3-е л.	молисте	знасте	чоусте	видѣсте

Наиболее долго сохранялись формы сигматического аориста с суффиксом [-s] в том случае, когда они были образованы от глаголов с инфинитивной основой на носовой гласный [-ę] -ѧ. Формы сигматического аориста от этих глаголов чаще всего встречаются в Мариинском евангелии, Ассеманиевом евангелии и в Синайской псалтыри.

Например, от глагола (по)ѩти: поѩсъ — Мар. ев., Лук. XIV, 20 (поѩхъ — в Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн.), ѩсомъ — Мар. ев., Лук. V, 5 (ѩхомъ — Зогр. ев., Ас. ев., Остр. ев.); от глагола начѧти: начѧсѧ — Мар. ев., Мф. XXVI, 22 (начѧшѧ — Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн.); от глагола распѧти: распѧсѧ — Ас. ев., Мф. XXVII, 38 (распѧшѧ — Зогр. ев., Сав. кн., Остр. ев.).

Однако наряду с такими формами, как в этих памятниках, так особенно в других, начинает отражаться процесс обобщения аористного суффикса [-ch/-š']. В Саввиной книге и Супрасльской рукописи совсем уже нет форм аориста с суффиксом [-s].

В памятниках старославянского языка от глаголов с инфинитивной основой на гласный встречаются во 2-м и особенно в 3-м л. ед. ч. формы сигматического аориста, распространенные посредством окончания [-тъ]. Например, от пити — питъ — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Ио. IV, 12 (пи — Остр. ев.); от въспѣти — въспѣтъ — Зогр. ев., Мар. ев., Мр. XIV, 68, 72; вьспѣтъ — Син. тр. 4 $^{6}/_{13}$ (въспѣ — Сав. кн., Ио. XVIII, 27; Супр. 326_1); от 'начѧти: начѧтъ —

Сав. кн., Ас. ев., Мар. ев., Зогр. ев, Мф. XXVI, 37; Ио. XIII, 5 (нача — Сав. кн., Мр. XIII, 31) и др.

От глаголов быти и дати во 2-м и 3-м л. ед. числа встречаются формы сигматического аориста, распространенные посредством окончания [-stъ]. Например, от быти — быстъ — Сав. кн., Лук. XXII, 44; XV, 14; II, 42; Мф. XXVIII, 2; XXV, 6; Мр. IX, 21; Ио. I, 30 (бы — Сав. кн. Лук. XVI, 22); от дати — дастъ Мар. ев., Зогр. ев., Мр. V, 19; XIV, 23; Сав. кн., Мф. XXVI, 48; Ио. XVIII, 11, Мар. ев., Зогр. ев., Ио. XIII, 3; (възъ)да — Сав. кн., Лук. XVII, 16; (отъ)да — Мар. ев., Зогр. ев., Сав. кн., Лук. VII, 42, 43 ((отъ)дастъ — Ас. ев.) и т. д.

Окончания (-tъ] и [-stъ] проникли в сигматический аорист под влиянием формы 3-го л. ед. ч. настоящего времени.

§ 144. Сигматический аорист, как указывалось выше, мог образовываться и от глаголов с инфинитивной основой на согласный. При этом принято различать два его вида: сигматический аорист архаический и сигматический аорист нового типа.

Сигматический архаический аорист образовывался в старославянском языке посредством присоединения суффикса аориста непосредственно к основе инфинитива. При этом в основе аориста происходили фонетические изменения, сводившиеся к следующему: корневой гласный удлинялся, а корневой согласный перед суффиксом аориста [s] утрачивался. Например, от глагола бости [bostı] < *bodtı — 1-е л. ед. ч. басъ [basъ] > bōdsъ;

от глагола нести [nestı] — 1-е л. ед. ч. нѣсъ [nēsъ] < nēssъ.

Образцы спряжения сигматического архаического аориста

	вести	решти
Единственное число		
1-е л.	вѣсъ	рѣхъ
2-е л.	веде	рече
3-е л.	веде	рече
Множественное число		
1-е л.	вѣсомъ	рѣхомъ
2-е л.	вѣсте	рѣсте
3-е л.	вѣсѧ	рѣшѧ
Двойственное число		
1-е л.	вѣсовѣ	рѣховѣ
2-е л.	вѣста	рѣста
3-е л.	вѣсте	рѣсте

При образовании сигматического архаического аориста формы 2-го и 3-го л. ед. ч. по своему происхождению представляли формы простого аориста и всегда оканчивались на гласный [-е].

Характерной особенностью аориста нового типа являлось то, что при его образовании суффикс аориста присоединялся к основе инфинитива не непосредственно, а с помощью соединительного гласного [о]. Однако формы 2-го и 3-го л. ед. ч. по-прежнему оставались по происхождению формами простого аориста. Так, от глаголов решти [rešt’i] и вести [vesti] формы сигматического аориста нового типа имели в старославянском языке следующий вид:

Единственное число

1-е л.	рекохъ	ведохъ
2-е л.	рече	веде
3-е л.	рече	веде

Множественное число

1-е л.	рекохомъ	ведохомъ
2-е л.	рекосте	ведосте
3-е л.	рекошѧ	ведошѧ

Двойственное число

1-е л.	рекоховѣ	ведоховѣ
2-е л.	рекоста	ведоста
3-е л.	рекосте	ведосте

§ 145. Формы аориста от нетематических глаголов

	быти	вѣдѣти	ꙗсти	дати	имѣти
			Единственное число		
1-е л.	быхъ	вѣдѣхъ	ꙗсъ, ꙗхъ	дахъ	имѣхъ
2-е л.	бы, быстъ	вѣдѣ	ꙗстъ	дастъ, да	имѣ
3-е л.	бы, быстъ	вѣдѣ	ꙗстъ	дастъ, да	имѣ
			Множественное число		
1-е л.	быхомъ	вѣдѣхомъ	ꙗсомъ, ꙗхомъ	дахомъ	имѣхомъ
2-е л.	быстє	вѣдѣстє	ꙗстє	дастє	имѣстє
3-е л.	бышѧ	вѣдѣшѧ	ꙗсѧ, ꙗшѧ	дашѧ	имѣшѧ
			Двойственное число		
1-е л.	быховѣ	вѣдѣховѣ	ꙗсовѣ, ꙗховѣ	даховѣ	имѣхове(ѣ)
2-е л.	быста	вѣдѣста	ꙗста	даста	имѣста
3-е л.	быстє	вѣдѣстє	ꙗстє	дастє	имѣстє

Происхождение форм сигматического аориста

§ 146. Сигматический аорист в общеславянском языке образовывался следующим образом: к основе инфинитива присоединялся

суффикс аориста [s] и вторичные глагольные окончания. При этом в 1-м л. ед., мн. и дв. ч. личные окончания присоединялись к основе аориста с помощью соединительного гласного [o].

Если основа инфинитива оканчивалась на индоевропейские звуки [i], [u], [r], [k], то суффикс [-s] в позиции после этих звуков переходил в общеславянском языке в [-ch-]. Но если согласный [s] входил в сочетание [st], то он сохранялся без изменения.

Под влиянием форм, где суффикс аориста [-s] фонетически закономерно переходил в [ch], этот же суффикс [-ch] начал употребляться и в тех формах аориста, которые образовывались от инфинитивных основ, оканчивающихся на [-ě]-ѣ и [-a]-а.

Разберем происхождение форм сигматического аориста от глагола молити [moliti].

Ед. ч. 1-е л. moli-s-ŏn > molichŭn > molichъ.

(Согласный [s] после гласного [i] переходил в [ch]. Гласный [o] в конечном слоге подвергался более усиленной лабиализации. Возникал гласный [ŭ], который давал на славянской почве [ъ]. Конечный согласный [n] по закону открытого слога отпадал.)

2-е л. moli-s-s > moli.

(Группа [ss] в конце слова по закону открытого слога утрачивалась.)

3-е л. moli-s-t > moli.

(Группа [st] в конце слова по закону открытого слога утрачивалась.)

Таким образом, возникшая форма 2-го и 3-го л. ед. ч. [moli] по своему происхождению представляет чистую инфинитивную основу.

Мн. ч. 1-е л. moli-s-o-mŏs > molichomŭs > molichomъ.

(Согласный [s] после гласного [i] переходил в [ch]. Гласный [ŏ] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ŭ], который давал на славянской почве [ъ]. Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. moli-s-te > moliste.

3-е л. moli-s-nt > molisn̥t > molichint > molichęt > moliš'ę.

(Согласный [n] между двумя согласными развивал слоговость. Но слоговые носовые согласные не были характерны для славян. Утрата слоговости шла за счет развития гласного [i] перед носовым [n̥]. Возникало дифтонгическое сочетание [in], которое, монофтонгизируясь, давало [ę]. Конечный [t] утрачивался по закону открытого слога. Согласный [s] после гласного [i] переходил в [ch], который перед гласным переднего ряда подвергался I палатализации и переходил в [š].)

Дв. ч. 1-е л. moli-s-o-vě > molichově.

(Согласный [s] после [i] переходил в [ch].)

2-е л. moli-s-ta > molista.

3-е л. moli-s-te > moliste.

Что касается происхождения форм сигматического архаического аориста от инфинитивных основ на согласный, то здесь наблюдалось следующее.

Например, от глагола вести [vesti] < *vedti:

Ед. ч. 1-го л. vēd-s-ŏ-n > vēsŭn > věsъ.

(Сочетание [ds] было невозможно в славянской фонетической системе, оно упрощалось за счет утраты согласного [d]. Корневой гласный [ē] давал у славян [ě].

Гласный [ŏ] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ŭ], который давал у славян редуцированный [ъ]. Конечный согласный [n] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. ved-e-s > vede.

(Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

3-е л. ved-e-t > vede.

(Конечный согласный [t] утрачивался по закону открытого слога.) Формы 2-го и 3-го л. ед. ч. по своему происхождению представляли собой формы простого аориста.

Мн. ч. 1-е л. vēd-s-o-mŏs > vēsomŭs > věsomъ.

(Упрощение сочетания [ds] шло за счет утраты [d]. Корневой гласный [ē] давал у славян [ě]. Гласный [ŏ] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, переходил в [ŭ], который давал у славян редуцированный [ъ]. Конечный согласный [s] утрачивался по закону открытого слога.)

2-е л. vēd-s-te > vēste > věste.

3-е л. vēd-s-nt > vēdsn̥t > vēsint > věsęt > věsę.

(Согласный [n] в позиции между двумя согласными развивал слоговость. Слоговые носовые согласные не были характерны для славян. Утрата слоговости шла за счет развития перед [n̥] краткого гласного [i]. Возникало дифтонгическое сочетание [in], которое, монофтонгизируясь, давало [ę]. Конечный [t] утрачивался по закону открытого слога. Упрощение группы [ds] шло за счет утраты [d]. Корневой гласный [ē] давал на славянской почве [ě].)

Дв. ч. 1-е л. vēd-s-o-vě > vēsově > věsově
2-е л. vēd-s-ta > vēsta > věsta
3-е л. vēd-s-te > vēste > věste

ПРИЧАСТИЯ

В старославянском языке употреблялись причастия действительного и страдательного залогов, которые в свою очередь могли иметь формы настоящего и прошедшего времени.

Причастия действительного залога настоящего времени

§ 147. Причастия действительного залога настоящего времени образовывались в старославянском языке с помощью суффиксов [-ǫŝt'] -ѫшт или [-ęŝt'] -ѧшт, присоединявшихся к глагольной основе.

Посредством суффикса [-ǫšt'] происходило образование причастий от глаголов I, II, III классов, а посредством суффикса [-ęšt'] — от глаголов IV класса. Например, I класс нести — несѫшт- [nesǫšt'-]; II класс двигнѫти — двигнѫшт- [dvignǫšt'-]; III класс знати — знаѭшт- [znajǫšt'-]; IV класс молити — молѧшт- [molęšt-].

К образованной таким образом основе причастия присоединялись соответствующие падежные окончания.

При этом причастия действительного залога настоящего времени мужского и среднего рода изменялись по типу склонения существительных с основой на -*jŏ (т. е. по мягкому варианту склонения с основой на -*ŏ) и получали такие же флексии, как и существительные типа кон҄ь и пол҄е. Исключение составляли только: 1) форма им. пад. ед. ч., где причастия действ. зал. наст. вр. муж. и ср. р. имели вид: I класс — несы, II класс — двигны, III класс — знаѩ, IV класс — молѧ; и 2) форма им. пад. мн. ч. для муж. р., где причастия получали флексию [е] под влиянием склонения имен с основой на согласный.

Причастия жен. р. изменялись по типу склонения существительных с основой на -*jā (т. е. по мягкому варианту склонения с основой на -*ā) и получали такие же флексии, как существительные типа рабын҄и, землꙗ.

При этом суффикс [-ǫšt'] -ѫшт или [-ęšt'] -ѧшт выступает во всех падежных формах причастий жен. р. В форме им. пад. ед. ч. причастия жен. р. всегда оканчиваются на [-i].

Таким образом, причастия действ. зал. наст. вр. склонялись следующим образом:

Единственное число

Мужской род

Им.	несы	знаѩ	молѧ
Род.	несѫштꙗ	знаѭштꙗ	молѧштꙗ
Дат.	несѫштю	знаѭштю	молѧштю
Вин.	несѫшть	знаѭшть	молѧшть
Твор.	несѫштемь	знаѭштемь	молѧштемь
Местн.	несѫшти	знаѭшти	молѧшти

Средний род

Им.	несы	знаѩ	молѧ
Род.	несѫштꙗ	знаѭштꙗ	молѧштꙗ
Дат.	несѫштю	знаѭштю	молѧштю
Вин.	несѫште	знаѭште	молѧште
Твор.	несѫштемь	знаѭштемь	молѧштемь
Местн.	несѫшти	знаѭшти	молѧшти

Женский род

Им.	нєсѫшти	знаѭшти	молѧшти
Род.	нєсѫштѩ	знаѭштѩ	молѧштѩ
Дат.	нєсѫшти	знаѭшти	молѧшти
Вин.	нєсѫштѭ	знаѭштѭ	молѧштѭ
Твор.	нєсѫштєѭ	знаѭштєѭ	молѧштєѭ
Местн.	нєсѫшти	знаѭшти	молѧшти

Множественное число

Мужской род

Им.	нєсѫштє	знаѭштє	молѧштє
Род.	нєсѫшть	знаѭшть	молѧшть
Дат.	нєсѫштѥмъ	знаѭштѥмъ	молѧштѥмъ
Вин.	нєсѫштѩ	знаѭштѩ	молѧштѩ
Твор.	нєсѫшти	знаѭшти	молѧшти
Местн.	нєсѫштихъ	знаѭштихъ	молѧштихъ

Средний род

Им.	нєсѫштꙗ	знаѭштꙗ	молѧштꙗ
Род.	нєсѫшть	знаѭшть	молѧшть
Дат.	нєсѫштѥмъ	знаѭштѥмъ	молѧштѥмъ
Вин.	иєсѫштꙗ	знаѭштꙗ	молѧштꙗ
Твор.	нєсѫшти	знаѭшти	молѧшти
Местн.	иєсѫштихъ	знаѭштихъ	молѧштихъ

Женский род

Им.	нєсѫштѩ	знаѭштѩ	молѧштѩ
Род.	нєсѫшть	знаѭшть	молѧшть
Дат.	нєсѫштꙗмъ	знаѭштꙗмъ	молѧштꙗмъ
Вин.	нєсѫштѩ	знаѭштѩ	молѧштѩ
Твор.	нєсѫштꙗми	знаѭштꙗми	молѧштꙗми
Местн.	нєсѫштꙗхъ	знаѭштꙗхъ	молѧштꙗхъ

Двойственное число

Мужской род

Им.-вин.	нєсѫштꙗ	знаѭштꙗ	молѧштꙗ
Род.-местн.	иєсѫштю	знаѭштю	молѧштю
Дат.-твор.	нєсѫштѥма	знаѭштѥма	молѧштѥма

Средний род

Им.-вин.	нєсѫшти	знаѭшти	молѧшти
Род.-местн.	нєсѫштю	знаѭштю	молѧштю
Дат.-твор.	нєсѫштѥма	знаѭштѥма	молѧштѥма

Женский род

Им.-вин.	нєсѫшти	знаѭшти	молѧшти
Род.-местн.	нєсѫштю	знаѭштю	молѧштю
Дат.-твор.	нєсѫштꙗма	знаѭштꙗма	молѧштꙗма

От нетематических глаголов, т. е. глаголов V класса, формы причастий действ. зал. наст. вр. были представлены в следующем виде:

			Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
от быти:	Ед. ч.	Им.	сы	сы	сѫшти
		Род.	сѫштꙗ	сѫштꙗ	сѫштѧ и т. д.
от дати:	Ед. ч.	Им.	дады	дады	дадѫшти
		Род.	дадѫштꙗ	дадѫштꙗ	дадѫштѩ и т. д.
от ꙗсти:	Ед. ч.	Им.	ꙗды	ꙗды	ꙗдѫшти
		Род.	ꙗдѫштꙗ	ꙗдѫштꙗ	ꙗдѫштѩ и т. д.
от вѣдѣти:	Ед. ч.	Им.	вѣды	вѣды	вѣдѫшти
		Род.	вѣдѫштꙗ	вѣдѫштꙗ	вѣдѫштѩ и т. д.

Наряду с краткими формами причастий действ. зал. наст. вр. употреблялись полные формы, которые образовались так же, как и полные прилагательные, т. е. к соответствующей форме кратких причастий присоединялась форма от указательного местоимения и(жє), ꙗ(жє), ѥ(жє):

		Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Ед. ч.	Им.	нєсꙑи	нєсѫштѥѥ	нєсѫштиꙗ
	Род.	нєсѫштꙗѥго	нєсѫштꙗѥго	нєсѫштѩѩ
	Дат.	нєсѫштюѥмоу	нєсѫштюѥмоу	нєсѫштии
	Вин.	нєсѫштьи (нєсѫштии)	нєсѫштѥѥ	нєсѫштѭѭ
	Твор.	нєсѫштиимь	нєсѫштиимь	нєсѫштѥѭ
	Местн.	нєсѫштиѥмь	нєсѫштиѥмь	нєсѫштии
Мн. ч.	Им.	нєсѫштєи	нєсѫштꙗꙗ	нєсѫштѩѩ
	Род.	нєсѫштиихъ	нєсѫштиихъ	нєсѫштиихъ
	Дат.	нєсѫштиимъ	нєсѫштиимъ	нєсѫштиимъ
	Вин.	нєсѫштѩѩ	нєсѫштꙗꙗ	нєсѫштѩѩ
	Твор.	нєсѫштиими	нєсѫштиими	нєсѫштиими
	Местн.	нєсѫштиихъ	нєсѫштиихъ	нєсѫштиихъ

М ж ср.

Дв. ч.	Им.-вин.	нєсѫштаꙗ	нєсѫштии	нєсѫштии
	Род.-местн.	нєсѫштюю	нєсѫштюю	нєсѫштюю
	Дат.-твор.	нєсѫштиима	нєсѫштиима	нєсѫштиима

Как видно из приведенного образца склонения полных форм причастий действ. зал. наст. вр. ср. р., в образование им. пад. ед. ч. входила именная форма, равная вин. пад. ед. ч. и оканчивающаяся на [-$\widehat{\check{s}t}$'e] -штє: нєсѫштєѥ.

При образовании полной формы причастий муж. р. в им. пад. мн. ч. в памятниках старославянского языка встречается именная форма с окончанием на [i]: сѫштии, нєиавидѧштии.

Происхождение форм причастий действительного залога настоящего времени

§ 148. Эти причастия в общеславянский период образовывались от основы настоящего времени, к которой присоединялся суффикс [-nt] и соответствующие падежные окончания.

Таким образом, форма им. пад. ед. ч. причастий действ. зал. наст. вр. для муж. р. возникла следующим образом:

От глагола нєсти [nesti]: Им. ед. neso-nt-s > nesōns > nesūns > nesy, ст.-слав. нєсы.

(Сочетание [ts] было невозможно на славянской почве, и упрощение данной группы согласных шло за счет утраты [t]. Гласный [o] удлинялся благодаря следовавшей за ним группе согласных [ns] и подвергался усиленной лабиализации в конечном слоге. Возникший долгий гласный [ū] давал на славянской почве [y], а конечные согласные [ns] по закону открытого слога утрачивались.)

От глагола знати [znati]: Им. ед. znajo-nt-s > znajēns > znaję, ст.-слав. знаꙗ.

(Группа согласных [ts] упрощалась благодаря утрате [t], гласный [o] после мягкого согласного [j] передвигался в передний ряд, и возникал гласный [e], который удлинялся за счет следовавшей за ним группы согласных [ns]. Дифтонгическое сочетание [en], монофтонгизируясь, давало [ę], а конечный [s] утрачивался согласно закону открытого слога.)

От глагола молити [moliti]: Им. ед. moli-nt-s > molīns > molę, ст.-слав. молѧ.

(Группа согласных [ts] упрощалась за счет утраты [t], дифтонгическое сочетание [in], монофтонгизируясь, давало [ę], а конечный согласный [s] на славянской почве утрачивался по закону открытого слога.)

Что касается других падежных форм, то там основа причастия для муж. и ср. р. осложнялась дополнительным суффиксом -*jŏ, который был характерен для имен с основой на -*ŏ (мягкий вариант склонения)[1].

[1] Именно поэтому причастия действ. зал. муж. и ср. р. имеют в старославянском языке флексии, характерные для имен с основой на -*ŏ (мягкий вариант), а причастия жен. р. — для имен с основой на -*ā (мягкий вариант).

Рассмотрим это на примере образования вин. пад. ед. ч. для муж. р.:

От нести: neso-nt-jŏ-n > nesọšt'ŭn > nesọšt'ъ > nesọšt'ь ст.-слав. несѫшть.

(Сочетание [tj] давало у славян [št'], дифтонгическое сочетание [on], монофтонгизируясь, давало [ọ]. Гласный [ŏ], в конечном слоге подвергаясь усиленной лабиализации, переходил в гласный [ŭ], который у славян давал редуцированный [ъ]. Звук [ъ] после мягкого согласного передвигался в передний ряд и изменялся в [ь]. Конечный согласный [n] утрачивался по закону открытого слога.)

От знати: znajo-nt-jŏ-n > znajọšt'ŏn > znajọšt'ŭn > znajọšt'ъ > > znajọšt'ь, ст.-слав. знаѭшть.

От молити: moli-nt-jŏ-n > molęšt'ŏn > molęštŭn > molęšt'ъ > molęšt'ь, ст.-слав. молѧшть.

Что касается причастий действ. зал. наст. вр. жен. р., то они также образовывались от основы наст. вр. с помощью суффикса [nt]. Но основа причастия во всех падежных формах осложнялась еще суффиксом [-*jā], который был характерен для имен с основой на -*ā (мягкий вариант). При этом в им. пад. ед. ч. данный суффикс выступал в ослабленном виде [-jī]:

Им. ед. neso-nt-jī > nesọšt'ī > nesọšt'i, ст.-слав. несѫшти.

Вин. ед. neso-nt-jā-m > nesọšt'ām > nesọšt'ọ, ст.-слав. несѫштѫ.

Таким образом, старославянский суффикс [-ọšt'] -ѫшт восходит к сочетанию [ontj], где [o] представлял собой гласный, на который оканчивалась основа наст. вр., сочетание [nt] являлось древнейшим суффиксом причастий, а [j] входил в состав суффикса [-*jŏ] (или [-*jā]), которым осложнялась основа причастия и который был характерен для имен с основой на -*jo (или на -*jā).

Старославянский суффикс [-ęšt'] -ѧшт восходит к сочетанию [-intj], в котором гласный [i] представлял собой окончание основы наст. вр., сочетание [nt] — древнейший суффикс причастий, [j] входил в состав суффикса [-*jŏ] (или [-*jā), которым осложнялась основа причастия и который был характерен для имен с основой на -jŏ (или на -jā).

Причастия действительного залога прошедшего времени

§ 149. Причастия действ. зал. прош. вр. в старославянском языке образовывались от основы инфинитива, к которой присоединялся суффикс [-ъš'] -ъш или [-vъš'] -въш и соответствующие падежные окончания.

С помощью суффикса [-ъš] -ъш образовывалась основа причастий от глаголов, у которых инфинитивная основа оканчивалась на согласный: от нести [nes-ti]: несъш- [nesъš'-]; от вести [vesti] < ved-ti: ведъш- [vedъš-]; от оумрѣти [umrěti] < umer-ti: оумеръш- [umerъš'-]; от простръти [prostrěti] < proster-ti: простеръш- [prosterъš'-].

Суффикс [-vъš'] -вш присоединялся к инфинитивным основам, оканчивающимся на гласный звук: от вити [bi-ti]: бивш- [bivъš'-]; от видѣти [vidě-ti]: видѣвш- [viděvъš'-]; от писати [pisa-ti]: писавш- [pisavъš'-]; от минѫти [minǫ-ti]: минѫвш- [minǫvъš'-].

При этом следует иметь в виду:

1. Если у глаголов II класса перед суффиксом инфинитивной основы [-nǫ] -нѫ употреблялся согласный звук, то образование основы причастия прош. вр. шло с помощью суффикса [-ъš'] -ш, который присоединялся непосредственно к корню без суффикса инфинитивной основы. Например: вздвигнѫти [vъzdvignǫti]: вздвигш- [vъzdvigъš'-].

2. У глаголов IV класса с инфинитивной основой на гласный [i] основа причастия действ. зал. прош. вр. в более ранний период образовывалась с помощью суффикса [-ьš'] -ьш. Например: хвалити [chvali-ti]: хвальш- [chval'ьš'-]; пристѫпити [pristǫpi-ti]: пристѫпльш- [pristǫpl'ьš'-]; родити [rodi-ti]: рождьш- [rožd'ьš'-].

При этом гласный [i], на который оканчивалась инфинитивная основа, перед следующим гласным изменялся в [i̯ (j)], который ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его. А после мягкого согласного редуцированный [ъ] > [ь].

Позднее в обоих этих случаях основа причастия начинает образовываться и с помощью суффикса [-vъš'] -вш. Например, вздвигнѫти: вздвигнѫвш- [vъzdvignǫvъš'-], вздхнѫти: вздхнѫвш- [vъzdъchnǫvъš'-], хвалити: хваливш [chvalivъš'-], пристѫпити: пристѫпивш- [pristǫpivъš'] и т. д.

Особенно часто причастия действ. зал. прош. вр. с такой основой от этих глаголов встречаются в Супрасльской рукописи.

К образованной таким способом основе причастия присоединялись соответствующие падежные окончания. При этом причастия муж. и ср. р. изменялись по типу склонения существительных с основой на -*ŏ (мягкий вариант), т. е. как существительные типа конь и поле, а причастия жен. р. — по типу склонения существительных с основой на -*ā (мягкий вариант), т. е. как существительные типа рабыни, земля.

Особый вид имели формы причастий в им. пад. ед. ч. для муж. и ср. р., где суффикс причастия выступал в неполном виде: вести — ведъ, нести — несъ, ити — шьдъ, двигнѫти — двигъ, знати — знавъ, хвалити — хваль и т. д.

В им. пад. мн. ч. причастия муж. р. имели флексию [-е] под влиянием склонения с основой на согласный: ведъше, несъше, знавъше, хвальше.

Единственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	несъ	несъ	несъши
Род.	несъшя	несъшя	несъшѧ
Дат.	несъшю	несъшю	несъши

Вин.	нєсъшь	нєсъшє	нєсъшѭ
Твор.	нєсъшѥмь	нєсъшѥмь	нєсъшѥѭ
Местн.	нєсъши	нєсъши	нєсъши

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	знавъ	знавъ	знавъши
Род.	знавшꙗ	знавшꙗ	знавъшѩ
Дат.	знавъшю	знавъшю	знавъши
Вин.	знавъшь	знавъшє	знавъшѭ
Твор.	знавъшѥмь	знавъшѥмь	знавьшѥѭ
Местн.	знавъши	знавъши	знавъши

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	хвал̂ь	хвал̂ь	хвал̂ьши
Род.	хвал̂ьшꙗ	хвал̂ьшꙗ	хвал̂ьшѩ
Дат.	хвал̂ьшю	хвал̂ьшю	хвал̂ьши
Вин.	хвал̂ьшь	хвал̂ьшє	хвал̂ьшѭ
Твор.	хвал̂ьшѥмь	хвал̂ьшѥмь	хвал̂ьшѥѭ
Местн.	хвал̂ьши	хвал̂ьши	хвал̂ьши

Множественное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	нєсъшє	нєсъшꙗ	нєсъшѩ
Род.	нєсъшь	нєсьшь	нєсъшь
Дат.	нєсъшємъ	нєсъшємъ	нєсъшꙗмъ
Вин.	нєсъшѩ	нєсъшꙗ	нєсъшѩ
Твор.	нєсъши	нєсъши	нєсъшꙗми
Местн	нєсъшихъ	нєсъшихъ	нєсъшꙗхъ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	знавъшє	знавъшꙗ	знавъшѭ
Род.	знавъшь	знавъшь	знавъшь
Дат.	знавъшємъ	знавъшємъ	знавъшꙗмъ
Вин.	знавъшѩ	знавъшꙗ	знавъшѩ
Твор.	знавъши	знавъши	знавъшꙗми
Местн.	знавъшихъ	знавъшихъ	знавъшꙗхъ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	хвал̂ьшє	хвал̂шꙗ	хвал̂ьшѩ
Род.	хвал̂ьшь	хвал̂ьшь	хвал̂ьшь
Дат.	хвал̂ьшємъ	хвал̂ьшємъ	хвал̂ьшꙗмъ

Вин.	хвальшѧ	хвальша	хвальшѧ
Твор.	хвальши	хвальши	хвальшами
Местн.	хвальшихъ	хвальшихъ	хвальшахъ

Двойственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	несъша	несъши	несъши
Род.-местн.	несъшю	несъшю	несъшю
Дат.-твор.	несъшема	несъшема	несъшама

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	знавъша	знавъши	знавъши
Род.-местн.	знавъшю	знавъшю	знавъшю
Дат.-твор.	знавъшема	знавъшема	знавъшама

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	хвальша	хвальши	хвальши
Род.-местн.	хвальшю	хвальшю	хвальшю
Дат.-твор.	хвальшема	хвальшема	хвальшема

Наряду с краткими формами причастий действ. зал. прош. вр. употреблялись полные формы, которые образовывались так же, как полные прилагательные и полные причастия действ. зал. наст. вр. Например:

Ед. ч. Им. Муж. р. несъи(несыи), Ср. р. несъшее, Жен. р. несъшиꙗ
Род. несъшаего несъшаего несъшѧѩ
и т. д.

Кроме рассмотренных выше причастий действ. зал. прош. вр., в старославянском языке употреблялись еще причастия с суффиксом [-l] -л, которые изменялись только по родам и числам и служили для образования сложных и описательных глагольных времен и форм. Например:

вести [vesti] < vedti: велъ [velъ] < vedlъ, вело, вела;
нести: неслъ, несло, несла;
знати: зналъ, знало, знала и т. д.

Происхождение форм причастий действительного залога прошедшего времени

§ 150. Причастия действительного залога прошедшего времени представляли некогда формы с основой на согласный. Основа этого причастия образовывалась от основы инфинитива с присоединением суффикса [ŭs] > [ъs] или [u̯ŭs] > [vъs]. Во всех падежных формах (за исключением им. пад. ед. ч.) основа причастия для муж. и ср. р.

распространялась суффиксом [*-jŏ], а для жен. р. — суффиксом [*-jā] (им. пад. ед. ч. имел ослабленный вид этого суффикса [*-jī]). При этом [j] ассимилировался с предшествующим ему согласным, смягчая его. В результате [sj] > [š'].

Таким образом, ст.-слав. суффикс [-ъš'] < -ŭsj, а [-vъš'] < -u̯ŭsj.

Рассмотрим, как образовывалась форма причастия действ. зал. прош. вр. в им. пад. ед. ч. для муж. р.

От нести: nes-ŭs-s > nesŭs > nesъ, ст.-слав. несъ. (Конечные согласные ассимилировались и дали один согласный [s], который по закону открытого слога утрачивался, а краткий гласный [ŭ] > [ъ].)

От знати: zna-u̯ŭs-s > znavŭs > znavъ, ст.-слав. знавъ. (Конечные согласные ассимилировались: [ss] > [s], который утрачивался по закону открытого слога. Неслоговое [u̯] в позиции перед следующим гласным переходило на славянской почве в [v], а краткий гласный [ŭ] > [ъ].)

От родити: rodi-ŭs-s > rodi̯ŭs (= rodjŭs) > roz͡d'ъ > roz͡d'ь, ст.-слав. рождь. (Конечные согласные [ss] ассимилировались и дали [s], который утрачивался по закону открытого слога. Гласный [i], на который оканчивалась инфинитивная основа, в позиции перед следующим гласным становился неслоговым и ассимилировался с предшествующим ему согласным, смягчая последний. В результате [dj] > [z͡d']. Краткий гласный [ŭ] > [ъ], который после мягких согласных передвигался в передний ряд, т. е. [ъ] > [ь].)

В других падежных формах, как отмечалось выше, основа причастий муж. и ср. р. распространялась суффиксом [*-jŏ]. Так, например, вин. пад. ед. ч. у причастий муж. р. образовывался следующим образом:

От нести: nes-ŭs-jŏ-n > nesŭš'ŭn > nesъš'ъ > nesъš'ь, ст.-слав. несъшь. (Согласный [j] ассимилировался с предшествующим ему согласным [s]: [sj] > [š']. Гласный [ŏ] в конечном слоге подвергался усиленной лабиализации, возникал [ŭ]. Конечный согласный [n] отпадал согласно закону открытого слога. Краткий гласный [ŭ] > [ъ]. После мягкого согласного [ъ] > [ь].)

От знати: zna-u̯ŭs-jŏ-n > znavŭš'ŭn > znavъš'ъ > znavъš'ь, ст.-слав. знавъшь.

От родити: rodi-ŭs-jŏ-n > rodi̯ŭš'ŭn (= rodjŭš'ŭn) > roz͡d'ъš'ъ > > roz͡d'ьš'ь, ст.-слав. рождьшь.

Страдательные причастия

§ 151. Основа страдательных причастий настоящего времени в старославянском языке образовывалась с помощью суффикса [-m]-м, который присоединялся к глагольной основе настоящего времени: I класс нести: несом- [neso-m-]; III класс знати: знаєм- [znaje-m-]; IV класс любити: любим- [l'ubi-m-].

К образованной таким образом основе причастия присоединялись соответствующие падежные окончания. В им. пад. ед. ч. данные причастия представлены в следующем виде:

нєсо́мъ, нєсомо, нєсо́ма;
знаѥмъ, знаѥмо, знаѥма;
любимъ, любимо, любима.

Страдательные причастия настоящего времени муж. и ср. р. изменялись по типу склонения имен с основой на *-ŏ, т. е. как существительные рабъ и сєло, а причастия жен. р — по типу склонения имен с основой на *-ā, т. е. как существительное страна.

Единственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	нєсомъ	нєсомо	нєсома
Род.	нєсома	нєсома	нєсомы
Дат.	нєсомоу	нєсомоу	нєсомѣ
Вин.	нєсомъ	нєсомо	нєсомѫ
Твор.	нєсомомь	нєсомомь	нєсомоѭ
Местн.	нєсомѣ	нєсомѣ	нєсомѣ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	знаѥмъ	знаѥмо	знаѥма
Род.	знаѥма	знаѥма	знаѥмы
Дат.	знаѥмоу	знаѥмоу	знаѥмѣ
Вин.	знаѥмъ	знаѥмо	знаѥмѫ
Твор.	знаѥмомь	знаѥмомь	знаѥмоѭ
Местн.	знаѥмѣ	знаѥмѣ	знаѥмѣ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	любимъ	любимо	любима
Род.	любима	любима	любимы
Дат.	любимоу	любимоу	любимѣ
Вин.	любимъ	любимо	любимѫ
Твор.	любимомь	любимомь	любимоѭ
Местн.	любимѣ	любимѣ	любимѣ

Множественное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	нєсоми	нєсома	нєсомы
Род.	нєсомъ	нєсомъ	нєсомъ
Дат.	нєсомомъ	нєсомомъ	нєсомамъ

Вин.	нєсомы	нєсома	нєсомы
Твор.	нєсомы	нєсомы	нєсомами
Местн.	нєсомѣхъ	нєсомѣхъ	нєсомахъ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	знаѥми	знаѥма	знаѥмы
Род.	знаѥмъ	знаѥмъ	знаѥмъ
Дат.	знаѥмомъ	знаѥмомъ	знаѥмамъ
Вин.	знаѥмы	знаѥма	знаѥмы
Твор.	знаѥмы	знаѥмы	знаѥмами
Местн.	знаѥмѣхъ	знаѥмѣхъ	знаѥмахъ

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	любими	любима	любимы
Род.	любимъ	любимъ	любимъ
Дат.	любимомъ	любимомъ	любимамъ
Вин.	любимы	любима	любимы
Твор.	любимы	любимы	любимами
Местн.	любимѣхъ	любимѣхъ	любимахъ

Двойственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	нєсома	нєсомѣ	нєсомѣ
Род.-местн.	нєсомоу	нєсомоу	нєсомоу
Дат.-твор.	нєсомома	нєсомома	нєсомама

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	знаѥма	знаѥмѣ	знаѥмѣ
Род.-местн.	знаѥмоу	знаѥмоу	знаѥмоу
Дат.-твор.	знаѥмома	знаѥмома	знаѥмама

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.-вин.	любима	любимѣ	любимѣ
Род.-местн.	любимоу	любимоу	любимоу
Дат.-твор.	любимома	любимома	любимама

§ 152. Основа страдательных причастий прош. вр. образовывалась в старославянском языке с помощью суффиксов [-n]-н, [-t]-т или [-en]-єн, которые присоединялись к основе инфинитива.

1. Суффикс [-en] присоединялся к инфинитивным основам, равным корню и оканчивающимся на согласный звук: плєсти [plesti] < < pletti — плєтєн-[pleten-], рєшти [rešt'i] < rekti — рєчєн-[reč'en-] < < reken- и т. д.

Посредством этого суффикса образовывалась основа причастий и от глаголов II класса, если перед суффиксом инфинитивной основы [-nǫ] был согласный: двигнѫти [dvignǫti] — движен-[dviž'en-] < < gvigen-. Этот же суффикс использовался при образовании основы страдат. причастия прош. вр. от глаголов IV класса с инфинитивной основой на гласный [-i]: любити [l'ubiti] — любл̑ен-[l'ubl'en-], просити [prositi] — прошен-[proš'en-] и т. д. При этом гласный [i], на который оканчивалась инфинитивная основа, в позиции перед следующим гласным изменялся в неслоговой [i̯ (j)], который ассимилировался с предшествующим согласным, смягчая его.

Суффикс [-en]-ен входил в состав основы причастий, образованных от инфинитивных основ, оканчивающихся на [-y]-ы: покрыти [pokry-ti] — покръвен-[pokrъven-]; забыти [zaby-ti] — забъвен-[zabъven-].

Как видно из примеров, вместо гласного [y], на который оканчивалась инфинитивная основа, в основе страдательных причастий выступает сочетание [-ъv] -ъв.

2. Посредством суффикса [-n] образовывалась основа причастий от глаголов с инфинитивной основой на гласный [-a] или суффиксальный гласный [-ě]: знати [znati] — знан-[znan-]; видѣти [viděti] — видѣн-[viděn-]; съдѣлати [sъdělati] — съдѣлан-[sъdělan-].

3. Суффикс [-t] использовался при образовании причастий от глаголов с инфинитивной основой, оканчивающейся на неполногласное сочетание [-rě]-рѣ или на гласный корня [-ę]-ѧ, [-i]-и, [-ě]-ѣ, [-u]-оу: бити [biti] — бит-[bit-]; вити [viti] — вит-[vit-]; пѣти [pěti] — пѣт-[pět-]; клѧти [klęti] — клѧт-[klęt-]; начѧти [nač'ęti] — начѧт-[nač'ęt-]; обоути [obuti] — обоут-[obut-]; простьрѣти [prostrěti] — простьрт-[prostr̥t-], пожрѣти [pož'rěti] — пожрът-[pož'r̥t-].

От глаголов III класса с инфинитивной основой на [-i] встречается также основа страдат. причастия прош. вр. с суффиксом [-en]-ен: бити [biti] — биен-[bijen-]. Страдат. причастия прош. вр. изменялись по падежам так же, как и страдат. причастия наст. вр., а именно: причастия муж. и ср. р. получали флексии, характерные для имен с основой на *-ŏ, т. е. склонялись по типу существительных рабъ и село, а причастия жен. р. изменялись по типу склонения имен с основой на *-ā, т. е. как существительное страна:

	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч. Им.	плетенъ начѧтъ	плетено начѧто	плетена начѧта
Род.	плетена начѧта	плетена начѧта	плетены начѧты
Дат.	плетеноу начѧтоу	плетеноу начѧтоу	плетенѣ начѧтѣ
	и т. д. по типу склонения имен с основой на *-ŏ.	и т. д. по типу склонения имен с основой на *-ŏ.	и т. д. по типу склонения имен с основой на *-ā.

Наряду с краткими формами страдат. причастий в памятниках старославянского языка встречаются их полные формы, которые образовывались так же, как и полные формы прилагательных, т. е.

. кратким формам причастий присоединялись соответствующие падежные формы от указательного местоимения и (жє), ѥ (жє), ꙗ (жє):

Им. ед. муж. р. обоутъ — обоутъи (обоутыи),
вѣдомъ — вѣдомъи (вѣдомыи)
ср. р. обоуто — обоутоѥ
вѣдомо — вѣдомоѥ
жен. р. обоута — обоутаꙗ
вѣдома — вѣдомаꙗ
Род. ед. муж. р. обоута — обоутаѥго
вѣдома — вѣдомаѥго и т. д.
ср. р. обоута — обоутаѥго
вѣдома — вѣдомаѥго и т. д.
жен. р. обоуты — обоутыѩ
вѣдомы — вѣдомыѩ и т. д.

По своему происхождению старославянские суффиксы страдательных причастий [-m], [-t], [-n], [-en] восходят для муж. и ср. р. к *-mŏ, *-tŏ, *-nŏ, *-enŏ, а для женского рода к *-mā, *-tā, *-nā, *-enā.

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 153. Формы условного наклонения передавались в старославянском языке описательно, а именно: причастие действ. зал. прош. вр. с суффиксом [-l], образованное от спрягаемого глагола, соединялось с особыми формами от глагола быти. В древнейших старославянских памятниках формы вспомогательного глагола быти для условного наклонения образовывались таким образом:

Ед. ч.	1-е л.	бимь	Мн. ч.	1-е л.	бимъ
	2-е л.	би		2-е л.	бистє
	3-е л.	би		3-е л.	бѫ (бишѧ)

Формы двойственного числа условного наклонения от быти не сохранились в памятниках старославянского языка. Например, да и бѫ обльстили словомь — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. XII, 13; і аштє нє бишѧ прѣкратили сѧ дьнє ти — Зогр. ев., Мар. ев., Мф. XXIV, 22; нє би была съпасєна вьсѣка плъть — Мар. ев., Зогр. ев., Мр. XIII, 20; да съ дроугы моими възвєсєлилъ сѧ бимь — Зогр. ев., Лук. XV, 29.

Некоторые ученые (например, А. М. Селищев) предполагают, что эти формы от быти по своему происхождению представляли остатки давних форм желательного наклонения.

Позднее наряду с этой формой условное наклонение начинает передаваться с помощью форм аориста от быти, которые в дальнейшем вытесняют первую форму:

Ед. ч. 1-е л. бyхъ	Мн. ч. 1-е л. быхомъ	Дв. ч. 1-е л. быховѣ
2-е л. бы	2-е л. бысте	2-е л. быста
3-е л. бы	3-е л. бышѧ	3-е л. быстє

При этом следует иметь в виду, что во 2-м и 3-м л. ед. ч. для передачи условного наклонения не использовалась форма аориста бысть.

Например, да съ дроугы моими възвеселилъ сѧ быхъ — Остр. ев., Сав. кн., Лук. XV, 29 (билѣ — Зогр. ев., Мар. ев.).

Сопоставление этих двух форм от глагола быти показывает, что между ними очень рано начала обнаруживаться связь. Наиболее ранним отражением этой связи является употребление формы 2-го л. мн. ч. бистє с окончанием -стє, что было вызвано влиянием формы аориста бystє. Форма 3-го л. мн. ч. бишѧ, которая могла употребляться наряду с формой бѫ, также возникла под влиянием формы аориста 3-го л. мн. ч. бышѧ.

ПЕРФЕКТ

§ 154. Перфект представлял собой сложное прошедшее время, и им в старославянском языке обозначалось такое действие в прошлом, результаты которого были представлены в настоящем. Образовывались формы перфекта в старославянском языке следующим образом: к причастию действительного залога прошедшего времени с суффиксом [-l], образованному от спрягаемого глагола, присоединялась форма настоящего времени от глагола быти.

Например, для глагола „дати“ форма перфекта имела такой вид:

	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч. 1-е л.	далъ ѥсмь,	дало ѥсмь,	дала ѥсмь
2-е л.	далъ ѥси,	дало ѥси,	дала ѥси
3-е л.	далъ ѥстъ,	дало ѥстъ,	дала ѥстъ
Мн. ч. 1-е л.	дали ѥсмъ,	дала ѥсмъ,	далы ѥсмъ
2-е л.	дали ѥстє,	дала ѥстє,	далы ѥстє
3-е л.	дали сѫтъ,	дала сѫтъ,	далы сѫтъ
Дв. ч. 1-е л.	дала ѥсвѣ,	далѣ ѥсвѣ,	далѣ ѥсвѣ
2-е л.	дала ѥста,	далѣ ѥста,	далѣ ѥста
3-е л.	дала ѥстє,	далѣ ѥстє,	далѣ ѥстє

Например, мьнѣ николиже нє далъ єси козьлѧтє — Зогр. ев., Мар. ев., Ас. ев., Сав. кн., Остр. ев., Лук. XV, 29.

Вспомогательный глагол в формах перфекта опускается редко, да и то только в 3-м лице ед. ч. Из всех старославянских памятников пропуск вспомогательного глагола в форме 3-го л. ед. ч. перфекта встречается часто лишь в Супрасльской рукописи; например, чоудо сътворилъ зърѧштиимъ · чисмѧ жє напльнилъ · и пєчаль... оутѣшилъ — 93_{23-26}.

ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ

§ 155. Плюсквамперфект представлял собой сложное прошедшее время, и им обозначалось в старославянском языке такое действие, которое произошло ранее другого прошедшего действия. Образовывались формы плюсквамперфекта, так же как и формы перфекта, описательным способом, а именно: к причастию действительного залога прошедшего времени с суффиксом [-l], образованному от спрягаемого глагола, присоединялась форма имперфекта или аориста (с имперфектным значением) или перфекта от глагола быти:

I. Ед. ч. 1-е л. далъ (дало, дала) бѣахъ и т. д.
II. » » » далъ (дало, дала) бѣхъ и т. д.
III. » » » далъ (дало, далъ) былъ (было, была) юсмь и т. д.

Например, иже и бѣахѫ видѣли — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Ио. IX, 8; се бо бѣ знамение далъ имъ — Мар. ев., Зогр. ев., Лук. XXII, 47.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 156. Формы будущего времени передавались в старославянском языке несколькими способами:

1. Получили значение будущего времени формы настоящего времени перфективных глаголов: падѫ, рекѫ, възьмѫ и т. д. Значение будущего времени получили также формы гл. быти с супплетивным корнем бѫд [bǫd-]:

Ед. ч.	1-е л. бѫдѫ	Мн. ч.	бѫдемъ	Дв. ч.	бѫдевѣ
	2-е л. бѫдеши		бѫдете		бѫдета
	3-е л. бѫдетъ		бѫдѫтъ		бѫдете

Например, что оубо бѫдетъ намъ — Ас. ев., Мф. XIX, 27; мноѕи же бѫдѫтъ пръвии послѣдьнии и послѣдннии пръвии — Ас. ев., Мф. XIX, 30; бѫдетъ бо тогда скрьбь велиѣ — Мар. ев., Мф. XXIV, 21.

2. Будущее время могло образовываться и описательно: к инфинитиву спрягаемого глагола присоединялись формы настоящего времени вспомогательного глагола. В качестве такого глагола выступал обычно один из следующих: начѧти, имѣти, хотѣти. Например, оуслышати же имате брани — Мар. ев., Мф. XXIV, 6; чьто хоштете ми дати — Зогр. ев., Ас. ев., Мф. XXVI, 15; и ненавидѣти сѧ начънѫтъ — Сав. кн., Мф. XXIV, 10; и начьнетъ бити клеврѣты своѩ — Мар. ев., Мф. XXIV, 48 и т. д.

3. Будущее время образовывалось описательным способом также и в том случае, если оно служило для выражения будущего предварительного и, следовательно, указывало на такое действие, которое должно было предшествовать другому будущему действию.

Образовывались формы будущего предварительного следующим образом: к причастию дейст. зал. прош. вр. с суффиксом [-l] от

спрягаемого глагола присоединялась форма наст. вр. от глагола быти (с основой бѫд-):

1-е л. бѫдѫ сътворилъ, -ло, -ла.
2-е л. бѫдеши сътворилъ, -ло, -ла.
3-е л. бѫдетъ сътворилъ, -ло-, -ла и т. д.

ИНФИНИТИВ. СУПИН

§ 157. Инфинитив и супин принадлежали к именным формам глагола.

По происхождению инфинитив представлял собой окаменевшую форму дат. пад. ед. ч. от имен с основой на *-ĭ. Приметой инфинитива является окончание [-ti], которое присоединяется к основе. Например, зна-ти, би-ти, кры-ти, нес-ти и т. д.

Если основа инфинитива оканчивалась на согласный [d], [t], [k], [g], то в сочетании с окончанием [-ti] данные согласные подвергались фонетическим изменениям, которые сводятся к следующему. Сочетание [kt(gt)] перед гласным переднего ряда [i] изменялось в [šť], а сочетание [tt(dt)] — в [st]:

rekti > rešť'i, ст.-слав. решти; mogti > mošť'i, ст.-слав. мошти; vedti > vesti, ст.-слав. вести; pletti > plesti, ст.-слав. плести.

Супин по своему происхождению представляет собой окаменевшую форму вин. пад. ед. ч. имен с основой на *-ŭ. По значению это был винительный цели. В связи с этим его значением он применялся при глаголах движения. Второй особенностью супина являлось то, что он требовал после себя дополнения в родительном падеже, что также указывает на его именное значение. Отличительной приметой супина являлось его окончание [-тъ], которое присоединялось к основе инфинитива. Например, видѣ-тъ, искоуси-тъ, лови-тъ. Например, идѫ рыбъ ловитъ — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Ио. XXV, 3; пришелъ еси сѣмо прѣжде врѣмене мѫчитъ насъ — Мар. ев., Зогр. ев., Ас. ев., Сав. кн., Мф. VIII, 29; иже иде коупъно утро наѩтъ дѣлателъ виноградоу своемоу — Мар. ев., Ас. ев., Сав. кн., Мф. XX, 1. Однако если основа инфинитива оканчивалась на задненебный согласный [k] или [g], то под влиянием форм инфинитива образовывались формы супина типа рештъ, жештъ вместо ретъ [retъ] < rektъ, жетъ [ž'etъ] < gegtъ.

В дальнейшем в славянских языках форма супина заменяется инфинитивом. Только в двух славянских языках сохранилось применение супина — в словенском и нижнелужицком. Некоторые следы супина сохраняются в северных русских говорах, где представлен инфинитив на твердый [t] в выражениях типа „иду пахат".

ТЕКСТЫ

ЗОГРАФСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

1

15. Поздѣ же бывъшю. пристѫпишѧ къ н҇емоу. оученици его гл҃ѭште.
поусто естъ мѣсто. і година минѫ юже. отъпоусти народы. да шьдъше
въ ближьнѧѩ градьцѧ. коупѧтъ брашьна себѣ. 16. і҃с же рече імъ. не
трѣбоуѭтъ отити. дадите імъ вы ѣсти. 17. они же гл҃ашѧ емоу. не
імамъ сьде. тъкмо. д҃. хлѣбъ. і. в҃. рыбѣ. 18. онъ же рече. принесѣте ми
ѩ сѣмо. 19. і повелѣвъ народомъ вьзлешти на трѣвѣ. і приімъ. д҃. хлѣбъ.
. в҃. рыбѣ. възьрѣвъ на н҃бо бл҃гви. і прѣломь хлѣбы. дастъ оученикомъ.
оученици же народомъ. 20. і ѣшѧ в’си і насытишѧ сѧ. і вьзѧшѧ ізбытъкы
оукроухъ. в҃і. коша ісплънъ. 21. ѣдъшиіхъ же бѣаше мѫжь. пѧть тысѧшть.
развѣ женъ і дѣтиі. 22. і абие оубѣди оученикы вълѣсти въ корабь.
і варити і на ономь полоу доньдеже отъпоуститъ народы. к҃он. 23. і отпоушть
народы вьзиде на горѫ помолитъ сѧ. поздѣ же бывъшю единъ бѣ тоу.
24. корабь же бѣ по срѣдѣ морѣ вълаѩ сѧ вльнами. бѣ бо противьнъ
вѣтръ. 25. въ четврътѫѭ же стражѫ ношти. іде къ н҇имъ і҃с. ходѧ по
морю. 26. і видѣвъше и оученици ходѧшть по морю. съмѧтошѧ сѧ гл҃ѭште.
ѣко призракъ естъ. і отъ страха възъпишѧ. 27. абие же рече імъ і҃с гл҃ѧ.
дрьзаите азъ есмь не боите сѧ. 28. ѿтъвѣштавъ же петръ рече емоу.
г҃и аште ты еси. повели ми прити кь тебѣ по водамъ. 29. онъ же рече
приди. і излѣзъ іс корабл҃ѣ петръ. хождааше на водахъ. і приде кы і҃сви.
30. видѧ же вѣтры крѣпъкы оубоѣ сѧ. і начьнъ оутапати. възъпи гл҃ѧ г҃и
с҃пи мѧ. 31. ӑбие же і҃с простьръ рѫкѫ ѩтъ і. і гл҃а емоу маловѣре. по
чьто сѧ оусѫмнѣ. 32. і вълѣзъшема іма въ корабь. прѣста вѣтръ.
33. сѫштеі же въ кораби. пришьдъше поклонишѧ сѧ емоу гл҃ѭште.
въ істинѫ с҃нъ. б҃жи еси. (Мф. XIV, 15—33.)

2

17. въ прьвы же дьнь опрѣснъкъ пристѫпишѧ оученици кы іс҃оу. гл҃ѭште
къ нѥмоу. къде хоштеши і оуготоваемъ ти ѣсти пасха. 18. онъ же рече
ідѣте въ градъ къ етероу. і рьцѣте емоу. оучитель гл҃етъ. врѣмѧ мое
близъ естъ оу тебе сътворѭ пасхѫ съ оученикы своіми. 19. і сътворишѧ
оученици. ѣкоже повелѣ імъ іс҃. і оуготовашѧ пасхѫ. 20. вечероу же
бывъшю. възлеже съ обѣма на десѧте. оученикома. 21. і ѣдѫштемъ імъ
рече. ѣко единъ отъ васъ прѣдастъ мѧ. 22. і скръбаште зѣло начѧшѧ
гл҃ати емоу. единъ кождо іхъ. еда азъ есмь г҃і. 23. онъ же отъвѣштавъ
рече. омочиі съ мноѭ въ солило рѫкѫ. тъ мѧ прѣдастъ. 24. сн҃ъ же ч҃скы
ідетъ ѣкоже естъ псано о нѥмь. горе же ч҃коу томоу. імьже сн҃ъ ч҃скы прѣ-
данъ бѫдетъ. добрѣе емоу би было. аште сѧ би не родилъ ч҃къ тъ.
25. отъвѣштавъ же іюда прѣдавы его рече. еда азъ есмь рав'ви. гл҃а
емоу ты рече. 26. ѣдѫштемъ же імъ. пріимъ іс҃. хлѣбъ і бл҃гвивъ. прѣ-
ломи і. і даѣше оученикомъ своімъ і рече. примѣте ѣдите. се естъ тѣло
мое. 27. і примъ чашѫ. і хвалѫ въздавъ дастъ імъ гл҃ѧ. пиіте отъ нѥѩ
вьси. 28. се естъ кръвь моѣ. новаего завета. проливаемаѣ за многы.
въ отпоуштение грѣхомъ. (Мф. XXVI, 17—28.)

3

1. Ютроу же бывъшю. съвѣтъ сътворишѧ. вси ар'хиереи. і стар'ци
людьсциі на іс҃а. ѣко оубити і. 2. і съвѧзавъше и ведошѧ. і прѣдашѧ
пѫн'тьскоумоу пилатоу. іґемоноу. 3. Тъгда видѣ іюда. прѣдавы его. ѣко
осѫдишѧ и. раскаѣвъ сѧ възврати. л҃. сребрьникъ. архиереомъ і старцемъ.
4. гл҃ѧ. съгрѣшихъ прѣдавъ кръвь неповиньнѫ. они же рѣшѧ чьто естъ намъ.
ты оузьриши. 5. і поврьгъ е въ цр҃кьве отиде. і шьдъ възвѣси сѧ.
6. архиереі же приемъше сребро рѣшѧ. не достоіно естъ въложити его
въ кар'ванѫ. по нѥже цѣна кръве естъ. 7. съвѣтъ же сътвор'ше коупишѧ
імь село скоудельниково. въ погрѣбание странънымъ. 8. тѣмь же нарече сѧ
село то село кръве до сего дне. 9. тъгда събыстъ сѧ реченое пророкомь
іеремиемь. гл҃ѭштемь. і приѩшѧ. л҃. сребрьникъ. цѣнѫ цѣнѥнаего. его же
цѣнишѧ отъ сн҃овъ іил҃евъ. 10. і дашѧ на селѣ скѫдельничи. ѣко же съказа
мнѣ г҃ь. 11. іс҃ же ста прѣдъ іґемономь. і въпроси ґемонъ гл҃ѧ. ты ли еси
цр҃ь юдѣискъ. іс҃ же рече емоу ты гл҃еши. (Мф. XXVII, 1—11).

4

16. Ходѧ же при мори галилеіѕцѣмь видѣ симона. і аньдрѣа брата
того симона. въметѫшта мрѣжѧ въ море. бѣашете бо рыбарѣ. 17. і рече

іма ис҃. придѣта въ слѣдъ мене. і сътворѭ вы быти ловьца чл҃комъ.
18. і абие оставьша мрѣжѧ по нѥмь ідосте. 19. і прѣш'дъ мало отъ тѫдоу.
оузьрѣ іѣкова зеведова. іо̆ана брата его. і та въ ӑл'дии завѧзаѭшта
мрѣжѧ. 20. і абье възъва ѣ. і оставьша оц҃а своего зеведѣа въ ладии.
съ наімьникы по нѥмь ідосте. (Мр. I, 16—20.)

5

29. і абье ішьдъше іс̑ънъмишта. придѫ въ домъ симоновъ і аньдрѣовъ
съ іѣковомь. і иоанномь. 30. Тъшта же симонова. лежааше огнѥмь жегома.
і абие гл҃аша емоу о нѥі. 31. і пристѫпль въздвиже ѭ. імъ за рѫкѫ еѩ.
і о̆стави ѭ огнь. і слоужааше емоу. 32. поздѣ же бывъши. егда же
захождаӑше слъньце. приношаахѫ къ нѥмоу вьсѧ недѫжьныѩ. 33. і бѣ вьсь
градъ събралъ сѧ къ дверемъ. 34. і ицѣли многы недѫжьнꙑѩ. імѫшта
различьны ѩзѧ. і бѣсы многы ізгъна. і не оставлѣаше гл҃ати бѣсъ ѣко
вѣдѣахѫ і. (Мр. I, 29—34.)

6

47. і вечеръ бывъшю. бѣ бо корабль по срѣдѣ морѣ. ӑ сь единъ на
земли. 48. і видѣвъ ѩ страждѫштѩ въ гребении. бѣ бо вѣтръ противьнъ
імъ. і при четврътѣі стражи ноштьнѣи. і приде къ нимъ по морю ходѧ.
і хотѣ минѫти ѩ. 49. о̆ни же видѣвъше і по морю ходѧшть. не пьитевашѧ
вашѧ призракъ быти. і възъвашѧ. 50. вси бо видѣвъше і. і вьзмѧтошѧ
сѧ. о̆нъ же ӑбье гл҃а съ нима. і рече імъ. дръзаіте ӑзъ есмь не боіте сѧ.
51. і вьниде къ нимъ въ корабль. і оулеже вѣтръ. і ѕѣло із лиха
дивлѣахѫ сѧ. і оужасаӑхѫ сѧ. 52. не разоумѣшѧ бо о̆ хлѣбѣхъ. нъ
бѣ срьдьце іхъ окаменено. і прѣѣхавъше придошѧ въ землѭ генисаретьскѫ.
і присташѧ. 54. іи'дъшемъ же імъ іс корабл'ѣ. ӑбье познашѧ и. 55. і прѣ-
тѣшѧ вьсѭ странѫ тѫ. і начѧсѧ приносити. на одрѣхъ болѧштѧѩ. ідеже
слышаӑхѫ и ѣко тоу есть. (Мр. VI, 47—55.)

7

5. ізиде сѣѩи сѣатъ сѣмене своего. і егда сѣӑше. ово паде при пѫти.
і попърано бы. і п'тицѧ небесꙑѩ позобашѧ е. 6. ӑ дроугое паде на камене.
і прозѧбъ оусъше. за не не імѣӑше влагы. 7. ӑ дроугое паде по срѣдѣ
трьнѣ. і въздрасте трьнье і подави е. 8. ӑ дроугое паде на земл'и
добрѣ. і прозѧбъ сътвори плодъ. съторицеѭ. се гл҃ѧ възглаcи. імѣѩи оуши
слышати да слышитъ. (Лук. VIII, 5—8.)

МАРИИНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

1

1. Не осѫждаите да не осѫждени бѫдете. 2. імъже бо сѫдомъ сѫдите
сѫдѧтъ вамъ. і въ нѭже мѣрѫ мѣрите вьзмѣритъ сѧ вамъ. 3. Что же
видиши сѫчецъ въ оцѣ братра твоего. а бръвьна еже естъ въ оцѣ твоемь
не чюеши. 4. ли како речеши братроу твоемоу. остави и изъмѫ сѫчецъ из
очесе твоего. і се бръвьно въ оцѣ твоемь. 5. лицемѣре. ізьми пръвѣе
бръвьно из очесе твоего. і тогда оузьриши изѧти сѫчецъ из очесе братра
твоего. 6. не дадите с҃таго псомъ. ни помѣтаите бисьръ вашихъ прѣдъ
свиньѣми. да не поперѫтъ ихъ ногами своими. і вращьше сѧ растръгнѫтъ
вы ·:· 7. Просите и дастъ сѧ вамъ. іщѣте и обрѧщете. тлъцѣте и
отвръзетъ сѧ вамъ. 8. вьсѣкъ бо просѧи приемлетъ. і ищѧи обрѣтаатъ.
і тлъкѫщюмоу отвръзаатъ сѧ ·:· (Мф. VII, 1—8.)

2

14. і пришедъ і҃съ въ домъ петровъ. видѣ тъщѧ его лежащѫ. огнемъ
жегомѫ. 15. і прикоснѫ сѧ рѫцѣ еѩ. і остави ѭ огнь. і въста и слоужаше
емоу. 16. Поздѣ же бывъшоу. привѣсѧ къ немоу. бѣсъны мъногы. і изгъна
словомъ д҃хы. і вьсѧ недѫжъныѩ исцѣли. 17. да събѫдетъ сѧ реченое про-
рокомъ. исаиемь г҃лѭщемь. тъ. недѫгы наша приѩтъ. и болѣзни понесе.
18. оузьрѣ же і҃съ мьногы народы окрѫсть себе. повелѣ ити на онъ полъ.
19. і пристѫпь единъ кънижъникъ рече емоу. оучителю идѫ по тебѣ.
ѣможе колижьдо идеши. 20. г҃ла емоу і҃съ. лисы ѣзвины имѫтъ. і птицѧ
н҃бскыѩ гнѣзда. а с҃нъ ч҃лвчскы не иматъ къде главы подъклонити. 21. дроугыи
же отъ оученикъ рече емоу г҃и. повели. ми прѣжде ити. і погрети. о҃тца
моего. 22. і҃съ же г҃ла емоу. гради по мьнѣ. і остави мрътвыѩ погрети
своѩ мрътвьцѧ... 23. і вьлѣзъшоу емоу въ корабь по немь идѫ оученици
его. 24. і се трѫсъ великъ бысть въ мори. ѣко покрывати сѧ кораблю
влънами. а тъ съпаше. 25. і пришедъше оученици его. възбоудишѧ и
г҃лѭще г҃и. съп҃і ны погыблемъ. 26. і г҃ла имъ. что страшиви есте мало-
вѣри. тогда въставъ запрѣти вѣтромь и морю. і бысть тишина велиѣ.
27. ч҃лвци же чюдишѧ сѧ г҃лще. къто сь естъ ѣко вѣтри и море послоу-
шаѭтъ его ·:· (Мф. VIII, 14—27.)

3

2. і се принѣсѧ емоу ослабленъ жилами на одрѣ лежащъ. і видѣвъ
і҃съ вѣрѫ ихъ. рече ослабленоуемоу. дръзаи чѧдо отъпоущаѭтъ сѧ грѣси
твои. 3. і се едини отъ кънижъникъ рѣшѧ вь себѣ. сь власвимлѣатъ.
4. і видѣвъ і҃съ помышлениѣ ихъ рече. вьскѫѭ вы мыслите зъло въ с҃рдцихъ

вашихъ. 5. чьто бо естъ оудобѣе решти. отъпоущаѭтъ сѧ грѣси твои. ли
рещи въстанъ ходи. 6. нъ да оувѣсте ѣко власть иматъ сн҃ъ чл҃вчскы на
земи отъпоущати грѣхы. тъгда гл҃а ослабленоумоу въстанъ возьми ложе
твое. і иди въ домъ свои. 8. видѣвъше же народи чюдишѧ сѧ и прославишѧ
б҃а. давъшааго власть такѫ чл҃вкомъ. (Мф. IX, 2—8.)

4

3. ...Се изиде сѣѩи да сѣетъ. 4. і сѣѭштоумоу. ова оубо падѫ при
пѫти. і придѫ птицѧ небескыѩ и позобошѧ ѣ. 5. дроугаа же падѫ на
каменеихъ. ѣже не имѣшѧ землѧ мъногы. і абье прозѧбѫ. зане не имѣше
глѫбины землѣ. 6. слънъцоу же восиѣвъшю присвадѫ. і зане не имѣхѫ
корениѣ исъхѫ. 7. а дроугаа падѫ въ тръниі. і възиде трънie и подави ѣ.
8. дроугаа же падѫ на земи добрѣ. і даѣхѫ плодъ. ово съто. ово шесть
десѧтъ. ово три десѧти. 9. имѣѩи оуши слышати да слышитъ. (Мф. XIII,
3—9.)

5

11. бѣ же тоу стадо свино пасомо велие при горѣ. 12. і молишѧ и вьси бѣси
гл҃ѭште. посъли ны вь свиниѩ да вь нѧ вьнидемь. 13. і авие повелѣ имъ
іс҃ъ. і ишедъше д҃си нечистии. вьнидѫ вь свиниѩ. і оустръми сѧ стадо по
брѣгоу въ море. бѣ же ихъ ѣко дъвѣ тысѫшти. і оутопаахѫ въ мори.
14. і пасѫшти свиниѩ бѣжашѧ. і вьзвѣстишѧ въ градѣ и на селѣхъ.
і придѫ видѣтъ что естъ бывъшее. (Мр. V, 11—14.)

6

1. Въ ты дьни пакы мъногоу сѫштоу народоу. і не имѫштемъ чесо
ѣсти призъвавъ оученикы своѩ іс҃ъ. гл҃а имъ. 2. милъ ми еси народось. ѣко
юже три дьни присѣдѧтъ мьнѣ. і не имѫтъ чесо ѣсти. 3. і аште отпоущѫ
ѩ не ѣдъшѧ въ домы своѩ. ослабѣѭтъ на пѫти. дроузии бо ихъ изъ
далече сѫтъ пришъли. 4. і отъвѣшташѧ емоу оученици его. отъ кѫдоу
сьѩ можетъ къто (сьде) насытити хлѣбъ на поустыни. 5. і въпроси ѩ
колико имате хлѣбъ. они же рѣшѧ седмь. 6. і повелѣ народоу възлешти
на земи. і приемъ седмь тѫ хлѣбъ. хвалѫ въздавъ прѣломи. і даѣше оуче-
никомъ своимъ да прѣдълагаѭтъ. і положишѧ прѣдъ народомъ 7. і имѣахѫ
и рыбицъ мало. і ты благословивъ рече. прѣдъложите и ты. 8. ѣсѧ же и
насытишѧ сѧ. і вьзѧсѧ избытъкы оукроухъ седмь кошьницъ. 9. бѣ же
ѣдъшиихъ ѣко четыри тысѫштѧ. і отъпоусти ѩ. (Мр. VIII, 1—8.)

7

21. і приключьшю сѧ дьни потрѣбьноу егда иродъ рождьствоу своемоу
вечерѭ творѣаше кънѧземъ своимъ и тысѫштьникомъ. і старѣишинамъ
галилеискамъ, 22. и въшедъши дъштери еѩ иродиѣдѣ. і плѧсавъши и

оугождъши иродови. і възлежаштимъ съ нимъ. рече цр҃ь дѣвици проси оу мене емоуже аште хощеши и дамь ти. 23. і клатъ сѧ еи. ѣко егоже аште просиши дамь ти. до полъ цр҃ствиѣ моего. 24. она же ишедъши рече къ матери своеи. чесо прошѫ. Ѡна же рече главы иоана кр҃стителѣ. 25. і въшедъши абие съ тъштаниемь къ цр҃ю. проси гл҃ѭшти хощѫ да даси ми отъ нега на блюдѣ главѫ иоана крьстителѣ. 26. і прискрьбенъ бытъ цр҃ь за клатвы. и възлежащиихъ съ нимъ. не въсхотѣ отърещи сѧ еи. (Мр. VI, 21—27.)

8

36. Молѣаше же и единъ отъ фарисѣи да би ѣлъ съ нимъ. і въшедъ въ домъ фарисѣовъ вьзлеже. 37. і се жена въ градѣ ѣже бѣ грѣшьница. і оувѣдѣвъши ѣко вьзлежитъ. въ храминѣ фарисѣовѣ. принесъши алавастръ муроу. 38. і ставъши зади при ногоу его. плачѭшти сѧ начѧтъ мочити ноѕѣ его слъзами. и власы главы своеѩ отирааше. і облобызааше ноѕѣ его и мазааше муромь. 39. видѣвъ же фарисѣи възъвавы его рече вь себѣ гл҃ѧ. съ аште би былъ пр҃къ. вѣдѣлъ би оубо кто и какова жена прикасаатъ сѧ емь. ѣко грѣшьница естъ. (Лук. VII, 36—39.)

САВВИНА КНИГА

1

33. Рече г҃ь притъчѫ сиѭ. чл҃къ единъ бѣ богатъ. иже насади виноградъ й ископа вь немь точило. й прѣдастъ і дѣлательмъ й отиде. 34. й егда же приде врѣмѧ емати і посъла равъ своѧ къ дѣлательмъ иматъ вина своего. 35. й имъше дѣлателе рабы его. бишѧ. а дроугыѧ оубишѧ. овы же камениемь побишѧ. 36. пакы посъла йны рабы множѣишѧ прьвыхъ. й тѣм створишѧ такожде. 37. послѣди же посъла с҃на своего къ нимъ гл҃ѧ. постыдѧтъ сѧ с҃на моего. 38. дѣлателе же видѣвъше с҃на его рѣшѧ къ себѣ. се естъ

наслѣдъникъ придѣте да оубиемъ сего. й оудрьжимъ наслѣди его. 40. й егда

оубо приде г҃ь виноградоу. что створи тъ дѣлательмъ. гл҃ашѧ емоу. 41. зълъѧ зьлѣ побитъ. й виноградъ прѣдастъ инѣмъ дѣлательмъ. иже въздадѧтъ емоу. плодъ въ врѣмена своѩ (Мф. XXI, 33—41.)

2

1. ...тогда посъла. в҃. оученика своѩ 2. гл҃ѧ има. идѣта въ вьсь ѩже естъ прѣмо вама. й абие обрѧщета осьлѧ приказано. й жрѣбѧ съ нимь. отрѣшъша приведѣта е сѣмо. 3. й аще речетъ кто вама что. рьцѣта ѩко г҃ь трѣбоуетъ ею. й посъла ѩ. (Мф. XXI, 1—3.)

3

30. чл҃къ єдинъ сънхождаше отъ иер҃лима въ єрихѫ. и въ разбоиникы въпаде. иже съвлькъше і. и ꙗзвы въложъше оставльше і єлѣ живого сѫща отиде. 31. по приключаю же иереі єдинъ. идѣше ѫтьмь тѣмь. и видѣвъ і мимоиде. 32. такожде же и леоугитъ бывъ на томь мѣстѣ. пришьдъ и видѣвъ і мимоиде. 33. самарѣнинъ же єтеръ грѧды приде къ немоу. и видѣвъ і мл҃рдова. 34. и пристѫпь обвѧза ꙗзвы єго вьзливаѩ олѣі и вино. възъмъ же і на скотъ свої. приведе же і въ господѫ. и прилежаше ємь. 35. и на оутриꙗ шьдъ. и вьзьмъ. в҃. пѣнѧза. дасть гостьникоу. и рече прилежи ємь. и аще. что иждивеши. азъ єгда възвращѫ сѧ. въздамь ти. (Лук. X, 30—35.)

4

16. рече г҃ь притъчѫ сиѭ. чл҃коу єдиномоу богатоу оугобьзи сѧ нива. 17. и помышлѣше к себѣ гл҃ѧ. что сътворѭ. ꙗко не и(ма)мъ кьде събрати плодъ моихъ. 18. и рече се створѭ. разорѭ. житьницѫ моѭ. и большѫ съзиждѫ. и съберѫ тоу вса жита моꙗ. и доброє своє. 19. и рекѫ д҃ши своєи. имаши много добро. лежащеє на лѣта многа. почиі ꙗждъ пиі весели сѧ. 20. рече же ємоу б҃ъ безоумьлю. въ сиѭ нощь вьземлѭтъ д҃шѫ твоѭ. а ꙗже оуготови. комоу бѫдѫтъ. 21. тако и събираꙗі себѣ. а не въ б҃а богатѧ сѧ. се гл҃ѧ възгласи. имѣѩі оуши слышати да слышитъ. (Лук. XII, 16—21.)

5

Въ оно[1]. 33. пришьдъше коши на место рекомоє голъгофа. єже нарицаєтъ сѧ. краниєво мѣсто. 34. дашѧ ємоу оцьтъ пити. съ злѣчиѭ съмѣшенъ. и вькоушъ не хотѣше пити. 35. распьнъше же раздѣлишѧ ризы єго. и меташѧ жрѣбиѩ. 36. и сѣдъше стрѣжахѫ і тоу. 37. и положишѧ врьхоу главы єго винѫ написанѫ. се єсть ц҃рь июдеискъ. 38. тогда распѧшѧ съ нимь. в҃. разбоишика. єдиного о деснѫѭ. и єдиного о лѣвѫѭ. 39. мимоходѧще же хоулѣхѫ і. покываѭще главами своими. (Мф. XXVII, 33—39.)

АССЕМАНИЕВО ЕВАНГЕЛИЕ

1

1. И҃су рождьшю сѧ въ віѳлеоми июдеистѣмь. въ дьни ирода ц҃рѣ. се вльсві отъ въстокь. прідѫ въ ер(л)мъ. 2. гл҃ште. кьде єстъ рождеи сѧ ц҃рь

[1] въ оно — въ оно врѣмѧ.

июдеискъ. видѣхомъ бо ѕвѣздѫ его на вьстоцѣ. и прідомъ поклонітъ сѧ
емоу. 3. Слышавъ же иродъ цр҃ь сьмѧте сѧ. и весь иерслмъ съ німъ.
4. и събьравъ вьсѧ архиереѩ и кънижьникы людьскыѩ. въпрашааше ѩ къде
Хъ раждаетъ сѧ. 5. они же рѣшѧ емоу. въ віѳлеоми июдеистѣи. тако бо
пісано естъ. 7. тогда иродъ таи призьвавъ вльхвъи. испыта ѿ ніхъ. врѣмѧ
ѣвльшаѩ сѧ ѕвѣзды. 8. И посълавь ѩ въ віѳлеомъ. рече. шедъше испы-
таите извѣстъно о отрочѧті. и егда обрѧштете. възвѣстите мі. да и азъ
шедъ поклонѭ сѧ емоу. 9. Они же послоушавъше цр҃ѣ идѫ. и се ѕвѣзда
ѭже відѣшѧ на вьстоцѣ. идѣаше прѣдь німі. доидеже пріиедші ста
връхоу. идѣже бѣ отрочѧ. 10. Видѣвъше же ѕвѣздѫ въздрадовашѧ сѧ
радостиѭ веліеѭ ѕѣло. 11. и въшедъше въ храминѫ. идешѧ отрочѧ
съ маріеѭ. мт҃риѭ его. и падъше поклонішѧ сѧ емоу. и отвръзъше
съкровіщіа своѣ. принѣсѧ емоу дарꙑ. Злато и ливанъ и змνрнѫ. 12. и отъвѣтъ
пріемъше въ сьнѣ. не възвратішѧ сѧ кь иродоу. нъ инѣмъ пѫтемъ. отідѫ
въ страиѫ своѭ. (Мф. II, 1—5, 7—12.)

2

11. чл҃къ етеръ имѣ дъва с҃ны. 12. и рече менъші с҃нъ оц҃ю. о҃че даждъ
мі достоинѫѭ чѧсть имѣніѣ. и раздѣлі има имѣние. 13. и не по мноѕѣхъ
дънехъ. сьбьравъ вьсе мьнии с҃нъ. отиде на страиѫ далече. и тоу сы
расточи имѣние свое. живы блѫдьно. 14. иждивъшоу же емоу вьсѣ. бы
гладъ крѣпокъ на страиѣ тои. и тъ иачѧтъ лішаті сѧ. 15. и шедъ прілѣпи
сѧ едіномъ. отъ жітель страны тоѩ. и посъла и на села своѣ пастъ свиниі.
16. и желааше насытіті сѧ. отъ рожець иже ѣдѣахѫ свиниѩ. И нікто же
даѣаше емоу. 17. вь себѣ же пришедъ рече. колікоу наемъникъ оц҃а моего
избываѭтъ хлѣбі. азъ же сьде гладомъ гыблѭ. 18. въставъ идѫ къ оц҃ю.
и рекѫ емоу о҃че съгрѣшихъ на н҃бо и прѣдъ тобоѭ. 19. юже не достоинъ
есмъ нарещи сѧ с҃нъ твои. сътворі мѧ ѣко едіного ѿ наемьникъ твоихъ.
20. и въставъ поиде кь оц҃ю своемоу. (Лук. XV, 11—20).

3

12. въсходѧщю ис҃оу въ весь етерѫ сьрѣте и. десѧть прокаженъ мѫжь.
іже ставъше издалече. 13. и ті възнѣсѧ гласъ. гл҃ште. ис҃е наставъниче
помилоуи нъи. 14. и відѣвъ ѩ рече имъ. шедъше покажите сѧ иереомъ.
и бъи идѫщемъ им. ичистишѧ сѧ. единъ же отъ нихъ відѣвъ. ѣко ицѣлѣ.
възвраті сѧ. гласомъ велиемъ славѧ Б҃а. 16. и падъ ниць на колѣноу его.
хвалѫ емоу въздасть. (Лук. XVII, 12—16.)

СИНАЙСКАЯ ПСАЛТЫРЬ

1

14. ..оуслыши мѧ въ҆рѣсноте сп҃а твоего ∴ 15. сп҃і мѧ отъ брені҄ѣ да не
оуглъбѭ ∴ Ї҆збаві отъ ненавідѧштіхъ мѧ ∴ ї отъ глѫбокыхъ водъ ∴ 16. да
не потопітъ мене боурѣ водьнаѣ ∴ ні пожьретъ мене глѫбіна ∴ ні съведетъ
о мьнѣ ровьнікъ оустъ своіхъ ∴ 17. Оуслыши мѧ г҃і ѣко блага естъ мілость
мѧ
твоѣ ∴ по мъножьствоу штедротъ твоихъ прізрі на ∴ 18. не отъврати ліца
твоего отъ отрока твоего ∴ ѣко скрьблѭ ѩдро оуслыши мѧ ∴ 19. Вонъми
д҃ші моеї ї отъмі ѭ ∴ Врагъ моіхъ раді избаві мѧ ∴ 20. Ты бо съвѣси
поношеніе мое ї стоудъ мой ї срамотѫ моѭ ∴ Прѣдъ тобоѭ сѫтъ вьсі
сътѫжаѭштеі мьнѣ ∴ 21. Поношені҄ѣ прічаѣ д҃ша моѣ і страсті ∴ і жьдахъ
иже со мъноѭ поскрьбітъ і не бѣ ∴ (гл. LXVIII, 14—21.)

2

4. ѣко іспльні сѧ золъ д҃ша моѣ ї жівотъ мой адѣ прібліжі сѧ ∼
5. Прімѣненъ быхъ съ нізъходѧштіімі въ ровъ ∴ быхъ ѣко. 6. чловѣкъ
бес помошті оу мрьтвыхъ свободь ∴ ѣко ѣзвьні съпешті въ гробѣхъ іхъже
нѣсі помѣнѫлъ къ томоу ∴ ї и ті отъ рѫкы твоеѩ отърінoвені бышѧ.
7. Положішѧ мѧ въ ровѣ прѣісподьнімь ∴ Въ темьныхъ въ сѣни съмрьтьнѣ ∴
8. На мѧ оутврьди сѧ ѣрость твоѣ ∴ ї вьсѧ влъны твоѩ наведе на мѧ ∴
9. Оудалилъ есі знані҄ѣ моѣ отъ мене ∴ положишѧ мѧ въ мрьзость
себѣ ∴ Прѣданъ быхъ и неісхождаахъ ∴ 10. Очи мои изнеможете отъ
ніштеты ∴ Въздѣхъ рѫцѣ мои ∴ 11. Ода мрьтвымь сътворіші чюдеса ∴
ли балиѩ въскрѣсѧтъ исповѣдѧтъ сѧ ∼ тебѣ ∴ (Гл. LXXXVII, 4—11.)

9. Прѣдѣлъ положи егоже не прѣідѫтъ: ни обратѧтъ сѧ покрытъ
землѩ: ∼∼∼ 10. Посылаѩ источьнікы во дьбрехъ: Посрѣдѣ горъ проідѫтъ
ды: ∼
во 11. Напоѩтъ вьсѧ звѣрі сілъныѩ: Жидѫтъ аонагрі въ жѧждѫ...
своѭ: ∼∼∼ 12. На ты пьтіцѧ н҃бныѩ прівітаѭтъ: Отъ срѣды камьньѣ
дадѧтъ гласъ: 13. Напаѣѩ горы отъ прѣвъспрьніхъ своіхъ: Отъ плода дѣлъ
твоіхъ насытітъ сѧ землѣ: ∼ 14. Прозѩбаѩи пажитъ скотомъ ї травѫ на
л
слоужьбѫ ч҃лкмъ: ∼ Їзвести хлѣбъ отъ землѩ: и вино вьзвеселитъ ср҃дце
ч҃лкоу: ∼ 15. Оумастіті ліце олѣимъ: и хлѣбъ ср҃дце ч҃лкоу оукрѣпитъ
16. Насытѧтъ сѧ дрѣва польскаа: Кедры ліванъскы-ѩ-же есі наса-
ділъ: ∼∼∼ 17. Тоу пьтіцѧ оугнѣздѧтъ сѧ:' Вродово жилище обладаетъ
імі: ∼∼∼ 18. Горы высокыѩ еленемъ: каменъ прібѣжище заѩцемъ ∴
(Гл. CIII, 9—18.)

СИНАЙСКИЙ ТРЕБНИК

...Ходатаю нашъ. і доводителю. къ оцю твоемоу нбснуомоу. молимъ тѧ о всѣхъ насъ. недостоиныхъ рабѣхъ твоихъ. Нынѣ же паче вьпиемъ о братрѣ нашемь. і рабѣ твоемь семь. не прѣдажди его гі поношенью безоумьнымъ. ни ѣростиѭ обличи. Ни гнѣвомь твоимь покажи насъ. забѫди грѣхы его. і ицѣли и отъ одрьжащаꙗ болѣзни. Да не посрамenъ бѫдетъ. знаменавъи сѧ въ имѧ твое. і хвалѧ сѧ о тебѣ. (Гл. 27[б], 2—16.)

2

Свѣтъ очью моею і тъ нѣстъ съ мноѭ·/. Дроузи мои і ближикы моꙗ. Прѣмо мнѣ приближишѧ сѧ и сташѧ. Ближьнии мои далече сташѧ/. И нѫждаахѫ сѧ искѫщии дшѧ моеꙗ. искѫще зъла мнѣ глахѫ. Соуетънаа и лестьнаа вс҄ь день пооучахъ сѧ·/· азъ же ѣко и глоухъ не слышахъ. И ѣко нѣмъ не отврьзахъ оустъ своихъ·/. И быхъ ѣко чкъ не слышѧ. і не имы въ оустѣхъ своихъ обличениѣ·/. ѣко на тѧ гі оупъвахъ. і ты оуслыши мѧ гі бже мoi. (Гл. 76[б], 1—15.)

3

подобьно естъ цртво нбское. чкоу црю. еже сътвори бракъ снoу своемоу. і посъла рабы своꙗ. призъвати зъваныꙗ на бракъ. і не хотѣахѫ прити. Пакы посъла ины рабы глѧ. Рьцѣте зъванымъ. се обѣдъ мои оуготовахъ. і юньци мои оупитѣнаа исколена. і вс҄ѣ готова. придѣте на бракъ. Ѡни же не рождьше отидѫ. ѡвъ на село свое. ѡвъ же на коупліѫ своѭ. а прочи емъше рабы его. Доадишѧ имъ. и ізбишѧ ꙗ. і слышавъ црь тъ разгнѣва сѧ. і посълавъ воꙗ своꙗ погоуби оубиицѧ ты. и градъ іхъ зажеже. тогда гла рабомъ своимъ. бракъ оуготованъ естъ. а зъвании не бѣшѧ достоини. Ідѣте оубо на исходища пѫтеи. і елико аще обрѧщете. Призовѣте на бракъ. і ишедъше раби ти на пѫти. собьрашѧ вс҄ѧ обрѣтѫ. зълыꙗ же и добры. іспльнишѧ бракъ вьзлежащиихъ. Вьшедъ же црь тъ видѣтъ вьзлежащиихъ. Видѣ тоу чка не облъчена. въ одѣние брачьное. і гла емоу дроуже. како вьниде сѣмо. не имы одѣниѣ брачьнааго. онъ же оумлъча. тогда рече црь слоугамъ. съвѧзавъше и по рѫцѣ и по нозѣ. Вьзьмѣте и въврьзѣте и. въ тьмѫ кромѣщьнѭѭ. тоу бѫдетъ плачь и скрьжетъ зѫбомъ мнози бо сѫтъ зъвании. мало же избраныхъ. (Гл. 106[а], 9—25, гл. 106[б], 1—26.)

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ

Житиѥ и дѣаниѥ прѣподобьнаѥго анина.

Повелѣ же нѣкомоу отъ братьѩ тешти къ паничици. и пришед'шиимъ отъ пѫти. жад'номъ сѫштемъ водѫ принести. он' же рече ꙗко не иматъ паничица воды инкакоже. и то само оуиштааше братъ. ꙗкоже прѣжде малы своима рѫкама самѫ тѫ оставъшѫ водѫ. пришед'шимъ к немоу стран'ныимъ принесъ. Правьдьный же слышавъ то. и вьздѣвъ рѫцѣ на небо. кротцѣ и тихо братоу рече. иди въ имѧ гне. и надѣѭ сѧ ꙗкоже обрѧштеши водѫ. и шьдъ отврьзе двьри паничицѧ. и обрѣте ѭ испльнь. и вьздивь сѧ и оужасъ. и прославивъ ба. почрьпъ принесе жаждѫштиимъ. поведаѧ имъ сълоучивъшаа сѧ чоудеса бжиꙗ. стави же собоѭ чоудо то. и отътоли отъ своѥго троуда готовити водѫ. на питиѥ стран'ныимъ. водонось противѫ своѥи силѣ оуготови. без' лѣности сь тихомъ лицемъ. ношааше водѫ отъ рѣкы ѥфрата. на рамоу своѥю. и пиꙗхѫ приходѧштии к немꙋ. въ ношти же то творааше. начьнъ носити отъ вечера дожи и до зорь. не ставьꙗ пѣсни. нъ присно ѭ съврьшаѩ по всемоу пѫти... възъмв водонось. начѧ ити пѫтьмь на рѣкѫ. прѣжде же дошьстиꙗ ѥмꙋ прѣполовьѥниꙗ пѫти. обрѣте сѧ водонось испльнена воды. авьѥ же сьньмъ ѭ и поставивъ на земи. прѣклонивъ колѣнѣ и плака и моли сѧ. и въставъ вьздѣ рѫцѣ свои на небо. и благодари бога. възъм' же водонось възврати сѧ въ манастырь свой. Пришьд'ъший же к немоу стран'ний. видѣвъше ꙗкоже възврати сѧ не дошьдъ рѣкы. мнѣахѫ ѥмоу разболѣти сѧ. и не мошти по оустав'ноуоумоу ѥго дойти до ѥфрата. и текъ ѥдинъ отъ братиѩ на сърѣтениѥ ѥго. вьзѧти водонось оть него. и ити и почрѣти вь него мѣсто оть рѣкы. и дотекъ стааго. обрѣте ѥже на рамоу ѥго водонось испльнь воды. оужасъ же сѧ брат'. възврати сѧ. само то ꙗвьꙗ. събравъше сѧ оужас'ни же бывъше. и дививъше сѧ бывъшоуоумоу славьꙗхѫ ба. (Гл. 549_{22}—550_{11}, Гл. 550_{23}—551_{9}.)

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ

1

13. Ѡшьдъшемъ же вълхвомъ. се англъ гнь въ сънѣ ꙗви сѧ иосифоу глꙗ въставъ. поими отрочѧ. и матерь ѥго. и бѣжи въ егуп'тъ и бѫди тоу. доньдеже ти рекѫ хощеть бо иродъ искати отрочѧте. да погоубить ѥ. 14. онъ же въставъ. поѩтъ отрочѧ. и матерь ѥго нощиѭ. и отиде въ егуп'тъ. 15. и бѣ тоу. до оумрьтиꙗ иродова. да събѫдеть сѧ рече-ноѥ отъ га. прокъмь глѭщемъ отъ егуп'та възъвахъ снъ мои. 16. тогда

иродъ. видѣвъ ѩко поржганъ бысть отъ влъхвъ. разгнѣва сѧ ѕѣло и посълавъ. изби вьсѧ отрокы сѫщаѩ въ виѳлеемѣ и въ вьсѣхъ прѣдѣлѣхъ ѥѩ. отъ дъвоѭ лѣтоу. и ниже по врѣмени ѥже испыта отъ влъхвъ. 17. тогда събысть сѧ реченоѥ. иеремиѥмь прѣкъмь глѭщемь. 18. гласъ въ рамѣ. слышанъ бысть плачь и рыданиѥ и въпль мъногъ рахиль плачѫщи сѧ. чадъ своихъ и не хотѣаше оутѣшити сѧ ѩко несѫть. 19. оумьръш' же иродоу. се ан'гелъ гнъ въ сънѣ ѩви сѧ иосифоу въ егуп'тѣ 20. глѩ. въставъ. поими отрочѧ и матерь ѥго. и иди въ землѭ излевъ. измрѣшѧ бо ищѫщеи доушѧ отрочѧте. (Мф. II, 13—20.)

2

17. тъ бо иродъ посълавъ ѩтъ иоана. и съвѧзавъ и въсади въ тьмьницѫ. иродиѩды ради жены филипа брата своѥго. ѩко жени сѧ ѥѭ. 18. глааше бо иоанъ иродови ѩко не достоить тебѣ имѣти. жены брата твоѥго.
19. иродиѩ же гнѣваше сѧ на нь. и хотѣаше и оубити. и не можааше.
20. иродъ бо боѩаше сѧ иоана. вѣды мѫжа правьдьна и ста. и храниѩаше н. и послоушаѩ ѥго мъного творѣаше. и въ сласть ѥго послоушааше. (Мр. VI, 17—20.)

Сравните между собой следующий отрывок по Зографскому, Мариинскому, Ассеманиеву, Остромирову евангелиям и Саввиной книге.

ЗОГРАФСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

16. ...чкъ етеръ сътвори вечерѫ велыѭ. і възъва мъногы. 17. і посъла рабы своѩ въ годинѫ вечерѧ. рече зъванымъ грѧдѣте. ѣко оуже готова сѫтъ вьсѣ. 18. і начашѧ въ коупѣ отърицати сѧ в'си. пръвы рече емоу. село коупихъ. імамъ нѫждѫ ізити. і видѣти е молѭ тѧ імѣі мѧ отърече-
чена. 19. і дроугы рече емоу. сѫпрѫгъ воловъныхъ. коупихъ пѧть. і грѧдѫ іскоуситъ іхъ. молѭ тѧ імѣі мѧ отрекъша сѧ. 20. і дроугы рече. женѫ поѩхъ. і сего ради не могѫ прити. 21. пришьдъ рабъ повѣда гноу своемоу. Тогда разгнѣвавъ сѧ гнъ домоу. рече рабоу своемоу. ізиди на распѫтьѣ і стъгны града і ништаѩ і бѣдъныѩ. і хромыѩ і слѣпыѩ. въведи сѣмо.
22. і рече рабъ. ги бы еже повелѣ і еще мѣсто естъ. 23. і рече гь рабоу. ізиди на пѫти. і халѫгы. і оубѣди вьнити. да напльнитъ сѧ домъ мои. (Лук. XIV, 16—23.)

МАРИИНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

16. ...чл҃вкъ единъ сътвори вечерѭ велиѭ. и зъва мъногы. 17. и посъла рабъ свои въ годъ вечера решти зъванымъ грѧдѣте. ѣко оуже готова сѫтъ вьсѣ. 18. і начѧсѧ въкоупъ отрицати сѧ вьси. прьвы рече емоу. село коупихъ и имамъ нѫждѫ изити и видѣти е. молѭ тѧ имѣи мѧ отъречена. 19. и дроугы рече сѫпрѫгъ воловъныихъ коупихъ пѧть. и грѧдѫ искоуситъ ихъ. молѭ тѧ имѣи мѧ отъречена. 20. и дроугы рече женѫ поѧсъ и сего ради не могѫ прити. 21. и пришьдъ рабъ тъ повѣдѣ се гс҃подиноу своемоу. тогда разгнѣвавъ сѧ господинъ домоу. рече рабоу своемоу. изиди ѩдро на распѫтиѣ и стьгны града. і ништѧѩ и бѣдьныѩ и хромыѩ и слѣпьѩ въведи сѣмо. 22. і рече рабъ. г҃и бысть ѣкоже повелѣ. и еште мѣсто естъ. 23. и рече г҃ъ рабоу. изиди на пѫти и халѫгы. и оубѣди вънити. да напльнитъ сѧ домъ мои. (Лук. XIV, 16—23.)

АССЕМАНИЕВО ЕВАНГЕЛИЕ

16. ч҃лкъ етеръ сътворі вечерѭ велиѭ. и зъва мъногы. 17. и посъла раба своего въ годъ вечерѩ. рещи зъванымъ. грѧдѣте ѣко оуже оуготована сѫтъ вьсѣ. 18. и начѧшѧ въкоупь отърiцаті сѧ вьсi. прьвыи рече емоу. село коупихъ и имамъ нѫждѫ изиті и видѣті е. молѭ тѧ имѣи мѧ отречьна. 19. и дроугы рече емоу. сѫпрѫгъ воловъныихъ коупихъ пѧть. и грѧдѫ искоуситъ ихъ. молѭ тѧ имѣи мѧ отъречна. 20. и дроугы рече женѫ поѩхъ. и сего раді не могѫ приті. 21. и пришедъ рабь ть повѣда гс҃подиноу. своемоу сии. тогда разгнѣвав сѧ гн҃ъ домоу. рече рабоу своемоу. изіді скоро на распѫтiѣ. и стьгны града. и нищѧѩ и бѣдьныѩ. и хромыѩ и слѣпыѩ въведі сѣмо. 22. и рече рабь гд҃ноу своемоу. бы еже повелѣ. и еще мѣсто естъ. 23. рече же гн҃ъ рабоу. изіді на пѫти и халѫгы. и оубѣді вънити. да наплънить сѧ домъ мои. (Лук. XIV, 16—23.)

САВВИНА КНИГА

16. ...ч҃лкъ етеръ створи вечерѫ велиѭ и зъва многы. 17. и посъла рабы своѩ въ годъ вечера. рещи зъванымъ идѣте. ѩко ѹже готово естъ все. 18. и начѧшѧ въ коупь отърицати сѧ вси. прьвы рече емоу. село коупихъ и имамъ нѫждѫ изити и видѣти е. молѫ тѧ имѣи мѧ отърещи сѧ. 19. и дроугы рече емоу сѫпрѫгъ воловьныхъ коупихъ. е҃. и се идѫ искоушатъ ихъ. молѫ тѧ имѣи мѧ отърекъша сѧ. 20. и дроугы рече женѫ поѩхъ. и сего ради не могѫ ити. 21. и пришьдъ рабъ тъ повѣда г҃оу

своѥмоу. тогда разгнѣвавъ сѧ г҃нъ домоу. рече рабоу своѥмоу. изиди скоро на распѫтиꙗ. и на стьгны градоу. и събери нищѧѧ и бѣдьныѧ. и хромыѧ и слѣпыѧ въведи сѣмо. 22. и рече рабъ г҃и бытъ ꙗкоже повелѣ. и ѥще мѣсто ѥстъ. 23. и рече г҃ь рабоу. изиди на пѫти. и халѫгы. и оубѣди вьнити да напльнитъ сѧ храмъ мои (Лук. XIV, 16—23.)

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ

16. ...ч҃лкъ нѣкыи. сътвори вечерѭ великѫ. и зъва мъногы. 17. и посъла рабъ свои. въ годъ вечери. рещи зъваныимъ. придѣте. ꙗко оуже оуготована сѫть вьса. 18. и начѧшѧ въкоупѣ отърицати сѧ вьси прьвыи рече ѥмоу село коупихъ. и имаамъ ноуждѫ изити и видѣти ѥ молѭ тѧ. имѣи мѧ отърочьна. 19. и дроугы рече сѫпрѫгъ воловьныихъ. коупихъ пѧть и хощѫ искѫситъ ихъ молѭ тѧ имѣи мѧ отърочьна. 20. и. дроугы рече женѫ поѩхъ. и сего ради не могѫ прити. 21. и пришьдъ рабъ тъ повѣда господиноу своѥмоу се тогда разгнѣвавъ сѧ г҃ь домоу. рече рабѫ своѥмоу. изиди скоро. на распѫтиꙗ. и стьгны градоу и нищѩѩ. и бѣдьныѩ. и хромыѩ и слѣпыѩ въведи сѣмо. 22. и рече рабъ. г҃и бысть ѥже повелѣ и ѥще мѣсто ѥсть. 23. и рече г҃ь рабоу. изиди на пѫти и халѫгы. и оубѣди вънити. да напльнить сѧ домъ мои. (Лук. XIV, 16—23.)

СЛОВА ПОД ТИТЛАМИ

Б҃ъ = богъ, бл҃го = благо, бл҃гви = благослови, бл҃гнъ = благослов(л)енъ, быⷭ҇ = бытъ; в҃лка, вл҃дка = владыка; г҃ви = господеви, г҃дь = господь, г҃и = господи, гл҃а = глагола, гл҃ати = глаголати, гл҃ште = глаголѭште, гл҃ъ = глаголъ, гл҃ѧ = глаголѩ, гл҃аше = глаголааше, гл҃ахѫ = глаголаахѫ, г҃нь = господьнь; д҃хъ = доухъ, д҃ши = доуши; ир҃мъ, иерⷭ҇мъ = Иѥроусалимъ; и҃с, и҃съ = И (н)соусъ; Кⷰ = коньць; мл҃срдова = милосрьдова; н҃бо = небо, н҃бскъ = небесьскъ, н҃бснъ = небесьнъ, н҃се = небесе; о҃ць = отьць, о҃че = отьче; пр҃къ, пр҃ркъ, прⷪ҇ркъ = пророкъ; сп҃и = съпаси, сп҃ение = съпасение, ср҃дце = срьдьце, с҃тъ = святъ, с҃нъ = сынъ, с҃тмъ = святымъ; т҃ло = тѣло: Х҃съ = Хрьстосъ; ц҃рь = цѣсарь, ц҃рькъ = цѣсарьскъ, ц҃рю = цѣсарю, ц҃рство = цѣсарьство, ц҃рствие = цѣсарьствие; ч҃къ, ч҃лкъ = чловѣкъ, ч҃коу = чловѣкоу, ч҃скъ = чловѣчьскъ·

СЛОВАРЬ К ТЕКСТАМ

А

а — а, но
абиѥ, абьѥ — тотчас, немедленно, скоро
авити см. ꙗвити
авлꙗти сѧ см. ꙗвлꙗти сѧ
агньць, агнѥць — ягненок, барашек
адъ — ад, преисподняя, пе́кло
аеръ — воздух
азъ (местоимение) — я
ако см. ꙗко
акы (наречие) — как, как-то
алабастръ — сосуд из алебастра
али — но, однако
алъдии см. ладии
алъканиѥ, алъканьѥ — голодание
ал(ъ)кати, алъчѫ — голодать, ощущать голод, поститься
аминь — истинно
аонагръ — дикий осел
архиереи, аръхиереи — архиерей, первосвященник
архисѵнагогъ — старейшина собора
архитриклинъ — распорядитель пира
аціѣ — все-таки, тем не менее
аште — если (ли)
ашоуть — напрасно

Б

б҃а — бога
багъраница — пурпур
балии — врач
бе вм. беꙁ — перед фрикативными и шумными согласными
беꙃакониѥ, беꙁаконьѥ — беззаконие
беꙁвѣстьнъ — безвестный, неизвестный
беꙁгода — бесчисленное множество
беꙁ-д-раꙁоума — без разума
беꙁдъна — бездна, пропасть
беꙁотьство — бесстыдство, наглость
беꙁоумьлъ — безумный
бесквръньнъ — неоскверненный
беспльтьнъ — бесплотный, бестельный
бестоудьнъ — бесстыдный, наглый
бесѣда — разговор, говор, речь
бесѣдовати, бесѣдоуѭ — разговаривать, беседовать
бештисльнъ (от беꙁчисльнъ) — бесчисленный
бештьсти (от беꙁ чьсти) — без чести
бештьстиѥ (от беꙁчьстиѥ) — бесчестие
бештѧдъ (от беꙁчѧдъ) — бездетный
бисьръ — бисер, жемчуг
бити, биѭ — бить, ударять
благо — добро́, имущество, благо
благоволити, благоволѭ — благоволить, проявлять расположение к кому-либо
благовѣстити, благовѣштѫ — сообщать хорошую весть
благодѣть — благодать
благъ — хороший, добрый
блаꙁнити, блаꙁнѭ — соблазнять, искушать, обольщать
ближика — близкий родственник
блюсти, блюдѫ — наблюда́ть, присматривать
блѫдити, блѫждѫ — блуждать, развратничать
блѫдьнъ — непристойный, неприличный; распутный, развратный, безнравственный
бо — потому что, ведь, же
болѥи, боли — бо́льший
бости, бодѫ — бодать
боꙗти сѧ, боѭ сѧ — бояться
бракъ — свадьба, женитьба
бранити, бранѭ — защищать
брань — война
брати сѧ, борѭ сѧ — бороться, воевать

братрия — братия
братрь — брат
брашьно — пища
бридъкъ — жестокий, суровый
брьние, брьнье, брению — грязь, тина, глина
брьвьно — балка, перекладина, бревно
брѣмя — груз, ноша, бремя
брѣшти, брѣгѫ — беречь, заботиться
боуи — глупый, безумный
боукы — написанное, письмо, запись, расписка
боуесть — глупость, безумие
б҃ъ = богъ
бъдрь — бодрый
бъдѣти, бъждѫ — бодрствовать
бьдѣти см. бъдѣти
бьрати, берѫ — брать, собирать
бѣда — необходимость, нужда
бѣжати, бѣжѫ — бежать
бѣсьнъ — бесноватый

В

варити, варѭ — обманывать
варяти, варяѭ — предупредить, обгонять, опережать
варъ — жар, зной
ведро — ясно
велии, велии, великъ — большой
велѣзѣволъ — дьявол, сатана
вельми — много, очень
вести, ведѫ — вести
весь см. вьсь
ветъхъ — старый, ветхий
ветер — вечер
ветерѩ, ветера — пир, обед, угощение
видѣти, виждѫ — видеть
винарь — возделывающий виноград
винопиица — винопиец, пьяница
витати, витаѭ — останавливаться для отдыха; гнездиться (о птицах)
власвимисати, власвимисаѭ — проклинать, злословить, богохульствовать
власфимию — злословие, хула, клевета, богохульство
власъ — волос
вльна — волна
вльхвъ — волхв, ясновидец, предсказатель; волшебник
влѣшти, влѣкѫ — влечь, тащить
водоносъ — ведро, сосуд для ношения воды
вои — воин; лагерь, стан; в вин. п. мн. ч. — воя — войско
вонь см. вънь
воня — запах, аромат
вражии — вражеский
вражьда — неприятель, вражда
вратарь — привратник

вратьва — лечение, исцеление
вратити ся, вращтѫ ся — возвращаться
врьхоу — наверху
врьхъ — верх
врѣмя — время
врѣшти, врьгѫ — бросать
въврѣшти, въврьгѫ — бросать, ввергать
въдовица — вдова
въжделѣти (от въжелѣти), въжделѣѭ — пожелать, хотеть, иметь желание
въжешти, въжегѫ — зажечь
въжизати, въжизаѭ — зажигать
въз (предлог) — на
възал(ъ)кати, възал(ъ)каѭ — почувствовать голод
възбоудити, възбоуждѫ — возбудить, разбудить, пробудить
възвратити ся, възвращтѫ ся — возвратиться
възвраштати ся, възвраштѫ ся — возвращаться
възвѣсити, възвѣшѫ — повесить
възвѣстити, възвѣштѫ — возвестить, оповестить
възгласити, възглашѫ — издать сильный возглас, позвать кого-нибудь, выкрикнуть
възглашати, възглашаѭ — издавать сильный возглас, звать кого-либо, выкрикивать
въздати, въздамь — воздать
въздаяти, въздаѭ — воздавать
въздвигнѫти, въздвигнѫ — воздвигнуть, поднять
въздрадовати ся, въздрадоуѭ ся — возрадоваться
въздрасти, въздрастѫ — вырасти
въздрасть — возраст
въздроути, въздровѫ — зареветь
въздрѣмати ся, въздрѣмлѭ ся — задремать
въдрьжати, въздрьжѫ — воздержаться
въздъхнѫти, въздъхнѫ — вздохнуть
въздыхати, въздыхаѭ — вздыхать
възимати, възьмати, възьмѫ — брать
възити, възидѫ — взойти
възлежати, възлежѫ — питаться, есть (в лежачем положении)
възлешти, възлягѫ — прилечь
възложити, възложѫ — поставить, положить
възлюбити, възлюблѭ — возлюбить
възмошти, възмогѫ — быть в состоянии, смочь
възмясти, възмятѫ — смешать, спутать, сбить; смутить, возмутить
възъвати, възовѫ — воззвать, позвать
възъпити, възъпиѭ — закричать, воскликнуть
възьрѣти, възьрѭ — поглядеть на кого-либо, взглянуть

вьзѧти, вьзьмѫ — взять
вькоупь, вькоупѣ — вместе
вькоусити, вькоушѫ — вкусить, попробовать
вькыснѫти, вькыснѫ — киснуть, заквариться
вълагалиште — кошель, карман
вълати, вълаати сѧ, вълаѭ сѧ — раскачиваться, толкаться, удариться (о волны)
вълагати, вълагаѭ — вкладывать, ставить, помещать
вълѣсти, вълѣзѫ — влесть
вьмести, вьметѫ — бросить, кинуть, закинуть (в)
вьметати, вьметаѭ — бросить, закинуть (в)
вьнегда — когда
вьнимати, вьнемлѭ — внимать
вьнити, вьнидѫ — войти
вьноушити, вьноушѫ — услышать
вьнь, вьнѣ — вне, снаружи
вьнѣшьнь — внешний
вьнѧти, вьньмѫ — понять, разобрать, внять, услышать
вьнѫтрь — внутри
вьнѫтрьнь — внутренний
вьобразити, вьображѫ — образовать
вьпити, вьплѭ — вопить, кричать
вьпл̑ь — крик, вопль
вьпрашати, въпрашаѭ — спрашивать
вьпросити, въпрошѫ — спорить
вьскрилию — край одежды
вьскрьснѫти, вьскрьснѫ — воскреснуть
вьскрѣсити, вьскрѣшѫ — воскресить
вьскрѣшати, вьскрѣшаѭ — воскрешать
вьскысѣти, въскышѫ — скисать (о тесте)
вьскѫѭ — зачем, для чего
вьсприꙗти, вьсприимѫ — воспринять, принять
вьспѧть — назад, обратно
вьстати, вьстанѫ — встать, выпрямиться
вьстокь — восток
вьстрьгати, вьстрьгаѭ — вырывать, выдергивать
вьсхытити, вьсхыштѫ — похитить
вьсхыштати, вьсхыштаѭ — похищать, хватать
вьсчоудити сѧ — удивляться
вьторицеѭ — второй раз
вьчѧти, вьчьнѫ — начать
выꙗ — шея
вьсь (жен. р.) — село
вьсь, вьсꙗ, вьсе — весь, вся, все; целый, -а, -е
вѣдѣти, вѣмь — знать, ведать
вѣкь — век
вѣньць — венец, корона
вѣрьнь — верный
вѣсть — весть, известие
вѣтрь — ветер
вѧште — больше
вѧштии — больший

галилеꙗ, галилѣа (жен. р.) — Галилея
геона — геена, ад
глава — голова
глаголати, глаголѭ — говорить
гладь — голод
глѫбина — глубина
гнести, гнетѫ — гнести, угнетать, давить
гобьзити, гобьжѫ — уродиться (от урожая), созреть
гобезию — плодородие, изобилие
година — час, время года
годь — час, определенное время
гольгота, гольгоѳа, гольгаѳа — Голгофа
гороушьнь, горюшьнь — горчичный
горѣ — вверху
горьши — хуже
господинь — господин, хозяин
господь — хозяин
гост(ин)ьникь — хозяин постоялого двора
гребению — гребля во время плавания, плавание
гривьна — ожерелье
горькь — горький
грѣбиште — могила, могильный склеп
грѣхь — грех
грѧсти, грѧдѫ — идти
гънати, женѫ — гнать

Д

да — чтобы, с целью, пусть
даати, даꙗти, даѭ — давать
давити, давлѭ — давить, душить
далече — далеко
дати, дамь — дать
двигнѫти, двигнѫ — двинуть
двиѕати, движати, движѫ — двигаться
двьрь — дверь
девѧть — девять
деснаꙗ — правая
десѧть — десять
дивити сѧ, дивлѭ сѧ — удивляться
дльгь — долг
дльжьникь — должник
дондеже см. доньдеже
доити, доѭ — кормить молоком, доить
доити, доидѫ — достигнуть, дойти (до)
до коли, доколѣ — до каких пор
донелиже — до тех пор, пока
дон(ь)деже — пока, пока не
досадити, досаждѫ — поступать нагло с кем-либо, наносить обиду
древл̑е — некогда, прежде
дроуга — подруга
дроугь — друг
дроугь (прилагате́льное) — другой
дрьжати, дрьжѫ — владеть, держать

дрьзати, дрьзаѫ — дерзать
дрьзнѫти, дрьзнѫ — дерзость
дрѣво — дерево
дша — душа
дъждь — дождь
дъшти — дочь
дьбрь (жен.) долина, пропасть, бездна, дебри
дьнь, день — день
дьньсь, дьнесь — сегодня
дьрати, дерѫ — драть, рвать
дѣлателъ — работник
дѣлати, дѣлаѭ — работать
дѣльма — ради, из-за, по причине
дѣти, дѣѭ и деждѫ — деть, ставить, класть
дѣть (собирательное) — дети
дѣтьскъ — детский
дѣꙗти, дѣѭ — делать, совершать

Є см. ѥ

Ж

жаль — гроб, гробница, надгробный памятник
желати, желѣти, желаѭ — желать
жена — женщина
женихъ — жених, молодожен
женьскъ — женский
жешти, жегѫ — жечь
животъ — жизнь
жила — жила
жилиште — жилище
жителъ — житель
жити, живѫ — жить
жито — пища, хлеб
житьница — складочное место, амбар
жрьдь — жердь, шест
жрьтва, жрьтва — жертва
жрѣбьць — жеребенок
жрѣба — жеребенок
жрѣти, жьрѫ — приносить жертву, жертвовать
жьдати, жьдѫ — ждать, ожидать
жадати, жаждѫ — испытывать жажду
жатва — жатва
жати, жьнѫ — жать
жати, жьмѫ — сжимать

Ѕ

ѕѣло — очень, весьма

З

забьдѣние — бодрствование
завазати, завазаѭ — завязывать, застегивать
заградити, загражаѫ — загородить
зади — сзади
задѣти, задеждѫ и задѣѭ — заставить
зажешти, зажегѫ — зажечь
зазирати, зазираѭ — упрекать, осуждать
зазьрѣти, зазьрѭ — осуждать, упрекать
заимъ — заем; въ заимъ — взаймы
заити, заидѫ — заходить (о солнце)
закалати, заколѭ — заколоть
заматорѣти, заматорѭ — состариться
занѥ — потому что, так как
запльвати, заплюѭ — заплевать
запати, запьнѫ — расставить сети, поймать в ловушку
зелие — зелень
злъчь — желчь, горькое питье
змии — змей
змиꙗ — змея
знамение — знак, знамение
зрьно — зерно
зъвати, зовѫ — звать
зъло — зло
зьдати, зиждѫ — сооружать, строить дом
зьрѣти, зьрѭ — смотреть
зѣло вм. ѕѣло
зѫбъ — зуб

И

и — 1) союз *и*; 2) вин. пад. ед. ч. муж. р. от местоимения и(же)
иде, идеже — где, когда; тогда, как
иереи — священник
иерлмъ, иерслмъ — Иерусалим
идде, иждеже — тогда как
иждити (от изжити), иждивѫ — истратить, издержать, израсходовать
иже (местоимение) — который
избавити, избавлѭ — избавить, освободить
избавлꙗти, избавлꙗѭ — избавлять
избити, избиѭ — избить, убить
избывати, избываѭ — иметь в изобилии
избыти, избѫдѫ — спастись, освободиться
избытъкъ — излишек, изобилие
изьбрати, изберѫ — избрать, выбрать
извлѣшти, извлѣкѫ — извлечь
изводити, извождѫ — выводить
изгънати, изженѫ — изгнать
изгыбнѫти, изгыбнѫ — погибнуть
издалече — издалека
издаꙗти, издаѭ — израсходовать, истратить
издъхнѫти, издъхнѫ — умереть
издыхати, издыхаѭ — умирать
изити, изидѫ — выйти
излѣсти, излѣзѫ — вылезть, выйти
измрѣти, измьрѫ — вымереть
изнемошти, изнемогѫ — изнемогать
изѣсти, изѣмь — съесть

иꙁѧти, иꙁьмѫ — вынуть, избавить, спасти
иѓемонъ — управитель
имати, ѥмлѭ — взять
имѣти, имамь — иметь
имѧ — имя
инако — иначе
иноѵадь — однородный
инъ — иной
иньгда — иногда
инѫдоу — куда-либо, в другое место
ипокритъ вм. ѵпокритъ — лицемер
иродиꙗ, иродиꙗда — Иродиада
иродъ — Ирод
ис҃, ис҃ъ — Иисус
искати, иштѫ — искать
исклати, исколѭ — переколоть, перерезать
искоусити, искоушѫ — пробовать, испытывать
искоушати, искоушаѭ — искушать
испытати, испытаѭ — испытать
истешти, истекѫ — вытечь
истрьгнѫти, истрьгнѫ — вырвать, выдернуть
истѧꙁати, истѧꙁаѭ и истѧжѫ — взять обратно; спрашивать; расспрашивать
истѣлити см. исцѣлити
исходити, исхождѫ — выходить
исцѣлити, исцѣлѭ — исцелить, вылечить, оздоровить
исцѣлѣти, исцѣлѣѭ — выздороветь
и(с)тистити, и(с)тиштѫ — очистить, вычистить
исъхнѫти, исъхнѫ — высохнуть, сушить
исыпати, исыплѭ — высыпать
исѣшти, исѣкѫ — высечь
исѧкнѫти, исѧкнѫ — иссякнуть, высохнуть
ити, идѫ — идти
ицѣлити см. исцѣлити
иштеꙁнѫти (от иꙁчеꙁнѫти), иштеꙁѫ — исчезнуть, стать невидимым
иштистити (от иꙁчистити), иштиштѫ — очистить, вычистить
иштрѣва (от иꙁ чрѣва) — из чрева
иштѧдиѥ (от иꙁчѧдиѥ) — порождение

К

ц҃

к = коньць
кадити, каждѫ — кадить
каꙁати, кажѫ — показывать
како — как
каменьнъ — каменистый
камениѥ — камни; каменистая почва
камо — куда
камы, камыкъ — камень
капати, каплѭ — капать
карвана — сосуд, в который помещается в церкви денежное приношение
капетаꙁма — завеса
каꙗти сѧ, каѭ сѧ — каяться

кесаӏь — кесарь, римский император
кинъсъ, кинъсъ — подать
кладѧꙁь — колодец, источник, родник, ключ
клати, колѭ — колоть
клеврѣтъ — сотоварищ по рабству, по зависимости от господина
клепати, клеплѭ — указывать, обвинять
кликнѫти, кликнѫ — кликнуть, позвать
клицати, кличѫ — восклицать
клѧти, кльнѫ — клясть, проклинать
клѧчати, клѧчѫ — наклоняться, становиться на колени
ковьчегъ, ковьчегъ — ковчег
коꙁьлъ — козел
коꙁьлѧ — козленок
кокотъ — петух
коли — когда
колижьдо — время от времени, иногда
колико, коликоу — сколько
коликъ — который
коло — круг, колесо
коль — сколько
коль краты — сколько раз
кольми — во сколько раз более
кольми паче — тем более
коньць, конецъ — конец
корабиць — кораблик
кошь — корзина
краи — край
краниѥвъ — лобный, черепной; краниѥво мѣсто — лобное место
красти, крадѫ — красть, воровать
кратъ — раз
кратъкъ — короткий
кромѣштьн'ь, кромѣшьн'ь — крайний, внешний, наружный
кротъкъ — короткий
кръвь — кровь
кръма — корма, руль у судна
кръмчии — кормчий, рулевой
крыти, крыѭ — покрывать
крьститель — Креститель
крьстити, крьштѫ — крестить
крьстъ — крест
крьштениѥ — крещение
крѣпъкъ — сильный, здоровый
коупити, коуплѭ — купить
коуплꙗ — торговля, покупки
коуповати, коупоуѭ — покупать
коупьно — вместе
коупьць — торговец
коуръ — петух
кьгда — когда
къде — где
къжьдо — каждый
къꙁнь — кознь, вымысел, хитрость
къи, кыи — который
кънига — буква, мн. ч. — книга, писание
кънѧꙁь — князь

късьнити, къшнѭ — медлить
къто — кто
кыпѣти, кыпл҄ѭ — кипеть
кѫдоу — куда
кѫпѣль — купель

Л

ладии — ладья, лодка, корабль
лакати, лачѫ — ощущать голод, голодать
лакомъ — лакомый
лакъть — локоть
лаꙗти, лаѭ — подстерегать, выслеживать, преследовать
левьг'ить, левьћить — церковный служитель
лепько — легко
лежати, лежѫ — лежать
леоуг'ить см. левьг'ить
летѣти, лештѫ — лететь
лешти, лѧгѫ — лечь
ли — или, ли
ликовати, ликоуѭ — ликовать, радоваться
ликъ, вин. п. мн. ч. ликы — хор
лишати сѧ, лишаѭ сѧ — отставать, нуждаться в чем-либо, терпеть недостаток
лиꙗти, лѣѭ — лить
лобъꙁати, лобьжѫ — целовать
ловьць — охотник, ловец
локы — лужа
льгати, льжѫ — лгать
льжа — ложь
льгъкъ — легкий
лиꙁати, лижѫ — лизать
лѣпота — красота
лѣто — год
любо — или
любодѣи — развратник
любодѣица — блудница, распутная женщина
любы — любовь
людьскъ — народный
лють — суровый, страшный
лѫкавъ — лукавый, злой

М

маꙁати, мажѫ — мазать
маловѣръ — маловерный
маломошть — слабосильный
малъ — маленький, небольшой
мамона — богатство, мамона
межда — межа
метати, мештѫ и метаѭ — метать, бросать
милосрьдовати, милосрьдоуѭ — сжаливаться
милосрьдъ, милосрьдьнъ — милосердный
мимогрѧсти, мимогрѧдѫ — проходить, проезжать
мимоити, мимоидѫ — отойти, удалиться
минѫти, минѫ — пройти
мльнии — молния
мльчати, мльчѫ — молчать
млѣти, мелѭ — молоть
мождань — мозговой
молити, молѭ — просить, молить
мочити, мочѫ — мочить
мошти, могѫ — мочь
мошть — сила, мощь, могущество
мрькнѫти, мрькнѫ — смеркаться, темнеть
мрѣжа — сеть
мьꙁда — мзда
мьножаи — больший, более многочисленный
мьножьство — множество
мыслити, мышлѭ — думать, мыслить
мытарь — сборщик податей
мыто — пошлина
мытьница — таможня
мьгла — мгла
мьꙁдоимьць — сборщик налога
мьнии — меньший
мьнѣти, мьнѭ — думать, полагать
м(ь)рѣти, мьрѫ — умереть
мѣсто — место
мѣсѧць — месяц
мѧкъкъ — мягкий
мѧсти, мѧштѫ — смущать
мѫдръ — мудрый
мѫжь — мужчина, муж
мѫка — му́ка
мѫчити, мѫчѫ — мучить
мѵро — благовонное масло

Н

навыкнѫти, навыкнѫ — научиться
надоути сѧ, надъмѫ сѧ — надуться, распухнуть
надъмень — надменный
надѫти, надьмѫ — надуть
надѣꙗти сѧ, надѣѭ сѧ — надеяться
наемьникъ см. наимьникъ
наꙁирати, наꙁираѭ — наблюдать
наꙁьрѣти, наꙁьрѭ — проследить (взглядом)
наимьникъ — наемный работник
наипаче — больше всего
наипаче — тем более
напаꙗти, напаѭ — напоить
напитати, напитаѭ — накормить
напити сѧ, напиѭ сѧ — напиться
напльнити, напльнѭ — наполнить
напьсати, напишѫ — написать
нарешти, нарекѫ — назвать
нарицати, нарицаѭ — называть
насадити, насаждѫ — насадить, посадить
насытити, насыштѫ — насытить
насыштати, насыштаѭ — насыщать

наоучати, наоучаѭ — научать
наоучити, наоучѫ — научить
находити, нахождѫ — находить
начинати, начинаѭ — начинать
начрьтати, начрьтаѭ — начертить, нарисовать
начало — начало
начати, начьнѫ — начать
начатъкъ — начало
наємьникъ см. наимьникъ
наѩти, наимѫ — нанять
нбнꙑꙗ = небесьнꙑꙗ
небесьскъ — небесный
нбское = небесьское
небонъ — ибо, на самом деле
небрѣшти, небрѣгѫ — пренебрегать, презирать
негодовати, негодоуѭ — негодовать
негъли см. неже
недостати, недостанѫ — недостовать, испытывать недостаток в чем-либо
недѫгъ — недуг
недѫжьнъ — больной, недомогающий
неже, нежели — нежели
незълобивъ — беззлобный
неиздреченъ (от не-из-реченъ) — невысказанный, невыраженный
некъли — чтобы
немошть — слабость, бессилие
неразоумьливъ — неразумный
нести, несѫ — нести
нетьлѣниѥ — бессмертие
нечистота — невоздержанность, неумеренность
нечьстивъ — бесчестный, нечестивый
нештадьнъ — беспощадный, жестокий
ни — нет
низъврѣшти, низъврьгѫ — ниспровергать, уничтожать
низъкъ — низкий
низъходити, низъхождѫ — спускаться, нисходить
никакъже — никоим образом
никаможе — нигде
николиже — никогда
никъдеже — нигде
никъто — никто
ницати, ничѫ — пустить ростки, произрасти
ништета — нищета, бедность
ништь — нищий
носити, ношѫ — носить
ношть — ночь
ноштьнъ — ночной
нсе = небесе
нъ — но, а
нѣколи — когда-нибудь, когда-либо; наконец, с трудом
нѣкъде — где-то, где-нибудь
нѣкъто — некто
нѣкъи — некий
нѫдити, нѫждѫ — принуждать
нѫжда — нужда

О

обавати, обаваѭ — заговаривать, заклинать
обаче — однако, впрочем
обидѣти, обиждѫ — обидеть
обиновати сѧ, обиноуѭ сѧ — колебаться, недоумевать
обинѫти сѧ, обинѫ сѧ — колебаться, недоумевать
обитати, обитаѭ — пребывать, жить, обитать
обити, обидѫ — обходить кругом, покрыть
обладати, обладаѭ — обладать
облачати, облачаѭ — одевать
облобызати, облобызаѭ — целовать
обльстити, обльштѫ — обольстить
облѣшти, облѣкѫ — надевать
обрѣсти, обрѧштѫ — найти
обрѣтати, обрѣтаѭ — находить
обтешти — обежать
обоути, обоуѭ — обуть
обоуѣти, обоуѣѭ — сойти с ума
обьшть — общий
обѣсити, обѣшѫ — повесить
обѧзати, обѧжѫ — связать, завязать, обвязать
обѧти, обьмѫ — охватить
овамо — здесь
овогда — иногда, однажды
овьде — здесь
овьца — овца
овьчь — овечий
овъ, ова, ово — этот, -а, -о
овамоу — сюда
огласити, оглашѫ — огласить
оглашати, оглашаѭ — оглашать
огнь — огонь
огобьзити сѧ, огобьжѫ сѧ — дать хороший урожай, уродиться, плодоносить
одолѣти, одолѣѭ — победить
одръ — ложе, кровать, носилки
одрьжати, одрьжѫ — одержать
одѣаниѥ, одѣаньѥ — одеяние, одежда
одѣꙗниѥ см. одѣаниѥ
одѣти, одеждѫ — одеть
одѣвати, одѣѭ — одевать
оживити, оживлѭ — оживить
ожити, оживѫ — ожить
оклеветати, оклевештѫ — оклеветать
окрьсть — вокруг
окоушати, окоушаѭ — испытывать
олѣи — масло, елей
онамо — там
онъ, она, оно — тот, -а, -о
оньде, оноуде — там
онамоу — туда

опакы — назад, наоборот
оплотъ — ограда, изгородь
опрѣс(ъ)нькъ — хлеб, приготовленный без закваски
опрѣти сѧ, опьрѫ сѧ — опереться, толкать
орати, орѭ — пахать
освѣтити, освѣштѫ — осветить
освѧтити, освѧштѫ — освятить
осквьрнити, осквьрнѭ — осквернить
оскѫдѣти, оскѫдѣѭ — оскудеть
ослѣпление — ослепление
ослѣпнѫти, ослѣпнѫ — ослепнуть
оставити, оставлѭ — оставить
остати, останѫ — остаться
осьлъ — осел
осьлѧ — ослик
осѧꙁати, осѧꙁаѭ — прикоснуться, ощупать
осѫдити, осѫждѫ — осудить
отимати, отимѭ — отнимать
отирати, отираѭ — вытирать, обтирать
отити, отидѫ — отойти
отокъ — остров
отрицати сѧ, отрицаѭ сѧ — отказаться
отроковица — девочка
отрокъ — мальчик
отроча — дитя, ребенок
отъвратити, отъврашта — отвернуть, отвратить
от(ъ)врѣсти, от(ъ)врьꙁѫ — открыть, отворить
от(ъ)врьꙁати, от(ъ)врьꙁаѭ — открывать
отъврѣшти, отъврьгѫ — бросить, отвергнуть
отъвѣштати, отъвѣштаѭ — отвечать
отъдати, отъдамь — отдать
отъимати, отъемлѭ — отнять что-либо у кого-либо
открывати, открываѭ — открывать
отъкрыти, отъкрыѭ — открыть
отъкѫдоу — откуда
отълѣкъ — остаток
отълѫчити, отълѫчѫ — отлучить
отъметати, отъмештѫ — отбросить, избавить
отънѥли, отънѥлиже — с тех пор как, когда, откуда
отъпоустити, отъпоуштѫ — отпустить, отвязать
отъпоуштение — прощение, отпущение
отърешти, отърекѫ — отречься
отъринѫти, отъринѫ — отбросить, отогнать, отвергнуть
отъротьнъ — отказавшийся
отьць — отец
отьчь — отеческий
оцьтъ — уксус
очистити, очиштѫ — очистить

П

пакы — опять
памѧть — память
паничища — водоем

параскевьгии — пятница
паропсида — небольшое блюдо
пасти, падѫ — упасть
пасти, пасѫ — пасти
паче — лучше, больше, кроме
пешти, пекѫ — печь
пешти сѧ, пекѫ сѧ — заботиться, печалиться
пиръ — пир, угощение
пискати, пиштѫ — играть на свирели, на флейте
пити, пиѭ — пить
пишта — еда, пища
плакати сѧ, плачѫ сѧ — плакать
пламы — пламень
плинѫти, плинѫ — плюнуть
плоути, пловѫ — плыть
плънъ — полный
плъть — плоть
плѣвель — сорная трава
плѧсати, плѧсаѭ и плѧшѫ — плясать
побъдѣти, побъждѫ — бодрствовать
поврѣшти, поврьгѫ — бросить
повѣдати, повѣдаѭ — сообщать, рассказывать
повѣдѣти, повѣмь — сообщить, рассказать
поганъ — язычник
погре(с)ти, погребѫ — похоронить, зарыть
погрѣбати, погребаѭ — погребать
погрѧꙁнѫти, погрѧꙁнѫ — потонуть, погрязнуть
погоубити, погоублѭ — погубить
погыбнѫти, погыбнѫ — погибать
погыбѣль — погибель
подати, подамь — подать
подвигнѫти, подвигнѫ — раздвинуть, подвинуть
подвиꙁати сѧ, подвиꙁаѭ сѧ — подвязаться, бороться
подобьнъ — достойный, подобный
подклонити, подъклонѭ — дать приют, принять под свой кров
пожрѣти, пожьрѫ — пожрать, поглотить
поꙁдѣ — поздно вечером
поꙁовати, поꙁоваѭ — съедать, поклевать (о птицах)
поꙁоръ — зрелище
поꙁьрѣти, поꙁьрѭ — посмотреть, взглянуть
поимати, поемлѭ — брать
поимати женѫ — жениться
поискати, поиштѫ — поискать
поити, поѭ — поить
покоити, покоѭ — успокаивать
покывати, покываѭ — кивать
положити, положѫ — положить
полоуношти — в полночь
полъ — берег, половина
поманѫти, поманѫ — сделать знак
помошти, помогѫ — помочь
помѣтати, помѣтаѭ — бросить, кинуть

понѥ — потому что, хотя, по крайней мере
понѥже — с тех пор как
поносити, поношѫ — укорять, упрекать
попьрати, поперѫ — попрать
попьриште — верста, миля
поразити, поражѫ — поразить
порешти, порекѫ — назначить, упрекнуть, оскорбить
послоушати, послоушаѭ — слушать, выслушивать
послѣди, послѣдь — после
послѣжде — после, позднее, потом
посрамити, посрамлѭ — посрамить, опозорить
посѣшти, посѣкѫ — отсечь, отрубить
потрѧсти, потрѧсѫ — потрясти, растрясти
почисти, почьтѫ — почтить
почитати, почитаѭ — почитать
почити, почиѭ — успокоиться, предаться отдыху; умереть
почрѣти, почрьпѫ — почерпнуть
поꙗти, поимѫ — взять
правьдьнъ, праведенъ — праведный, правдивый
правьда — правда
праздьнъ — праздный, пустой
прати, порѭ — пороть
привлачити, привлачѫ — притаскивать
привлѣшти, привлѣкѫ — привлечь
привѧзати, привѧзаѭ — привязать
пригваждати, пригваждаѭ — пригвождать
пригвоздити, пригвождѫ — пригвоздить
призьрѣти, призьрѭ — обратить внимание, позаботиться
примати, приѥмлѭ — принимать
приключаи — случай, случайность; по приключаю — случайно
прикоснѫти сѧ, прикоснѫ сѧ — прикоснуться, дотронуться
прилежати, прилежѫ — стараться, заботиться
прилешти, прилѧгѫ — прилечь
прилепити сѧ — прилепиться
принести, принесѫ — принести
приникънѫти, приникнѫ — приникнуть
приобрѣсти, приобрѧштѫ — приобрести
присвѧнѫти, присвѧдѫ — вянуть (от жары)
пристѫпити, пристѫплѭ — приступить, подойти
присно — всегда, постоянно, вечно
присѣдѣти, присѣждѫ — сесть около кого-нибудь, присесть
прити, придѫ — прийти
притьча — короткий рассказ с поучительным или нравоучительным содержанием, иносказание
приꙗти, приимѫ — принять, взять
пробости, прободѫ — проколоть, пронзить
прогънати, проженѫ — прогнать
продати, продамь — продать
продаꙗти, продаѭ — продавать
прозьрѣти, прозьрѭ — прозреть
прозѧбати, прозѧбаѭ — прорасти, взойти, дать ростки
прозѧбнѫти, прозѧбнѫ — прорастать, всходить
прокаженъ — прокаженный, больной проказой
проклѧти, прокльнѫ — проклясть
пропѧти, пропьнѫ — распять
прорешти, прорекѫ — предсказать
прорицати, прорицаѭ — предсказывать, пророчествовать
просити, прошѫ — просить
прострѣти, простьрѫ — растянуть, простереть, протянуть
противѫ — против
прркъ, пркъ, пррвъ = пророкъ
прьвъ — первый
прьси — груди
прьсть — перст, палец
прѣдати, прѣдамь — предать
прѣдаꙗти, прѣдаѭ — предавать
прѣдѣлъ — граница
прѣльстити, прѣльштѫ — прельстить
прѣполовити, прѣполовлѭ — делить пополам, наполовину
прѣрѣкати, прѣрѣкаѭ — упрекнуть, возразить
прѣстати, прѣстанѫ — перестать, прекратить
прѣстѫпити, прѣстѫплѭ — идти, проходить мимо
прѣтешти, прѣтекѫ — перейти, перебежать
прѣтити, прѣштѫ — запрещать, препятствовать
прѧдати, прѧдаѭ — прыгать, скакать
поусть — пустой
поуштеница — разведенная жена
пьрати, перѫ — давить, мять
пьрѣти сѧ, перѫ сѧ — спорить, состязаться
пьсати, пишѫ — писать
пьсъ — собака, пес
пѣнѧѕь — серебряная римская монета
пѣнѧжьникъ — 1) меняла, разменивающий деньги; 2) меняльный стол
пѣти, поѭ — петь
пѧтькъ — пятница
пѧть — пять
пѫто — путы, оковы
пѫть — путь, дорога
пѫчина — бездна, морская глубина

р

раба — рабыня, слуга
работати, рѫботаѭ — служить в качестве раба
рабъ — раб, слуга

рабꙑни — рабыня, слуга
рав(ь)ви — из др.-еврейского „мой учитель“
равьнъ — ровный, одинаковый
ради — ради, для
разврьзати, разврьзаѭ — раскрывать, развертывать
развръсти, разврьзѫ — раскрыть, развернуть
развѣ — кроме
раздроушение — разрушение
раздрѣшити, раздрѣшѫ — освободить, развязать
раздѣлити, раздѣлѭ — разделить
разлѫчати, разлѫчаѭ — разлучить
размꙑшлꙗти, размꙑшлꙗѭ — размышлять
разорити, разорѭ — разорить, разрушить
рало — плуг, лемех, соха
рама — г. Рама
рамо — плечо
рана — болезнь, недуг, наказание
раскаꙗти сꙗ, раскаѭ сꙗ — раскаиться
распꙗти, распьнѫ — распять
распѫтие — дорога, улица, скрещивание дорог
растачати, растачаѭ — растрачивать, рассеивать
расточити, расточѫ — растратить, рассеить
растрьгнѫти, растрьгнѫ — разорвать
растрьзати, растрьзаѭ — растерзать, разорвать
расхꙑтити, расхꙑштѫ — разграбить, ограбить
раширꙗти, раширꙗѭ — расширять
раштисти (от расчисти), раштьтѫ — считать
решти, рекѫ — сказать
риза — платье, верхнее платье, одежда
рикати, рикаѭ — реветь, рычать
ринѫти, ринѫ — бросить, толкнуть
ровъ — ров, могила
родити, рождѫ — родить
рождие — ветви, розги
рожьць, рожець — уменьшительное от рогъ
рьпьтъ — ропот
рꙑбарь — рыбак
рꙑдати, рꙑдаѭ — рыдать, плакать
рѣзати, рѣжѫ — резать, сечь
рѣс(ь)нота — истина
рѫгати сꙗ, рѫгаѭ сꙗ — насмехаться над кем-либо
рѫка — рука

С

садити, саждѫ — садить, сажать
самарꙗнинъ — самарянин
само — только
сапогъ — обувь, сандалия
свекры — свекровь
свинии — свинья
свѣтити, свѣштѫ — светить
свѣтьлъ — светлый
свѣшта — свеча
свѣштьникъ — подсвечник
свꙗтити, свꙗштѫ — святить
свꙗтъ — святой
се — вот
седмь — семь
село — поле, нива
сельнъ — полевой, сельский
сикъ — такой
сице — так
сиць — такой
сиꙗти, сиꙗѭ — сиять
скандалъ — соблазн, искушение
сквозѣ — сквозь
скврьна — нечисть, мерзость
скотъ — домашний скот
скрьбь — скорбь
скрьжьтъ — скрежет
скѫдьльникъ, скѫдельникъ — горшечник, гончар
скѫдьльниковъ — гончарный, керамический
славити, славлѭ — славить
славьнъ — славный
слоужити, слоужѫ — служить
слоути, словѫ — слыть
слоухъ — молва, слух
сльньце — солнце
сльза — слеза
слꙑшати, слꙑшѫ — слущать
смоковьница — смоковница, фиговое дерево
сокачии — повар
соньмиште — см. сьньмиште
срамити, срамлѭ — срамить, позорить
срамота — посрамление, позор
срьдьце — сердце
старѣишина — первый, главный, глава
старьць — старик
стати, станѫ — устоять, остаться на месте
страдати, страждѫ — страдать, лишаться
страньнъ — чужой
страна — страна, область, земля
строение — управление
стрѣшти, стрѣгѫ — стеречь, сторожить
стоуденьць — колодец
стоудъ — стыд
стьгна, стьгна — узкая улица, переулок
стꙑдѣти сꙗ, стꙑждѫ сꙗ — стыдиться
стьза — стезя, дорожка
стькльница — чаша
соуи — тщетный
сьбирати, сьбираѭ — собирать
сьблажнꙗти сꙗ, сьблажнꙗѭ сꙗ — соблазняться, возмущаться
сьблазнити, сьблажнѭ — соблазнить
сьбꙑти сꙗ, сьбѫдѫ сꙗ — сбыться, осуществиться, исполниться

съврати, съберѫ — собрать
съвлѣшти, съвлѣкѫ — снять, раздеть
съвѣсть — совесть, сознание
съвѣть — совет, совещание
съвѣштати, съвѣштаѭ — посоветоваться, сговориться
съвѧӟати, съвѧӟаѭ — связать
съдравъ — здоровый
съжешти, съжегѫ — сжечь
съӟъвати, съӟовѫ — созвать
съӟывати, съӟываѭ — созывать
съӟьдати, съӟиждѫ — построить
сълаӟити, сълажѫ — спускаться
сълѧкъ — сгорбленный, скорченный
съмотрити, смотрѭ — смотреть
съмрьть — смерть
съмѧсти сѧ, съмѧтѫ сѧ — смутиться
сънити, сънидѫ — сойти, спуститься
сънъ — сон
сънъмиште — место собрания
сънъмъ — собрание, сбор
сънѣдь — пища
сънѧти, сънъмѫ — снять
сърѣсти, сърѧштѫ — встретить
сътворити, сътворѭ — сделать
съто — сто
сътořица — сотня
сътѧжати, сътѧжѫ — приобрести, добыть
сътѧѕати сѧ, сътѧѕѫ сѧ — спорить
сътѫжати, сътѫжаѭ — надоедать, быть в тягость
сътѫжити, сътѫжѫ — мучить, угнетать
съхнѫти, съхнѫ — сохнуть
съходити, схождѫ — спускаться
сь, си, се — этот, -а, -о
сьде — здесь
съмрьтьнъ — смертный
сѣдалиште — место сидения
сѣдѣти, сѣждѫ — сидеть
сѣмо — сюда
сѣмѧ — семя
сѣнь — тень
сѣсти, сѧдѫ — сесть
сѣть — сеть
сѣшти, сѣкѫ — сечь, рубить
сѣꙗти, сѣѭ — сеять
сѫдии — судья
сѫдити, сѫждѫ — судить
сѫдъ — суд
сѫпрѧгъ — упряжь, пара волов в одной упряжи; супруг, муж
сѫпрь — противник
сѫсѣдъ — сосед
сѫтьцъ — сучек

та — и так
тако — так
такъ — такой
такъжде, тaкожде — так же
таланъть — вес и определенная монета у древних греков и римлян
тамо — там
тать — вор
тварь — создание
творити, творѭ — делить
творьць — творец
трьдъ — твердый, сильный, здоровый
те — и
тельць — теленок, бычок, молодое животное
тети, тепѫ — бить, колотить
тешти, текѫ — течь, бежать
тлъкнѫти, тлъкнѫ — толкнуть
тлѣшти, тлъкѫ — толкать, стучать, ударять
тольма — столько
точило — корыто, чан, в котором выжимают виноград
точити, точѫ — наливать, источать
трие, трьи — три
трьгъ — базар
трьжиште — торговое место, рынок; собрание
трьжьникъ — торговец
трьние — терновник
трьнъ — терн, колючка
трьѕати, трьѕаѭ — терзать, рвать
трьпѣти, трьплѭ — терпеть
трѣбовати, трѣбоуѭ — требовать
трѣва и трава — трава
трѣзвъ — трезвый
трѧсавица — дрожь, лихорадка
трѧсти, трѧсѫ — трясти
трѫсъ — сотрясение, землетрясение
тоу — здесь, там
тоуждь — чужой
ть, та, то — этот, -а, -о
тъгда — тогда
тъкъмо — только
тьма — десять тысяч, громадное количество
тьшта — теща
тысашта, тысѫшта — тысяча
тьма — тьма
тѣмь же — следовательно
тѣма — темя
тѧгота — тяжесть
тѧжькъ — тяжелый
тѫдоу, тѫдѣ — туда

Оу

оубивати, оубиваѭ — убивать
оубиица — убийца
оубити, оубиѭ — убить
оубиꙗти, оубиѭ — убивать
оубо — же, итак, ведь, пото

оубогъ — бедный, убогий
оуброусъ — платок
оуврѣсти, оуврьꙁѫ — открыть, приоткрыть
оувѣдѣти, оувѣмь — узнать
оувѣрити, оувѣрѭ — уверить, убедить
оугаждати, оугаждаѭ — угождать кому-либо
оугасати, оугасаѭ — угасать
оугасити, оугашѫ — угасить
оугаснѫти, оугаснѫ — угаснуть
оугльбнѫти, оугльбнѫ — погрузиться, увязнуть
оугобьѕити сѧ, оугобьжѫ сѧ — получить хороший урожай, плодоносить
оугодити, оугождѫ — угодить
оуготовати, оуготоваѭ — приготовлять что-либо для кого-либо
оуготовити, оуготовлѭ — приготовить что-либо для кого-либо
оудобь — удобно, легко
оудобьнъ — удобный, легкий
оудрьжати, оудрьжѫ — удержать
оудъ — член
оужасть — ужас
оуже — уже
оуꙁьрѣти, оуꙁьрѭ — увидеть
оукаꙁати, оукажѫ — указать
оукротити, оукроштѫ — укротить, смирить, успокоить
оукроухъ — кусок, крошка
оукрыти, оукрыѭ — укрыть, скрыть
оулешти, оулѧгѫ — стихнуть, успокоиться
оумастити, оумаштѫ — намазать
оумльчати, оумльчѫ — замолчать
оумрѣти, оумьрѫ — умирать
оумрѣтиѥ — смерть
оуность вместо юность
оуорѫжити, оуорѫжѫ — вооружить
оуподобити, оуподоблѭ — уподобить
оупьвати, оупьваѭ — уповать
оурѣꙁати, оурѣжѫ — отрезать
оусрьдиѥ, оусрьдьѥ — усердие
оуста — рот
оустрьмити сѧ, оустрьмлѭ сѧ — устремиться
оустьна — губа
оусьнѫти, оусьнѫ — уснуть
оусьхнѫти, оусьхнѫ — засохнуть
оусѣкнѫти, оусѣкнѫ — отсечь, отрубить; погубить
оусѫдити, оусѫждѫ — положить в гроб (мертвеца)
оусѫмьнѣти сѧ, оусѫмьнѫ сѧ — усомниться
оутапати, оутапаѭ — утопать, тонуть
оутети, оутепѫ — убить
оутопити, оутоплѭ — утопить
оутро — утро
оутрѣ — завтра
оучити, оучѫ — учить
оушидь — беглец, беглый раб
оуꙗꙁвити, оуꙗꙁвлѭ — уязвить, нанести рану

Ф

фарисеи, фарисѣи — фарисей (так назывались сторонники религиозно-политической партии в древней Иудее, представлявшие интересы зажиточных слоев городского населения и отличавшиеся фанатизмом и лицемерным исполнением правил наружного благочестия)

Х

халѫга — изгородь, ограда
хвала — хвала, похвала, награда
хвалити, хвалѭ — хвалить
ходатаи — посредник, заступник, ходатай
ходити, хождѫ — ходить
хотѣти, хоштѫ — хотеть
храмина — дом, помещение, жилище, здание
храмъ — дом
хриꙁма — благовонное масло
хромъ — хромой
хоулити, хоулѭ — клеветать, злословить, ругать
хс҃ = Хрьстосъ
хытрость — искусство, умение, мастерство
хыштениѥ — грабеж, ограбление

Ц

цвисти, цвьтѫ — цвести
цр҃къ = цѣсарьскъ
цр҃кы — церковь
цр҃ь = цѣсарь
цр҃ство = цѣсарьство
цѣлити, цѣлѭ — лечить, врачевать
цѣлованиѥ — приветствие
цѣлъ — здоровый
цѣсарь — государь, царь
цѣсарьствиѥ — царство

Ч

часъ — час
чаша — чаша
чаꙗти, чаѭ — ожидать; надеяться
чии — чей
чисмѧ — число
чисти, чьтѫ — считать
чл҃къ = чловѣкъ
чрьвь — червь
чрьнъ — черный
чрьта — черта
чрѣво — живот, чрево, желудок

чоудити сѧ, чоуждѫ сѧ — удивляться
чоути, чоуѭ — слышать
чьто, чьто — что
чьсть — честь
чюдити сѧ см. чоудити сѧ
чюти см. чоути
чѧдо — дитя, ребенок
чѧсть — часть, доля

Ш, ШТ (Щ)

шити, шиѭ — шить
штедрота — щедрость
штоуждь — чужой
штѧдѣти, штѧждѫ — щадить, беречь
шоуи — левый
шоуица — левая рука
шюи см. шоуи
шюица см. шоуица

Ю

юже см. оуже
юность — молодость, юность
юнъ — молодой
юньць — бычок, молодой вол
ютро см. оутро

Ꙗ (Ѣ)

ꙗвити, ꙗвлѭ — явить
ꙗвити сѧ, ꙗвлѭ сѧ — явиться
ꙗдь — еда
ꙗдьца — обжора
ꙗзва — рана
ꙗзвенъ — уязвленный
ꙗзвити, ꙗжвлѭ — ранить
ꙗзвьвинъ — убитый, раненый
ꙗко, ако — потому что, что, тогда, так что, как
ꙗковъ — какой
ꙗкоже — как, как-то
ꙗкъ — какой
ꙗрость — гнев, ярость
ꙗсти, ꙗмь — есть
ꙗхати, ꙗдѫ — ехать
ꙗште см. аште

Ѥ

ѥгда — когда
ѥда — не, чтобы не
ѥдинъ — один
ѥдьва — едва
ѥже — что касается
ѥзеро — озеро
ѥлико — сколько
ѥликъ — который
ѥль краты — сколько раз, что
ѥлѣ — почти
ѥмати (вм. имати), ѥмлѭ — брать
ѥтеръ — некто, некоторый
ѥште — еще

Ѧ

Ѩдро — быстро, скоро
ѩѕа, ѩза — болезнь, недуг, слабость
ѩзыкъ — язык, народ
ѩзычьнъ — языческий, народный
ѩти, имѫ — взять
ѩтры — жена брата мужа
ѩчьмень — ячмень

Ѫ

ѫгль — угол
ѫдоу — откуда
ѫже — цепь, окопы
ѫжика — родственник (близкий)
ѫзькъ — узкий
ѫтроба — утроба
ѫтрь — внутри
ѫтрьнь — внутренний
ѫтрьѭдоу — внутрь

Ѭ

ѭдоуже — откуда

Ѵ

ѵпокрить — лицемер
ѵпостась — сущность, существо, материя, вещество, субстанция
ѵтро см. оутро

ЛИТЕРАТУРА

А. Вайан, Руководство по старославянскому языку. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1952.

Н. Ван-Вейк, История старославянского языка. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1957.

В. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915.

Сб. „Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков". Изд-во АН СССР, М., 1956.

Э. Георгиев, Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. Изд-во Болгарской Академии наук, София, 1952.

Э. Георгиев, Основные вопросы возникновения старославянской (староболгарской) литературы и старославянского (староболгарского) литературного языка. См. сб. „Славянская филология", т. I. изд-во АН СССР, 1958.

Е. Э. Гранстрем, О происхождении глаголической азбуки. См. Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, т. XI, 1955.

P. Diels, Altkirchenslavische grammatik, 1—2. Heidelberg, 1932—1934.

A. Dostál, Studie o vidovém systému v staroslověnštině. Praha, 1954

С. М. Кульбакин, Древнецерковнославянский язык. Изд. 3-е, Харьков, 1917.

П. А. Лавров, Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.

А. Лескин, Грамматика древнерусского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915 г.

T. Lehr-Spławiński, Zarys gramatiki języka sfarocerkiewno-słowiańskiego. Kraków, 1949.

H. G. Lant, Old church slavonic Grammar. Mouton, 1955.

А. Мейе. Общеславянский язык. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1951.

B. Rozenkranz, Historische Laut und Formenlehre des Altbulgarischen (Altkirchenslavischen). Heidelberg, 1955.

А. М. Селищев, Старославянский язык. ч. I., Введение. Фонетика. 1951. Ч. II. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1952.

А. М. Селищев, Славянское языкознание, т. Учпедгиз М., 1941.

N. Trubetzkoy, Altkirchenslavische Sprache. Wien, 1933.

Л. В. Черепнин, Русская палеография. Госполитиздат, М., 1956.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МОРФОЛОГИЯ

Нина Максимовна Елкина
СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Редакторы *В В Иванов* и *Г П Смолицкая*
Художник *И Д Кричевский*
Художественный редактор *Б М Кисин*
Техн редактор *Н П Цирульницкий*
Корректор *В М Фомичева*

* * *

Сдано в набор 30/V 1959 г. Подписано к печати 11/I 1960 г $60 \times 92^1/_{16}$ Печ л. 14 Уч.-изд л 13,89 Тираж 17 тыс. экз. А-01813.

* * *

Учпедгиз Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41

Ленинградский Совет народного хозяйства Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 „Печатный Двор" им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Заказ № 1194.

Цена без переплета 2 руб 80 коп, переплет 1 р 50 к.